Цена 1 руб. 50 к.

Издательство „ПРАВДА“ и „БЕДНОТА“
МОСКВА, 9, Тверская, 48.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1929 год

на ежемесячный философский и общественно-эконом. журнал

„Под Знаменем Марксизма“

8-й год издания.

Журнал выходит под редакцией: А. М. ДЕБОРИНА, А. А. МАКСИМОВА, М. Н. ПОКРОВСКОГО, Я. Э. СТЭНА, А. К. ТИМИРЯЗЕВА.

Отв. редактор А. М. ДЕБОРИН.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» имеет перед собою задачу защиты ортодоксального диалектического материализма Маркса и Ленина от извращений идеализма и оппортунизма, откуда бы они ни исходили.

В своей статье, ставшей для журнала программной, В. И. ЛЕНИН подчеркивал боевое для дела революции значение поставленных перед журналом задач и его величайшую важность, как идейного проводника воинствующего материализма.

В наши дни, когда к этим намеченным В. И. Лениным задачам журнала прибавилась, как важнейшая задача—борьба с ревизией теоретических основ марксизма и ленинизма, значение журнала выросло еще более.

В журнале принимают участие видные марксисты, коммунисты и беспартийные ученые материалисты.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, актуальные проблемы философии диалектического материализма, история материализма, современные течения философской мысли, исторический материализм, статьи по вопросам теоретической экономии, статьи по теории советского хозяйства, история социализма, вопросы литературы и искусства в материалистическом освещении, психология и марксизм, диалектика и естествознание, дискуссионный отдел, критика и библиография, отдел переписки с читателями, сообщения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 1 мес.	1 р. 50 к.
» 3 »	4 р. 25 к.
» 6 »	8 р. — к.
» 12 »	15 р. — к.

Цена отдельн. номера—1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в Главной Конторе Издательства «Правда» и «Беднота» (Москва, 9, Тверская, 48) и во всех провинциальных отделениях и представительствах «Правды».

Государств. Центральная Библиотека Международного Книгообмена Палата

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2—3

ФЕВРАЛЬ—МАРТ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“
МОСКВА — 1-9-2-9

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Ник. КАРЕВ. — Л. Аксельрод на пути от материализма к позитивизму (окончание) . . 1

И. ВИТТФОГЕЛЬ. — Геополитика, географический материализм и марксизм 16

Н. ЦАГОЛОВ. — К пониманию марксовой теории кризисов 43

ВЛ. ДУНАЕВСКИЙ. — Закон трудовой стоимости при капитализме в „Очерках“ И. Рубина 67

В. ПОГОНКИН. — О пределах морального снашивания в хозяйстве капиталистическом и в хозяйстве социалистическом 92

Ц. ФРИДЛЯНД. — О борьбе за марксистскую историческую науку в СССР. 101

Я. ЗАХЕР. — Конец Жака Ру. 113

С. ГОРЛОВСКИЙ. — Борьба течений в германской с.-д. в первые годы эпохи исключительных законов (1878 — 1882) (окончание) 130

В. ГРИБ. — О принципах построения марксистской эстетики (О статье т. Зивельчинской) 154

В. БОРОВСКИЙ. — Роль инстинктов в поведении человека 183

А. МАКСИМОВ. — Предисловие к статье Вальдена 199

П. ВАЛЬДЕН. — Значение вёлеровского синтеза мочевины 203

З. ЦЕЙТЛИН. — Внутреннее строение звезд 226

Критика и библиография.

З. АТЛАС. — И. А. Трахтенберг. — Современный кредит и его организация. Ч. 1. Теория кредита 238

В. БАЛИХ. — Dr. Willy Hirsch. Grenznutzentheorie und Geldwerttheorie. Jena. 1928 . . 242

А. ОСТРЕЦОВ. — Труды секции теории и методологии. Институт археологии и искусствознания. Вып. II. 252

М. ЛЕОНОВИЧ. — „La Revue Marxiste“, № I, 1929. Paris. 255

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

ФЕВРАЛЬ—МАРТ № 2—3 1929

СОДЕРЖАНИЕ.

Ник. Карев. Л. Аксельрод на пути от материализма к позитивизму (окончание) (1). *К. Виттфогель.* Геополитика, географический материализм и марксизм (16). *И. Цаголов.* — К пониманию марксовой теории кризисов (43). *Вл. Дунаевский.* Закон трудовой стоимости при капитализме в „Очерках“ И. Рубина (67). *В. Погонкин.* — О пределах морального снашивания в хозяйстве капиталистическом и в хозяйстве социалистическом (92). *Ц. Фридлянд.* — О борьбе за марксистскую историческую науку в СССР (101). *Я. Захер.* — Конец Жака Ру (113). *С. Горловский.* — Борьба течений в германской с.-д. в первые годы эпохи исключительных законов (1878—1882) (окончание) (130). *В. Гриб.* — О принципах построения марксистской эстетики (О статье т. Зивельчинской) (154). *В. Боровский.* — Роль инстинктов в поведении человека (183). *А. Максимов.* — Предисловие к статье Вальдена (199). *П. Вальден.* — Значение вёлеровского синтеза мочевины (203). *З. Цейтлин.* — Внутреннее строение звезд (226). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. *З. Атлас*—И. А. Трахтенберг. — Современный кредит и его организация. Ч. 1. Теория кредита (238). *В. Балихов.* — Dr. Willy Hirsch. Grenznutzentheorie und Geldwerttheorie. Jena 1928 (242). А. Острецов.—Труды секции теории и методологии. Институт археологии и искусствознания. Вып. II (252) *М. Леонович.*—„La Revue Marxiste“, № 1, 1929. Paris (255).

Л. Аксельрод на пути от материализма к позитивизму.

(Окончание) [1].

Ник. Карев.

V.

Итак, мы пришли к заключению, что наиболее точной характеристикой отношения содержания нашего сознания к бытию является утверждение, что сознание отражает бытие. Наши ощущения и возникающие на основе их представления дают нам непосредственные отражения действующих на наши органы чувств об'ектов материального мира, их «неточные копии» или «зеркальные отображения»; наши же понятия представляют опосредствованные всей нашей мыслительной деятельностью и практикой отражения тех общих свойств, сторон, законов движения и отношений вещей, которые мы открываем в окружающем нас мире.

Ошибка Л. Аксельрод, выступающей против «теории отражения», заключается, как мы выяснили, в том, что она отрицает как то, что наши ощущения дают нам «образы» или «копии» реальных предметов, так и то, что наши понятия являются умственными отображениями того общего, что есть в самих вещах и процессах природы.

Уже эта ошибка представляет собой несомненный шаг назад от материализма к кантианству и агностицизму. Однако всякая ошибка имеет свою

[1] См. «Под Знам. Маркс.» № 9—10 за 1928 г.

логику. Мыслитель-классик отличается при этом от эпигона тем, что он извлекает все выводы из выдвинутого им принципа, в то время как эпигон, стремясь соединить несоединимое, беспомощен даже в самой постановке проблемы.

Агностицизм, неразрывно связанный с «чистым эмпиризмом», также имеет свою логику. Классическим представителем его в истории философской мысли был Давид Юм. Естественно, что, оказавшись не в состоянии правильно разрешить общий вопрос об отношении диалектического материализма к эмпиризму, Л. Аксельрод оказывается беспомощной и пред лицом основных положений философского учения Юма.

Став на путь отрицания об'ективной значимости общих понятий, Л. Аксельрод необходимо должна была прийти к вопросу о том, на что же мы опираемся в нашем познании, когда устанавливаем те или другие причинные зависимости и законы природы. Юму же в истории философии принадлежит заслуга наиболее последовательной критики понятия причинности именно с точки зрения «чистого эмпиризма».

На стр. 229—230 Л. Аксельрод приводит цитату из «Диалектики природы», в которой Энгельс, трактуя специально о причинности, указывает, что лишь благодаря своей деятельности человек создает представление о причинных связях между вещами и что лишь деятельность же дает нам возможность проверки устанавливаемых нами причинных зависимостей. При этом Энгельс замечает, что на основе одного лишь наблюдения правильного чередования известных явлений мы хотя и можем приобрести представление о причинности, но без практической проверки мы не можем дать ему настоящего доказательства, «и в этом смысле Юм со своим скептицизмом был прав, когда говорил, что правильно повторяющееся post hoc никогда не может обосновать propter hoc».

Исходя из этого замечания Энгельса, Л. Аксельрод, указав на значение момента деятельности в диалектическом материализме, во-первых, делает вывод, что в вопросе о причинности «Энгельс исходит из скептицизма Юма», во-вторых же, предпринимает со своей стороны попытку теоретического опровержения того утверждения Юма, согласно которому убеждение в повторяемости связи между явлениями есть следствие веры.

В обоих случаях, однако, по отношению к рассуждениям Л. Аксельрод оказывается вполне применимой старая поговорка: «шел в дверь, попал в другую».

В самом деле. Как критикует Л. Аксельрод Юма?

Юм утверждает, что свойственное нам убеждение в том, что отмечаемые нами связи между явлениями повторяются, есть результат привычки или веры.

Как возражает ему Л. Аксельрод? Л. Аксельрод утверждает, что ссылка Юма на привычку в гносеологических вопросах неправомерна, так как «скрывает в себе смешение проверенного опыта с непроверенным опытом, при чем на основании непроверенного опыта, т.-е. привычки, опровергается теоретическая возможность обоснования научного опыта». «Юм и последователи его скептицизма отвергают возможность подлинной об'ективной причинности

на основании существующих фантастических связей явлений, предполагая в то же время скрытым образом отвергаемую им действительную причинность». «Неверно, что все прошедшее состоит сплошь и исключительно из прошедших моментов, Всякий прошедший момент был в свое время и будущим моментом. Накопление опытов прошедшего, каждый из которых был и будущим, создает уверенность в повторении. И чем больше количество опытов, тем сильнее эта уверенность в повторении данных связей явлений в будущем» [1]).

Критика эта удивительна своей теоретической беспомощностью. Л. Аксельрод, находясь в состоянии умственной аберрации, не замечает, что крылья ее критики вместо того, чтобы подтолкнуть вперед «теоретическое обоснование всеобщности и необходимости на материалистическом фундаменте», на самом деле вертятся впустую.

Действительно, к чему сводятся аргументы Л. Аксельрод? Она, следуя Юму, исходит из факта наличия у нас психологической уверенности в повторяемости связей между явлениями. Юм утверждает, что эта уверенность не гарантирует нам всеобщности и необходимости, т.-е. об'ективности связи. Что отвечает ему Аксельрод?—Что наличие в нас уверенности, возникающей на основе непроверенного опыта и фиксирования фантастических связей между явлениями, не исключает, а предполагает научный опыт, устанавливающий их действительные причинные зависимости. Но разве критика Юма исчерпывалась указанием на наличие неправильных представлений о связи между явлениями в нашем сознании? Если бы этим исчерпывалась критика Юма, то он вряд ли играл бы хоть какую-нибудь роль в истории философии. На самом деле Юм подверг критике понятие причинности на основании того, что вообще оно покоится лишь на психологической уверенности в повторяемости связей между явлениями природы. Юм стремился показать, что, поскольку мы исходим лишь из этой психологической уверенности и не покидаем почвы опыта,—мы не можем говорить об об'ективности понятия причинной зависимости, так как, не сходя с почвы опыта, кроме этой уверенности, мы ничего обнаружить в нем не можем. Л. Аксельрод, когда-то так хорошо критиковавшая юмистов, не замечает теперь, в чем заключается сама проблема, поставленная Юмом. Дело, конечно, вовсе не в количестве опытов, увеличивающих или уменьшающих нашу уверенность, а прежде всего в понимании того, что представляет само содержание опыта. И теоретически опровергнуть Юма можно, лишь преодолев его психологизм, чистый эмпиризм. Поэтому Энгельс в «Диалектике природы», которая—можно теперь сказать это вполне об'ективно—осталась для Л. Аксельрод книгой за семью печатями, и пишет, что «чистый эмпиризм не способен опровергнуть спиритуалистов» [2]). И, конечно же, Энгельс не исходит из скептицизма Юма ни в постановке проблемы причинности, ни, тем более, в решении ее. Энгельс

[1]) Л. Аксельрод, В защиту диалектического материализма, ГИЗ, 1928 г., стр. 225.

[2]) Ф. Энгельс, Диалектика природы,—Архив, кн. II, стр. 121.

указывает, что Юм был бы прав, если бы мы не отказались от понимания опыта, лишь как простого чередования явлений, нами воспринимаемых, т.-е. если бы мы оставались на почве чистого эмпиризма. Но на самом деле в человеческой деятельности имеет место не только фиксирование простого чередования воспринимаемых нами явлений, а и воздействие на них, эксперимент, предвидение результата действия. И в этом случае эмпирик не может уже сказать, что из прошлого опыта не следует еще, что не повторится то же самое и в будущем. Таково теоретико-познавательное содержание положений Энгельса, а вместе с тем и всей диалектико-материалистической критики юмовского скептицизма.

Диалектический материализм отвергает тот отрыв опыта от об'екта, который имеет место у Юма. В этом—суть дела. В опыте, служащем источником нашего познания, мы имеем единство об'екта и суб'екта. Л. Аксельрод единство суб'екта и об'екта понимает лишь как их единство в представлении [1]). На самом же деле, кроме единства суб'екта и об'екта, данного в форме одной из противоположностей — в представлении суб'екта, диалектический материализм утверждает также единство суб'екта и об'екта и в форме другой противоположности—в предметной материальной деятельности. И именно только эта точка зрения на единство суб'екта и об'екта исключает махизм и вместе с тем дает необходимое обоснование возможности познания об'ективного мира.

Поэтому опыт, понимаемый как предметная материальная деятельность суб'екта, ничего общего не имеет с тем пониманием опыта, которому следует «чистый эмпирик» Юм.

Именно предметная, материальная деятельность является исходным пунктом нашего познания, ключом к разрешению всех проблем материалистической гносеологии.

Человек в своей предметной деятельности достигает определенных целей, лишь поскольку он предвидит результат своего труда, лишь поскольку он опирается на открываемые им в окружающей его природе действительные соотношения между ее предметами. Как возможно само это предвидение?

Если бы предметы и явления природы, с которыми он соприкасается, представляли собой нечто абсолютно-индивидуальное, единичное, неповторимое, не заключали в себе ничего общего с другими предметами и явлениями, то такое предвидение было бы невозможно. Оно было бы невозможно и если бы человек не мог выделять этого общего из данного ему в опыте содержания.

Не трудно показать, что в признании такой принципиальной гетерогенности, несоизмеримости данных опыта, коренятся в значительной степени и юмовский феноменализм, и почти вся его критика понятия причинности.

Если создаваемые нами общие понятия не могут ни в каком случае рассматриваться, как отражения реальной общности того, что дается нам в нашем опыте, то единство самого опыта можно представить себе, либо лишь

[1]) Ср. ее возражения по этому поводу А. М. Деборину на стр. 90—91.

как результат деятельности трансцендентального суб'екта, как у Канта, либо лишь как эмпирически данное единство нашего психического «я», как у Юма. Законы, формулируемые различными науками, мы должны тогда также, чтобы об'яснить самую их возможность, об'явить не тем, что природа открывает нам, а тем, что мы диктуем природе. Но именно эта точка зрения и представляет прямую противоположность материалистической теории познания.

Уже исходным пунктом всех рассуждений Юма о понятии причинности является утверждение принципиального разрыва между причиной и действием.

«Действие совершенно отлично от причины—в силу этого никогда не может быть открыто в ней»,—пишет он в «Исследовании человеческого разумения» [2]). Юм не замечает общего содержания и связи различных форм движения, открываемых нами во всякой причинной зависимости. Отчасти—это следует об'яснить механическим идеалом науки, рисовавшимся Юму в соответствии с характером естествознания его времени [3]), отчасти метафизическим употреблением понятия силы, впервые подвергнутого диалектической критике Гегелем, которое Юм употреблял в смысле «неизвестного условия в об'екте, определяющего степень или количество действия» (Курсив Юма. *Н. К.*) [4]).

Во всяком случае, характернейшей чертой для Юма является его неспособность переходить от единичного к общему, от наблюдения внешнего соединения об'ектов нашего опыта к уразумению данной в их движении имманетной связи, от умозаключения по аналогии к умозаключению необходимости, пользуясь гегелевской терминологией.

Он пишет, что «путем опыта мы только узнаем частное соединение об'ектов, не будучи в состоянии когда-либо постигнуть их связь». (Курсив Юма. *Н. К.*) [4]).

Между тем практическая, предметная деятельность дает нам не только представление о внешнем соединении предметов, а вскрывает и их связь, опи-

[2]) Д. Юм, Исследование человеческого разумения, пер. С. И. Церетелли, Петербург 1902 г., стр. 29.

[3]) Ср., например, замечания Юма в «Исследовании», на стр. 31, 77. Агностицизм Юма, как впоследствии и Дюбуа-Реймона, одной из своих предпосылок имел механистическую точку зрения на задачи естествознания, приводившую к тому, что, с одной стороны, мысль упиралась в некоторые метафизические «последние причины» бытия, а, с другой стороны, все качественное многообразие мира переносилось в суб'ект, об'являлось продуктом его самостоятельного творчества. Так, Юм пишет: «Последние пружины и принципы (природы) совершенно скрыты от людского любопытства и недоступны исследованию. Упругость, тяжесть, сцепление частиц, передача движения путем толчка—вот, вероятно, последние причины и принципы, которые мы когда-либо будем в состоянии открыть в природе, и мы должны считать себя достаточно удовлетворенными, если при помощи точного исследования и рассуждения сможем окончательно или приблизительно вывести частные явления из этих общих принципов или же приблизить первые к последним». Очевидно, механистическое миропонимание не только не исключает агностицизм, а иногда даже способствует ему.

[4]) Д. Юм, Исследование и т. д., стр. 87.

[4]) Там же, стр. 77.

рается на знание этой связи. А что значит знание этой связи? Это значит, что мы предмет рассматриваем лишь как момент в ряду превращений форм лежащего в основании его материального субстрата, что мы его рассматриваем, как единичное проявление некоторого общего—для ряда единичных предметов — содержания.

Это значит, что мы открываем в данном предмете связи, общие ему с другими предметами, и, практически проверяя реальность этих связей, рассматриваем данный предмет, как подчиненный некоторым общим с другими предметами законам, постоянным и необходимым соотношениям их движения и взаимозависимости. Это значит, что мы единичный предмет подчиняем роду. Зная закон движения рода, мы властвуем и над единичным предметом.

Формулируемые при помощи наших общих понятий законы, проверенные практикой, деятельностью, производством вещей, мы рассматриваем поэтому уже не как только сокращенное выражение замеченных аналогичных случаев, а как приближение к познанию (хотя всегда и неполному, относительному) действительных связей между вещами. Поэтому есть принципиальная разница, как отмечает Гегель, между суждением «всячества» (все данные предметы таковы) и суждением необходимости (данный предмет, как таковой, по самому существу своему, обладает такими же свойствами).

Лишь учтя все указанные моменты, можно понять настоящую глубину положения Энгельса о значении нашей практической деятельности для критики понятия причинности. Одна пустая ссылка на практику без выяснения скрывающегося за ней содержания, ничего еще не доказывает. А. Богданов был тоже величайшим поклонником значения практики для теории познания. Даже сам Юм, несмотря на весь свой феноменализм, полагал, что «единственная непосредственная польза наук состоит в том, что они обучают нас управлять будущими явлениями и регулировать их с помощью их причин»[1]), практическое значение науки подчеркивают и прагматисты, и агностики. Отличие от всех их диалектического материализма заключается именно в том, что он признает, что эта практическая деятельность дает нам не только практический успех, но и истинное знание, и для пролетариата лишь истинное знание может дать действительный практический успех.

Так же, как отвергнув теорию отражения в отношении наших представлений, Аксельрод сделала шаг от материализма к агностицизму и кантианству, также и отвергнув теорию отражения в отношении наших понятий Аксельрод логикой своей точки зрения оказалась бессильной пред идеалистической критикой понятия причинности. По существу ее точка зрения по данному вопросу ведет к феноменологическому пониманию закона.

Мы знаем теперь из ленинского конспекта «Науки Логики» Гегеля, что создаваемые нашим мышлением научные понятия Ленин рассматривал не только как отражения вещей, но иногда и как более точные отражения, чем непосредственное отображение их в наших представлениях[1]). Такова диалектика познания. Рассуждать иначе—значит прийти к отрицанию прогресса научного знания.

[1]) Там же, стр. 85.

Как мы видим, провозгласив диалектико-материалистическое понимание значения общих понятий верхоглядским, невежественным и т. д., Л. Аксельрод сама обнаружила лишь крайнюю степень легкомысленности, столь несвойственную ей до последнего времени.

Ах, напрасно, напрасно вышла Л. Аксельрод из состояния глубокомысленного молчания по поводу стоящих в настоящее время пред марксистской философией проблем. Памятуя о ее прошлых заслугах, мы предполагали, что за ее неодобрительным покачиванием головой по нашему адресу скрывается по крайней мере понимание глубины трактуемых в современной марксистской философии проблем.

Увы! Научный уровень ее полемики оказался ничуть не выше уровня полемики всех остальных «механистов», по существу же пред'явить ей оказалось нечего. Ни настоящей философии, ни естествознания в книге Л. Аксельрод читатель не найдет. Зато он найдет в ней много... анекдотов и «личностей», как говаривали в старину. Каждому—свое!

VI.

Естественно, что потеряв из виду действительное значение теоретического мышления и создаваемых им понятий, Л. И. Аксельрод неправильно формулирует и задачи диалектико-материалистической логики. С точки зрения Л. Аксельрод «сам по себе взятый, всякий метод, в том числе метод диалектический, представляет собой систему чисто-формальных категорий»[2]).

И далее—«диалектика, когда она не является орудием исследования, т.-е. методом, оставаясь чем-то самостоятельным и оторванным от всякого конкретного содержания, превращается в чистейшую схоластику, которой можно играть с таким же совершенно успехом, с каким играли схоластики силлогизмами Аристотеля. В этой оторванной, изолированной форме она ничем не отличается от любой метафизики, ибо твердить без всякого содержания, что все изменяется, так же бесплодно, как утверждение, что все — неизменно». По мнению Л. Аксельрод, «диалектиками в формально-диалектическом смысле» были и Ницше, и Шпенглер, оправдывавшие своей формальной

[1]) Ср. Ленинский сборник IX, 1929 г., стр. 287—289. По поводу того, что у Гегеля время и пространство (в связи с представлением) мыслятся, как что-то низшее по отношению к мышлению, Ленин пишет: «В известном смысле представление, конечно, ниже. Суть в том, что мышление должно охватить все «представление» в его движение, а для этого мышление должно быть диалектическим. Представление ближе к реальности, чем мышление? И да, и нет. Представление не может схватить движением в целом, например, не схватывает движения с быстротой 300.000 км. в 1 секунду, а мышление схватывает и должно схватить. Мышление, взятое из представления, тоже отражает реальность; время есть форма бытия об'ективной реальности. Здесь, в понятии времени (а не в отношении представления к мышлению) идеализм Гегеля».

[2]) Л. Аксельрод, В защиту и т. д., стр. 217—218.

диалектикой буржуазный порядок, «рассматривая его как абсолютную ценность». Именно де критику формальной диалектики давал Маркс, когда в «Нищете философии» критиковал Прудона.

По этому поводу можно заметить, что сама Л. Аксельрод в понимании диалектики не возвышается над точкой зрения Прудона так же, как и в своей защите «простых законов права и нравственности» она целиком стоит на почве мелкобуржуазного прудонизма [1]). Маркс полагал, что у Прудона не формальная диалектика, а непонимание диалектики, подмена ее чисто-софистическим «с одной стороны» — «с другой стороны», выдающим природу мелкого буржуа. Сущность «Нищеты философии» Маркс (в письме Анненкову) видит в том, что он показал, «как мало проник Прудон в тайны научной диалектики».

В самой «Нищете философии» Маркс указывает, что «Прудон заимствовал из диалектики Гегеля только язык. Его собственный диалектический метод состоит лишь в догматическом различении хорошего от дурного» [2]). Л. Аксельрод относится отрицательно к тому чисто-словесному конструированию противоположностей, в котором видел свою задачу Прудон. Но, относясь отрицательно к тому, к чему Прудон относился положительно, она не возвышается над уровнем прудоновского понимания смысла диалектического метода. Л. Аксельрод полагает, что существует некая «формальная диалектика», оставаясь на почве которой можно, подобно Ницше и Шпенглеру, признавать абсолютные ценности, и что всякое рассмотрение категорий диалектики самих по себе необходимо превращается в такого рода «формальную диалектику». Но такая точка зрения, употребляя излюбленное выражение Ленина, есть сплошное издевательство над самой сутью диалектического метода. Сущность диалектического метода, его жизненный нерв, составляют историческая точка зрения на действительность и идея конкретности истины. Именно в силу нарушения этих требований даже Гегелем, Энгельс писал о противоречии в гегелевской философии между ее системой и методом. Недостаток «диалектики» Ницше или «диалектики» Шпенглера не в том, что их «диалектика» формальна, а в том, что она по существу своему не свободна от метафизических элементов в роде идеи вечного возвращения у Ницше, отрицания исторической, преемственной связи между «культурами» у Шпенглера и т. д. «Формальной» диалектикой в смысле Л. Аксельрод ни Ницше, ни Шпенглер не занимались вовсе. Самостоятельного изучения логических категорий мы у них не найдем. И, однако, несмотря на это, у Шпенглера, например, действительно много чисто-схоластических построений.

Ошибка Л. Аксельрод коренится в ее понимании или, вернее, в непонимании ею самой проблемы диалектики как науки. Она полагает, что категории диалектики чисто-формальные принципы, в роде кантовских категорий или трансцендентальных схем. Отсюда следует, что рассмотрение

[1]) См. статью Ю. Мартова «Простота хуже воровства» в сборнике «Марксизм и этика», изд. 2-е, стр. 247.

[2]) См. К. Маркс, Нищета философии, изд. И-та К. Маркса и Ф. Энгельса, 1928 г., стр. 108, а также стр. 21, 26.

их самих по себе есть чисто-схоластическое занятие. Л. Аксельрод не замечает, что тем самым она упраздняет самую возможность диалектики, диалектико-материалистической логики как науки.

Логика есть наука о том, как трактовать категории и понятия, которыми оперирует наше мышление так, чтобы они наиболее точно и всесторонне отображали постигаемые нами предметы. Формальная логика рассматривает логические формы мышления, как чисто-внешние по отношению к своему содержанию, как налагаемые суб'ектом со стороны на это содержание. Диалектическая же логика Гегеля, говоря словами Ленина, требует, чтобы «формы были содержательными формами, формами живого, реального содержания, связанными неразрывно с содержанием» [1]). А раз логические формы рассматриваются как «содержательные формы», то и логика, диалектика, есть «учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т.-е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т.-е.—итог, сумма, вывод истории познания мира» [2]).

Достаточно сравнить это определение диалектической логики с определением диалектики Л. Аксельрод, как «системы чисто-формальных принципов», чтобы видеть разделяющую их пропасть. Самые задачи диалектической логики Л. Аксельрод понимает формально-логически.

Естественно, что если логика представляет собой учение об общих законах и формах движения природы, истории и их отражения в человеческом мышлении, то возможна и общая теория диалектики, система диалектико-материалистической логики. Такая система вовсе не есть бесплодное формальное умствование, а сумма, итог, вывод истории познания мира.

Само собой разумеется, что речь идет здесь не о конкретном выполнении тем или другим лицом построения диалектической логики, а о самой задаче, о правомерности этого построения. Совершенно несомненно, что в понимании задач диалектической логики Л. Аксельрод обнаруживает в своей последней работе забвение ею самого существа диалектического метода.

То же самое повторяется с нею и тогда, когда она касается отдельных проблем диалектики.

Вообще говоря, во всей книге, на протяжении 16 листов, Л. Аксельрод не делает ни разу попытки разобрать хотя бы одну какую-либо категорию диалектики, хотя бы один какой-нибудь из ее законов. Очевидно, она чувствует себя свободной от этой обязанности, так как отрицает вообще возможность диалектики, как самостоятельной науки. Нет лучшего способа избавить себя от необходимости разрабатывать какой-либо трудный вопрос, как об'явить его неправомерным. Куда же легче распространяться о предмете вообще, чем разобрать его хоть раз по существу.

Конкретное же применение диалектического метода Л. Аксельрод лучше всего иллюстрируется ее трактовкой понятия случайности. Мы не бу-

[1]) Ленинский сборник, IX, стр. 39.

[2]) Там же, стр. 41.

дем повторять здесь тех возражений Л. Аксельрод, которые однажды были высказаны уже нами в речи по поводу ее доклада «Коренные вопросы диалектического материализма»[1]). Отметим здесь лишь ее контрвозражение. В своей речи я в качестве примера случайности указывал на рождение вождя пролетарской революции В. И. Ленина в семье директора народных училищ в отсталой крестьянской губернии. Там же я указал, что признание наличия случайных событий в природе и истории с нашей точки зрения не исключает, а предполагает их причинную обусловленность, исключает не абсолютный, а лишь абстрактный детерминизм[2]).

В ответ мне Л. Аксельрод в своей книге, во-первых, пишет, что я признаю веру в чудеса (!!). Во-вторых, для того, чтобы об'яснить, почему ряд русских революционеров происходил из провинции, и окончательно преодолеть случайность—выдвигает предположение, что «более спокойная жизнь провинции, доставлявшая больше досуга, больше возможности чтения, размышления и т. д., могла в бо́льшей степени содействовать развитию общественно-революционной теоретической мысли, нежели шумный, рвущий человека на части, центр (!!)».

Одно стоит другого. Возражать насчет веры в чудеса, конечно, не приходится. Доказывай Л. Аксельрод, что ты не верблюд, не монах и не равин... Я пишу, что нет ничего случайного в смысле беспричинного, все в мире причинно обусловлено и потому диалектическое понимание случайности исключает чудеса. Л. Аксельрод возражает мне указанием на то, что каждое чудо мотивируется. Чем помочь Л. Аксельрод, не отличающей суб'ективной мотивации того, что налицо есть какое-нибудь явление, от его причинной обусловленности?

Но если в этом случае Л. Аксельрод выступает в роли глухого судьи, то во втором случае она с неменьшим успехом выступает в роли философствующего Кифы Мокиевича.

Приведенное рассуждение о связи революционеров со средой может вполне войти во все учебники, как пример того, что не является историко-материалистическим исследованием предмета.

Само собой разумеется, что в отношении приведенного мною примера возражение Л. Аксельрод вообще бьет мимо цели. У меня речь шла—и в этом, конечно, центр тяжести всего примера—о физическом рождении, если можно так выразиться, пролетарского вождя в крестьянской губернии. Я указывал, что отрицание случайного характера именно этого обстоятельства может дать повод совершенно ложному представлению, что вообще только из крестьянских районов происходят пролетарские вожди. Л. Аксельрод, возражая мне, ссылается на русских общественных деятелей вообще: Белинского, Чернышевского и т. д. Далее. Мне нужен пример лишь для иллюстрирования вполне определенного положения. Само собой разумеется, что в мою задачу при этом не входило выяснение того, каким

[1]) См. «Под Знаменем Марксизма» 1928 г., № 1, стр. 218—219.

[2]) Ср. также мой доклад о сборнике «Диалектика в природе» № 2, напечатанный в «Под Знаменем Марксизма» 1927 г., № 4, стр. 213, в котором я возражал против отрицания абсолютного детерминизма со стороны С. Васильева.

же образом, в силу каких влияний среды, несмотря на то, что Ленин происходил из крестьянской губернии и интеллигентской семьи, он все же стал вождем пролетарской революции.

Л. Аксельрод оказалась не в состоянии ни выделить эту задачу, ни разрешить ее. В сущности говоря, она утверждает именно то, против чего предупреждал я, приводя свой пример.—именно, что развитию революционной мысли вообще провинция способствует больше передовых городских центров. Утверждение поистине чудовищное!

Любой раббаковец укажет ошибки Л. Аксельрод:

1) Провинция порождала у нас революционеров не в силу бо́льшего своего якобы «спокойствия», а именно в силу своего неспокойствия. Крепостничество дрожало, барские имения мозолили глаза миллионам крестьян, самодержавие связывало развивавшуюся буржуазию и разночинцев—вот откуда росли у нас революционеры. Стыдно даже об'яснять такие вещи в СССР в 1929 г.! Что за либерально-маниловский вздор, будто от избытка «досуга» и «возможности чтения» больше развивается общественно-революционная теоретическая мысль, чем от влияния шумных, «рвущих человека на части центров»! Да и все выраставшие из «провинциальной» почвы революционеры никогда не превратились бы в настоящих революционеров, не пройди они революционной школы города.

2) Что за слюнтяйски-народническая идея, что шумный, «рвущий человека на части центр» в меньшей степени способствует развитию революционной мысли, чем замятинское, уездное болото? Разве самая радикальная революция и самая радикальная революционная мысль нашего времени—не дети города?

Нет, не только метод материалистической диалектики вообще, но и метод исторического материализма явно все более и более изменяет Л. Аксельрод. Иначе и быть не может. Ведь решающее в марксизме—революционная диалектика, а отступив в решающем, не удержать и всех остальных позиций.

VII.

Мы приближаемся к концу нашего пути. Надо сказать, что критическое рассмотрение содержания последней работы Л. Аксельрод обнаруживает в ней больше ревизионистских плевел, чем марксистской пшеницы. Завершает отход Л. Аксельрод не только от некоторых важнейших положений диалектического материализма, но и от исторического материализма, ее упорная защита так называемых «простых законов права и нравственности». Значительная часть работы Л. Аксельрод посвящена именно им. Останавливаться на тех положениях, в которых Л. Аксельрод повторяет лишь свою аргументацию 1914—1916 гг., не имеет никакого смысла. Интересующегося читателя достаточно отослать к блестящей статье Ю. Мартова — пожалуй, последнему его революционно-марксистскому выступлению—«Простота хуже воровства», недавно перепечатанной во 2-м издании сборника «Марксизм и этика». В этой статье Ю. Мартов совершенно правильно показы-

вает, что воззрения Л. Аксельрод по данному вопросу означают разрыв с марксизмом и капитуляцию перед кантианством и прудонизмом. Социально-политическое значение «простых законов права и нравственности» тоже не внушает никаких сомнений. Это—теоретическое обоснование социал-шовинизма, разрыва с пролетарским интернационализмом, подчинения пролетариата буржуазной идеологии. В этом отношении книга Л. Аксельрод представляет прямую проповедь самого худшего типа оппортунизма. Аргумент, который выдвигает Л. Аксельрод в предисловии к своей книге против тех, кто не хочет итти на поводу у идеологов социал-патриотизма, поистине детский аргумент. Л. Аксельрод пишет, что в области этики тов. Деборин и его сторонники, вскрывающие ревизионизм в позиции Л. Аксельрод, *отрицают какие бы то ни было нравственные нормы* и тем самым переходят на точку зрения аморализма. Жалкий софизм! Л. Аксельрод не различает—или делает вид, что не различает—два совершенно различных вопроса. Одно дело — существуют ли вообще об'ективно, в обществе, какие-либо нравственные нормы, регулирующие отношения между индивидуумом и различными общественными группами. Другое дело—существуют ли об'ективные, в смысле их независимости от идеологии различных социальных групп, стоящие *над классами*, всеобщие и общеобязательные абсолютные нравственные нормы. Чтобы различить эти две совершенно различные проблемы, не надо даже учиться в семинарии.

Существование нравственных норм вовсе не доказывает, что нормы эти в какой бы то ни было степени вечны, абсолютны, обязательны для всех общественных классов и во все эпохи исторического развития. Прогресс в области нравственности заключается не в выработке некиих абсолютных нравственных норм, а в том, что в процессе классовой борьбы вырабатываются такие нормы и идеалы, которые все более и более способствуют консолидации и освобождению угнетенных классов. Не существует надклассовой, независимой от классов и классовой борьбы, морали, как не существует и надклассового права и надклассового государства. Л. Аксельрод говорит ведь не только о простых законах нравственности, но и о простых законах *права*, прямо переходя тем самым на позиции *буржуазной* общественной науки. В сущности говоря *логическая* критика всеобщих моральных законов, как и логическая критика категорического императива Канта были даны с исчерпывающей полнотой еще Гегелем в его «Феноменологии духа» (в главах о «законополагающем» и «законоиспытывающем» разуме). Исчерпывающую же *историческую* критику их дала сама русская революция, посмеявшаяся над всеми заклинаниями с точки зрения «простых законов права и нравственности», которые противопоставлялись ей буржуа и меньшевиками. В этой статье мы ограничим себя лишь одной задачей—показать: как выглядит *на практике* высокая надклассовая, абсолютная мораль Л. И. Аксельрод. Ведь практика—верховный судья теории, и недаром, ведь, сказано: по плодам познаете их.

Государственное издательство поручило Л. Аксельрод написать предисловие к юбилейному полному собранию художественных произведений Л. Н. Толстого. Издание рассчитано на широкое распространение. Л. Аксельрод в предисловии должна была дать марксистский анализ литературных произведений Толстого и идеологии толстовства.

И вот, разбирая связь, существующую между индивидом и его классом, приведя положение Толстого (из его «Дневника»), что «всякое живое существо носит в себе все возможности своих предков», Л. Аксельрод пишет:

«Это положение—вообще несомненное, но больше всего оно относится к высшему, господствующему классу. Низшие, угнетенные классы лишены, по существу, традиции и крепких осязательных связей со своими прошедшими поколениями. Однообразный и тяжелый труд, вечные лишения, нищета, томящая нужда, которая отличается необычайным разнообразием в смысле мучения, сливается в однообразный поток, не оставляющий ничего для ярких воспоминаний. Другое дело жизнь человека высшего, господствующего класса, класса, игравшего в продолжение столетий командующую, господствующую роль. Тут накопленные явления жизни сохраняются в памяти каждого члена этого класса; разнообразные события, яркие действия, все формы наслаждения своих предков, все семейные события, которые обставляются у высших классов так торжественно,—словом, вся красочная жизнь и память о ней передается из поколения в поколение, образуя собою внутренний мир каждого члена этого класса; освободиться от этого мира представляет собою огромную трудность. И чем на более высокой ступени данного класса стоит личность, тем, разумеется, труднее ей порвать с этой тяготеющей над ней исторической традицией класса» [1]).

Трудно представить себе в наше время большее издевательство—иначе назвать это язык не повернется у коммуниста—над рабочим классом и угнетенными классами вообще!

«Низшие, угнетенные классы лишены, по существу, традиции и крепких осязательных связей со своими прошедшими поколениями»...—А рабы—участники восстания Спартака, немецкие крестьяне, боровшиеся под знаменем Флориана Гейера, герои июньского восстания 1848 г., мертвецы Коммуны, жертвы 9 января 1905 г., пролетарии и коммунисты, растерзанные Носке—разве память о них не живет в великом сердце пролетариата? Разве это—не «яркие воспоминания»?

Конечно, если в представлении Л. Аксельрод «яркие воспоминания» могут быть связаны лишь с княжескими пирами, королевскими проститутками и феодальными гербами, то таких «ярких воспоминаний», «семейных событий» и «форм наслаждений» рабочий класс не знает. Это—не его традиции. Но есть ведь и другие традиции и другой тип осязательнейшей связи с прошлым, чем традиции Салтычихи и Николая Палкина. Л. Аксельрод захлебывается от восторга, описывая, сколь содержателен и богат «внутренний мир», сколь «красочна» жизнь дворянина. Почему же она не видит, помимо однообразного и тяжелого труда, тех крепчайших уз, которые связывают крестьянство в его борьбе с этим дворянином, тех крепчайших уз связи с прошлыми поколениями, которые создают *историю рабочего класса*? Почему она не видит, что и подлинными носителями культурного про-

[1]) Л. *Толстой*, Полное собрание художественных произведений, т. I, предисловие Л. Аксельрод, 1928 г., стр. 17—18.

гресса являются в значительной части вовсе не гурманы и персонажи Гросса, а представители низших, восходящих классов и те, кто переходит на их сторону?

Рабочий класс, лишенный своей истории, своих революционных традиций, есть ничто, безоружен перед лицом своего классового врага. Устами Л. Аксельрод говорит мещанин, отшатнувшийся от рабочего класса и рабочей революции, зачарованный образами дворянской литературы, забывший революционную сторону прошлого, в том числе и своего собственного.

Но Л. Аксельрод не ограничивается тем, что низводит пролетариат и угнетенные классы вообще со ступени исторически развивающегося целого (уж не потому ли она и теоретически стремится опорочить нашу точку зрения на класс, как органическую целостность, имеющую свою историю?) до ступени не имеющего никакой истории и потому, по существу дела, животного состояния. Как это ни чудовищно, она и за отдельными членами низших классов не признает равного человеческого достоинства с представителями высших классов.

На стр. 19 цитированного нами предисловия к сочинениям Л. Н. Толстого она пишет: «Господствующие классы, ведя по существу эпикурейский образ жизни, чуждые религиозной аскетике, хранят, тем не менее, несравненно больше, чем классы угнетенные религиозные традиции. Это, во-первых, потому, что религия является для них единственной формой идеологии, к которой они прибегают в моменты пресыщения, отмирания и боязни смерти. Люди высших классов больше боятся смерти, чем личности из трудящихся масс, что вполне естественно. Люди второй категории, уходя из жизни, мало что теряют».

Написать эти слова может только человек, порвавший с пролетариатом. Их не только не напишет ни один социалист, но не напишет любой, самый паршивый либералишко.

Утверждение, что люди из трудящихся классов меньше боятся смерти, так как, уходя из жизни, они «мало что теряют», может иметь только один смысл: опорочить героизм рабочего класса и революционных масс вообще. «Чего стоит ваш героизм! У вас ведь нет ни традиций, ни глубокого «внутреннего мира», ни «ярких воспоминаний»! Погибая, жертвуя своей жизнью, вы мало что теряете!» Большего в качестве адвоката современного мещанства написать невозможно.

Опровергать положения Л. Аксельрод в данном случае значило бы прикасаться к дурно пахнущему предмету. На них можно только указывать.

Здесь мы поистине находимся у последней черты современного философского ревизионизма и современного ревизионизма вообще.

* * *

Итак, подведем итоги.

Мы видели, как, начав с критики диалектики, Л. Аксельрод приходит, отчасти воспроизводя свою старую ошибку в связи с теорией иероглифов, к отрицанию и некоторых существенных положений материалистической теории познания.

Тем самым она становится на путь отхода от материализма в сторону чистого эмпиризма и позитивизма.

Наконец, ревизию диалектического материализма Л. Аксельрод совмещает и с ревизией исторического материализма, переходящей в отрицание самих основ социалистического миропонимания вообще.

Неудивительно после этого, что Л. Аксельрод выражала в статье «Надоело!» удивление, почему А. М. Деборин напечатал свою статью «Наши разногласия», направленную против современного ревизионизма, в архиисторическом-де по своему названию журнале—«Летописи Марксизма».

Судьбы марксизма в наши дни, с точки зрения Л. Аксельрод, очевидно, не могут быть предметом интереса летописца. Марксизм для нее тем самым есть лишь проблема истории. Но это значит, что и она, как марксистка, тоже принадлежит уже лишь истории.

Так и запишем.

Геополитика, географический материализм и марксизм.

К. Виттфогель.

1. Новое „дополнение" марксизма.

Известный автор по вопросам экономической географии и руководитель школы германского союза металлистов в Нюренберге, «левый» социал-демократ Г. Э. Граф, давно уже пытается утвердить среди германских рабочих науку, которая, фактически возникнув лишь во время войны («зачата» она была уже раньше), пользуется теперь в Германии, под названием «геополитики», большим почетом в кругах буржуазных ученых и политиков, как научная база буржуазной политической мудрости сегодняшнего дня. Граф считает, что своей пропагандой геополитики он заполняет пробел, оставленный Марксом и Энгельсом при формулировке исторического материализма. «Ошибка Карла Маркса и многих его учеников,—пишет Граф,—состоит в том, что они перенесли весь центр тяжести на экономические и социальные факты и упустили из виду первичные факты природы» [1]). А несколько лет спустя он уточняет этот упрек, впрочем менее резко заостряя его против Энгельса, следующим образом: «Географические проблемы, вопросы об отношении между земными пространствами и развитием культуры, явно не входили в кругозор Маркса». «Географическое наблюдение и мышление было ему чуждо; он являл собою в гораздо большей степени синтез философа, экономиста и революционного политика» [2]). Но, утверждает Граф, пролетариат не может не «интересоваться геополитическим мышлением и геополитическим образованием». Воспитание пролетариата, которым Граф занимается как профессионал, должно быть «воспитанием в духе демократии (!), а стало быть, между прочим, и в навыках геополитического мышления» [3]).

Сопоставим с этим программным заявлением каутскианского выученика Графа оценку, которую дают геополитике сами буржуазные представители этой новой науки. По Гаусгоферу, который является одним из ее руководящих и—даже можно прямо сказать—руководящим деятелем, с помощью геополитики может быть об'яснено около четверти всех исторических явлений (почему Гаусгофер берет как раз эту цифру, об этом он скромно умалчивает), а именно с ее помощью может быть постигнут в его закономерности весь комплекс исторических явлений, определяемый «чертами строения земли». И он находит,—а если он прав, то находим и мы,—что для научного уяснения этой четвертой части «целого, в остальном не поддающегося никакому учету», стоит, конечно, затратить усилия [4]). Сам Гаусгофер вполне убежден в силе своего метода. Геополитика «подводит своих адептов и знатоков ближе, чем любая другая наука (!), к разоблаченному, величественному зрелищу властительной судьбы...» [1]). Поэтому практическое значение этой науки огромно. Правильно понятая геополитика становится «одним из самых могучих боевых средств для справедливого распределения земных пространств между людьми...» [2]). Не удивительно в таком случае, что эта столь плодотворная, по мнению ее сторонников, наука притязает на право быть воспитательницей нового поколения руководящих политических деятелей (буржуазных) [3]).

[1]) G. E. Graf, Die Landkarte Europas Gestern und Morgen, Berlin 1919, стр. 29.
[2]) G. E. Graf, Geographie und materialistische Geschichtsauffassung. Der lebendige Marxismus, Иена 1924, стр. 563.
[3]) Ibidem, стр. 587.
[4]) K. Haushofer, Grundlagen, Wesen und Ziele der Geopolitik. Bausteine zur Geopolitik, Берлин 1928, стр. 47 ff.

Высокая оценка, которую в короткий срок завоевала себе геополитика в широких кругах буржуазных ученых и политиков, заставляет нас ближе рассмотреть ее с марксистски-ленинистской точки зрения хотя бы уже из одних соображений политического расчета. Чтобы успешно бороться со своим классовым противником, нужно как следует знать его вооружение, в том числе и теоретическое. Но вдвойне интересной становится наша новая, якобы превосходящая все остальные науки дисциплина благодаря тому, что со стороны социал-демократов делается попытка навязать германскому пролетариату, под предлогом дополнения марксизма, вместе с демократией и геополитику, которая, как мы покажем, в самом деле представляет собою органическое идеологическое завершение буржуазно-демократической практики [4]).

Наконец, мы не можем не отметить в этой связи еще и третьего обстоятельства. «Экономическая география» Дж. Ф. Хоррабина была встречена с живым и не всегда критически оправданным одобрением и в коммунистических кругах—и не только в Англии, но также в Германии и в Советском Союзе (в двух странах, в которых имеются переводы его книги). Но эта во многих отношениях превосходная книга методологически в целом ряде пунктов не так далека от точки зрения Гаусгофера и Графа. Жаль поэтому, что Г. Валецкий в своем предисловии к немецкому изданию книги отметил только ее политические недостатки, но ни словом не обмолвился о лежащих в основе этих недостатков методологических ошибках. Это может вызвать иллюзию, будто марксизм-ленинизм тоже должен признать то «дополнение» исторического материализма, которое теоретически провозглашает Граф и практически отчасти осуществляет в своих книгах и Хоррабин (хотя, правда, и не совсем так, как Граф). Поэтому критический разбор метода и достижений (или лже-достижений) геополитики может способствовать устранению некоторых принципиальных неясностей, встречающихся в этом пункте и у кое-каких вполне последовательных в остальном сторонников марксизма-ленинизма [5]).

2. Программа геополитики.

Чтобы не потеряться в бесконечном разнообразии материала, мы исключим из нашего рассмотрения геополитические идеи английских, французских и американских публицистов и ограничимся, главным образом, гер-

[1]) Ibid., стр. 38.
[2]) Ibid., стр. 41.
[3]) Ibid., стр. 31.
[4]) Граф заявляет, что «пора включить соответствующие выводы и методы географической науки в незаконченное (!) без этого здание исторического материализма» (Geographie und historischer Materialismus, стр. 565).
[5]) В личной беседе мне не раз приходилось слышать от коммунистов, что общепонятный марксизм Хоррабина кажется им весьма вразумительным. И хотя я сам перевел его «Экономическую географию» на немецкий язык и высоко ценю достоинства этой книги, я все-таки должен был указывать ее слишком восторженным читателям, что географический материализм Хоррабина в существенных пунктах нарушает основные требования исторического материализма

манской геополитикой. Впрочем, попутно нам придется коснуться и специфических источников тех ошибок, в которые впадают географические экономисты буржуазного Запада.

Предшественником германской геополитики является не Риттер (учитель Маркса), как это часто утверждают; Риттер был эпигоном совершенно другой, буржуазно-революционной, эпохи в науке, а не зачинателем нынешней фазы географического мышления. Рихтгофен, хотя хронологически он уже относится к этой последней, тоже не создал школы своей «географией колонизации и сношений» [1]). Эта книга, экономические и географические анализы которой обнаруживают местами большую смелость и глубину, была почти совсем не замечена официальной наукой. «Политическая география» Ратцеля, вышедшая первым изданием в 1897 г. [2]), вместе с двумя томами его «Антропогеографии» (изданы в 1882 и 1891 гг.) [3]),—вот подлинный исходный пункт новейшей географически-политической литературы. Еще до войны Ратцель нашел последователя в Англии (Semple). А во время войны, под влиянием работ шведского сторонника Ратцеля Челлена (Kjellén)[4]), новое направление, прежде явно или втихомолку отвергавшееся университетской географией, внезапно добилось в Германии полного признания [5]). После крушения феодального военного аппарата германского государства германская буржуазия, убедившаяся в ничтожестве своих старых политических теорий на банкротстве своей политической практики [6]), обратилась к новой дисциплине, как к единственному «реалистическому» методу воспитания государственного мышления. Сочинения по геополитике зачастили как грибы после дождя [7]). Географическая литература западных стран стала привлекать усиленное внимание. «Zeitschrift für Geopolitik», выходящая с 1 января 1924 г., является органом движения и пытается дать в форме статей, корреспонденций и рецензий обзор и анализ всех интересующих его

[1]) «Siedelungs- und Verkehrsgeographie», Берлин 1908 г.

[2]) Цитирую по третьему изданию, вышедшему в 1923 г. в Мюнхене и Берлине.

[3]) Это сочинение цитируется мною по 3-му и 4-му изданиям, Штуттгарт 1921/22.

[4]) Главные работы: Die Grossmächte der Gegenwart, Лейпциг и Берлин 1914, и Der Staat als Lebensform, там же, 1917. О Челлене см. R. Sieger, Rudolph Kjellen, Zeitschrift für Geopolitik, 1924, стр. 339—346.

[5]) Особенно характерна для перелома во взглядах руководящих географов эволюция, проделанная известным исследователем А. Зупаном (A. Supan), которого нередко цитировал и Ленин. В 1876 г. он писал в своей работе «Grundzüge der physischen Erdkunde» (Известия Венского Географического Общества, 1876 г., стр. 73), что «так называемой политической географии... нет места в научной системе землеведения». А в 1918 г. появилась его книга «Leitlinien der Allgemeinen politischen Geographie» (второе издание под редакцией E. Obst'a, Берлин и Лейпциг 1922 г.), в предисловии к которой Зупан прямо заявляет, что война укрепила и без того уже сложившееся у него за последнее время убеждение в необходимости «посвящать впредь гораздо больше внимания политической стороне географии».

[6]) Хорошее, но чисто внешнее описание этого двойного банкротства дает Гаусгофер (Bausteine zur Geopolitik, стр. 29 ff, стр. 56 ff и 61 ff).

[7]) Из относящейся сюда обширной литературы мы не станем приводить даже важнейших работ. В тексте нам придется назвать заглавия некоторых наиболее характерных произведений. Читателя, интересующегося подробной библиографией вопроса, мы отсылаем (кроме «Zeitschrift für Geopolitik») к следующим авторам, писавшим о развитии геополитических теорий: E. Oberhummer (Die politische Geographie vor Ratzel und ihre jüngste Entwicklung. Приложение к «Политической географии» Ратцеля, 3-е изд., стр. 597 слл.); Graf (Geographie und materialistische Geschichtsauffassung, стр. 574 слл., дает преимущественно обзор более старой литературы); Haushofer (Bausteine zur Geopolitik, стр. 31 слл. и 43 слл., далее стр. 59—73; рассматривает также иностранную литературу—английскую, французскую и советско-русскую) и четыре редактора геополитического журнала (Bausteine, стр. 3 слл.).

событий в политической жизни земного шара и всей относящейся сюда международной литературы. В сборном труде «Bausteine zur Geopolitik» [1]) четыре редактора названного органа сделали совсем недавно попытку формулировать нечто в роде общей программы геополитики. Мы приведем прежде всего тезисы, которые помещены в конце вступительной статьи, написанной сообща всеми четырьмя редакторами. Эти тезисы гласят (нумерацию мы добавили от себя для более удобной ориентировки):

«1. Геополитика есть учение о связанности политических событий земными пространствами.

2. Она покоится на широкой основе географии, в особенности политической географии, как учения о политических пространственных организмах и их структуре.

3. Установленные географией особенности земных пространств являются для геополитики теми рамками, внутри которых должно происходить развертывание политических событий, чтобы они могли иметь прочный успех. Носители политической жизни будут, разумеется, временами выходить за эти рамки, но раньше или позже связанность земными пространствами непременно даст себя знать.

4. В соответствии с этим убеждением геополитика стремится дать в руки орудие политического действия и сделаться путеводительницей политической жизни.

5. Тем самым она становится нормативной наукой, способной довести практическую политику до того пункта, откуда неизбежен скачок вверх с твердой почвы. Только при таком условии этот скачок к умению будет скачком от знания, а не от незнания, откуда он, конечно, гораздо длиннее и опаснее.

6. Геополитика стремится и должна стать географической совестью государства» [2]).

При разборе этих тезисов мы начнем со второго и с части третьего. Эти пункты задаются целью отграничить новую геополитическую науку от более старой политической географии. К сожалению, из приведенных мест не вытекает с полной ясностью, в чем именно состоит фактическое различие между ними. Но на основании других мест, при их сопоставлении с нашими тезисами, можно угадать, что, по мнению геополитиков, политическая география «гораздо больше удовлетворялась, хотя и не должна была удовлетворяться, чисто «регистрирующей» работой» [3]), между тем как геополитика ставит себе целью делать практические выводы из «зарегистрированного» политической географией (а где переработанного?) материала, благодаря чему она становится в качестве «нормативной науки», чем-то в роде прикладной политической географии. Границы между обеими дисциплинами спорны; различными представителями той и другой они проводятся различно. Но так как с точки зрения марксизма теоретический анализ и вытекающие из него выводы образуют одно целое и так как мы все равно собираемся рассмотреть обе стороны буржуазной политической географии, то для нас этот спор о границах в настоящий момент совершенно неинтересен—тем более, что и возник-то он только из-за отсутствия методологической точности и диалектической гибкости у господ геополитиков.

Зато очень важны для уяснения вопроса о том, чего можно и чего нельзя ожидать в научном отношении от представителей обоих направлений политической географии, первый и третий из приведенных выше тезисов. Они утверждают, что политическая жизнь должна быть постигнута в ее

[1]) Bausteine, стр. 27.

[2]) Ibid., стр. 67.

[3]) Ibid. стр. 55.

«связанности земными пространствами», т.-е. в ее зависимости от так называемых географических факторов. При ближайшем рассмотрении это сводится в сущности к программе старого, буржуазно-революционного географического материализма—правда, без его научной непредвзятости и с совершенно другим политическим содержанием. Разумеется, географический анализ стал теперь гораздо тоньше; бесчисленное множество новых фактов сделалось достоянием науки. Но принципиально не сделано никакого шага вперед по сравнению со старым географически-материалистическим методом. Более того, можно прямо говорить о шаге назад, поскольку выступивший с тех пор исторический материализм отпугивает буржуазных исследователей от известных экономически-социальных положений, которые высказывались еще без всякого стеснения прежними географическими материалистами.

Если даже отвлечься от той неточности, с какою эта якобы новая наука, сулящая спасение буржуазной государственности, формулирует свои основные тезисы (достаточно хотя бы на мгновенье вспомнить, с какою резкостью, последовательностью и отчетливостью выступил исторический материализм, чтобы полностью оценить всю скудость, неопределенность и расплывчатость этой программы эпигонов),—если даже отвлечься от неточной формулировки этих тезисов, присущий им органический порок ясен с первого же взгляда. Географические факторы, каков бы ни был их характер, никогда не влияют на политические отношения непосредственно, а всегда лишь косвенно; «первичные элементы природной обстановки» (Граф) обнаруживают свое действие через посредство производственного процесса, в основе которого они лежат как общие предпосылки или в который входят в качестве производительных сил. Вырастающий из своеобразия данного производственного процесса общественный уклад представляет собою второе промежуточное звено, через которое только и может сказаться влияние природы на формах и развитии политической жизни. Маркс часто подчеркивает, что при исследовании сложных явлений «без очень подробного анализа промежуточных членов» получаются «совершенно произвольные» об'яснения[1]). Даже мыслитель такого ранга, как Рикардо, был в силу социально-исторических причин осужден на неудачу в своем анализе норм прибыли и земельной ренты, потому что, заградив себе путь своим «сырым и бесформенным» определением прибавочной стоимости и прибыли, он не мог правильно об'яснить эти явления, не учтя соответствующих промежуточных звеньев[2]).

Насколько же больше обречены на крушение в своих анализах современные эпигоны старого географического материализма, которые начинают с крайне сырого и бесформенного определения первичных элементов природной обстановки и которые не наивно, как старые географические материалисты или Рикардо, а заведомо игнорируют или во всяком случае затушевывают экономически-социальные промежуточные члены, вскрывающие истинную суть дела! Ниже мы познакомим читателя с характерными анализами важнейших представителей геополитики (при чем заодно рассмотрим взгляды Графа и Хоррабина, особенно интересные для нас с точки зрения практики революционного рабочего движения). При этом обнаружится, как геополитическое игнорирование промежуточных звеньев, связывающих природу с политической жизнью, приводит к грубому искажению и даже полному обесценению результатов всех их анализов.

[1]) К. Marx, Das Kapital, 4-е издание, Hamburg 1919, том III, первая часть стр. 297; вторая часть, стр. 316.
[2]) К. Marx, Theorien über den Mehrwert, 4-е издание, Stuttgart 1921, том II, первая часть, стр. 56 слл., вторая часть, стр. 2 слл.

3. Рихтгофен.

Хотя Рихтгофен оказал влияние на современных геополитиков не столько своими принципиальными взглядами, сколько своей специальной работой по геополитически-географическому исследованию Китая, мы все-таки должны начать с него. Как научная величина он превосходит почти всех своих преемников [1]). Необыкновенная точность его конкретных наблюдений, позволившая ему выяснить основные географические черты целого гигантского государства, до сих под никем не превзойдена. С Ратцелем его соединяет географический материализм, переполненный наивно-марксистскими элементами; но там, где он пытается подвести синтетические итоги или набросать исторические перспективы и сделать практически-политические выводы, он, как и Ратцель, часто сводит познавательную ценность этих марксистских элементов к минимуму или даже к нулю своим антимарксистским методом.

Вникнем только в его основной тезис: «Импульс к определенным формам жизни развивается из естественных географических условий, под их влиянием вырабатывается определенный тип» [2]). При его конкретных анализах оказывается, что важнейшие «формы жизни»—это те, которые относятся к производству средств существования. Но у Рихтгофена это никогда не бывает выявлено с полной принципиальной ясностью. И эта неуверенность в оценке роли экономического фактора становится у него источником тех произвольных определений, которые неизбежны при игнорировании промежуточных звеньев. Так, по Рихтгофену, ясное небо сухого климатического пояса привело «к наблюдению звезд; здесь возникла астрономия...» [3]). В этом замечании мы имеем характерную смесь ошибочного с правильным. Астрономия в самом деле возникла частью в сухом поясе—в Египте, в Месопотамии. Но не ясное небо было породившей ее причиной, а система искусственного орошения, возникшая с экономической необходимостью из отсутствия влаги и требовавшая для своего точного проведения точных расчетов времен года. В Китае и Индии тоже рано развились астрономические знания. О сухости климата здесь говорить не приходится, но и здесь мы имеем искусственное орошение, которое требовалось для возделывания северно-китайских лессовых областей и для культуры жадного до влаги риса в Среднем и Южном Китае и в Индии. Указание Рихтгофена правильно таким образом только наполовину и только случайно. Попытка вывести определенные элементы умственной жизни непосредственно из климатических условий должна была потерпеть неудачу.

Недооценка экономического фактора заводит иногда Рихтгофена, через половинчатые и случайные истины, в тупики прямой нелепости. «Кочевники сами не производят никакой работы»,—решительно заявляет он в одном месте [4]). Как может осуществляться без постоянной затраты труда скотоводство, которым кочевники занимаются и по Рихтгофену [5]), это остается тайной автора. Сфера труда и ее роль в построении общественной жизни сведена тут к нулю.

Умаление роли труда вынуждает Рихтгофена искать об'яснения в чем-нибудь другом. Это другое он находит, поворачиваясь тем самым спиной к своему географическому материализму, в расовом моменте. «Естественная

[1]) Что этот консервативный ученый осмеливался выступать против воззрений своего класса в защиту новой научной истины, как бы она ни шокировала людей его класса, видно из письма, которое он написал своей матери о Дарвине (Tagebücher aus China, Berlin 1907 г., т. I, стр. 207—210).
[2]) Siedelungs und Verkehrsgeographie, стр. 144.
[3]) Ibid., стр. 348.
[4]) Ibid., стр. 137. Ср. также стр. 170.
[5]) Ibid., стр. 136.

среда воздействовала на людей не одинаковым образом: большей частью ей придавали слишком большое значение. Существенным моментом остаются духовные задатки народов...» [1]). Эту мысль Рихтгофен варьирует на разные лады [2]). Но и об'яснение при помощи расового момента его не удовлетворяет. Каковы могут быть причины, вызывающие отсталость такого, напр., высокоодаренного племени, каким являются, по его мнению, китайцы? Ответ на этот вопрос должен был иметь огромное принципиальное значение для исследователя, вся жизнь которого была посвящена изучению Китая; практические выводы из этого ответа были бы крайне важны. Но именно здесь обнаружилось полнейшее бессилие метода, который в общем покоится на грубо-механическом географическом материализме, не подвергающем анализу отдельных элементов вопроса, и который в затруднительных случаях ищет спасения в понятии расы. Когда все остальные способы об'яснения оказываются непригодными, на сцену выступает идеология. «Я твердо убежден,—читаем мы у Рихтгофена,—что китайцы останутся до тех пор на своем низком уровне, пока будут держаться своей старой религии. Единственно только переход к христианству сможет возвысить их над этим уровнем» [3]).

Но тогда действительное развитие пошло совсем другим путем, когда Китай начал воспринимать элементы новой жизни, не пройдя предварительно через стадию поголовного крещения, тогда Рихтгофен констатировал (задним числом!), что тут, очевидно, действовали и, вероятно, будут действовать и впредь некоторые материальные моменты [4]). Не забудем при этом, что мы имеем здесь дело не с каким-то господином Мюллером или Шульцем, а с крупнейшим в своей области буржуазным ученым, с человеком, который был в свое время лучшим в Европе знатоком географии Китая! Сравним скудный анализ этого ученого с тем, что сказал об условиях и перспективах развития Китая Карл Маркс, который был не географическим, а историческим материалистом,—сказал на несколько десятков лет раньше (в 1853 г.) и не на основании непосредственного знакомства с Китаем, а из своего европейского далека. Маркс ясно понял, и не задним числом, а задолго до наступления этих событий, что разложение старо-китайского хозяйственного уклада в результате наплыва массовой продукции европейской капиталистической промышленности повлечет за собой и «общественный переворот» и что эта политическая и социальная революция в Китае будет в свою очередь иметь «важнейшие последствия для цивилизации» [5]). Между тем как Маркс с помощью своего метода предвидел еще в пятидесятых годах прошлого столетия наступление китайской революции и ее обратное влияние на европейские дела, Рихтгофен сумел со своим методом предсказать в конце столетия только то, что «в недалеком будущем» дело дойдет до «конкуренции всех европейцев в Восточной Азии» [6]). Если сравнить этот прогноз с прогнозом Маркса, предсказавшего будущую освободительную борьбу Китая и Индии [7]) и связанное с нею революционное движение рабочих масс, и если сопоставить оба эти прогноза с современной действительностью, то станет очевидно, что предсказания, пожалуй, крупнейшего «геополитика» и уже во всяком случае самого крупного географа Германии, предсказания даже в наиболее

[1]) Ibid., стр. 105.
[2]) Ibid., стр. 123, 129, 343 слл. Об ошибках, допущенных им в связи с недочетами его методологии при анализе Китая, мы подробно говорим в другом месте.
[3]) Tagebücher aus China, т. I, стр. 144.
[4]) Richthofen, Schantung und Klautschou, Berlin 1898, S. 307.
[5]) Из литературного наследия Карла Маркса и Фридриха Энгельса, третье издание, Штуттгарт 1920 г., т. III, стр. 445. Ср. далее Карл Маркс о Китае и Индии («Unter dem Banner des Marxismus», год издания первый, 2-й выпуск, стр. 379 и 380.
[6]) Siedelungs- und Verkehrsgeographie, стр. 351.
[7]) «Unter dem Banner des Marxismus», стр. 401.

близкой ему области, были не только чрезвычайно скудны, но в существенных пунктах и решительно неверны.

Мы остановились на Рихтгофене хоть и далеко не подробно, но все-таки, может быть, подробнее, чем это было бы нужно для иного читателя, ближе знакомого с геополитикой. Мы сделали это потому, что, как выяснится ниже, некоторые типичные черты, найденные нами у Рихтгофена, повторяются у всех геополитиков. Эти черты сводятся к сочетанию бессильного географического материализма с совершенно беспочвенным эклектизмом. Мы предпочли продемонстрировать этот органический порок на таком выдающемся ученом, как Рихтгофен, а не на одном из тех новейших геополитиков, которые зачастую вообще ничего не имеют за душой, кроме своих ошибок.

4. Ратцель.

Ратцель, к которому мы теперь переходим, представляет собою фактически исходный пункт новой политической географии (название «геополитика» идет от Челлена). В согласии с заглавием своего известного труда он выдвигает в центр своих исследований вопрос о географической обусловленности политической жизни или, точнее, вопрос об отношении государства к земле. Государство же совпадает для Ратцеля с государственно-организованным обществом. Выражением интересов всего общества «в целом» и является, по Ратцелю, государство. «Государство возникает лишь тогда, когда коллектив об'единяется для целей, являющихся только его целями и осуществимых только посредством совместных усилий. В государстве польза целого осуществляется непосредственно, а в обществе — косвенно» [1]). Тут перед нами старая передержка, без сомнения общественно-полезная для профессора буржуазного университета, но чреватая пагубными последствиями в качестве исходного пункта научного анализа. В самом деле, отождествив на известной ступени государство с интересами общественного целого, Ратцель уже начинает игнорировать общество как промежуточное звено. Стоит теперь только выключить также и экономический фактор, и фокус готов: государство и земля приведены в непосредственную связь. «Государство нуждается в земле, чтобы жить»,—заявляет Ратцель [2]). Превосходно, но ведь «государство», даже если на минуту представить его себе, наперекор всякой действительности, как проникнутое служением общим интересам ратцелевское государство, даже такое весьма любопытное «государство» все-таки не дождевой червь. Входящие в его состав люди питаются не прямо землей, а растениями и животными, которые существуют на земле и для разведения и использования которых требуется, вообще говоря, труд. Куда же девался этот трудовой фактор в государстве Ратцеля, которое «нуждается в земле, чтобы жить»? О трудовом процессе Ратцель здесь не говорит: об'единение земли и государства осуществляется у него совершенно другим способом. Возникает «политическая организация территории, превращающая государство в организм, в который определенная часть земной поверхности входит так, что свойства государства оказываются составленными из свойств народа и территории. Важнейшими из этих свойств являются размеры, положение и границы, далее (!!) вид и форма территории с ее растительностью и водами и, наконец, ее отношение к другим частям земной поверхности» [3]). Язык Ратцеля, при изложении конкретных географических фактов обыкновенно пишущего вполне ясным и вразуми-

[1]) Politische Geographie, стр. 90.
[2]) Ibid., стр. 3.
[3]) Ibid., стр. 4.

тельным слогом, приобретает в приведенном месте решительно мистическую окраску. И это не случайно; форма и содержание здесь вполне покрывают друг друга. В изложении Ратцеля самый предмет приобретает характер чего-то мистического. Так как государство-общество Ратцеля не связано с естественными условиями своего существования через производственный процесс, т.-е. реально, то оно срастается с ними каким-то нереальным способом—путем «вхождения» в него таких «свойств территории», как размеры, положение, вид и растительность. По Марксу, вещества природы, нужные человеку, «входят» в пользование общества посредством трудового процесса, этого обмена веществ между человеком и природой. Таков естественный факт. Там, где он игнорируется, вместо нормального обмена веществ поневоле должно появиться чудо. Теория Ратцеля есть теория непорочного зачатия. Государство живет за счет земли, но при этом «свойства земли» остаются вне низменной и политически предосудительной сферы труда. В этом заключается, сохраняя библейские образы, методологическое грехопадение Ратцеля. Истина изгнана из его системы; только случайно и тайком может он впускать ее обратно через заднюю дверь.

От этой исходной нелепости Ратцель идет все к новым и новым несообразностям. Если отношение земли и государства таково, что характер последнего определяется свойствами первой вместе со свойствами народа, то при неизменности свойств земли и народа должно, разумеется, оставаться без изменения и государство. Так Ратцель действительно и думает. Он берет благоприятную для развития государства страну, разумеется ограниченную, и говорит: «Если народ так естественно укоренен в своей стране, он все время рождается снова с теми свойствами, которые вошли и все время снова входят в него из его почвы. Древние и новые греки одинаково являются мореплавателями и купцами, жителями побережий и островов; швейцарцы XIX в. так же вольнолюбивы в своих небольших кантонах, как были их предки в XIV в.[1]). Подобно остальным влияниям, порождаемым почвой, неизменно и влияние положения страны. «Значение положения не может исчезнуть»[2]).

Все эти утверждения Ратцеля, конечно, совершенно ложны; они противоречат самым элементарным фактам диалектического бытия и мышления, но они в то же время логически неизбежно вытекают из его исходных посылок. Правда, если бы он оставался до конца столь же последовательным, он очень быстро впутался бы в такие явные противоречия, что ему пришлось бы прекратить свои дальнейшие изыскания. Поставленный перед такой альтернативой—отказаться от дальнейшей работы или пожертвовать логической последовательностью,—он выбрал второе.

Изменения, которым явно подвергается «государство» в действительности,—вот что требуется об'яснить и чего не может об'яснить почва со всеми ее свойствами в первоначальной концепции Ратцеля. Как происходят эти изменения? Тут Ратцелю приходит на помощь его теория государства, как организма. Ведь государство, представленное нам вначале как произведение свойств почвы и народа, есть, по Ратцелю, организм, а «органический характер государства требует, чтобы оно как целое двигалось и росло»[3]). То есть, в сущности государство растет только до известного предела. «Государство непременно должно оставаться обозримым и доступным об'единению в одной руке»[4]). Государство Ратцеля, которое тут неожиданно низводится на уровень первобытного общества, отнюдь еще не обладающего государственностью, это первобытное «государство воспроизводит себя, в отношении величины, всегда в одном и том же масштабе. Его движения исчерпываются этим его простым воспроизводством». «Предоставленный самому себе рост простого политического организма все время воспроизводит заново этот организм, но не создает из самого себя ничего другого». «Чтобы количество населения не превзошло привычных размеров, оно удерживается в определенных рамках всеми возможными средствами, не исключая самых жестоких, и это опять-таки ставит предел росту государства»[1]). Почему это действительно так бывает у ряда первобытных народов, Ратцель нам не сообщает. Если бы население его государств имело источником своего существования не прямо землю, а продукты ее обработки (в самом широком смысле слова), то все тотчас же раз'яснилось бы. Ибо ясно, что между количеством продовольствия, которое можно произвести, и количеством населения существует самая тесная связь. Но так как момент материального производства не введен Ратцелем в надлежащем месте в его систему, то он, конечно, и не может служить ему для раз'яснения сути дела. Подлежащий об'яснению рост «государств» уже не может быть выведен из роста источников материального богатства. Как же выходит Ратцель из положения? Рост первобытных «государств» вызывается «чужеземным влиянием»—таков его ответ. Представление о более крупных территориях и государствах вносится в сферу небольших государств чужеземцами. При таком об'яснении, конечно, невольно напрашивается следующая мысль: раз по Ратцелю всем государствам изначала присуща тенденция оставаться небольшими (обозримыми и доступными об'единению в одной руке), то как же могли возникнуть где-то на чужбине государства, явно преодолевшие этот закон небольших пространств? Должно было быть по крайней мере одно государство с другим законом роста; первое государство с более крупной территорией не могло же быть создано чужеземцами, пришедшими из такого государства, потому что это противоречило бы понятию первого. Как же тут быть? Ратцель не дает ответа. Государства, нарушившие закон «обозримой» государственной территории, во всяком случае существуют—справляйтесь с этим фактом как хотите. Ратцель стоит на своем: «Люди из областей с более обширными территориями вносят мысль о более крупном государстве в области малых государственных территорий»[2]). И это все!

Пусть так. Но как же происходит дальнейший рост государства после того, как мысль о более крупном государстве внесена со стороны в «государства», которые до того просто воспроизводили себя, не изменяясь в величине? Тут Ратцель, до сих пор втихомолку отождествлявший свое государство с примитивным коллективом, вдруг подменяет его государством с тенденциями к империалистической экспансии. «Сущность (!) государств (!),—сообщает он нам,—такова, что они развиваются в соперничестве с соседними государствами, при чем об'ектом состязания являются обыкновенно определенные территории. Целью политического развития становится приобретение территории»[1]). Так Ратцель состряпывает кое-как теорию, если не внутреннего развития, то хоть явлений чисто-пространственного роста социально-политических организмов—и вместе с тем дает нам представление о том, чего можно ждать от такого рода науки. Его прием достаточно прозрачен. Мы имеем не систему внутренно связанных научных об'яснений, а конгломерат внешне слепленных мистификаций, которые, кроме общей им всем черты научного шарлатанства, сходятся еще только в одном пункте: в сознательном устранении всякой попытки экономического об'яснения. Принцип непорочного зачатия, стоявший у колыбели ратцелевского понятия «государства», неизменно сопровождает это государство через все стадии его (мистического) роста.

[1]) Ibid., стр. 4.
[2]) Ibid., стр. 80.
[3]) Ibid., стр. 16.
[4]) Ibid., стр. 169.

[1]) Ibid.
[3]) Ibid., стр. 169.
[4]) Ibid., стр. 173.

Ратцель не был бы тем великим географом, каким он, несмотря ни на что, остается (Плеханов заимствовал из книг Ратцеля ряд примеров, доказывающих правильность исторического материализма) [1], если бы он мог удовлетвориться этими не только пустыми, но прямо-таки ложными положениями. И в самом деле не только в его «Народоведении» и «Антропогеографии», но и в его «Политической географии» встречается много частных анализов и даже ряд принципиальных замечаний, стремящихся выяснить значение экономики как промежуточного звена между природой и обществом. «Существенным остается то ..,—говорит он в одном месте,—что хозяйство ближе стоит к земле, чем политика» [2]). Или: «Мы связываем с понятием культуры представление о довольно тесных отношениях к земле (?); но еще важнее то углубление связи с землей, которое сопутствует росту оседлости... Отсюда решающее значение обработки земли для культуры, как это высказано уже в самой этимологии слова культура» [3]).

И здесь далеко не все ясно. Что означает формула: «тесное отношение к земле», поскольку она не означает интенсификацию земледельческих процессов? Тут мы опять попадаем в область мистики. Утверждение Ратцеля, что углубление земледельческой связи с почвой вызывается ростом оседлости, в такой форме тоже неправильно. Оседлость появляется результате интенсификации земледелия, которое, интенсифицируясь, прикрепляется к определенному месту; разумеется, раз возникши, оседлость в свою очередь оказывает усиливающее воздействие на земледелие, но Ратцель все же совершенно искажает картину, вычеркивая из общей диалектической связи основной фактор и отмечая только обратное действие следствия. Так приходит он к своему тезису о решающем значении земледелия для культуры, органически никак не связанному с его остальными взглядами.

Покажем на одном примере, до какой степени Ратцель не в состоянии планомерно развить мысль, содержащуюся в его только что приведенном положении. Так как при характеристике действительной основы исторического развития Ратцель не исходит из того, что Маркс назвал «производственных организмов» [4]), то он вынужден прибегнуть в своем анализе отчасти к политическим категориям, в особенности же к чисто географическим элементам. Положение страны, ее размеры, границы, переходы между сушей и морем — вот те точки зрения, с которых он исследует образование государств. В последнем отделе он останавливается, между прочим, и на реках. Первое, что он считает в них важным для государственного развития человечества, это то обстоятельство, что они являются «продолжениями моря» [5]). «Нил разделяет с Красным морем задачу соединения Средиземного моря с Экваториальной Африкой... Тигр, в смысле торговых сношений более важная из обеих месопотамских рек, дополняет Персидский залив, продолжая его на север» [6]). И как Нил является продолжением Средиземного моря, а Тигр—Персидского залива, так и Ян-тзе-кианг служит продолжением Тихого океана: «Могучие торговые государства возникли с древнейших исторических времен на Ниле, Шат-эль-Арабе и Ян-тзе-кианге, в наиболее благоприятных местах...» [7]). Ошибка в выводе здесь бросается в глаза. Именно в трех названных случаях, как об этом с полнейшей ясностью

[1]) Плеханов, Основные вопросы марксизма.
[2]) Ratzel, Politische Geographie, стр. 35.
[3]) Ibid., стр. 48.
[4]) Kapital, т. I, стр. 46, 48 и в др. местах.
[5]) Geopolitik..., стр. 520.
[6]) Ibid., стр. 521.
[7]) Ibid., стр. 522.

свидетельствует история, значение рек было в первую голову не торговым, а сельскохозяйственным. Не «могучие торговые государства» возникли там, как рассказывает Ратцель, а грандиозные оросительные культуры, в которых торговля никогда не занимала первого места, как, напр., в Любеке, Гамбурге и Нидерландах, к которым Ратцель приравнивает Египет, Месопотамию и Китай [1]). Особенно утверждение Ратцеля, что Китай вокруг устья Ян-тзе-кианга был «могучим торговым государством», производит на всякого, кто хоть сколько-нибудь знаком с экономической и социальной историей Китая, впечатление просто плохой остроты. Как на рихтгофенской теории сухой климатической зоны, так и на теории больших рек Ратцеля мы видим, какая участь ждет теоретика, исследующего не влияние естественных условий на производство, а непосредственно их влияние на обращение или на государство и идеологию. «Произвольные определения», в лучшем случае половинчатые истины или случайные догадки,—вот все, что он может дать.

5. Челлен (Kjellèn).

Идеи, намеченные Рихтгофеном и Ратцелем, каждым по-своему, были затем развиты после войны, в слегка модернизированной форме, в целую систему геополитики. Челлен, являющийся основателем этой дисциплины в более тесном смысле слова, имеет то преимущество перед обоими названными немецкими географами, что он последовательнее применяет их (неправильный) метод, чем они применяли его сами. Правда, и у них согласно их основной концепции экономический фактор не находит себе надлежащего места, но все же они учитывают его в своих конкретных анализах. Челлену же удается свести на-нет экономический фактор не только в своих принципиальных положениях, но и в своей конкретной исследовательской работе. Об'ясняется это, конечно, не тем, что Челлен от природы глупее своих предшественников (марксист знает, что подобными индивидуалистическими категориями типические явления общественной жизни отнюдь не могут быть исчерпаны), а той изменившейся общественной ситуацией, в которой Челлену пришлось формулировать свои геополитические идеи.

Хотя Рихтгофен и Ратцель оба были сторонниками империалистической политики, все же они создавали свои главные труды в такое время, когда элементы современного империализма, который родился по Ленину приблизительно к началу нового столетия, еще только начинали прочно складываться. Когда выступил Челлен (его две наиболее характерные работы были написаны в 1914 и 1916 гг.), современный империализм с его геополитически реакционными чертами уже выявился вполне. Теоретик господствующих империалистических слоев должен был притти к другим выводам и в своем научном анализе. Так это и случилось с Челленом. Его новая наука, «геополитика», не только приспосабливается к современным потребностям империалистического капитализма, но даже предвосхищает его будущие потребности. Челлену в самом деле принадлежит сомнительная слава ученого, выставившего за несколько лет до возникновения фашистского государства теорию фашизма, как высшей стадии господства буржуазии—стадии, вырастающей из «превзойденной» стадии парламентского режима и либерализма.

«Мы находимся,—говорит Челлен в своей оконченной в 1916 и появившейся в 1917 г. книге «Государство как форма жизни» [2]),—мы нахо-

[1]) Ibid.
[2]) Der Staat als Lebensform, Leipzig 1917.

димся на спуске высокой социальной волны и должны ждать нового под'ема, вершина которого принесет нам с собой новую органическую форму общества и новый принцип» [1]). Современный «демократизм», победа принципа всеобщего избирательного права была, по Челлену, необходима для разрушения отжившего средневекового государства, построенного на сословном начале. Однако парламентские методы приводят к совершенно неудовлетворительным результатам и грозят еще худшими бедами в будущем. Так как «в индустриализированном обществе трудящиеся классы составляют большинство, то эта избирательная система грозит (!) передать в их руки всю полноту власти»... [2]). Здесь, правда, шведский геополитик весьма переоценил устойчивость буржуазной демократии (и ее социал-демократических поборников); но, тем не менее, его выводы остаются чрезвычайно интересными. Различными окольными путями, напр., путем возвращения к системе пропорциональных выборов [3]), современные империалистические государства избавятся от угрозы со стороны классового своекорыстия [4]) трудящихся и приведут к «монархическому ренессансу или к цезаристской концентрации (принципу)» [5]), проделав по спирали восходящий путь от парламентаризма через принципат к новому абсолютизму (цезаризму) [6]). Как мы видим, здесь сделана попытка заранее дать теоретическое оправдание фашистским тенденциям, внутренно присущим созревшему империализму.

Этой политической программе (ибо изложенная перспектива есть вместе с тем практическая программа) соответствует и ориентировка научного анализа. В своей книге «Современные великие державы» [7]) Челлен рассматривает большие империалистические государства с четырех точек зрения, а именно—с географической («империя»), с этнической («народ»), с социальной («общество») и с публично-правовой («государство») [8]). Таким образом, в концепции нашего фашистского пророка для экономического фактора совсем не остается места. В своей книге «Государство как форма жизни» он еще ввел его, как второстепенный момент, в исследование о государстве (!). Но таким путем мистика Ратцеля не устраняется. Когда мы слышим, что государство связано с определенной почвой, «из которой оно черпает свое питание» [9]), нам тотчас становится ясно, что Челлен, пропустивший без внимания много ценного в сочинениях Ратцеля, не преминул почтительно включить в свою собственную систему основную ошибку своего учителя.

Рихтгофен и Ратцель очень подробно занимались анализом некапиталистических обществ (Рихтгофен особенно Китаем, Ратцель в своем большом «Народоведении» первобытными народами всех частей света). Правда, и эти анализы всегда исходят из точки зрения господствующего класса, находившегося тогда еще на стадии раннего империализма; но в своем естественно-научном стремлении к исчерпывающей полноте, чтобы не сказать—в своем наивном материализме, оба названные исследователя все-таки очень широко учитывают экономический момент. Челлен ставит в центр своего исследования новейшие крупные империалистические государства. Что в них играет роль хозяйство, понимает и Челлен. Но как? «Роль хозяйства в жизни

[1]) Ibidem, стр. 178.
[2]) Ibid., стр. 191.
[3]) Ibid., стр. 191 ff.
[4]) Ibid., стр. 181. Челлен говорит здесь о необходимости обуздать своекорыстие классов (каких именно, об этом он скромно умалчивает, но это совершенно ясно из всего контекста).
[5]) Ibid., стр. 195.
[6]) Ibid., стр. 196.
[7]) Die Grossmächte der Gegenwart, Leipzig—Berlin 1918.
[8]) Ibid., стр. 4.
[9]) Der Staat als Lebensform, стр. 53.

государства, в связи с сильным приростом населения (!) в наше время и с материализацией жизни вообще (!), значительно возросла» [1]). Обратите внимание на мистически туманный слог теоретика крупно-буржуазной политики! Не из экономических условий выводит он хозяйственные задачи империалистического государства, а из все большего погрязания в гнусном материализме (совсем как-будто присутствуешь на уроке в приходской школе) и из того обстоятельства, что люди, явно по неразумию, рожают слишком много детей. Правда, для методологического уровня книги очень характерно, что через несколько строк Челлен уже об'являет целью английской хозяйственной политики овладения источниками сырья и рынками сбыта [2]), а вскоре вслед затем замечает и по поводу Германии, что ей нужен «надежный рынок для закупки сырья и сбыта фабричных изделий» [3]). Но куда ведет это стремление крупных империалистических государств? Челлен, провозгласивший фашизм последним конституционным словом буржуазии, предлагает и в экономической области не менее последовательное решение вопросов. Империалистическая самодостаточность — вот что нужно, она должна наступить, и она будет завоевана. От системы открытых дверей капитализм переходит к политике «замкнутых сфер влияния» [4]). И здесь Челлен обнаруживает мало глубокомыслия в своем анализе, но зато весьма тонкое чутье последних насильственно монополистических тенденций современного империализма.

Все это имеет, конечно, самое близкое отношение к политике, но почти никакого к науке, хотя бы то и была всего только наука географического материализма. Требования шести больших германских промышленных союзов во время последней мировой войны имели с точки зрения германского империализма полный смысл; но науки, научного анализа, в них не было ни в малейшей мере. Челлен проанализировал, конечно, целый ряд вопросов; но эти анализы только показывают, что, когда метод, сводящийся в сущности не к исследованию, а к догадкам, хотят применить для точного исследования, в результате получаются только грубейшие ошибки. Даже указания на связь с географической средой, о чем столько говорят геополитики, у Челлена грубы, поверхностны и случайны. Так как производственный процесс у нашего экономического политика теоретически почти совсем выпадает, потому что он и практически-то учитывается лишь самым внешним образом, то связи, устанавливаемые Челленом в области естественных элементов социальной жизни, носят совершенно произвольный характер. Несколько примеров из его книги о современных великих державах дадут наглядное представление о шаткости, несуразности и детской беспомощности анализов отца современной геополитики.

Об английском сельском хозяйстве Челлен может сообщить только то, что почве Англии приходится бороться с влажным климатом, «не слишком полезным для полевых плодов» [5]). Что как раз благодаря этому влажному климату Англия сделалась «страной производства наилучшей шерсти» [6]), так что к концу средних веков она «почти безраздельно» царила на шерстяном рынке Фландрии (Брюгге) [7]), и что именно здесь коренятся природные причины, способствовавшие в Англии гибели крестьянского земле-

[1]) Ibid., стр. 157.
[2]) Ibid., стр. 157 ff.
[3]) Ibid., стр. 164. Челлен подходит к вопросу и со стороны аграрных государств, но останавливается только на тогдашней царской России (стр. 165). В том-то и дело, что его интересуют только «великие державы», т.-е. современные и империалистические государства.
[4]) Der Staat als Lebensform, стр. 163
[5]) Die Grossmächte der Gegenwart, стр. 91.
[6]) G. Brodnitz, Englische Wirtschaftsgeschichte, Jena 1918, стр. 438.
[7]) Ibid., стр. 233.

владения и расцвету крупного овцеводства и текстильной промышленности,— об этом «географ» Челлен, не считающий экономику конститутивным фактором политики, совсем позабыл. И если он говорит: «Горные богатства... широко компенсировали впоследствии сравнительную скудость почвы» [1]), то он, очевидно, полагает, что шерсть добывается в Англии из земных недр при помощи горных промыслов.

Анализ германских условий (1914 г.) не уступает анализу Англии. Причины необычайного роста германского капитализма после 1871 г., по Челлену, весьма понятны. Пять миллиардов, полученных с Франции, дали Германии «оборотный капитал» [2]). То обстоятельство, что на территории тогдашнего германского капитализма имелись также уголь и железо, Челлен не считает заслуживающим упоминания. Правда, могло бы показаться странным, почему французский промышленный капитализм, не имевший недостатка в свободных «оборотных капиталах» в своей собственной стране [3]), не развивался до войны так же энергично, как германский. Но тут приходит на помощь идеологическое об'яснение (недаром новая наука называется геополитикой!): дело в том, что французы—скряги, не развивающие свою промышленность из скаредности. «Французская бережливость... сидит над своей копейкой и боится активно пустить ее в оборот» [4]). Оригинальности этих анализов вполне соответствует сила прогнозов, которой великий геополитик поражает своих учеников. Расторжение единства Австрии и Венгрии представлялось Челлену в 1914 г. «безусловно невозможным» [5]). Во Франции он констатирует падение «акций республики» [6]) и возрастающую тоску по «сильной руке». «Возможно ли будет удовлетворить это стремление в рамках нынешнего государственного строя, сказать трудно» [7]). Впрочем, между строк Челлен дает понять, что восстановление монархии во Франции не невозможно, а так как парламентаризм он в сущности считает главной болезнью современной буржуазной Франции [8]), то такое восстановление было бы ему только приятно.—Для царской России он предсказывает демократизацию государственного строя и нарастание славянского германофобства (!), как наиболее характерные признаки ближайшей исторической эпохи [9]); правда, тут же он отмечает, что благодаря своей вражде к Азии, особенно к «желтым», «Россия», вероятно, опять теснее сблизится с Европой [10]). Когда читаешь это пророчество через 15 лет после его появления, испытываешь особенное удовольствие в виду воплей всей буржуазной прессы по поводу того ужасного факта, что «Россия» встала во главе угнетенных восточных народов, в том числе и «желтых», против «Европы». Что касается, наконец, Германии, то Челлен считает, что «империалистическая Великая Германия, со своим «мужественным», энергичным кайзером во главе [11]), твердо идет навстречу великому будущему [12]). В европейской федерации Германия была бы, по Челлену, «естественным гегемоном в силу своего географического и культурного положения. Для самой Германии это означало бы, что, как носительница права первородства Европы, она вступает на путь мирового владычества...» [13]).

[1]) Die Grossmächte..., стр. 91
[2]) Ibid., стр. 58.
[3]) Ibid., стр. 44.
[4]) Ibid., стр. 44 ff.
[5]) Ibid., стр. 18.
[6]) Ibid., стр. 49.
[7]) Ibid., стр. 50.
[8]) Ibid., стр. 47.
[9]) Ibid., стр. 180.
[10]) Ibid., стр. 181.
[11]) Ibid., стр. 75.
[12]) Ibid., стр. 83.
[13]) Ibid., стр. 205.

Мы собрали не без умысла эти характерные образчики анализов и прогнозов Челлена. Знакомство с литературой геополитиков показывает, что они считают Челлена краеугольным камнем, на котором покоится их новая церковь [1]); ясно, что для определения достоинства этой церкви важно выяснить характер и научную ценность ее «краеугольного камня». Немецкие географы и политики усмотрели в сочинениях Челлена огромный шаг вперед. И, правда, со своей «чисто - эмпирически - научной теорией государства» он резко выступил против господствовавших прежде отвлеченно-метафизических умозрений [2]). Но к чему, собственно говоря, сводится его эмпирический метод, его «индуктивный путь»? К тому, что в противоположность старой германской школе Челлен по крайней мере упомянул о некоторых фактах, по поводу которых прежняя география и «научная теория государства» просто хранили глубочайшее молчание. Челлен все-таки заговорил о рабочем движении, хотя, правда, как совершенно ничего не смыслящий реакционер [3]); он решился открыто назвать миродержавные вожделения Германии империалистическими, хотя в империализме он видит «не только (!) стремление к материальной выгоде», но и «чувство ответственности за свою миссию в человечестве» [4]). Он действительно дал таким образом внешнее описание хотя бы части наличных социально-политических явлений; но все дело и ограничилось этим чисто - внешним, протокольным описанием, «сырым, безыдейным словесным выражением факта» [5]). Но так как «вещи часто являются в превратном виде» [6]), то всякий, кто, игнорируя глубже лежащие промежуточные звенья, пытается непосредственно понять формы явления как выражение всеобщих законов [7]), неизбежно придет к самым нелепым «законам» и к самым бессмысленным перспективам. Законы, найденные «учителем» Челленом, и его столь же блестящие прогнозы мы иллюстрировали выше на нескольких примерах. Все, в чем он выходит за пределы самого сырого описания отдельных, интересующих его фактов (как мы видели, экономические вопросы его не интересуют вовсе, а социальные лишь в весьма ограниченной мере) все это не имеет ни малейшей научной ценности. Восторг, с каким «геополитики» приветствовали новую «звезду севера», свидетельствует не о высоком научном уровне Челлена, а о низком научном уровне геополитиков.

6. Гаусгофер.

Было бы заманчиво перейти теперь к разбору некоторых второстепенных и третьестепенных авторов, подвизающихся в «Zeitschrift für Geopolitik» по стопам своих учителей Ратцеля и Челлена. Как представители класса, имеющего возможность легко ознакомиться с целым рядом политических и экономических вопросов, они дают в своей наивной описательной манере богатый сырой материал; но в научном отношении они никогда не выходят за пределы, поставленные им их пресловутым «эмпирическим», «индуктивным» методом [8]). Поэтому мы займемся еще только Гаусгофером, ко-

[1]) Достаточно посмотреть, какая роль отводится Челлену Гаусгофером в его истории «геополитической догмы» (Bausteine, стр. 29 слл., 32), где с гордостью отмечается влияние, оказанное книгой Челлена «Grossmächte...» «на практику геополитики». См. далее стр. 49 ff, 52, 54 ff, 57, 59, 73.
[2]) Bausteine, стр. 3.
[3]) Grossmächte..., стр. 46 и 48.
[4]) Ibid., стр. 89.
[5]) Theorien über den Mehrwert, т. III, стр. 78.
[6]) Das Kapital, т. I, стр. 499.
[7]) Theorien über den Mehrwert, т. II, 2-я часть, стр. 72.
[8]) Об отношении марксизма к чисто-индуктивному методу см. Wittfogel, Probleme der chinesischen Wirtschaftsgeschichte, отдел о методологических принципах, в «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpoltik», Bd. 57, 1927. Русский перевод в «Вестнике Комм. Академии» за тот же год.

торого геополитическая школа считает своим нынешним идейным вождем, завершителем дела, начатого Ратцелем и Челленом. Гаусгофер действительно наиболее интересная фигура среди буржуазных геополитиков (о Графе и Хоррабине мы будем говорить особо). Можно даже сказать, что он до известной степени развил дальше геополитический метод и именно развил его в смысле приближения к марксистской точке зрения. Спешим оговориться: Гаусгофер не сделался марксистом, но с ним случилось, mutatis mutandis, то же, что в свое время случилось с Рихтгофеном: в своей специальной области, особенно при исследовании Японии и Китая, он уделяет в своих анализах весьма значительное место экономическому фактору (в меньшей степени социальному). Это, конечно, еще далеко не марксизм; и недаром его подход к вопросам никак не отразился ни в его собственной методологической концепции, ни в работах его учеников. Все же мы считали нужным отметить эту особенность Гаусгофера тем более, что она определенно повышает научное достоинство его конкретных исследований [1]). Далее, можно отметить некоторую склонность Гаусгофера к диалектической постановке вопроса, особенно если сравнить его подход с подходом Ратцеля или Челлена. Ратцель писал: «Значение положения (страны) не может исчезнуть». Таких застывших формулировок, на ряду с которыми, впрочем, и у Ратцеля встречаются иногда более широкие взгляды [2]), Гаусгофер старается принципиально избегать. Так, напр., он противопоставляет «статике границ, всегда обгоняемой жизнью», их «преобладающую в живой действительности динамику» [3]). Расу он считает не вечной категорией, как Рихтгофен, а чем-то изменчивым. По мере того, как потоки китайских переселенцев находили себе экономические возможности существования, происходило изменение старых этнических групп [4]). Гаусгофер придает здесь экономическому фактору гораздо бо́льшее значение, чем факторам земной поверхности с их ускоряющим и задерживающим влиянием на смешение разных групп населения [5]). Климат—формы сельского хозяйства — переселенческое движение — изменение расовых признаков, такова приблизительно схема, которую можно извлечь из анализов Гаусгофера.

Правда, до каких-нибудь общих методологических выводов не в состоянии подняться и Гаусгофер. Поскольку он не уяснил себе своеобразной закономерности экономического и социального момента (в сущности, он отмечает только г р у б ы е экономико-географические связи, пытаясь прямо вывести из них политические явления), постольку и для него неизбежно в конце концов ниспадение в старую мистику «произвольных определений». Так, напр., несмотря на очень правильные (хотя и не до конца продуманные) соображения о социальных последствиях рисового хозяйства [6]), он все-таки

[1]) Ср. особенно его книгу Zur Geopolitik der Selbst-Bestimmung. Südostasiens Wiederaufstieg zur Selbstbestimmung, Münhen u. Leipzig 1923. Далее: Grenzen in ihrer geographischen und politischen Bedeutung, Berlin 1923.

[2]) Ср. Politische Geographie, стр. 84 об изменении исторического значения Рейна, Анд, Гиндукуша.

[3]) Grenzen..., стр. 14.

[5]) Geopolitik der Selbstbestimmung, стр. 93.

[4]) Ibid., стр. 92.

[6]) Его соображения о противоположности политических образований, основанных на рисовом и на пшеничном и просяном хозяйстве, неправильны в той формулировке, которую мы находим у него. Просо, при лессовой почве и искусственном орошении, может оказывать такое же действие в смысле прикрепления крестьянства к земле, какое наблюдается в долинах Хоанхо. Если Гаусгофер говорит, что одностороннее возделывание определенных культурных растений, напр. риса, опасно для самоопределения естественного ландшафта (Selbstbestimmung, стр. 116), то, не говоря уже о мистифицирующей терминологии, это неверно даже с точки зрения самого Гаусгофера. Пример столь хорошо знакомой ему Японии мог бы убедить его, что одним рисом никак нельзя об'яснить политическую пассивность

не может об'яснить закономерностей в развитии Китая, Японии и Индии. Почему в этих трех странах так и не возник туземный промышленный капитализм? Этого факта Гаусгофер даже не п ы т а е т с я об'яснить. Почему колониальные и полуколониальные народы Южной и Юго-Восточной Азии охвачены сейчас освободительным движением? Каковы более глубокие экономические и социальные мотивы этого движения, которое Гаусгофер, правда, с удовлетворением констатирует, но для об'яснения которого он может сослаться только на «возрастающий гнет» [1]). Здесь перед нами снова внутренняя ограниченность геополитики, непреодолимая для нее даже тогда, когда она стремится сильнее выдвинуть экономический момент, как мы это и видим у Гаусгофера. По поводу одной работы автора настоящей статьи Гаусгофер выразился однажды, что именно буржуазные ученые должны основательно знакомиться с такими книгами: «Иначе видишь только «одну сторону баррикады»; в противоположном же стане (у коммунистов. *К. В.*) видят, хотя и в искаженной ненавистью перспективе, все-таки обе стороны. А по геополитической логике тот, кто видит обе стороны, имеет козырь в области практического действия!» [2]). Гаусгофер несомненно вдумался глубже, чем большинство его коллег, в национально-революционное движение Азии; он усердно следил также за новой советско-русской литературой по географически-марксистским вопросам (она содержит, по его отзыву, «шедевры геополитической мысли» [3]),—и все-таки он остался на буржуазной стороне баррикады. В освободительной борьбе Востока он в состоянии усмотреть только желательный для его класса в настоящей обстановке бунт угнетенных национальностей против конкурирующего с германским империализмом империализма остальных держав. Внутренняя социальная закономерность этой борьбы остается для него книгой за семью печатями. Тут он не останавливается даже перед искажением истории, каким фактически является его характеристика реформы Ван Ан-ши в Китае [4]), и перед детскими прогнозами, возвещающими скорый конец «большевистского эксперимента» в Советском Союзе («другие аналогичные (!) попытки тоже (!) никогда не продолжались, как и попытка Ван Ан-ши,... больше десятилетия» [5]). Похвалы, которые он расточает геополитически одумавшимся, по его мнению, социал-патриотам в роде «Виннига и отдельных младо-социалистов» [6]), как нельзя лучше сочетаются с его выпадами против ленивых немецких пролетариев, которые «фактически бегут от тяжелого сельскохозяйственного труда, продолжающегося 12 часов в день и больше» [7]). А когда слышишь его опасение, как бы Германия не осталась «фильтром для восточных евреев между романским и

[1]) Selbstbestimmung, стр. 120.

[2]) Zeitschrift für Geopolitik, год издания IV, 1927, стр. 120.

[3]) Bausteine, стр. 42.

[4]) Selbstbestimmungsrecht, стр. 149 ff. Ср. далее H a u s h o f e r, Geopolitische Einflüsse bei den Verkörperungversuchen von nationalem Sozialismus und sozialer Aristokratie,—Zeitschrift für Geopolitik, год издания I, 1924, стр. 127 слл. Здесь мы находим и более чем жалко обоснованный тезис, что осуществление международного социализма невозможно в силу земельных оснований. Почему? Потому, отвечает Гаусгофер, что на различных территориях «наиболее рациональная» величина земельного владения, могущего при единообразной обработке прокормить определенное количество душ», оказывается различной (Zeitschrift für Geopolitik, т. I, 1924, стр. 128). Гаусгофер, очевидно, где-то вычитал, что коммунизм заключается в уравнении величины всех сельскохозяйственных предприятий. Из какого юмористического листка он почерпнул эту мудрость, мы не знаем; но для «осведомленности» геополитиков весьма показательно, что даже умнейший из их нынешних представителей в Германии ничего не смыслит в азбуке революционного марксизма.

[5]) Selbstbestimmungsrecht, стр. 158.

[6]) Bausteine..., стр. 40

[7]) Ibid., стр. 76.

славянским миром» [1]), то становится вполне ясно, почему и нынешний вождь геополитической школы, загнанный положением своего класса в тупик чисто-оборонительной позиции, уже неспособен возвыситься до взглядов, адэкватно отражающих материальную подоплеку современной политической жизни. Подобно своим остальным товарищам по классу, он не в состоянии действительно увидеть другую сторону баррикады. И поэтому ему поневоле придется помириться с теми практическими невыгодами, которые вытекают отсюда для него и для его класса согласно его же собственной геополитической логике.

Как теоретически отдельные геополитики отличаются друг от друга легкими индивидуальными нюансами, так и их политические выводы приобретают разные оттенки. Но по существу эти выводы совершенно тождественны: это—призыв к борьбе за сохранение буржуазных (и, где они еще играют роль, феодальных) привилегий, при чем подчеркивается, что для достижения своих классовых целей необходимо вести империалистическую политику. Это та линия, которую единодушно наметили Рихтгофен, Ратцель и Челлен. Заигрывание Гаусгофера с национально-революционным движением в Азии вполне совместимо с основной нео-империалистической тенденцией этой характерной современно-буржуазной политики. На что Гаусгофер только намекает, то прямо высказывает Обст, один из редакторов геополитического журнала. Области, захваченные другими империалистическими державами, «созрели» для самостоятельности. «Население Ближнего и Дальнего Востока,—пишет Обст,—почти совершенно сравнялось с европейцами в смысле цивилизации и культуры, и мы слишком хорошо понимаем, что там (!) человечество добивается полной свободы и хочет самостоятельно определять свою судьбу» [2]). Идеализм по отношению к колениям соперничающих держав не оставляет желать ничего бо́льшего! Но что касается областей, которыми прежде владела Германия и которых она теперь снова требует себе, то тут, разумеется, дело обстоит совсем иначе. «Мы,—заявляет проф. Обст, разумея под этим «мы» новый германский империализм,—мы хотим развивать колонизационную деятельность вовсе не в азиатских странах, а в Африке и в южной части Тихого океана! Народы этих обширных областей еще не могут обойтись без учителя и друга...». «Мы» принесем им культуру, в которой, как известно, у нас самих нет недостатка. «В духе такого обязательства перед человечеством мы собираемся продолжать германскую колониальную политику... Без низменного своекорыстия...» и т. д., и т. д. [3]). Как видим, это та же песенка, которую уже наигрывал на империалистическом рожке Челлен (империализм, как «чувство ответственности за свою миссию в человечестве»). И тут буржуазная германская республика продолжает гордые традиции Гогенцоллернской империи. Напомним, что колониальные резолюции Брюссельского с'езда II Интернационала, член которого Граф старается привить революционному рабочему движению «геополитическое» мышление, насквозь проникнуты духом новогерманского империализма.

«Без низменного своекорыстия...,—восклицает Обст на стр. 153 своей статьи,—мы требуем возвращения наших колоний!» Двумя страницами ниже он со вздохом облегчения скидывает с себя ангельские крылья и берет в руки гораздо более подходящие ему счеты. «Без низменного своекорыстия» он высчитывает, что́ нужно нынешнему германскому капитализму. «Во-первых, у нас нет рынков сбыта для наших фабричных изделий, а, во-вторых,... дешевого сырья. То и другое одинаково катастрофично для германского хозяйства» [1]). Затем Обст соображает, что́ можно было бы в этом отношении извлечь из требуемых себе германским империализмом областей (и чем снабдить их), и приходит к следующему выводу, знаменательному для каждого, даже социал-демократического, друга колониальных народов: «Таким образом не подлежит сомнению, что мы постепенно можем получить большую часть потребного для нашей промышленности сырья из колоний» [2]). Аналогичное значение могли бы приобрести «германские колонии» как рынки сбыта. «Они явились бы серьезнейшим средством для предотвращения хозяйственной катастрофы и страшной безработицы в нашем отечестве» [3]). И в заключение — громогласный вывод: «Германия погибнет, если не получит обратно своих колоний в кратчайший срок» [4]) (Подчеркнуто самим Обстом).

Мы не будем останавливаться на вариациях, в которых та же тема появляется у менее выдающихся представителей геополитики [5]); не будем останавливаться и на доказательстве научной сомнительности всех расчетов Обста—еще до войны в тех же кругах производились аналогичные расчеты, при чем тогда они подвергались уничтожающей критике со стороны социал-демократии, еще не успевшей породниться с империализмом; не будем, наконец, останавливаться на дальнейших примерах, иллюстрирующих «научные» достоинства придворных теоретиков ново-германского империализма. Выше мы установили на основании одного лишь знакомства с методом геополитиков, что, не видя промежуточных звеньев, они не могут притти ни к чему иному, кроме паралогизмов, произвольных определений и фантастических прогнозов; теперь, ознакомившись с их политической программой, мы видим, что все это есть необходимая теоретическая изнанка их практической защиты империализма.

В такой момент, когда противоречия капитализма обострены настолько, как мы это наблюдаем сейчас особенно в Европе, буржуазная наука о социальных явлениях уже не может высказывать правильных общих идей, не признавая вместе с тем всех этих противоречий, а заодно и неизбежного наступления пролетарской революции. Поэтому буржуазная наука имеет еще хоть какую-нибудь познавательную ценность только в области детальной исследовательской работы, да, впрочем, и здесь лишь в соединении с грубыми методологическими ошибками. А так как геополитика — синтетическая наука, так как она пытается сочетать различные «элементы» общественной жизни (Челлен насчитывает четыре таких элемента) в единство

[1]) Ibid.
[2]) E. Obst, Wir fordern unsere Kolonien zurück! Zeitschrift für Geopolitik, III, 1926, стр. 152 ff.
[3]) Ibid., стр. 156.

[1]) Ibid., S. 156.
[2]) Ibid., стр. 157.
[3]) Obst, там же, стр. 159.
[4]) Ibid., стр. 160.
[5]) Очаровательны в этом отношении писания A. Dix'a, напр., его «Politische Erdkunde», Бреславль 1922 г., где он тоже проявляет живейший интерес к «возвращению наших африканских колониальных владений» (стр. 85). Dix, выступивший со столь поразительной для всякого знатока Маркса теорией о том, что Маркс, как настоящий еврей, обрушился с такой силой на «промышленный капитал», чтобы выгородить «подвижной ссудный капитал»,—этот самый Dix переводит слово империализм выражением «государственное чувство», т.-е. действительно стремится морально выгородить хищническую политику империалистической буржуазии, между тем как Маркс заклеймил ростовщический капитал с такой страстью, как может быть ни один экономист до него. Тот же Dix наивно отождествил основные линии мировой политики с сущностью империализма. Эти основные линии он видит в стремлении к источникам продовольствия, источникам сырья, рынкам сбыта и областям инвестирования (Polititsche Geographie, стр. 36 слл). Passarge («Die Erde und ihr Wirtschaftsleben», Hamburg und Berlin 1926) не геополитик в тесном смысле слова, но, по своему подходу к общественно-политическим вопросам, близок к этому направлению. Экономико-географическая точка зрения связывается у Passarge'a с такой метафизикой расы, для характеристики которой выражение «махровый антисемитизм и шовинизм» было бы слишком слабо.

высшего социального целого, то на ней закон исчезающей познавательной ценности буржуазной науки в эпоху империализма сказывается с особенной силой. Каждый в отдельности совсем не глуп, все вместе — стадо баранов, это выражение Фридриха II по поводу его генералов вполне приложимо и к отношению между отдельными дисциплинами, которыми оперирует геополитика, и ею самою. Отдельные конкретные описания и анализы геополитиков еще бывают основательны и порою даже проникнуты наивно-материалистическим духом. Но их синтез носит ребяческий характер. Наивысшее, с революционно-критической точки зрения, достижение геополитики может заключаться лишь в накоплении сырого материала, который марксистски-ленинистская наука должна критически разложить на его составные элементы и уже только потом использовать его для совершенно иного общего построения.

7. Граф.

Граф, как мы уже упомянули, упрекает Маркса и многих марксистов в «игнорировании первичных элементов природной обстановки» [1]. «С другой стороны, исключительно географический подход какого-нибудь Ратцеля и некоторых его учеников, зачастую слишком много вкладывающий в предмет от себя, тоже должен был отвергнут...» [2]. Граф, очевидно, считает необходимым об'единить оба направления, при чем, как настоящий «левый» социал-демократ, он на словах отдает предпочтение Марксу, а на деле Ратцелю. В принципе он хочет «ввести» в исторический материализм не только результаты исследований, но и исследовательские методы тех географов, в которыми мы выше старались познакомить читателя; в действительности же он почти совсем не помышляет об историческом материализме, которого он, как мы сейчас покажем, вовсе и не знает в его методологически важнейших пунктах, а втихомолку подменяет исторический материализм географическим, при чем, как настоящий эпигон, еще ухудшает этот последний. Он относится без всякой критики к Ратцелю, которого он знает и за которым следует, и критикует Маркса, которого он не знает—по крайней мере, в вопросе о роли первичных элементов природной обстановки. Полная гармония между научной и практически-политической позицией «левого» социал-демократа тут очевидна.

«Уже самый климат привязывает государства к совершенно определенным частям земного шара»,—заявляет Граф, выпуская по примеру Ратцеля экономическое промежуточное звено и прямо «умозаключая» от природных предпосылок к политическому укладу. «Уплотнение народонаселения и образование государств ограничивается, главным образом, умеренным поясом» [3]. Здесь Граф повторяет без всякой критики утверждение старой географической школы, отчасти догматически вопринятые и Ратцелем [4]. Однако количество народонаселения, а равно и политический строй, возвышающийся над социально-экономической жизнью и выражающий ее собою, определяются отнюдь не этими абстрактными, изолированными географическими моментами, а способом и продуктивностью производственного процесса, развертывающегося на определенной природно-общественной базе. Конкретный анализ показывает, что как раз жаркие и одновременно сухие области, имевшие возможность создать искусственное орошение, давали пропитание огромным человеческим массам и становились территориями крупных государств. «Благодаря климату и условиям почвы, особенно

[1]) Graf, Die Landkarte Europas Gestern und Morgen, стр. 29.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) Ratzel, Anthropologie, т. I, стр. 372 und 378.

огромным пустынным пространствам, которые тянутся от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Туркестан до высочайших плоскогорий Азии, искусственное орошение при помощи каналов и водяных сооружений сделалось основой восточного сельского хозяйства. Безусловная необходимость бережливого и экономного использования воды... вызвала на Востоке... появление централизованной правительственной власти» [1]. Стало быть, по Марксу, не какой-нибудь односторонний абстрактный момент, а совокупность разных элементов природной обстановки, «изменение естественных условий, в которых он (человек. *К. В.*) живет», заставляет человека «разнообразить свои собственные потребности, способности, средства труда и способ труда» [2]. И поэтому тезис о большей плотности населения и об образовании более крупных государств в умеренном поясе должен быть отвергнут как «произвольное утверждение», как типичный пример геополитического недомыслия. По Ратцелю, «климат является жарким, когда средняя годовая температура выше 20°; при умеренном климате она падает до 10° [3])... Но средняя годовая температура составляет:

в области старого Вавилона (Багдад)	22,8°	по Ц.
„ Египте (Каир)	21,6°	„
„ Алгабаде (долина Ганга)	24,4°	„
„ Агре	26,0°	„
„ Бомбее	26,5°	„ [4])

Большинство населения Китая живет в долине Ян-тзе-кианга, в субтропическом климате со средней годовой температурой в 15—20°. В перечисленных выше областях возникли первые во всемирной истории гигантские очаги массового сосредоточения населения, первые крупные государственные образования. До сих пор половина всего населения земного шара живет в тех местах. Мы видим, до какой степени абстрактный метод Ратцеля и его последователя Графа не в состоянии «дополнить» метод Маркса. Маркс, который, по Графу, игнорировал «первичные элементы природной обстановки», на самом деле проанализировал и использовал их для своих выводов гораздо подробнее, тоньше и, главное, правильнее, чем Ратцель и его социал-демократический пророк Граф. Момент производства, из которого, по Марксу, должен быть понят весь процесс общественной жизни, учитывается Графом так же мало, как и Ратцелем. «Территория становится государством лишь благодаря людям, которые на ней организованно живут и общаются, которые питаются, одеваются и размножаются в ее пределах» [5]. В этой формулировке мы имеем, во-первых, замену маркса-энгельсова взгляда на государство взглядом Ратцеля (классовый момент, без которого, по Марксу, нет государства, здесь отсутствует; в дальнейшем он искусственно пристегивается [6]), но таким образом не Ратцель «введен» в Маркса, а Маркс пристегнут к Ратцелю; а, во-вторых, Граф забывает, совершенно как и Ратцель, о моменте производства. Как население этого ратцеле-графского «государства» добывает себе пропитание и одежду без затраты труда, это остается тайной Графа. Тут мы опять сталкиваемся с уже знакомым нам непорочным зачатием, столь характерным для мышления буржуазных географов (поскольку речь идет об их методе, а не об их конкретной исследовательской работе).

[1]) K. Marx, Die Britische Herrschaft in Indien,—«Unter dem Banner des Marxismus», т. I, стр. 386.
[2]) Das Kapital, т. I, стр. 478.
[3]) Ratzel, Anthropogeographie, т. I, стр. 354.
[4]) Составлено по Wohltmann, Die natürlichen Faktoren der tropischen Kultur, Leipzig 1872, стр. 63 ff.
[5]) Graf, Die Landkarte Europas, стр. 56.
[6]) Ibid., стр. 78.

В дальнейшем вместе с классовым моментом пристегивается к первоначальной ормуле и хозяйственный момент. Люди «не просто проживают на данной территории, они хотят жить» [1]). Это неудачное выражение Графа не простая обмолвка. Примат сферы материального производства, установленный Марксом, по существу исчезает у Графа. По Марксу, исторические образования растут и приходят в упадок вследствие изменений в области производительных сил, а, стало быть, и способов производства. Граф переносит причины исторических процессов из области производства в область сношений. «Все великие мировые империи прошлого погибли от недостатка средств сношений» [2]). «Несмотря на обширную шоссейную сеть и широко разветвленную организацию курьерной службы, не удалось сохранить ни Римскую империю, ни империю Карла Великого, ни империю Карла V; примитивная техника сношений не могла осилить расстояний, превосходивших определенные размеры» [3]). Грубость этого подхода, совершенно такая же, как у буржуазных геополитиков, обнаруживается уже в том, что здесь сваливаются в одну кучу три столь различных общественных комплекса, как основанная на рабском труде Римская империя, раннефеодальное государство Карла Великого и поздне-феодальное, с зачатками раннего капитализма, государство Карла V. По Энгельсу, античный мир погиб оттого, что распалась характерная для него форма производства, его основанное на рабском труде хозяйство. «Рабство сделалось экономически невозможным» [4]); отсюда гибель Рима. По Графу же, гибель Римской империи была вызвана недостаточным развитием средств сношений.

В другом месте движущей силой развития об'является рост народонаселения. «Число людей возрастает, — цитирует Граф своего учителя Ратцеля,—а земля... остается все той же. Она должна, значит, давать пропитание все бо́льшему количеству людей, приносить все больше плодов...». Эту цитату из Ратцеля Граф заканчивает выражением своего полного согласия: «Этим об'ясняется и масштаб государственного развития» [5]). По Марксу, возможный рост народонаселения определяется производительностью общественного трудового процесса в каждый данный момент; по Ратцелю-Графу, земля должна «приносить больше плодов» потому, что увеличилось количество людей. Движение народонаселения, являющееся у Маркса зависимой величиной, превращается в определяющую величину, а производительность труда—в производную.

Там, где Граф учитывает экономический фактор, он делает это большей частью в той грубой, абстрактной и недифференцированной форме, которая отвергается Марксом и которую мы, между прочим, констатировали и у Гаусгофера. «Государства, хозяйственная жизнь которых строится на ресурсах органической природы, отличается спокойным, равномерным развитием, без внезапных переломов в их структуре». «Наоборот, в государствах, живущих, главным образом, за счет минеральных естественных богатств, замечается какая-то беспокойная торопливость, что-то форсированное и скачкообразное» [6]). Под «продуктами органической природы» Граф понимает, по его собственному указанию, животных и растения. В таком случае его характеристику государств, «построенных на ресурсах органической природы», следует назвать более, чем странной. Разве великие кочевые государства монголов, разве арабская империя, разве негритянские

[1]) Ibid., стр. 77.
[2]) Ibid., стр. 89.
[3]) Ibid., стр. 89 ff.
[4]) F. Engels, Der Ursprung der Familie и. т. д., 15-е изд., Stutgart 1918, стр. 154.
[5]) Graf, там же, стр. 26.
[6]) Ibid., стр. 80 слл.

царства Средней Африки и государства Индии отличались «спокойным, равномерным развитием»? Не вернее ли сказать, что именно для подвергавшихся завоеваниям кочевников государственных образований в Восточной и Южной Азии, а также в Африке, характерны беспокойство, форсированность и скачкообразности? Графу, очевидно, неясно предносилась мысль о неравномерном развитии современных капиталистических государств; но в таком случае он должен был бы постараться проанализировать сначала различный характер этой «скачкообразности» у капиталистических промышленных государств и у докапиталистических земледельчески - кочевых. Он предпочел ограничиться указанием на внешние политические признаки, которые он к тому же неправильно определяет, потому что выводит их, по примеру географов, из абстрактных частных моментов природной обстановки, а не из своеобразия совокупных условий производственного процесса.

Приведенными примерами мы считаем доказанным наше утверждение, что Граф, который на словах примыкает к Марксу, на самом деле подменил марксов метод методом Ратцеля и его учеников,—к великому вреду для научной ценности своих работ. С таким «дополнением» исторического материализма, связанным с грубейшим незнанием действительного значения природных факторов в системе Маркса, революционному марксизму нечего делать. Это теоретическое исправление марксизма стоит на одной доске с его политическим исправлением, к которому Граф приходит в конце своей работы: вместо призыва пролетариата к возвещенной Марксом боевой цели пролетарской диктатуры Граф считает своей задачей способствовать воспитанию рабочих «в духе демократии» [1]).

8. Хоррабин.

Переходя от Графа к Хоррабину означает в известном смысле шаг назад, но в то же время он является и шагом вперед. Граф пытается ввести идеи буржуазных политических географов ратцелевской школы в рабочее движение в такой стране, в которой уже имеется обширная марксистская литература, и почти все важные проблемы исторического материализма уже подверглись подробному обсуждению. Германский социалист Граф стоит на плечах рабочего движения, которое, по крайней мере, по сравнению с движением английских рабочих, выросло в гораздо бо́льшей степени под влиянием марксистских мыслей. Известно, как сильно подчеркивали Маркс и Энгельс превосходство германского рабочего движения над английским, при всем их внимании к мелкобуржуазным реформистским тенденциям и опасностям. Даже Ленин называл еще своими учителями и учителями всего русского революционного социализма, кроме таких людей, как Плеханов, немецкую школу марксистов, группировавшихся вокруг «Neue Zeit». В Германии, где легко можно было достать все опубликованные к тому времени важнейшие произведения Маркса и Энгельса, в стране, где издавалось «Die Neue Zeit», в которой, между прочим, и Плеханов принципиально высказался по вопросу об отношении географии к историческому материализму [2]), и где всякий марксист, в том числе и Граф, имел возможность познакомиться с книжкой Плеханова «Основные вопросы марксизма», с ее весьма ясной постановкой вопроса о первичных естественных условиях, — в Германии возвращение такого человека, как Граф, к буржуазному географическому методу, без основательного разбора взглядов Маркса и Энгельса на природные факторы и опирающихся на эти взгляды формулировок Пле-

[1]) Geographie und materialistische Geschichtsauffassung, стр. 587.
[2]) Плеханов, Die Zivilisation und die grossen historischen Flüsse,—«Neue Zeit, 9-й год издания, т. I, стр. 437—448.

ханова, является по меньшей мере преступной неряшливостью, а вернее—сознательным отходом от уже достигнутого уровня марксистской мысли.

Наоборот, в Англии, где массовое пролетарское движение еще не прошло, как в Германии, хотя бы легальную школу классовой борьбы, и где поэтому до войны еще вовсе не было, если не считать отдельных попыток, сколько-нибудь развитой марксистской теории,—в Англии географический материализм Хоррабина не мог явиться шагом назад, потому что здесь еще не был сделан тот, пусть неполный, но все же несомненный шаг вперед, которым могло гордиться германское движение до войны. В Англии буржуазные политические географы формулировали свои теории, а главное вели свою конкретную исследовательскую работу, не полемизируя замаскированно или явно с марксизмом, как их немецкие коллеги [1]), не лицемеря и не боясь своего собственного материалистического подхода к вещам. И поэтому, когда Хоррабин шел, подобно Графу, по стопам буржуазных географов, он имел в их лице более материалистических учителей, в которых к тому же воплощался весь мировой политический опыт английской буржуазии, господствовавшей больше ста лет над миром и привыкшей поэтому мыслить континентами. В результате «Экономическая география» Хоррабина, к тому же более самостоятельного по отношению к своим буржуазным предшественникам, чем Граф по отношению к Ратцелю, проникнута крепким конкретным материализмом, который по крайней мере чувствует основные соотношения действительности, даже когда не может выразить их в точных понятиях. Английский либерал Гобсон, поставленный в только что отмеченные нами благоприятные условия, проник грубо-эмпирическим путем гораздо глубже в сущность современного империализма, чем дюжина центристских марксистов на континенте. Так и Хоррабин инстинктивно угадал целый ряд важных связей между природными факторами исторического развития и его конкретной экономико-политической формой.

Если бы мы хотели охарактеризовать разные положительные черты Хоррабина в отдельности, мы должны были бы прежде всего остановиться на том значении, какое он придает, инстинктивно следуя директивам марксизма, природно-обусловленным производительным силам, как факторам, определяющим данные особенности производственного процесса. Вспомним, например, как мистично об'ясняет какой-нибудь Челлен или сотрудник геополитического журнала Гюнтер сравнительную пока слабость промышленного развития Франции (по Челлену, как мы уже видели, все дело сводится к скаредности французских рантье; Гюнтер не находит для довоенного состояния французской промышленности никакого об'яснения, а ее послевоенное развитие об'ясняет с помощью идеологических моментов [2]). Если мы сопоставим с этими «об'яснениями» ясное указание Хоррабина, что все дело здесь в своеобразном положении с сырьем, особенно в отсутствии достаточных количеств угля [3]), недостаток которого и Маркс считал, в виду бо́льшей дороговизны его транспорта, гораздо более роковым, чем недостаток более ценного и легче окупающего траспортные издержки железа [4]),—то мы сразу убедимся в превосходстве географического материализма Хоррабина над идеологически-абстрактным подходом немецких геополитиков. В вопросе об упадке английского капитализма Хоррабин тоже совершенно по-марксистски

[1]) См. Ratzel, Die Erde und das Leben, Leipzig und Wien 1902, стр. 631, где Ратцель определенно оговаривает, что его понимание отнюдь не приводит к «материалистическому воззрению на человечество и его историю».

[2]) A. Günter, Über Frankreichs geopolitische Stellung,—Zeitschrift für Geopolitik. I, 6-й вып., стр. 347 ff.

[3]) Horrabin, Grundriss der Wirtschaftsgeographie, нем. издание 1926, стр. 176.

[4]) Theorien über den Mehrwert, т. II, 2-ая часть, стр. 153 слл. Ср. также Das Kapital. т. II, 1-я часть, стр. 82 слл. и 96.

подчеркивает, как один из важнейших моментов, затрудненность дальнейшей эксплоатации еще имеющихся угольных запасов [1]). На промышленной ступени уровень производительности труда определяется, по Марксу, при равных общественных условиях, бо́льшим или меньшим богатством природно-обусловленных средств труда. Именно этим об'ясняется с точки зрения исторического материализма, которому здесь нечего заимствовать у представителей географической науки, значение сырья на промышленной ступени развития человечества. Отсюда становится понятной и та огромная роль, которую Ленин приписывает проблеме сырья, особенно в эпоху империализма, когда эти важнейшие природные предпосылки производства монополистически закрепляются за отдельными державами.

На ряду с такими наивно-марксистскими чертами в экономической географии Хоррабина, к которым следует также отнести его инстинктивно-диалектическое подчеркивание исторически меняющегося характера природных условий [2]), встречается у него, конечно, и ряд мест, где крайне отрицательно сказываются недостатки его точки зрения. Ибо при всем ее превосходстве над абстрактным, эклектичным, эпигонским подходом немецкой школы Ратцеля она в решающих пунктах все же игнорирует основные требования исторического материализма. Если Ленин упрекнул честно революционного французского социалиста Голе (Golay) в том, что он игнорирует марксизм и поэтому впадает в практически-политические ошибки [3]), то этот упрек сохраняет свою силу и по отношению к практике научной работы. Нельзя, говорит Ленин в своем разборе брошюры Голе, быть революционным социалистом, не участвуя по мере сил в изучении и разработке марксизма [4]). Хоррабин мог бы систематически провести то, чего он теперь часто достигает инстинктивно, если бы он принципиально уяснил себе роль природного фактора в процессе экономической, социальной и политической жизни человечества. В начале своей книги Хоррабин определенно указывает, что из двух факторов, определяющих развитие общества, он выдвигает только один, хозяйственно-географический, другой же «принципиально важный фактор истории, классовая борьба, эксплоатация одной части человечества другою, ... не входит непосредственно в задачу его изложения» [5]). Разумеется, промежуточный момент «процесса социальной жизни», как называет эту область Маркс, непременно должен быть введен в анализ, хотя бы только бегло; но как ни важно введение этого момента, которого Хоррабин действительно не учитывает в решающих пунктах к великому для себя вреду, не менее важен и подробный анализ роли, принадлежащей «природно-обусловленным производительным силам» [6]), общим природным условиям производства (и транспорта, как момента самого производства), в процессе развития способов производства и тем самым в процессе построения всей общественной жизни. Не учтя обоих этих моментов, Хоррабин допустил в своих анализах ряд промахов. Наиболее важные из них в политическом отношении уже отмечены Г. Валецким в его предисловии к немецкому изданию книги Хоррабина, так что мы можем ограничиться здесь раскрытием его ошибок в области исторических анализов.

Граф «вывел» падение Римской империи из недостаточности ее средств сношений; Хоррабин не поднимается над этим уровнем, когда об'ясняет паде-

[1]) Horrabin, там же, стр. 141 слл.

[2]) Ibid., стр 21.

[3]) Ленин, Честный голос одного французского социалиста (Против течения).

[4]) Там же.

[5]) Horrabin, там же, стр. 31 слл.

[6]) Marx, Das Kapital, т. I, стр. 480.

ние Рима «чрезмерной растянутостью» границ империи [1]). Для об'яснения исследуемого факта он обращается не к области производства, как это сделал Энгельс, и по отношению к данному конкретному случаю, а к соображениям из области техники транспорта и военного дела. Типичный геополитический паралогизм здесь совершенно ясен.

Почему пала только Западная Римская империя, тогда как Византия хотя и пришла в сильный упадок, но все же продолжала существовать на низком торгово-капиталистическом уровне? На этот вопрос Хоррабин даже не ищет ответа; он только констатирует самый факт [2]). Если бы он задумался над различием природных предпосылок сельского хозяйства в западной и в восточной половине Римской империи, он может быть наткнулся бы на факт необходимости искусственного орошения на Востоке и на вытекающее отсюда следствие, что основной формой труда был там крестьянский, а не рабский труд. А это дало бы ему в свою очередь возможность об'яснить большую сопротивляемость Востока, не подорванного вконец системой рабства. Конечно, для этого был бы необходим подробный анализ различных факторов, сопоставляющих процесс производства. Но именно этого анализа Хоррабин и не произвел.

Отсталость азиатских стран Маркс об'ясняет своеобразием сложившегося там порядка производства [3]), а Хоррабин (специально в отношении Китая)—удаленостью страны [4]). Таким образом, и здесь момент техники сношений господствует у Хоррабина над моментом производства (Маркс тоже подчеркивает факт изолированности Китая; но у Маркса это вторичный фактор, об'ясняющий не то, почему Китай не мог самостоятельно развиться до степени промышленного капитализма, а лишь то, почему вызванный совершенно другими причинами застой Китая не был так долго нарушен извне [5]).

Победа Англии и Голландии над Испанией и Португалией стала, по Хоррабину, возможна потому, что оба северные государства создали более квалифицированный тип судна, чем страны Иберийского полуострова [6])! И здесь геополитический паралогизм бросается в глаза. Как известно, Маркс тоже занимался историей Испании. Застой и упадок Испании со времени Карла V он об'ясняет из экономических моментов [7]), а не из производных и потому второстепенных моментов техники сношений.

Таким образом географический материализм Хоррабина, как ни много в нем черт, роднящих его с марксизмом, все же еще очень далек от марксистского мировоззрения. Политическая шаткость, таящаяся в его работе, является органическим выражением неясности его принципиальных взглядов. Если точка зрения Графа означает фактически капитуляцию перед принципами буржуазной геополитики, то Хоррабин еще может развиться до последовательно - революционного марксизма (по крайней мере, судя по его «Экономической географии»); но, разумеется, возможно и то, что при усилении в его мысли абстрактных «геополитических» моментов (а соответственно этому пошло бы и его развитие в области практической политики) он станет двигаться вниз от марксизма и от революционного рабочего движения.

[1]) Horrabin, там же, стр. 60 слл.
[2]) Ibid., стр. 61.
[3]) «Unter dem Banner des Marxismus», т. I, 2-й выпуск, стр. 388.
[4]) Horrabin, там же, стр. 24 und 147.
[5]) Marx, там же, стр. 380.
[6]) Horrabin, там же, стр. 78.
[7]) Gesammelte Schriften von K. Marx und F. Engels, 1852 bis 1862, herausgegeben von Rjasanoff, 2-е издание, Stuttgart 1920, стр. 416 ff.

К пониманию марксовой теории кризисов.

Н. Цаголов.

«При теоретическом методе (политической экономии) суб'ект, т.-е. общество должно постоянно витать в нашем представлении как предпосылка».
(Маркс. К критике политической экономии, Введение).

I.

Исследование проблемы капиталистического воспроизводства может быть плодотворным только в том случае, если для нас «витает как предпосылка» представление о капиталистическом производстве, как производстве прибыли. Хотя всякое производство является производством потребительных стоимостей, в капиталистическом обществе потребительная стоимость производимых капиталистом вещей для него может быть принята за нуль. Для него они являются лишь источником прибыли, только с этой стороны они его интересуют. Но в этом случае мы впадаем в противоречие. С одной стороны, должны быть созданы потребительные стоимости, с другой — как потребительные стоимости для их владельца они не представляют никакой ценности. Оставаясь в пределах одного предприятия, это противоречие неразрешимо. Только на арене общественного производства это противоречие находит свое разрешение. Однако это противоречие в своей общей форме свойственно и простому товарному производству. И здесь вещь выступает для своего владельца как непотребительная стоимость и лишь для своего невладельца выступает как потребительная стоимость. Это есть противоречие всякой товарной формы. Уже это противоречие, как указано Марксом, в своей развитой форме, форме противоречия товара и денег, является условием и общей возможностью кризисов. Это же противоречие между товаром и деньгами может быть характеризовано, как развитое противоречие между частным и общественным характером труда, производящего стоимость. Труд, выступая непосредственно как частный, может реализовать себя как производительный, проявив себя только как труд общественный. Рынок санкционирует общественный характер того или иного вида труда; превращение в деньги есть реальная форма этой санкции. Но эта санкция означает вместе с тем, что и до этой санкции этот частный труд обладал общественным характером, был частью общественного труда, ибо рынок не создал это общественное свойство труда, а лишь санкционировал его. Динамика капиталистического общества есть динамика конфликтов этих двух сторон труда. В марксистской литературе этот конфликт именуется как противоречие между общественным характером труда и частным характером присвоения. Это то общее противоречие, которое является формой всяких катастроф товаропроизводящего общества. Однако наша задача заключается в том, чтобы об'яснить не кризисы хозяйства вообще, не кризисы товарного хозяйства вообще, а кризисы капиталистического хозяйства, которые принци-

пиально отличны от кризисов всех других общественных формаций как по своей морфологии, так, как мы постараемся дальше показать, и по внутренним основам. Уже два внешних факта: перепроизводство и периодичность, правильная повторяемость одних и тех же в общем явлений заставляет резко отграничить капиталистические кризисы от кризисов других общественных формаций, в том числе и кризисов простого товарного хозяйства. Сказанное не означает, что простое товарное хозяйство не может иметь кризисы с явлениями перепроизводства. Последние для этой формы хозяйства нельзя считать абсолютно исключенными, но тем не менее кризис перепроизводства не является имманентным ему явлением, ибо простое товарное общество является по преимуществу формой хозяйства, преследующей цели потребления. Этой форме хозяйства скорее свойственны кризисы недопроизводства. Что же касается вопроса о периодичности кризисов, то для товарного хозяйства эмпирически, во всяком случае, периодические кризисы нам не даны.

Противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения, являясь основой анархичности и неорганизованности товаропроизводящего общества и, следовательно, возможности несовпадения ценностных и натуральных масс отдельных частей единого, связанного разделением труда, общественного хозяйства, не может служить достаточным об'яснением периодических капиталистических кризисов всеобщего перепроизводства, ибо если бы это противоречие выступало, как исключительный движущий фактор кризисов перепроизводства, то и в простом товарном хозяйстве этот феномен должен был бы иметь место. Следовательно, мы должны искать движущий фактор кризисов в тех differentia specifica, которые отличительны для капиталистического способа производства, в общих формах и движущих факторах его развития. Таковыми являются движение капитала и борьба за прибыль. Борьба за прибыль, т.-е. превращенную форму прибавочной стоимости, выражается как стремление, во-первых, к безграничному расширению производства, и, во-вторых, к ограничению потребления. И здесь налицо противоречие: с одной стороны, всякое производство есть производство полезных обществу вещей, и поэтому всякое расширение производства возможно только как увеличение производства этих полезностей, потребительных стоимостей, с другой стороны, в борьбе за возрастание капитала (а это возрастание возможно только посредством расширения производства потребительных стоимостей), капиталист стремится к ограничению потребления.

Реальные формы этого процесса выражаются в том, что каждый отдельный капиталист стремится к созданию наиболее благоприятных условий производства прибавочной стоимости—прибыли. Это происходит в форме введения технических усовершенствований, усиления эксплоатации и сокращения издержек на рабочую силу, путем ли относительного ее уменьшения или же, при данной величине капитала, уменьшения ее абсолютной величины. А так как заработная плата и потребляемая часть прибавочной стоимости составляют единственный платежеспособный фонд спроса на предметы потребления, то сокращение заработной платы или возрастание относительно переменного постоянного капитала означает сокращение потребления. Отсюда вытекает недостаток рынка и кризисы.

На этих фактах основывалась аргументация Сисмонди. Не далек от позиций Сисмонди и Каутский. Последний пишет: «Капиталисты и эксплоатируемые ими рабочие—первые, благодаря росту своего богатства, вторые, благодаря своему постоянному численному росту, который хотя происходит далеко не в таких размерах, в каких происходят накопление капитала и рост производительности труда,—создают рынок, правда, все более и более расширяющийся, но далеко не достаточный для поглощения всех созданных

крупной промышленностью средств потребления. Промышленному капиталу приходится искать внешний рынок в тех отраслях производства и в тех государствах, которые еще не доразвились до капиталистического способа производства» [1]). Но рынок исчерпывается и поэтому, продолжает Каутский, «всякая эпоха процветания, которою сопровождается всякое значительное расширение рынка, уже заранее обречена на недолговечность и кризис является ее естественным завершением» [2]).

Но при абстрактно-теоретическом анализе такое об'яснение кризисов не может быть признано удовлетворительным. Если бы эта теория была верна, тогда бы в условиях «чистого капитализма» кризис был перманентным, или, иначе говоря, кризиса бы вообще не было, ибо исчез бы определяющий кризис признак—перелом в движении капиталистического цикла, при чем перелом решительный и всеобщий, отделяющий друг от друга две качественно отличных фазы промышленного цикла—расцвет и депрессию. По существу это не теория кризисов, а учение о недостаточности капиталистического рынка—источник, из которого черпала свои идеи Р. Люксембург. В нашу задачу не входит критика этой теории рынка, но мы считаем необходимым указать, что источником этой, несомненно ошибочной, теории является непонимание движущих факторов капиталистического производства. Из чего исходил Сисмонди? Из внешних красноречивых фактов дифференциации общества на два противоположных полюса: с одной стороны, богатеющей буржуазии, с другой—нищенствующего пролетариата. Сисмонди видел в буржуазии только б о г а т ы х, но ограниченных естественно-физиологическими пределами, п о т р е б и т е л е й, просмотрев основное призвание буржуазии, как персонифицированного капитала. Отсюда при сокращении потребления рабочих, вызванного заменой рабочего машиной, сужение рынка и невозможность на капиталистическом базисе его расширения. Такое представление понятно для Сисмонди, не заметившего основного отличия капиталистического способа производства, но совершенно не последовательно для марксистов. Только формальное понимание марксовой методологии могло привести к существенным ошибкам в теории воспроизводства. У Р. Люксембург это выразилось в непонимании методологического места индивидуального и собирательного капиталиста, индивидуального и общественного капитала и тех противоречивых форм, в которых протекает их движение. Смешение их ролей в действительности и их места в теоретическом анализе привело ее к признанию невозможности реализации в условиях «чистого капитализма». Рассматривая процесс накопления, она представила капиталистическое общество как единого и единственного капиталиста, который должен был вариться в собственном соку. Конечно, в самом себе он не мог найти рынка. Отсюда необходимость «третьих лиц». Отсюда случайный характер периодически повторяющихся фаз промышленного цикла, отсутствие их имманентной обусловленности ходом развития самого «чистого капитализма». Теория недопотребления беспомощна перед об'яснением имманентных капиталистических кризисов, ибо источник кризиса для нее лежит вне капиталистической среды. Расширение и сокращение внешних рынков—вот основная причина кризисов по этой теории.

Теория недопотребления покоится на учении о противоречивости производства и потребления и игнорировании, в то же время, их единства.

Не менее ошибочным является учение об единстве производства и потребления, провозглашенное Сэем и нашедшее свое завершение в теории Туган-Барановского. Тогда как первые не видят в схеме II тома «Капитала» движения и возможности реализации, вторые видят причину кризисов не

[1]) К а у т с к и й, Теории кризисов. стр. 37.
[2]) Там же, стр. 38.

в конфликте между производством и потреблением, а в диспропорциональности отдельных отраслей.

Эти два направления имели значительное влияние и на марксистскую литературу по вопросу о причинах кризисов. Представителем первого направления является Каутский. Родоначальником теории диспропорциональности в марксистской литературе является Гильфердинг. За ним в основном следуют Спектатор, Базаров и Губерман.

II.

Правильное решение проблемы кризисов, нам думается, возможно только в том случае, если будут об'яснены следующие явления: 1) факт всеобщего перелома кон'юнктуры в период кризиса, 2) неизбежность циклического развития капитализма и 3) периодичность кризисов в их взаимной связанности. Теория, не включающая об'яснения хотя бы одного из этих моментов, не может считаться логически завершенной.

Далее. Поскольку мы исходим из марксовой теории рынка, мы считаем методологически правомерной абстракцию «чистого капитализма», т.-е капитализма без «третьих лиц». Следовательно, и анализ капиталистического цикла методологически правильно будет дать в условиях «чистого капитализма», без включения не имманентных, хотя и сопутствующих ему и подчас сильно изменяющих его характер факторов.

Теория Каутского основана, по существу говоря, на ложной теории рынка сисмондизма. Хотя Каутский формально принимает теорию рынка Маркса, тем не менее своей теорией кризисов он показывает, что он не принимает ее существа. Теории рынка и кризисов настолько тесно увязаны друг с другом, что принятие одной обязывает к принятию и другой. Обосновать теорию кризисов недопотреблением—это значит отказаться от теории рынка Маркса, ибо теория недопотребления основана на учении о недостаточности капиталистического рынка, на невозможности развития капитализма в «чистых условиях». Согласно теории недопотребления самому капитализму несвойственен цикл. Он находится всегда в условиях невозможности реализации, а, следовательно, кризиса. А так как кризис еще больше сокращает потребление, то выход из кризиса внутренними силами капиталистического общества невозможен. Фаза расцвета, под'ема, не существует по этой теории для «чистого капитализма». «Чистый капитализм» обречен на безысходную деградацию. Имманентных капитализму оснований для нового цикла нет.

Однако цикл реально существует с правильно повторяющейся периодичностью. Задача теории заключается в том, чтобы об'яснить этот реальный процесс. Что же делают теоретики недопотребления для такого об'яснения? Они пытаются найти реальные факторы нового цикла в неимманентных капитализму условиях, как, например, открытие новых рынков, урожай, рост населения и т. д. Допустимо ли привлечение этих факторов к об'яснению капиталистического цикла. Нам представляется, что методологически это правомерно в том случае, если, например, мы беремся за исследование какого-либо отдельного, конкретного цикла. В этом случае может оказаться, что один из указанных выше факторов явился действительной причиной нового тура капиталистического цикла. Однако можно ли на этом основании сказать, что закономерная смена фаз депрессии, под'ема и кризиса как закона типического развития капитализма должна и может быть об'яснена из этих причин.

Правда, эта теория находит об'яснение факту всеобщего перелома кон'юнктуры, повышения и понижения цен и производства. Открывается новый

рынок, следовательно, новый спрос, он действует оживляюще сперва на одну отрасль, потом по цепной связи на другие; исчерпываются потенции этого рынка и период расцвета кончается, падают цены, а за ними и производство. Но допустим, что нового рынка к моменту исчерпания возможностей старого нет. Тогда нет оснований для нового цикла. Таким образом, факторы случайного порядка делают случайным и самый цикл, тогда как нужно об'яснить правильно повторяющиеся закономерности. Даже ссылки на эмпирический материал не смогут послужить опорой этой теории, ибо капитализму известны под'емы и без вовлечения новых рынков, не говоря уже о методологической недопустимости для марксиста прибегать к случайным фактам для об'яснения имманентных явлений, а последнее не отрицается и теоретиками недопотребления. Капитализм, по этой теории, не обладает внутренними факторами, выводящими его из полосы кризиса и депрессии, циклические движения его развития определяются внешними силами, а периодичность — случаем. Нужно ли после этого говорить, насколько эта теория соответствует действительному движению капитализма и духу марксовой методологии и теории.

Против разобранной теории Гильфердинг выставляет еще следующее возражение: «Узкий базис потребления,—говорит Гильфердинг, — является всего лишь общим условием кризиса, и констатирование недопотребления отнюдь не об'ясняет его. И еще меньше можно об'яснить таким спосом периодический характер кризисов: ведь периодичность вообще невозможно об'яснить, исходя из п о с т о я н н о г о явления» [1]). Нужно заметить, что это замечание Гильфердинга вполне достигает своей цели, поскольку оно направлено против изложенной выше теории недопотребления, но оно совершенно неуместно, поскольку Гильфердинг отрицает противоречие между производством и потреблением как фактор кризиса, так как это противоречие, как будет показано ниже, не должно быть рассматриваемо изолированно, вне ряда других факторов, и не может быть рассматриваемо лишь как «общее условие кризиса», как это делает, вслед за Гильфердингом, Губерман, Базаров и Спектатор.

«Это противоречие (между производством и потреблением. *Н. Ц.*) само по себе так же, как и первые три общих противоречия (а) противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью, б) раздвоение товара на товар и деньги и в) развитие функции денег как платежного средства. *Н. Ц.*), не является непосредственной причиной кризиса»,—пишет Губерман [2]). По Губерману противоречие между производством и потреблением однозначно, как фактор кризиса, таким общим противоречиям, как противоречие между товаром и деньгами.

Спектатор, говоря о противоречии между производством и потреблением, заявляет, что «теоретически этим указана основная сущность капиталистических противоречий, точнее, основная предпосылка, но не непосредственная причина, вызывающая кризис» [3]). По существу это утверждение ничем не отличается от цитированного выше положения Губермана.

Посмотрим, однако, что выставляется упомянутыми авторами в качестве основной причины кризисов.

Гильфердинг, в 17 главе своего «Финансового капитала», посвященной причинам кризисов, сначала излагает те причины, которые приводят к под'ему, и затем уже описывает те явления, которые сопутствуют ему. Самая характеристика причин под'ема у Гильфердинга чрезвы-

[1]) Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 270. Курсив наш.—*Н. Ц.*
[2]) Губерман, Проблема экономических кризисов.—«Соц. Хоз.» 1927 г., кн. IV, стр. 21.
[3]) Спектатор, Теория кризисов Маркса, «Под Знаменем Марксизма» 1928 г., № 2, стр. 98.

чайно не монистична. Подобно рассмотренной выше теории Каутского, Гильфердинг перечисляет целый ряд факторов под'ема. «В общем их можно свести,—говорит Гильфердинг,—к открытию новых рынков, возникновению новых отраслей производства, введению новой техники, повышению потребления вследствие роста населения» [1]).

Мы уже указывали на методологическую неправомерность при рассмотрении абстрактной теории кризисов, а не какого-либо конкретного кризиса, прибегать к таким факторам, как, например, открытие новых рынков и т. д., поскольку мы в известной мере можем говорить о случайном характере этих факторов. Задача заключается в том, чтобы в условиях «чистого капитализма» найти имманентные причины под'ема, поскольку мы и промышленный цикл, и кризис не считаем делом случая. Гильфердинг игнорирует это обстоятельство. Поэтому он вводит в качестве причин факторы, которые в той или иной комбинации действуют в конкретном капиталистическом цикле, но отнюдь не являются обязательными в условиях «чистого капитализма».

Вызванное указанными выше факторами повышение спроса повышает цены, а тем самым и норму прибыли. Движение последней, ее высота в различных отраслях и определяет, по Гильфердингу, все движение цикла. Повышение нормы прибыли означает под'ем. Но в самом под'еме заложены элементы уменьшения нормы прибыли благодаря ряду факторов. Когда «тенденции к понижению нормы прибыли одерживают победу над тенденциями, которые приводили к повышению цены и прибыли», тогда наступает кризис. Но эти тенденции проявляются неодинаково в различных отраслях, ибо «если бы повышение цен во время оживления было всеобщим и равномерным, то оно оставалось бы чисто-номинальным. Если бы все товары повысились на 10 или 100%, то их сравнительные меновые отношения остались бы неизменными. Тогда повышение цен не оказало бы никакого влияния на производство; тогда не могло бы наступить никаких передвижек в распределении капитала между различными отраслями производства, никаких перемен в отношениях пропорциональности. Раз производство идет в надлежащих пропорциях, как схематически показано раньше, то нет нужды в каком-либо их изменении, а потому не представляют необходимости и какие бы то ни было нарушения» [2]). В приведенной цитате уже содержится сущность теории Гильфердинга, но посмотрим дальше, как Гильфердинг представляет себе конкретные причины кризиса. «С развитием капиталистического способа производства увеличивается размер основного капитала, и рука об руку с этим ростом увеличиваются различия отдельных отраслей по размерам того основного капитала, который в них применяется» [3]). Отсюда и «различие того времени, которое требуется в различных промышленных отраслях на расширение производства» [4]). Отрасли с высоким органическим составом капитала не могут расширяться с быстротой, соответствующей расширению спроса, поэтому цены будут повышаться. Это усилит приток сюда нового капитала до тех пор, пока новые сооружения не будут закончены. Когда же они будут закончены, обнаружится несоответствие, диспропорциональность. «Сбыт этих новых продуктов тормозится тем, что производство в сферах более низкого состава расширялось не одинаковым темпом, не с равной быстротой, а быстрее, но зато и не столь интенсивно» [5]) Это несоответствие и приводит к тому, что продукция не может быть реализована, цены падают, наступает кризис, сокращается прибыль и производ-

[1]) Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 286.
[2]) Там же, стр. 290.
[3]) Там же, стр. 292.
[4]) Там же, стр. 292.
[5]) Там же, стр. 292.

ство. Далее Гильфердинг, кроме этих причин кризиса, вытекающих из различия органического состава капитала, указывает на ряд других, в том числе и вытекающих из естественных причин и отмеченных еще Марксом в III томе «Капитала». Однако ясно, что центральное место в качестве причины кризиса он отводит «несоответствиям в образовании цен, вытекающим из различий органического состава» [1]), т.-е. иначе говоря, диспропорциональности расширения различных сфер производства. В ней он видит коренную причину кризиса, т.-е. перелома всей кон'юнктуры.

Отмеченные Гильфердингом явления не могут быть оспариваемы, они имеют место в действительности. И различие органического состава, и различный темп развития отсюда—все это бесспорные факты. Вопрос заключается только в том, являются ли эти факты решающими для перелома всей кон'юнктуры, могут ли они послужить достаточным основанием кризиса и может ли такая концепция удовлетворительно об'яснить основное явление кризиса—всеобщее перепроизводство.

Мы рассмотрим этот вопрос ниже, а сейчас обратимся к Спектатору и Губерману, в основном стоящих на позициях Гильфердинга; последний же в трактовке этой проблемы близок к Туган-Барановскому.

Спектатор также отрицает противоречие между производством и потреблением как причину кризиса. Но он вместе с тем не согласен и с теорией Гильфердинга. По его мнению, те конкретные факторы, на которые указывает Гильфердинг, ведут не к обострению диспропорциональности, а к его смягчению. Спектатор видит причину кризиса в различном движении цен и производства сырья и готовых продуктов, проистекающих из неравномерного вложения добавочного капитала. «Следующее глубокое противоречие, — пишет Спектатор, — заложенное в самом корне капиталистического производства, сопровождающее его и усложняющееся вместе с его развитием, ведет неминуемо к кризису. Расширение основного капитала (не считая нового использования реализуемой части уже функционирующего основного капитала) вызывает усиленный спрос на сырье и вместе с этим под'ем его цены. Последнее обстоятельство давит на норму прибыли обрабатывающей промышленности, заставляет предпринимателя воздержаться от новых капитальных вложений. Спрос на товары начинает замедляться» [2]).

«Падение цен сначала на готовые изделия перекидывается и на сырье, при чем в последнем случае оно наступает несколько позже, так как вызванное расширение производства по техническим и экономическим причинам не может быть скоро сокращено. Останавливаются новые инвестиции, но заключенные договоры продолжают действовать и часто удерживают цены на сырье еще некоторое время на прежней высоте.

Это не кризис от «недопотребления», не результат несоответствия между ограниченной покупательной способностью масс и способностью капиталистического производства к безграничному расширению, а результат стремления предпринимателя противодействовать падению нормы прибыли путем увеличения размеров продукции (конечно, по возможности сохраняя высокие цены и низкую зарплату) и сокращения времени оборота капитала, приводящего на практике к еще бо́льшему падению нормы прибыли и к переполнению рынка» [3]). Вот основные положения Спектатора.

Губерман видит причину кризиса в реализации закона тенденции нормы прибыли к понижению как действительного закона. Но чем обусловливается эта реализация?—Различным движением цен на элементы постоянного капитала, сырье и т. д. и готовые продукты. Последнее детерминируется техни-

[1]) Там же, стр. 294.
[2]) Спектатор, Теория кризисов Маркса, —«Под Знаменем Марксизма» 1928 г., № 2, стр. 112.
[3]) Там же, стр. 113.

ческими и социальными различиями в производстве первых и вторых. «Причина кризиса заложена, во-первых, в исторических условиях развития капитализма и, во-вторых, развивается и осуществляется как действительная причина только в связи с развитием самого под'ема: она заключается в законе тенденции нормы прибыли к понижению, существующего постоянно в условиях капитализма именно как тенденция, но превращающемся в действительный закон падения нормы прибыли только во время под'ема и в связи с ним благодаря всеобщему расхождению цен на элементы постоянного капитала и производимые в обрабатывающей промышленности (главным образом, производящей средства потребления) товары» [1]).

Что об'единяет изложенные точки зрения?—Их стремление вывести кризис, капиталистический кризис всеобщего перепроизводства, из диспропорциональности в развитии отдельных отраслей производства. Сама эта диспропорциональность обусловливается рядом технических и социальных моментов. Основным социальным условием является анархия производства, т.-е. его стихийность. Капиталистический способ производства, несмотря на частный характер производства непосредственно, является производством, основанным на самом широком разделении общественного труда и, следовательно, является общественным производством. Таким образом, налицо два противоположных определения одного и того же способа производства. С одной стороны, каждый отдельный капиталист является самостоятельным, независимым товаропроизводителем и владельцем, с другой стороны, его производство органически связано с производством других, является частью всего общественного производства. Кризис, говорят Гильфердинг и др., является выражением этого противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения.

Отвергая противоречие между производством и потреблением как причину кризиса по тем соображениям, что противоречие это постоянно, они находят причину кризиса в противоречии между общественным характером производства и частной формой присвоения. Возражение, что и это последнее противоречие постоянно действует и потому должно постоянно приводить к кризисам, отводится конкретизацией тех форм, в которых протекает кризис; устанавливается, таким образом, динамичность этого противоречия. Отсюда подкупающий характер и распространенность этой точки зрения.

Нам представляется, однако, что это противоречие не может рассматриваться как исключительная и последняя причина неизбежных капиталистических кризисов. Дело в том, что противоречие это свойственно не только капиталистическому хозяйству, но и простому товарному. Противоречие между частным и общественным трудом, между товаром и деньгами есть по существу то же противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Однако простому товарному хозяйству не свойственны кризисы. Это утверждает и Гильфердинг. Это не оспаривается никем. Но тогда в качестве решающих моментов остаются различия, вытекающие, главным образом, не из социальных, а технических моментов, из невозможности равномерного расширения производства отдельных сфер хозяйства. И действительно эти моменты играют большую роль в движении капиталистического цикла. Маркс перечисляет ряд таких моментов. На них ссылается и Гильфердинг, и Спектатор. Но можно ли из этих явлений вывести неизбежность кризиса?—Это центральный вопрос. Могут или не могут эти диспропорции найти разрешение какими-либо иными путями? Но прежде всего нужно отвести, если оставаться на позициях марксовой методологии,

[1]) Губерман, Проблема экономических кризисов,—«Социалистическое Хозяйство» 1927 г., кн. IV, стр. 38.

как причину, чисто-технические условия, ибо нельзя из техники, само по себе взятой, вывести экономического, социального явления; техника требует определенной экономической формы. Следовательно, только преломленная в определенной социальной форме своего движения она может быть фактором социального явления.

Развитие производительных сил в форме капиталистических производственных отношений имеет свои особенности. Различия технического состава капитала находят свое капиталистическое выражение в органическом составе капитала. Различия этого последнего рода ведут к возникновению новой, реально действующей категории—средней нормы прибыли, а само развитие производительных сил, т.-е. процесс овладения обществом природой, выступает как закон тенденции нормы прибыли к понижению. Упомянутые два закона, следовательно, являются не безматериальными, чистыми отношениями, а лишь капиталистической формой функционирования производительных сил. Капитализм беспрерывно движется в диспропорциональностях и в уничтожении этих диспропорциональностей. Равновесие выступает лишь как результат неравновесия. Категории капиталистического общества выступают как регуляторы этих процессов. Движение капитализма представляет процесс динамики производительных сил, категории—формы этого процесса. Но сами эти формы противоречивы. Поэтому и развитие получает противоречивые формы. Если взять отрезок времени от одного кризиса до другого, то нельзя его представлять себе таким образом, что за это время происходит накопление противоречий, а в кризисе они получают свое разрешение. Такой взгляд в корне противоречил бы действительному процессу капиталистического развития. Этот последний протекает как постоянный процесс распределения и перераспределения производительных сил. Мощным орудием этого процесса является кредит. В пределах цикла могут обнаружиться отдельные противоречия и находить свое разрешение, т.-е. форму своего движения и нового возникновения. Есть противоречия, которые могут найти свое разрешение и вне кризиса, не ведут неизбежно к кризису. Конечно, эти противоречия могут вызвать пертурбации, кризисы в отдельных отраслях, значительные передвижки в системе производительных сил, но это не должно еще обязательно означать кризиса всеобщего перепроизводства, т.-е. всеобщего паралича производственной системы.

Те диспропорциональности, которые дают в качестве основ кризиса Гильфердинг и др., взятые сами по себе, нам представляются такими, разрешение которых возможно и без кризиса всеобщего перепроизводства. В самом деле, нужно об'яснить два противоположных процесса. С одной стороны, повышение цен и производства и, с другой, понижение этих же показателей, перелом и перелом всеобщей от движения с положительным знаком к движению с отрицательным знаком. Нужно показать, что существующие диспропорциональности найдут свой выход только в кризисе. Тогда будет понято и существо этих диспропорций-противоречий, которые приводят к кризису всего хозяйства. Если же будет найдено, что эти противоречия могут найти и иную форму своего разрешения, тогда кризис предстанет пред нами не как имманентный, а случайный метод разрешения противоречий.

Посмотрим с этой точки зрения на концепцию Гильфердинга, Губермана, Спектатора. Пусть, действительно, ряд технических и социальных факторов делают неизбежным расхождение: в расширении производства отраслей, применяющих основной капитал в различных пропорциях, или же в расширенном воспроизводстве сырья и готовых изделий.

Гильфердинг говорит, что отрасли с высоким органическим составом капитала склонны к перенакоплению больше, чем отрасли с низким органическим составом. Это верно. Эмпирически это правильно. К чему это при-

водит?—К тому, что, когда отрасль с высоким органическим составом выступает из производства, она упирается в отрасль с более низким органическим составом, развивавшуюся в процессе под'ема, хотя и быстрее других, но менее интенсивно, которая не может поглотить ее продукции. Таким образом, вся проблема сводится к отношению двух отраслей. Прежде всего нужно отметить, что нельзя представлять себе дело таким образом, что вся отрасль с высоким органическим составом капитала выбрасывает всю продукцию сразу. Это предположение нереальное. Ведь отрасль с высоким органическим составом капитала, если и об'единяется этим общим признаком—высокого органического состава, является, тем не менее, разнородной по своим производственным целям и по времени выпуска продукции. Когда одни производства могут быть уже готовы к выпуску на рынок, другие могут еще находиться в производстве и т. д. Далее. Нельзя полагать, как это делает Гильфердинг, что обмен протекает между этими двумя отраслями. Вполне допустимо предположить, что вся основная масса приготовленного основного капитала может итти в обмен, находить себе рынок в отраслях с таким же органическим составом капитала.

Но допустим даже, что имеет место тот случай, о котором упоминает Гильфердинг (хотя мы считаем такое предположение нереальным), т.-е. отрасли с высоким органическим составом капитала связаны в основном с отраслями с низким органическим составом. Следовательно, обмен протекает между этими двумя отраслями. Следовательно, отношения этих отраслей определяют общую кон'юнктуру. Что получится в этом случае?—Мы будем иметь неэквивалентный обмен между этими отраслями. Отрасль с высоким органическим составом капитала должна будет продавать свою продукцию по ценам ниже цен производства отраслям с низким органическим составом капитала. Это снизит издержки производства в этой последней отрасли и повысит прибыль здесь, а это послужит основанием к переливу капиталов сюда до тех пор, пока не наступит уравнение в распределении капитала между этими отраслями общественного хозяйства и к выравниванию цен с ценами производства в обеих сферах. Здесь о кризисе говорить нельзя. Ведь, если отрасль с большим размером основного капитала должна будет сузиться и сократить размеры своего производства, то это будет происходить при одновременном повышении кон'юнктуры для другой, которая будет взращиваться неэквивалентным обменом. Конечно, этот процесс не будет бесконечным. На известном этапе обмен между этими двумя отраслями, благодаря, с одной стороны, сокращению производства в первой отрасли и, с другой стороны, расширению во второй,—должен будет привести к ценностному уравнению обмена, т.-е. к восстановлению равновесия. Расширение и сужение не будут носить всеобщего характера. Они будут иметь отраслевой характер.

В этой теории недостает звена, которое бы являлось действительно непреодолимым обычными методами выравнивания капиталистических диспропорций. Закон цен производства, как регулятор капиталистической системы, разрешает те противоречия, которые Гильфердинг выставляет в качестве основной причины капиталистических кризисов всеобщего перепроизводства. Те диспропорции, которые имеет в виду Гильфердинг, могут найти свое уравнение и вне кризиса. Маркс упоминал об этих диспропорциях в третьем томе «Капитала» [1]), желая этим привести примеры диспропорций, уравниваемых законом цен производства.

Причины кризиса заключаются не в том, что отдельные отрасли развиваются неравномерно. Капитализму свойственно неравномерное развитие. Несмотря на неравномерность развития, остается фактом то обстоятельство, что под'ем характеризуется повышательной волной кон'юнктуры, а депрессия понижательной, при чем эти волны носят всеобщий характер. Задача теории и заключается в выяснении сущности этих движений. Неравномерность развития, оставаясь фактом, реально имеющим место, тем не менее не может послужить базой действительно научного об'яснения феномена кризисов. Особенность под'ема заключается не в том, что развитие отдельных отраслей идет неравномерно, а в том, что он имеет всеобщий характер. Все неравномерности, как показано выше, могут уравняться не только путем кризиса и не обязательно этим путем. Нужно в характере капиталистического под'ема найти такие противоречия, которые могут разрешиться лишь путем кризиса. Сказанное по поводу теории Гильфердинга относится, по существу говоря, и к Губерману, и к Спектатору. Ведь у них тоже кризис выводится из диспропорциональности в развитии отдельных сфер производства, а именно из неравномерного развития производства готовых изделий и сырья. Производство сырья не обеспечивает спроса со стороны отраслей готовых изделий. Отсюда повышение цен на сырье, главный элемент издержек производства готовых изделий, что, делая нерентабельным производство, ведет к параличу этой отрасли, а за ней вслед и других, так как прекращается спрос и на их продукцию. Вся эта концепция ни на йоту не изменяется от того, что Губерман вводит в качестве посредствующего момента движение нормы прибыли и движением нормы прибыли пытается определить весь цикл. Ведь движение нормы прибыли и является выражением отношения издержек производства к ценам.

Таким образом, и у Губермана, и у Спектатора все дело сводится к диспропорциональному развитию двух отраслей. Задержка в развитии одной ведет соответственно к задержке и в другой. Однако не разрешается основной вопрос, почему одна из этих отраслей должна остановиться в своем развитии. Этот вопрос не получает освещения ни у того, ни у другого. Ведь если мы имеем общую повышательную волну как в производстве, так и в движении цен, то капитал стремится к экспансии, к безграничному расширению, умножению. До известного предела это ему удается. Под'ем охватывает все отрасли. Цены повышаются в общем во всех отраслях. Но потом производство застопоривается и останавливается. Цены не идут вверх, а, наоборот, понижаются.

Задача заключается в том, чтобы показать, каковы причины того, что этой повышательной волне должен притти конец. На это ни Губерман, ни Спектатор ответа не дают. А диспропорция между производством сырья и готовых изделий, которая вводится ими как основа кризиса, может быть уравнена обычными методами капиталистической конкуренции, путем перелива капиталов. Недостаток сырья, вызывая повышение цен, тем самым должен неизбежно привести к переливу части общественного капитала в производство сырья и тем самым к понижению цен на него. Обычное регулирование путем осуществления закона средней нормы прибыли и цен производства может явиться достаточным методом разрешения этого противоречия выравнивания этой диспропорции. Эти диспропорции, взятые сами по себе, не являются такими, которые должны обязательно повести к кризису, ко всеобщему понижению цен и депрессии всего общественного производства. Здесь острота противоречия не выходит за рамки противоречия, указываемого Гильфердингом.

Все указываемые рассматриваемыми выше авторами противоречия являются выражением, конкретными формами противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения. Противоречие это настолько реально и существенно для товарно-капиталистической системы хозяйства, что упущение его при исследовании динамики

[1]) См. «Капитал», т. II, ч. 1, гл. 6.

цикла и кризиса было бы грубой ошибкой. Действительно, если дополнить общественный характер производства общественным же характером присвоения, то от капитализма ничего не останется. Капитализм этим самым будет отрицать себя. Это и послужило для Базарова основанием утверждать, что «источником возникновения кризисов являются диспропорции в развитии производительных сил капиталистического общества, создаваемые анархией производства» [1]). В качестве такой основной диспропорции выступает диспропорция между производством тяжелой и легкой индустрии. Однако Базаров не ограничивается указанием лишь на это противоречие, как это делает Гильфердинг и др. Он признает, что противоречие между производством и потреблением действительно является фактором кризиса, но не в смысле причины, вызывающей кризис, а определяющего «специфический характер капиталистических кризисов, как кризисов перепроизводства» [2]). Что же это, однако, значит? Ведь речь идет только о капиталистических кризисах. Ведь никто не утверждает, что простому товарному хозяйству свойственны кризисы. Говорят об определенных, периодически повторяющихся кризисах всеобщего перепроизводства. Если таковыми их делает противоречие между стремлением к безграничному расширению производства и ограничению потребления, тогда нельзя говорить, что это противоречие не является «причиной возникновения кризисов». Ведь предметом исследования являются не кризисы вообще, а кризисы специфические, капиталистические, а поскольку это так, Базаров, по существу, признает противоречие между производством и потреблением как решающий фактор капиталистических кризисов. Приводя гипотетический пример «рабочих фабрик», Базаров сам указывает, что в таком обществе кризисы не будут иметь места, т.-е., если отпадает основное противоречие капиталистического общества, противоречие между стремлением к безграничному расширению производства и ограничению потребления, при наличии неорганизованного производства, то отпадают кризисы перепроизводства.

Теория кризисов должна дать об'яснение неизбежного перехода от волны повышения цен и производства к волне понижения цен и производства, должна вскрыть то противоречие капиталистического общества, которое останавливает под'ем капиталистического хозяйства и дает возможность дальнейшего поступательного движения, только проведя хозяйство через очистительную эпоху кризиса. Рассмотренные теории не вскрывают этого противоречия, ограничиваясь констатацией таких явлений, таких противоречий, которые возникают и разрешаются в течение всего цикла, без кризиса и на протяжении времени от одного кризиса до другого. Причина кризисов, вскрывающих всю противоречивость капиталистического способа производства, сводится к анархии производства и к возможному вследствие этого возникновению диспропорций производства, т.-е. к тому, к чему сводил их и Туган-Барановский.

Сказанное, однако, не значит, что, утверждая недостаточность аргументации, опирающейся на противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения, как на исключительную причину кризисов, нужно притти методом исключения к противоречию между производством и потреблением, как действительной причине кризисов. Взятое в непосредственной, вне связи с другими факторами, форме, противоречие между производством и потреблением также не в состоянии, и, быть мжет, даже еще меньше, об'яснить капиталистических кризисов, как и указание на анархию производства. В самом деле, теория недопотребления, опиравшаяся на факт противоречия между производством и потреблением, как

[1]) Базаров, Капиталистические циклы и т. д., стр. 54.
[2]) Там же.

мы видели выше, оказывается беспомощной в деле об'яснения капиталистического цикла. Маркс сам указывал во втором томе «Капитала» на недостаточность этой теории для об'яснения капиталистического цикла [1]).

Стремление к безграничному расширению производства на ряду со стремлением к ограничению потребления свойственно капиталистическому способу производства. Любой момент в движении капитализма связан с этими условиями. Все фазы цикла проходят под этим основным противоречием. Однако бывают эпохи расцвета, нет перманентного кризиса. Следовательно, несмотря на наличие этого противоречия всегда, оно не всегда приводит к кризису. Что это значит?—Это значит, что действуют какие-то другие силы, которые нейтрализуют действие этого фактора. А поэтому нужно подвергнуть анализу не только самый момент кризиса, но и отдельные фазы цикла, т.-е. проследить весь тур капиталистического механизма в целом.

Но прежде несколько замечаний. Мы уже говорили, что капиталистический способ производства есть определенная общественная форма функционирования производительных сил. Развитие капитализма есть развитие его производительных сил, без развития последних капитализм не мыслим даже в эпоху его загнивания. Поэтому мы обязаны рассматривать процессы капиталистической динамики на фоне динамики производительных сил. В противном случае наша абстракция станет в своей абстрактности бессодержательной, или, во всяком случае, откажется нам служить для тех целей, которые мы в данном случае ставим перед собой.

Маркс во втором томе «Капитала» исследовал «чистый капитализм» для того, чтобы показать натуральные и ценностные массы общественного труда в их взаимном покрытии. Для теории кризисов эта работа Маркса имеет колоссальное значение. Она дает целый ряд исходных пунктов и для анализа реального цикла, но, тем не менее, из схем второго тома, взятых сами по себе, кризиса вывести нельзя. Сам Маркс указывает на это, говоря, что кризисы могут быть поняты только в реальном движении капитала, конкуренции и т. д. [2]). Можно построить схемы при любом органическом составе капитала, но из простого накопления, без изменения органического состава капитала, нельзя получить кризиса. Следовательно, недостаточно одного капиталистического отношения для того, чтобы кризис был неизбежным. Только взятое в совокупности определяющих его моментов движение капиталистического хозяйства может явиться кризисоформирующим фактором. Нельзя упускать из виду основные противоречия капитализма, а, наоборот, нужно брать их в совокупности и взаимной связанности, т.-е. нужно иметь в виду и развитие производительных сил, капиталистически выражающееся в изменении органического состава капитала, и те формы, в которых протекает этот процесс в условиях анархии производства, при наличии противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения на ряду с противоречием к ограничению потребления при стремлении к безграничной экспансии производства. Если игнорировать какое-либо из этих условий, то кризиса вывести нельзя, т.-е. реально кризис наступает только при наличии всех этих условий. Но в то время, как первые делают кризис только возможностью, дают формы для его реализации, последнее противоречие между производством и потреблением превращает его из возможности в необходимость.

Противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения шире противоречия между производством и потреблением, включает его в себя, первое становится вместе с тем формой

[1]) Капитал, т. II, стр. 385—386.
[2]) См. Маркс, Теории приб. ценности, т. II, ч. 2, стр. 198.

для движения второго. Подобно тому, как капитал в своем движении, принимая форму товара и денег, категорий более общих, чем капитал, представляет из себя категорию более богатую и конкретную, могущую создать специфические формы товарного и денежного обращения,—противоречие между производством и потреблением, реально выступая в форме противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения, придает общественному процессу производства и возникающим на его основе общественным отношениям некую новую спецификацию, изменяющую самый характер динамики капиталистического воспроизводства. И далее, подобно тому, как наличие специфических форм движения капитала не уничтожает законов движения товара и денег, подобно этому противоречия - диспропорции, вытекающие из противоречия между производством и потреблением не уничтожают диспропорций, вытекающих из противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения. Наоборот, и те, и другие продолжают оставаться, причем первые выступают в форме вторых. Эти последние включают в себя и диспропорции первого порядка. По этому поводу Ленин пишет: «Известное состояние потребления есть один из элементов пропорциональности»[1]. Вслед за Лениным и Бухарин пишет, что «кризисы возникают из диспропорциональности общественного производства, но момент потребления является составной частью этой диспропорциональности» [2]).

Таким образом, эти диспропорциональности не друг от друга оторванные ипостаси, а друг от друга неотделимые. Диспропорция между производством и потреблением выражается как диспропорция отраслей производства. Однако это не значит, что ее не нужно отличать от обычной диспропорции отраслей. Диспропорция между производством и потреблением является диспропорцией между производством второго подразделения и суммой переменного капитала общества. Отличие этой диспропорции ото всех других диспропорций заключается в том, что в то время, как все другие диспропорции могут получить свое разрешение и без кризиса, обычными методами капиталистической конкуренции, путем перелива капиталов, здесь налицо такой барьер, который не может быть преодолен обычными методами капиталистической конкуренции и уравнивания. Допустим, однако, что капитал уходит из второго подразделения в первое. Приведет ли это к рассасыванию диспропорций?—Перелив капиталов в первое подразделение должен вызвать здесь дополнительное производство. Это дополнительное производство должно найти себе рынок, часть его будет найдена в пределах первого подразделения, но другая часть неизбежно должна попасть во второе подразделение. Но второе подразделение может приобретать продукты первого только для того, чтобы с их помощью расширить свое производство. Но это расширение производства приведет нас к прежнему безвыходному и еще более усложненному положению. Ведь рынок для второго подразделения попрежнему отсутствует. Остановка производства неизбежна. Таким образом, диспропорциональность этого порядка перелива капитала не разрешается, в то время как диспропорциональности, которые имеют в виду Гильфердинг и др., хотя при известном стечении обстоятельств и могут вызвать кризис, но не обязательно приводят к нему. Только диспропорциональность между производством и потреблением делает кризис неизбежным, превращает кон'юнктуру всеобщей повышательной волны в кон'юнктуру с отрицательным знаком. И не голое противоречие между производством и потреблением, как выражение существа капиталистического способа производства, вызывает кризис, а материальное воплощение его в массах общественного труда в процессе динамики цикла.

[1]) Ленин, Собр. соч., т. II,—К вопросу о теории рынков, стр. 477, изд. I.
[2]) Бухарин, Империализм и накопление капитала, стр. 82.

Губерман пишет: «Если предположить возможность сохранения в условиях под'ема пропорциональности по главным линиям — производства средств производства и средств потребления, заработной платы, то перепроизводство исчезает, как необходимая причина кризиса» [1]).

Конечно, если делать такое предположение, то исчезнет не только перепроизводство, как причина кризиса, но и самый кризис. Тогда и об'яснять нечего. Было бы наивным утверждать, что перепроизводство является причиной кризиса, ибо это означало бы об'яснять кризис кризисом. Задача заключается в выяснении того, почему образуются перепроизводство и почему диспропорции находят свое разрешение только в кризисе. Таким образом, возражение Губермана против противоречия между производством и потреблением, как причины кризиса, является продуктом недоразумения, ибо возражение он ведет против перепроизводства, тогда как перепроизводство является формой, а не причиной кризиса.

III.

Однако сказанное выше не разрешило еще одного, чрезвычайно важного вопроса. Почему кризис не перманентен? Ведь кризисы следуют не один за другим непосредственно, а их отделяют полосы депрессии, под'ема, расцвета. Лишь по прошествии известного отрезка времени наступает следующий кризис. Чем же определяется этот отрезок времени? Маркс совершенно ясно говорит по этому поводу, что он определяется временем, необходимым для воспроизведения основного капитала. Однако. это не нужно понимать в роде Б. Лившица. «Рост строительства основного капитала,—пишет он,—приводит к расширению производства и в отраслях, производящих сырье и предметы потребления. Когда же кончается строительство нового основного капитала, спрос на все предметы, необходимые для строительства основного капитала, прекращается, в то время как их расширенное производство продолжается, отсюда неизбежность периодических кризисов, при чем длина периода, отделяющего один кризис от другого, зависит от кругооборота основного капитала. Поэтому кризис сильнее и прежде всего проявляется в производствах тяжелой индустрии, доставляющих капитальные блага» [2]). Следовательно, момент кризиса, по Лившицу, есть момент окончания строительства основного капитала. Согласимся с этим. Но нам сказано также, что оживление начинается со строительства основного капитала. Примем и это. Но тогда выходит, что вновь созданный производственный аппарат входит в действие в процессе кризиса и депрессии, что противоречит как логике вещей, так и фактам, ибо это означало бы не сокращение производства в период кризиса и депрессии, а, наоборот, расширение. Если строительство основного капитала своим концом заканчивает цикл, то нужно предположить, что этот основной капитал не находит себе применения и погибает совершенно, ибо в следующем цикле, как морально изношенный, он не может быть применен. Если же предположить, что он применяется весь в новом цикле, тогда нет основания для развертывания нового цикла—оживления, ибо самый цикл начнется уже с готовым производственным аппаратом и нового спроса быть не может, а следовательно, и нет оснований для новой повышательной волны (а ее Лившиц совершенно справедливо связывает со строительством основного капитала). И, наконец, совершенно непонятно, почему должно прекратиться строительство основного капитала.

[1]) Губерман, Проблема эконом. Кризисов,—«Социалист. Хоз.», кн. IV, 1927 г., стр. 28.
[2]) Б. Лифшиц, Проблема рынка и кизисов, Введение, стр. 24.

Но на следующей странице Лившиц строит уже несколько новую концепцию. Он говорит: «Теперь еще более ясно, почему об'яснение кризисов падением доли рабочего класса не годится. В период под'ема потребление как раз растет, ибо растет заработная плата, но, когда заканчивается строительство нового основного капитала, обнаруживается, что с его помощью создается теперь гораздо большее количество продуктов, чем нужно, вследствие того, что переменный капитал возрос в меньшей пропорции, а также вследствие прекращения строительства основного капитала. Вот тогда и обнаруживаются результаты роста органического строения капитала: падение нормы прибыли, совпадающее с падением цен и с приспособлением размера производства к размерам потребления» [1]). Во-первых, и здесь остается неясным, почему приостанавливается рост строительства основного капитала; во-вторых, здесь утверждается, что перепроизводство обнаруживается вследствие того, что переменный капитал возрос в меньшей пропорции, а так как переменный капитал есть величина стоимости, могущая быть выставленной рабочим классом как покупательная сила, и раз недостаток спроса идет отсюда, то мы можем сказать, что он происходит по линии перепроизводства готовых изделий, а не «в производстве тяжелой индустрии», как это утверждает Лившиц. Таким образом, Лившиц, начав с отрицания роли падения доли рабочего класса, пришел к утверждению опровергаемого, правда, прикрыв это рядом выкрутасов.

Следовательно, кризис наступает не в момент окончания строительства основного капитала. Только тогда, когда этот основной капитал начнет функционировать, может проявиться кризис, как результат развития несоразмерного потреблению производства на основе новой техники, нового органического состава капитала, введенного в начале цикла (об этом ниже). Ценностные массы произведенных товаров не совпадают с платежеспособным спросом. И совпасть с ним не могут, ибо такова логика капиталистического производства, стремящегося одновременно и к расширению производства, и к сокращению потребления. Это имманентный закон капитализма. Производство, поощряемое высокими ценами, основанными на широком спросе со стороны отраслей, реконструирующих производственный аппарат на новой технической базе, не знают предела до момента окончания стройки основного капитала и пуска его в процесс производства. Конечно, одновременно с этим идет и втягивание новой рабочей силы и, может быть, повышение уровня заработной платы. Но в силу антагонистических условий производства, это расширение производства на новой технической базе не идет в ногу и не может итти с увеличением доли рабочего класса. Введение новой техники, являющееся следствием кризиса, становится само причиной нового кризиса. Своеобразные толчки промышленности и кризисы являются продуктом капиталистической формы развития производительных сил. Об этом Маркс пишет: «Этот своеобразный жизненный путь современной промышленности, которого мы не наблюдаем ни в одну из прежних эпох человечества был невозможен и в период детства капиталистического производства. Медленно шло совершенствование техники и еще медленнее распространялось оно. Состав капитала изменялся лишь очень медленно. Следовательно, его накоплению соответствовало в общем пропорциональное возрастание спроса на труд» [2]). И дальше: «Только с того времени, когда механическая промышленность пустила столь глубокие корни, что она стала оказывать преобладающее влияние на национальную промышленность... только с того времени выступили те все снова и снова повторяющиеся циклы, последовательные фазы которых охватывают годы, и которые каждый раз ведут ко всеобщему кризису, завершающему один цикл и начинающему новый. До сих пор такой цикл обыкновенно охватывал от десяти до одиннадцати лет. Но у нас нет никаких причин считать это число неизменным. Напротив, изложенные нами законы капитализма дают основания предполагать, что это число—изменяющееся и что оно мало-по-малу сократится» [1]).

[1]) Там же, стр. 25.
[2]) Маркс. Капитал т. I, стр. 264.

Таким образом, вопрос о продолжительности цикла ставится в прямую зависимость от степени развития производительных сил и условий воспроизводства основного капитала, Следовательно, находит об'яснение и момент окончания цикла, т.-е. наступления кризиса. Последний наступает тогда, когда производящая при новых условиях промышленность проявит все потенции своего производственного аппарата. А этот последний оказывается непомерно раздутым благодаря неизбежному, вследствие повышения цен, втягиванию в процессе под'ема массы новых, в том числе и отсталых в техническом отношении предприятий. Вследствие этого, та основа, на которой зиждется производство—рынок, оказывается недостаточной. Противоречие между производством и потреблением, являющееся специфической характеристикой капиталистического способа производства, хотя и всегда свойственно капитализму, но не является стабильным, неизменным, а развивается вместе с динамикой цикла, обостряется и в кризисе находит свое выражение и разрешение.

В главе, посвященной «Причинам кризисов» в «Теориях прибавочной ценности», Маркс пишет: «Но весь процесс накопления сводится прежде всего к расширению производства, которое, во-первых, соответствует естественному увеличению населения, во-вторых, образует имманентную основу для явлений, которые обнаруживаются в кризисах. Мерилом этого расширения производства служит капитал, наличная ступень условий производства и не знающее границ стремление капиталистов к обогащению и увеличению капитала, но отнюдь не потребление; это последнее с самого начала (ограничено), так как самая значительная часть населения, именно рабочее население, может расширить свое потребление лишь до известных, очень узких границ; к тому же по мере того, как развивается капитализм, спрос на труд относительно уменьшается, хотя абсолютно он растет...» [2]).

Противоречие между производством и потреблением, которое все больше обостряется вместе с развитием производительных сил, Маркс подчеркивает и в ряде других мест. «Условием перепроизводства является общий закон перепроизводства: производство происходит сооответственно производительным силам, т.-е. соответственно возможности при данной массе капитала эксплоатировать максимальное количество труда, не считаясь с существующими границами рынка, с платежеспособными потребностями; и это совершается путем постоянного расширения производства и накопления, значит, и путем постоянного превращения дохода в капитал; между тем, с другой стороны, масса производителей ограничена и, соответственно природе капиталистического производства, должна быть всегда ограничена средним размером потребностей» [3]). «Основой современного перепроизводства служит: безусловное развитие производительных сил, и потому массовое производство, при котором масса производителей заключена в круг необходимых жизненных средств, с одной стороны, и ограничение прибылью капиталистов, с другой стороны» [4]).

[1]) Там же, т. I, стр. 625.
[2]) Маркс, Теории прибав. ценности, т. II, ч. 2, стр. 166.
[3]) Там же, стр. 199—200.
[4]) Там же, стр. 195.

Из приведенных цитат совершенно ясно, какое значение Маркс придавал развивающемуся вместе с развитием производительности труда противоречию между производством и потреблением. Конечно, это не значит, что Маркс выводил кризис исключительно из этой антагонистической формы производства. Само противоречие существует при наличии анархии производства, еще более обостряет эту анархию, проявляясь только через нее. Подобно тому, как товар и деньги развивают все свои определения только при капитале, существуя и помимо него, подобно этому же противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения обнаруживает все превратности только тогда, когда развивается противоречие между производством и потреблением, т.-е. когда наряду со стремлением к безграничному расширению производства имеем и стремление к ограничению потребления.

Обычные возражения противников развиваемой точки зрения сводятся к следующему: 1) рынок предметов потребления чрезвычайно незначителен по сравнению с общей товарной массой, выбрасываемой на капиталистический рынок, 2) предметы потребления не чувствительны к колебаниям кон'юнктуры в той степени, как остальные товары, 3) кризис начинается не с отрасли предметов потребления, 4) если бы кризис обусловливался недостаточностью рынка предметов потребления, то кризис носил бы частичный, а не общий характер.

Разберем эти возражения.

Первое возражение основано на игнорировании связи отдельных отраслей совокупного общественного труда. Как бы незначительна ни была та или иная отрасль, но изменения, происходящие в ней, не могут не затронуть остальных отраслей, ибо каждая отрасль тысячами нитей связана с другими, без них не может функционировать, а ее деятельность отражается на функционировании остальных. Это одно. С другой стороны, производство предметов потребления является тем последним звеном, в которое упираются все другие отрасли и в котором находят все остальные производственные процессы свое логическое завершение.

Что же касается утверждения, что рынок предметов потребления меньше подвержен резким колебаниям кон'юнктуры, то оно, по сути дела, не является возражением. Чем об'ясняется меньшая резкость колебаний?—Тем, что их производство подвержено большему контролю потребительского рынка, тогда как 1-е подразделение непосредственно с ним не связано. Поэтому размах и в сторону расширения и в сторону сокращения естественно может быть больше. Но ведь дело не в величине амплитуды колебания, а самый факт колебаний отрицать нельзя.

Третье возражение, сводящееся к тому, что кризис начинается в 1-м подразделении, а не 2-м, кажется по внешности как-будто наиболее сильным, но по существу, по своей слабости не уступает первым двум. Действительно, кризисом потрясаются больше всего отрасли с высоким органическим составом капитала, по преимуществу отрасли 1-го подразделения, да и самый кризис обычно начинается здесь. Но все это отнюдь не является основанием для того, чтобы отрицать за противоречием между производством и потреблением роли причины кризисов.

Что кризис больше проявляется в отраслях 1-го подразделения,—это совершенно понятно. Это об'ясняется двумя причинами: во-первых, 1-е подразделение представляет значительную, преобладающую часть ценностей всего общественного производства, во-вторых, она меньше контролируется рынком. В период под'ема нет никаких границ для капитальных вложений. В горячке под'ема вложения не могут опираться на твердую почву реального рынка. Пока цены двигаются вверх, нет оснований для того, чтобы максимальным темпом не развивать производства, не открывать новых предприятий даже с более низким уровнем техники. И этот процесс расширения может итти безболезненно до известного предела. Но вот когда вновь выстроенные предприятия и машины начинают функционировать, только тогда они сталкиваются с ограниченностью рынка. Этот же момент наступает тогда, когда уже сделаны большие вложения. Приостановка сбыта обнаруживается внезапно, и потрясение поэтому бывает более значительным.

Но кроме того, что кризис больше отражается на первом подразделении, он здесь и начинается обычно. Как об'яснить такое явление?—спрашивают Губерман и Спектатор. Но, ведь только не проследив внутреннего механизма капиталистического цикла, можно с изумлением останавливаться перед данным, реально имеющим место, явлением. Мы уже говорили, что 2-е подразделение меньше подвержено острым колебаниям в виду непосредственного контроля рынка в прямую противоположность 1-му подразделению. В процессе динамики цикла и под'ема идет расширение производства во всех отраслях, т.-е. и в 1-м и во 2-м подразделении. Последнее расширяется, ибо под'ем втягивает новых рабочих, повышается заработная плата и т. д. Производство 1-го подразделения нуждается для значительной части своей продукции в рынке 2-го подразделения. До известного предела 2-е подразделение будет представлять рынок для 1-го. Но когда массы продукции 1-го подразделения начнут поступать на рынок, 2-е подразделение не в состоянии будет поглотить всего производства 1-го, ибо оно может расширяться лишь до пределов насыщения потребительского рынка. 2-я отрасль, контролируемая рынком, откажется принимать продукцию 1-го. А уже этого одного достаточно для наступления кризиса в 1-м подразделении. Таким образом, совершенно не обязательно, чтобы кризис начался во 2-м подразделении. Цены и производство во 2-м могут не падать, могут даже повышаться, но если это совершается в ненадлежащих пропорциях с 1-м подразделением, то это уже является фактором кризиса для 1-го подразделения. Здесь он может разразиться в первую очередь. Но это абсолютно не может означать того, что потребительский спрос не является фактором кризиса. Наоборот, его границы, чрезвычайно неэластичные благодаря существующим антагонистическим производственным отношениям, выступают как границы производства. Не соответствующее рынку производство должно будет потерпеть крушение. Цены на продукцию должны будут падать, производство станет нерентабельным и сократится. Это в свою очередь по цепной связи сократит рынок и для 2-го подразделения, ибо сокращение производства в 1-м подразделении неминуемо приведет к лишению значительной части рабочего класса работы, а следовательно, и покупательных средств. Кризис в осязательной форме наступает и здесь. Таким образом, хотя кризис во 2-м подразделении может наступить и позже и не носить такого острого характера, как в 1-м, тем не менее, действительным пределом производства остается потребительная сила масс; и то, что внешне она проявляется последней, это не значит, что она не является причиной кризиса. Наоборот, анализ внутреннего механизма цикла приводит нас к этому решающему пункту.

Выжатая из рабочего в борьбе за увеличение капитала прибавочная стоимость не может быть реализована, ибо «условия непосредственной эксплоатации и условия ее реализации не тождественны. Они не совпадают не только по месту и времени, но и в понятии. Первые ограничены только производительной силой общества, вторые—пропорциональностью различных отраслей и потребительной силой общества. Но эта последняя определяется не абсолютной производительной силой и не абсолютной потребительной способностью, а потребительной способностью на основе антаго-

нистических отношений распределения, которые сводят потребление огромной массы общества к минимуму, изменяющемуся лишь в более или менее узких границах. Она ограничена далее стремлением к накоплению, стремлением к увеличению капитала и к производству прибавочной стоимости в расширяющемся масштабе. Таков закон капиталистического производства, диктуемый постоянными революциями в самых методах производства, обесценением имеющегося капитала, постоянно сопровождающим такие перевороты, всеобщей конкурентной борьбой, необходимостью совершенствовать производство и расширять его масштаб ради одного только сохранения и под угрозой гибели. Поэтому рынок должен постоянно расширяться, так что взаимозависимость рыночных отношений и определяющие ее условия все более принимают характер независимого от производителей естественного закона, все более ускользают от контроля. Внутреннее противоречие стремится найти себе разрешение в расширении внешнего поля производства. Но, чем больше развивается производительная сила, тем более впадает она в противоречие с тем узким базисом, на котором покоится потребление» [1]). «Постоянно должно возникать несоответствие между ограниченными размерами потребления на капиталистическом базисе и производством, которое постоянно стремится выйти за эти имманентные пределы» [2]). Так представляет себе Маркс роль противоречия между производством и потреблением.

После сказанного не трудно оценить и глубокомыслие четвертого возражения о том, что если в потреблении видеть фактор кризиса, то кризис будет не общим, а частным. Только представляя общественное производство не как реальную совокупность, а сумму не связанных друг с другом клеток, можно делать утверждение подобного рода.

Для полноты остановимся еще на том случае, когда производство начинает сокращаться ранее падения цен. Эмпирически такой случай дан. Но и он не представляет чего-либо необ'яснимого с нашей точки зрения. Наоборот, и этот случай может получить исчерпывающее об'яснение с точки зрения марксовой теории кризисов. В самом деле, ведь процесс движения капиталистического цикла не представляет собой такого механического процесса: повышаются цены—расширяется производство, падают цены—производство сокращается. Процесс более сложен. Ведь капиталист заинтересован не в абсолютной высоте цены, а в величине нормы прибыли. Общая повышательная волна цен может быть для той или иной отрасли не только не выгодной, но подчас и прямо убыточной. Конкретно это можно представить в том случае, когда повышение цен на продукцию этой отрасли отстает в этом движении от цен, поставляющих ей средства производства отраслей. В этом случае разница между ценой производства и издержками производства может итти по пути уменьшения и даже превратиться в величину с отрицательным знаком. И все это на фоне общего повышения цен и кон'юнктуры. Ясно, что такая кон'юнктура несет в себе сама элементы своего отрицания, ибо производство, не дающее прибыли, даже при наличии абсолютного повышения цен, не может продолжаться. Однако, чем обусловливается сама эта возможность? Только тем, что потребительская сила масс имманентно не может развиваться пропорционально развитию производства. Она является тем барьером, о который разбивается стремление к неограниченному расширению производства и развитию производительных сил. Таким образом, наличие непропорционального повышения цен, ослабляя рентабельность той или иной отрасли, должна будет привести к свертыванию производства здесь. А сокращение производства в этой

[1]) Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 225.
[2]) Там же, стр. 238.

отрасли будет означать сокращение спроса на продукцию отраслей, связанных с ней, а следовательно, и падение цен и кризис. Кризис, следовательно, начнется ранее начала падения цен. Этот случай сходен по существу с разобранным выше и по об'яснению его внутренних причин. В данном случае лишь более четко выступает роль нормы прибыли, как регулятора капиталистического воспроизводства.

IV.

Задачи настоящей работы ограничивались исследованием причин капиталистических кризисов всеобщего перепроизводства. Но кризис представляет лишь один момент, одну фазу в движении капиталистического цикла. Поэтому мы считаем нужным вкратце остановиться на проблеме выхода из депрессии и перерастания депрессии в под'ем. Тогда и самый кризис предстанет пред нами в более ясной форме.

Если механически продолжать развитые выше положения, то на вопрос, как капитализм изживает кризис и следующую за ним депрессию, можно найти только один ответ: кризис и депрессия могут быть изжиты на основе повышения покупательной силы масс. Но сейчас же встает вопрос: где и откуда берется эта покупательная сила, если мы предполагаем, что кризис знаменует собой резкий перелом в сторону сокращения производства, а это означает еще большее сокращение покупательной силы. Внутри капиталистической сферы нет носителей этой покупательной силы. Остается искать ее в некапиталистической среде. Но что значит в данном случае некапиталистическая среда? Это значит, что капитализм внутренними силами не в состоянии выйти из того упадка, в который он попал благодаря кризису, что требуются внешние силы для под'ема, т.-е. что была абсолютно права Р. Люксембург, говорившая о недостаточности капиталистического рынка и о невозможности самостоятельного развития капитализма.

Вводить урожай, как фактор выхода из депрессии, как это делает Финн-Енотаевский, открытие новых рынков (Каутский, Гильфердинг) и тому подобное, это значит ни на шаг не подвинуться вперед в понимании закономерных, неизбежных (а это как будто никем из марксистов не оспаривается) фаз капиталистического цикла, или, вернее, двинуться назад к теории Люксембург и ее предшественников. Все эти факторы более или менее случайны. Если их не окажется, то капитализм обречен на вечную депрессию. Как мы уже говорили в начале нашей работы, некоторые из этих факторов в том или ином конкретном капиталистическом цикле оказываются мощным фактором нового под'ема. Но в абстрактно теоретическом анализе нельзя заниматься коллекцией причин. Он требует нахождения таких факторов, которые неизбежно должны быть имманентными капитализму, вытекают из логики капиталистического хозяйства, а не являются продуктом случайного стечения обстоятельств.

Таким образом, если отвлечься от «внешнего рынка» и случайных факторов (а это необходимо сделать, если оставаться в плоскости абстрактно-теоретического анализа и марксовой методологии), то внутри капиталистической сферы мы не найдем той покупательной силы, к которой мы прибегли было как к фактору выхода из депрессии. Остается допустить, что 1) или капитализму невозможно выйти собственными силами из кризиса, 2) или же есть еще другие причины, которые нами еще не рассмотрены.

Обратимся к самой механике кризиса и к тем явлениям, которые ему сопутствуют. Кризис означает перелом кон'юнктуры. Но этот перелом подготовляется самим под'емом. В последнем скрыты уже элементы кризиса. Кризис проявляет и разрешает те противоречия, которые накопляются

в процессе под'ема. Под'ем создает благоприятные условия для расширения производства не только для крупных, с технической стороны высокостоящих капиталистических предприятий, но и для слабых, отсталых предприятий.

Имманентное капиталу стремление к возрастанию вглубь и вширь само создает элементы кризиса. Капитал, расширяя производство, сам же создает лимит этого расширения. Под'ем означает бешеную экспансию капитала, кризис—разбившийся о барьер капитал начинает катиться вспять. Однако это не плавное шествие назад. Это мучительный процесс, в котором разыгрывается острая конкурентная борьба, борьба за самосохранение между отдельными капиталистами. Тогда как в полосу под'ема борьба значительно ослабевает и наблюдается относительно мирное содружество, кризис и следующая за ним депрессия характеризуются острой и ожесточенной конкуренцией. Подобно тому, как в полосу под'ема мы имеем не только расширение уже существующих предприятий, но и создание новых, принимающее сплошь и рядом уродливые формы грюндерства, подобно этому в период кризиса и депрессии мы имеем не пропорциональное сокращение производства во всех продприятиях, а стабильность в одних, сокращение в других и гибель третьих. Масса предприятий гибнет, что на языке экономической статистики обозначается как рост банкротств. Таким образом, действительная картина не так проста, плавна и безболезненна, как это рисуют некоторые представители учения, пытающегося заменить теорию кризисов учением о кон'юнктуре.

В процессе кризиса и депрессии крупные капиталистические предприятия поглощают мелкие, т.-е. происходит процесс концентрации капитала.

Кризис не простой переход от повышательной волны кон'юнктуры к понижающейся, а сложный пертурбационный процесс, который накладывает неизгладимый след на весь последующий ход развития капитализма. Кризис, означая падение цен, ухудшает условия производства, ибо, как мы говорили выше, он сближает цены с издержками производства, т.-е. уменьшает прибыль, иногда уничтожает ее, а подчас издержки производства начинают превосходить цену производства. В этих условиях слабые предприятия обычно гибнут. Но крупные предприятия, обладающие большим капиталом, способны дольше выдержать это испытание. Однако и для них производство при пониженных ценах вещь, не могущая долго продолжаться. Следовательно, должны как-то измениться наличные условия производства. Но цены вне воздействия отдельного капиталиста. Он не может их изменить в желательную для него сторону. Каждый отдельный капиталист может воздействовать в целях улучшения условий производства только на издержки производства. Только эта область в сфере возможного с его стороны воздействия. Поэтому капиталист, естественно, стремится к улучшению методов производства, введению новой техники, реконструкции всего производства, дабы таким образом сократить издержки производства. Что этот процесс имеет место, на это указывает и Маркс, это подтверждается и историками кризисов. Так, Лескюр пишет, напр., о последствиях кризиса 1825 г.: «Так к 1825 г. началась долгая и интенсивная депрессия, в продолжение которой капиталисты не могли рассчитывать выгодно поместить свои капиталы в промышленности. И существовавшим уже фабрикам было трудно держаться: чтобы не разориться, они должны были прибегать к техническим усовершенствованиям, к экономии на общих расходах,—одним словом, ко всем средствам, могущим понизить издержки производства. Именно вследствие кризиса 1825 г. и распространилось употребление механических ткацких станков, а на литейных заводах все устаревшие приспособления были заменены новыми. Таким образом, мало-по-малу растет полная сил промышленность, с нетерпением ждущая того момента, когда вновь потребуют ее услуг» [1]). То же самое и о последствиях кризиса и депрессии 1836 года. «Период депрессии, последовавший за кризисом 1836 г., повсюду вызвал стремление сократить издержки производства. С другой стороны, благодаря последним открытиям, были введены важные технические усовершенствования. Первоначально был открыт способ получения чугуна с помощью минерального топлива; благодаря паровому молоту, стало возможным изготовлять очень крупные части, как, например, двигательные валы для больших машин» и т. д. [2]). То же самое и о последствиях кризиса 1847 года. «Вследствие кризиса усилилось, зародившееся еще в период под'ема, стремление расширить употребление кокса при изготовлении сырого материала металлургической промышленности: при всяком кризисе начинается всеобщий пересмотр издержек производства, а с коксом изготовлять чугун можно значительно дешевле, чем с древесным топливом» [3]). Точно так же Лескюр отмечает и происходящий после кризиса процесс концентрации. Он пишет о последствиях кризиса 1890 г. в Америке: «Тогда крупные заводы прибегли к другому средству предохранить себя от кризиса: вместо того, чтобы создавать картели для поддержания цен, стали основывать тресты, назначение которых состояло в том, чтобы понижать стоимость производства и цены и таким образом оживлять спрос. Так возникли чудовищные предприятия, владеющие, кроме целых флотов и железнодорожных линий, рудниками, доменными печами, прокатными и машиностроительными заводами» [4]). И далее он пишет: «В общем политика американских промышленников с 1897 по 1903 г. определялась главной мыслью: понижать издержки производства и для этой цели концентрировать производства и употреблять пользу на введение технических усовершенствований, возможных благодаря появляющимся каждый день новым научным открытиям» [5]).

Но введение новой техники, реконструкция производства неизбежно развивает спрос на оборудование и предметы, необходимые для этой новой техники и реконструирования производства. Спрос этот в первую очередь касается отраслей, производящих эти предметы. Они должны расширить производство для удовлетворения нового спроса. Но расширение производства этих отреслей неизбежно по закону цепной связи повлияет и на остальные отрасли. Расширяется рынок и для них. И так все основные отрасли, связанные с этим процессом. Но расширение основных отраслей в значительных размерах есть уже начало под'ема, ибо это расширение означает и втягивание новой рабочей силы, а следовательно, и усиление потребительского спроса.

Таким образом, мы приходим к тому выводу, что не увеличение покупательной силы является источником выхода из кризиса, а неизбежный в конкурентной борьбе переход производства на новый технический базис. Капитал, следовательно, сам себе создает рынок. Начинающееся в период депрессии переоборудование само создает элементы отрицания депрессии и перехода ее в под'ем. Теория недопотребления не понимала этого основного, что капитал сам себе создает рынок, поэтому для нее проблема выхода из депрессии должна была сводиться к проблеме внешнего рынка, а капиталистический цикл должен был рассматриваться ею не как закономерно повторяющийся, а как дело случая.

---

[1]) Жан Лескюр, Общие и периодические промышленные кризисы, стр. 23.
[2]) Там же, стр. 33.
[3]) Там же, стр. 48.
[4]) Там же, стр. 173.
[5]) Там же, стр. 245. На процессе концентрации и переоборудования указывает и Бунятян; см. его «Экономические кризисы», стр. 201.

Конечно, технический прогресс имеет место во все фазы цикла, но только в фазу депрессии он становится неизбежным. Поэтому Маркс и говорит, что кризисы бывают исходным пунктом для крупных вложений основного капитала. А осуществление этих крупных вложений и изживает кризис и депрессию.

Можно было бы провести и разобрать и ряд других моментов, облегчающих выход из депрессии, как, напр., обесценение капитала и т. д., но так как в нашу задачу не входит специальный анализ проблемы выхода из депрессии, мы ограничимся сказанным.

Капитал сам себе создает рынок, но вместе с этим сам же его ограничивает. Эта противоречивая природа капитала является одновременно и созидателем под'ема и источником кризиса. Это положение является не механическим соединением теорий Сэя-Тугана и Сисмонди-Люксембург, а, наоборот, преодолением этих односторонних и ложных учений, оказавшимся возможным для Маркса благодаря гениальному анализу движущих факторов и форм капиталистического способа производства.

Закон трудовой стоимости при капитализме в „очерках“ И. Рубина [1]).

Вл. Дунаевский [2]).

Общеизвестна большая научная ценность «Очерков по теории трудовой стоимости» И. Рубина. Они выпятили значение социологического метода в системе исследования Маркса. В «Очерках» блестяще разработаны проблемы теории товарного фетишизма, как «пропедевтики политической экономии». «Очерки» глубоко, талантливо развернули историческую и социальную определенность экономических категорий в системе Маркса. «Очерки» не лишены и целого ряда ошибок, исправление которых необходимо для успешной борьбы с вульгарным натурализмом. Пока обсуждением затронуты проблемы абстрактного труда, формы и содержания стоимости. В тени остается такой вопрос, как форма проявления закона стоимости при капитализме, в изложении которого, нам сдается, автором «Очерков» допущены ошибки. Не стоит останавливаться на важности этой проблемы! Эта часть исследования Маркса подверглась и подвергается сосредоточенным атакам буржуазной и ревизионистской критики.

I. Проблема исторического обоснования простого товарного хозяйства и „Очерки“ И. Рубина.

Закон трудовой стоимости прослежен Марксом на различных ступенях абстрактного анализа. На первой ступени исследование имеет дело с простой товарной формою хозяйства. «Закон стоимости,—писал Маркс,—абстрагирован из капиталистического производства» [3]). Абстрактная схема простых меновых связей — не раз отвечал Маркс — отражает исторически реальные отношения. «Вполне соответствует обстоятельствам, писал Маркс,—рассматривать стоимости товарв не только, как теоретическое, но и как историческое prius по отношению к ценам производства [4]). Абстрактный ход анализа Маркса,—писал Энгельс,—«представляет не что иное, как отражение в абстрактной и теоретически-последовательной форме исторического процесса; исправленное отражение, но исправленное соответственно законам, которым нас учит сама историческая действительность» [5]). Капиталистическое хозяйство и простое товарное не отделены друг от друга

[1]) Печатается в порядке обсуждения. Ред.

[2]) Настоящая статья представляет несколько дополненный доклад, сделанный в экономической секции Ленинск. научно-исслед. ин-та марксизма в феврале 1928 г.

[3]) Теории прибавочной стоимости, т. III, перев. ред. Салитан, 1924 года.

[4]) Капитал, т. III, ч. 1, стр. 154 ГИЗ, 1923 г.

[5]) «Логический метод исследования,—пишет Энгельс,—есть тот же исторический метод, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих стройность изложения исторических случайностей» («Под Знаменем Марксизма» № 2—3 за 1923 г., ст. Энгельса «О критике политической экономии Маркса»).

пропастью разрыва, хотя и представляют исторически разные типы экономики. Последнее служит «трамплином капитализма», как удачно выразился А. Кон; «оно несет в себе зародыши всех противоречий капитализма». Отличительная особенность общества равных товаропроизводителей—отсутствие капиталистической эксплоатации. Но разве можно отрицать, что отношения капиталистической эксплоатации завершают в совершенно новом своеобразии тот процесс социальной дифференциации, который происходил в обстановке простого товарного хозяйства.

По И. Рубину «переход от простой стоимости к ценам производства, это—теоретическая абстракция, а не изображение исторического перехода от простого товарного к капиталистическому хозяйству» [1]). В данном вопросе И. Рубин неверно комментирует Маркса. «Теперь, когда нам доступны и другие работы Маркса,—пишет И. Рубин,—мы доподлинно знаем, что Маркс самым резким образом отвергал взгляд, будто закон трудовой стоимости имел силу в период, предшествующий развитию капитализма» [2]).

И. Рубин ссылается на замечание Маркса по адресу Торренса, изложенное в «Теориях». В приводимой И. Рубиным цитате мы не находим его комментария. Почему Маркс здесь критикует Торренса? Исключительно потому, что «Торренс возвращается обратно к А. Смиту», который ограничивал действие закона трудовой стоимости «начальными стадиями» общественного развития. Ни одной строчкой Маркс здесь не опровергает действительности закона трудовой стоимости в обществе равных товаропроизводителей.

Каков ход доводов Маркса? При капитализме товарная форма—универсальная форма производственных отношений. По А. Смиту и Торренсу, закон стоимости «действителен на ранних ступенях обмена». Маркс уличает их в непоследовательности: если закон был действителен при эмбриональных товарных отношениях, то как же он может быть недействителен при капитализме, где товарная форма стала всеобъемлющей формой производственных отношений [3]).

Второй важнейший аргумент И. Рубина—«историческая постановка вопроса приводит к игнорированию исторического характера категории стоимости» [4]). Выставляя подобный аргумент, И. Рубин попадает в плен методологии метафизического историцизма К. Бюхера. Реакция против «естественных» законов классиков и «старо-исторической школы» приняла в работах К. Бюхера метафизический отпечаток. Бюхер не понимает, что «эпохи истории общества, подобно эпохам в истории земли, не отделяются друг от друга абстрактно строгими разграничительными линиями» [5]). Метафизической схеме Бюхера противостоит диалектическая схема истории общественных форм автора «Капитала»—триумф классического применения

[1]) И. Рубин, Очерки, 3-е издание, ГИЗ, 1928 г.
[2]) Там же, стр. 276.
[3]) Теории приб. стоимости, т. III, стр. 63—64.
[4]) И. Рубин, Очерки, стр. 279. Подчеркиваем, методологии Карла Бюхера: исторические взгляды И. Рубина не имеют ничего общего с идеями К. Бюхера.
[5]) Капитал, т. I, стр. 348, изд. 1923 г., ГИЗ. Следуя Родбертусу, К. Бюхер первые ступени истории общественных форм определяет «как производство для собственного потребления в его чистой форме». Весь кругооборот от производства к потреблению здесь, по Бюхеру, совершается в замкнутом кругу семьи, рода. Таково по Бюхеру было хозяйство греков, карфагенян, римлян; те же черты обнаруживает и хозяйство романских, германских народов в раннее средневековье. «Обмен представляет совершенно чуждый замкнутому домашнему хозяйству элемент» (К. Бюхер, Возникновение народного хозяйства, стр. 50—62, изд. Академия, 1923 г.).

Идеи Бюхера подверглись большой ожесточенной критике. Укажем на общеизвестные работы Э. Мейера («Экономическое развитие древнего мира»), Сальвиоли. Для последнего «уже примитивные союзы семейств, из которых сложилось

диалектики в историческом анализе. Она еще не достаточно оценена, продумана, комментирована! Она заключена на двенадцати страницах истории развития форм стоимости первого тома «Капитала». «Абстрактная и кажущаяся иногда чисто-дедуктивной форма изложения на самом деле воспроизводит гигантский фактический материал по истории развития обмена и товарного производства», писал Ленин [1]). Каждый тип формы стоимости отображает определенный тип экономической структуры, «способ общения» между производителями в общественном труде [2]). Каждая форма стоимости исторически своеобразна и различна. Это не мешает Марксу рассматривать каждую форму, как результат длинного исторического ряда формирующих образований. Здесь «каждая последующая форма рождается из предыдущей не просто путем уничтожения первой, а в такой форме, что первая «возвышается» (wird aufgehoben) во вторую, так как считается превзойденной и в то же время сохраненной во второй».

В статье, помещенной в 1925 году в «Neue Zeit», Энгельс писал: закон трудовой стоимости имел силу в течение исторического периода, продолжавшегося от пяти до семи тысячелетий [3]). Схема истории развития форм стоимости Маркса раз'ясняет, как диалектически надо понимать мысли Энгельса. «Закон трудовых затрат» существовал на протяжении всего этого периода в качественно различных стоимостных формах проявления: разные формы стоимости (случайная, развернутая, всеобщая) выражали качественно-различные экономические формации, разные «степени» общественно-трудовой связи, разные ступени «овеществления» производственных отношений и, следовательно, специфически разные закономерности.

Если у К. Бюхера обмен появляется лишь в «городском» и «народном» хозяйстве, то у Маркса он существует уже в первоначальной общественной форме. Но это не превращает товар в неисторическую, «естественную» категорию. Обмен существует уже в первобытной родовой общине в виде случайной формы стоимости, качественно отличной от всеобщей, денежной формы, и в то же время единой с ней в историческом процессе перерождения трудовой затраты в трудовую стоимость, как всеоб'емлющего регулятора всего общественного производства. Только для метафизического историцизма: если закон трудовой стоимости имел место в до-капиталистической структуре, то он теряет свой историко-ограниченный характер. Для диалектика же: закон трудовой стоимости, реально существуя исторически в «обществе простых товаропроизводителей», при капитализме приобретает новую социальную определенность.

Не приводит ли, однако, историческое обоснование простого товарного хозяйства нас к идее историко-сравнительного метода исследования всех проблем политической экономии? Ни в коей мере! Оно требует только, чтобы абстрактная схема изучалась во всей ее конкретности! «Логический

римское государство, сохраняя полную самостоятельность внутри городских стен, связывались друг с другом отношениями обмена». «Начиная с вавилонских памятников,—пишет Сальвиоли,—с закона Хаммураби, вплоть до памятников Востока и всей эллинской эпохи мы находим самые очевидные доказательства к тому, что домашнее хозяйство производило, перерабатывало все, что не требовало особого навыка и орудий, и что существует класс ремесленников, собранных в городах, и работающих на заказ или для рынка» (Сальвиоли, Капитализм в античном мире, пер. Р. Гальперина, Харьков, Всеукр. ГИЗ, 1922 г., стр. 85, 182, 25).

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 2, стр. 328.
[2]) Энгельс, Закон ценности и уровень прибыли,—ж. «Новое Слово», 1897 г.
[3]) Разумеется, внутри человеческой стайки в сорок—пятьдесят человек, или родовой общины, естественно не было обмена. Но по величайшим открытиям Моргана и Маурера «развитие продуктов в товары имеет своим источником обмен между различными общинами, а не между членами одной и той же общины». (Капитал, т. III, ч. 1, стр. 156).

(абстрактный. *В. Д.*) способ исследования,—подчеркивал Энгельс,—дает возможность изучить всякий момент развития в его самой зрелой стадии, в его классической форме».

Этим самым Энгельс резко отмежевался от основного положения, выдвинутого И. Степановым: «для раскрытия фетишизма, закономерностей капиталистического хозяйства надо опуститься к до-капиталистическим формам производства» [1]). Для А. Богданова, также, историческая реальность «простых» экономических категорий дает ключ к чисто-психологическим тайникам научных открытий Маркса, освещает самый ход, последовательность исследования Маркса. Этот ключ—историко-сравнительный метод германской исторической школы [2]).

Историческое обоснование совершенно не связано с подобной психологической постановкой метода исследования. Последний отнюдь не состоит в психологическом законе научного творчества; он должен дать лишь «отправные пункты», «основные точки зрения» в исследовании. Историческое обоснование совершенно не продполагает, что закономерности могут быть «открыты» историко-сравнительным описательным методом.

Противники исторического обоснования закона стоимости в простом товарном хозяйстве неизбежно скатываются к взглядам Б. Кроче, Дитцеля и А. Богданова. Они вынуждены обосновывать закон, или «чисто этическим постулатом равенства», или «потребностью создать для анализа идеальную схему меновых отношений», или же, наконец, биологическим принципом поддержания в каждом индивидуальном хозяйстве равного баланса между «затратой» и «получкой» физиологической энергии.

Остановимся коротенько на доводах А. Богданова, к которым прибегают все сторонники «физиологической версии абстрактного труда». Дает ли неисторическая схема А. Богданова ответ на основную, интересующую нас проблему? Об'ясняет ли она, почему «энергетический баланс траты и получки» индивидуального хозяйства реализуется в меновых пропорциях? Обосновывает ли она, почему меновые пропорции тяготеют к трудовым стоимостям? Нет, она проходит мимо этого центрального вопроса. Эта схема еще не дает об'яснения социального своеобразия законов равновесия товарного хозяйства. Закон стоимости выводится априорно. Только исторический анализ обнаруживает, что закон стоимости не является «аксиомой», которая не может быть доказана исторически реальными фактами действительности.

---

[1]) «Вестник Ком. Академии» № 11, за 1925 г., стр. 287. «Основные абстракции для исследования капиталистического хозяйства,—пишет А. Богданов,—получаются путем сопоставления исторически данных комплексов. Так они получены в «Капитале». Исчезновение фетишизма и раскрытие его было достигнуто путем перехода к другим формам производства» («В. К. А.», стр. 304).

[2]) Исторический экскурс позволяет проследить социальное содержание отдельной, простой экономической категории. Но нельзя забывать, что «она содержится в других общественных формах в искаженном, всегда в существенно-измененном виде» (Маркс).

В системе капитализма все эти «простые» категории принимают новую, конкретную определенность. Следовательно, простые категории не дают понимания современного строя в его «сцеплении» (Письмо Маркса к Анненкову).

«Формирующий принцип» капиталистической системы создает качественно иное сочетание, «сцепление» всех этих простых категорий. Барщина средневековья нам не откроет тайны капиалистической эксплоатации, рента продуктами не даст ничего для понимания источников абсолютной и дифференциальной рент, ростовщической процент не способен нам раскрыть отношений финансового капитала.

В «Критике» и в «Капитале» Марксом дана исчерпывающая критика идей псевдоисторической школы в политической экономии, для которой «этот исторический материал служит к тому, чтобы добывать индуктивным путем новые истины» (Г. Шмоллер, Наука о народном хозяйстве и ее методы, перевод Нечаева, 1902 г., стр. 52. Курсив наш).

«Очерки» ополчаются против изложенных взглядов. Но их автор не желает все же признать, что лишь историческое обоснование наносит удар ревизионистам, превращающими теорию стоимости в «аксиому».

Историческое понимание для Энгельса было лучшим «противоядием» против превращения абстрактного анализа в гипотезу, в «методологическую фикцию», не отражающую закономерностей конкретной действительности. В. Зомбарт и К. Шмидт понимали закон стоимости по-кантиански. «У Маркса,—пишет Зомбарт,—ценность есть вспомогательное средство нашего мышления, не эмпирический, а мыслимый факт» [1]). На каких аргументах Энгельс заостряет критику «кантианских учеников Вольфовой метафизики»? Энгельс об'ясняет им, что абстрактный ход анализа отражает конкретно-исторические обобщения [2]).

Противники исторического обоснования простого товарного хозяйства не хотят понять, что только конкретно-историческое исследование вправе вскрыть, могут ли совпадать известные стороны, черты различных исторических структур между собой. Когда точка зрения И. Рубина может быть признана правильною? В каком случае абстрактный анализ закона стоимости в простом товарном хозяйстве не отражает реальных конкретных отношений? Если справедливо защищаемое Парвусом и С. Франком положение, будто исторически «в торговом обмене ремесленников между собой закон трудовой ценности не имел места в предполагаемом Энгельсом смысле» [3]).

По вопросам теории стоимости «Очерки» дают хороший отпор ревизионистскому наскоку С. Франка. Но они не обоснованы конкретно-историческим доказательством, не используют громадных исследований, собранных германской исторической школой, которые опрокидывают идеи Франка и Парвуса. С известным приближением строй отношений средневекового районного города Западной Европы, особенно Германии—классический пример реального существования простой товарной структуры [4]).

Лучшей иллюстрацией исторической правдивости положений Энгельса: многочисленные «статусы» магистратов, регулировавшие производственные отношения ремесленного города, и экономическая доктрина канонистов, обобщившая реальные экономические отношения своего времени. Учение Фомы

---

[1]) Для В. Зомбарта «ценность не обозначает даже тех приблизительных границ, в пределах которых колеблются рыночные цены» («К критике экономической системы Карла Маркса»,—«Научн. Обозрение» за 1899 г., кн. 3 и 4).

[2]) Энгельс, Закон ценности и уровень прибыли,—«Научное Слово», сентябрь 1897 г. «С того момента, как трудовая ценность ограничится значением гипотезы или мысленной формулой,—прекрасно схватывает «изюминку» идей Зомбарта Э. Бернштейн,—прибавочная стоимость превратится лишь в формулу, опирающуюся на гипотезу» (Э. Бернштейн, Исторический материализм, перевод Канцель, 1907 г., стр. 67).

[3]) Парвус, Мировой рынок и сельскохозяйственный кризис, Спб. 1898 г., изд. О. Поповой.

[4]) Мы имеем в виду не города, связанные с экспортом, а так называемый тип «районного» города, об'единенного с крестьянской округой в относительно самодовлеющую единицу, с относительно небольшим об'емом внешне-торговых связей, которые обслуживались купцом.

Самый об'ем этих связей еще нельзя считать окончательно выясненным. Известный знаток средневековья Белов убедительно критикует схему Шенберга—К. Бюхера об ограничении межгородского обмена пятью предметами торговли.

Но и Белов, и Д. Петрушевский, для которого «кипитализм—извечная категория», соглашаются с Зомбартом и Бюхером о «самодовлении и замкнутости средневекового города районнаго типа» (Д. Петрушевский, Очерки из экономической истории средневековой Европы, ГИЗ, 1928 г.).

«Начало капиталистической эры по Марксу относится лишь к XVI столетию. Она открывается там, где уже давно уничтожено крепостное право и уже значительно увял яркий цветок средневековья—города» (Капитал, т. I, стр. 79).

Аквинского о «Justum praecium» (о справедливой цене) посвящено доказательству необходимости поддержания отношений равенства товаропроизводителей. В правовой и этической форме учение «Justum praecium» отражало обязательство обмена на основе равенства эквивалентов и равенства суб'ектов обмена.

Способ ведения свободного ремесленного хозяйства В. Зомбарт называет «хозяйством по принципу ведения расхода: сначала устанавливаются расходы и по ним уже определяются доходы. Размер потребности устанавливается строго об'ективно». «Такой принцип хозяйствования нашел свое выражение,—замечает Зомбарт,—в идее бюджетов, соответствующих данному состоянию» [1]).

Исторический анализ вскрывает исторически-реальный принцип разной выгодности, на основе которого связываются формально-независимые товаропроизводители. Обмен по равным стоимостям з а р а в н о е в р е м я р а б о т ы помимо возмещения трат на средства производства должен обеспечить каждому суб'екту обмена исторически сложившийся «привычный уровень» жизни, выраженный в определенной сумме меновых стоимостей. Это—тот об'ем потребления, который необходим для компенсации затраты «общественно-средней» рабочей силы, при типичных общественных условиях производства, плюс содержание «общественно-среднего» состава семьи. Ремесленник, вычисляя п р о д о л ж и т е л ь н о с т ь с в о е й р а б о т ы, соотносясь с принятой нормой бюджета по существующим меновым стоимостям, тем самым выражал свою затрату в «общественных единицах» труд обезличенного, однородного, одинакового, отвлеченного от конкретной формы. Величина стоимости должна была определиться ф а к т и ч е с к о й продолжительностью индивидуального труда производителя, но общественно выраженного в виде затраты з а д а н н ы й о т р е з о к времени одной и той же, общественно-средней рабочей силы. Этот исторически реальный принцип приравнивания труда и связан с тяготением рыночной цены к трудовой стоимости.

Разумеется, средневековый город интересует политическую экономию лишь в той мере, в какой его отношения помогают познать законы простого товарного хозяйства. Отношения простого менового общества здесь в ы д е л я ю т с я из всего многообразия хозяйственных укладов средневековой экономии, путем абстракции от отношений, складывающихся между феодалом и крестьянином, между купцом и феодалом, от влияний, которые оказывал на районный средневековый город купеческий капитал и феодальное поместье.

Теоретическое обобщение не лишает исследование его исторической правильности, если оно верно выявляет лишь характерные основные черты действительности, «выбирая» те из них, которые определяют, формируют ее специфически отличительное своеобразие, ее типичность [2]).

---

[1]) «Понятие бюджета является научным фундаментом для системы Фомы Аквинского (В. З о м б а р т, Современный капитализм, стр. 19, 113, 118, т. I, изд. «Путь к знанию», Лен. 1924 г.).

Justum praecium—«это та цена, которая соответствует расходам продавца с прибавлением приличествующего его состоянию дохода» (К у л и ш е р, Лекции по истории экономического быта, изд. 6-е, стр. 232). Наконец, для известного исследователя Белова «эта теория связана известными общими идеями с принципами, господствовавшими в городах (Б е л о в, Городской строй и городская жизнь средневековой Германии, 1912 г., изд. Сабашниковых).

[2]) В районном городе средневековья и его сельской округе весьма велик удельный вес натуральных отношений, которые несколько отклоняют меновые пропорции от строгого соответствия с трудовой стоимостью. Универсализация отношений обмена при капитализме дает н а п р а в л е н и е и теоретическому изучению строя районного города. Закон стоимости здесь изучается, исходя из предпосылки о всеобщности товарной формы общественной связи, отвлекаясь от видоизменений, вносимых в проявления закона натуральным укладом.

В «чистом виде» отношения эквивалентного обмена по трудовым стоимостям проявились в строе производственных отношений внутри ремесленного города, между своими ремесленниками. Эти отношения и имеются, прежде всего, в виду при исследовании здесь закона стоимости. Этого не понимает Парвус, для которого «закон трудовой ценности не мог иметь места» потому, что отношения ремесленного города с крестьянской округой были отношениями эксплоатации: городской ремесленник, его цеховые организации диктовали цену деревенскому потребителю!

Отношения эксплоатации городом деревни все же не ликвидировали эквивалентность обмена между ремесленниками. Весь город в целом получал часть прибавочного продукта крестьянской округи; в обмене с последней все городские товаропроизводители пользовались одинаковыми, равными условиями эксплоатиции [1]).

II. Исходная ошибка в исследовании.

Какие выводы надо сделать из конкретного изучения законов простого товарного хозяйства? Каковы законы социального уравнивания труда? Равенство труда в процессе обмена означает равенство фактического труда в сфере непосредственного производства.

В главе «Очерков», посвященных абстрактному труду, изумленный читатель узнает, что «общественное равенство трудовых затрат р а з л и ч н ы х в и д о в (т.-е. различных отраслей. *В. Д.*)—отнюдь не представляет равенства фактически проработанных часов [2]). Каковы последовательно-логические выводы из изложенных положений? «Мы вынуждены были бы признать, что социальное уравнение труда в процессе обмена происходит вне всякой зависимости от количественных моментов, характеризующих труд в процессе непосредственного производства (его продолжительности, интенсивности, продолжительности подготовки к данному квалифицированному труд)» [3]). Автор «Очерков» об'ясняет подобный «ложный вывод» «могущим возникнуть недоразумением, неправильным толкованием его мыслей. Признание автора можно принять, лишь насилуя элементарную логику вывода! Каким же путем рыночная цена может тяготеть к трудовой стоимости, если «общественная величина труда» совершенно не связана с фактической затратой труда на данный товар! [4]).

«Очерки», обычно поражающие читателя силой и последовательностью мысли, в данном месте теряют свою обычную выпуклую ясность! В главах

---

[1]) Крестьянин по Парвусу не был в состоянии вычислить трудовую стоимость продуктов своего хозяйства. Парвус не учитывает того, что на меновых пропорциях на сельскохозяйственные товары сказывалась сила традиции. Количественные соотношения должны были обеспечить крестьянскому хозяйству сохранение размеров его производственного (посев, содержание скота) и личного потребления в исторически сложившихся условиях. Эти традиции все же формировались под влиянием регулирующего воздействия трудовых затрат за большой исторический период.

[2]) «Очерки», стр. 169. Курсив наш.

[3]) Там же, стр. 172.

[4]) Разумеется, ни откуда не следует, что равенство фактического труда должно означать равенство суммы затраченной психо-физиологической энергии. Любой физиолог подтвердит: равная продолжительность разнородного труда разной квалификации «общественно-средней» рабочей силы сопровождается разной тратой психо-физиологической энергии.

Отождествление равенства разнородного труда в сфере непосредственного производства и обмена не означает равенства затраченной психо-физиологической энергии при соизмерении труда разных отраслей.

Физиологическая затрата, как таковая, не является принципом соизмерения товарных стоимостей. Она выступает здесь лишь в связи с определенным уровнем производительности труда, выражающим соотношение определенного количества продуктов к определенной продолжительности работы.

«Очерков», посвященных «общественно-необходимому» труду, читатель знакомится с совершенно другими законами уравнения труда. Здесь рыночные стоимости определяются индивидуальными стоимостями, определяемыми трудом в известных предприятиях данной отрасли. При равенстве общественного спроса и предложения, отвлекаясь от прочих условий, рыночные цены совпадают с рыночными стоимостями и равенство стоимостей товаров отражает фактическое равенство произведенных на них индивидуальных трудовых затрат [1]).

Для Маркса индивидуальная трудовая затрата, выраженная в «общественных» единицах обезличенного труда, является «имманентным мерилом», «имманентной мерой» величины стоимости. Вполне понятно, почему для И. Рубина «этот термин не может быть признан удачным; при поверхностном чтении он заставляет читателя думать скорее о мериле сравнения, чем о причине изучения количественных изменений явления». В каком смысле И. Рубин согласен считать труд «имманентным мерилом» стоимости? Только в том смысле, что количественные изменения труда, необходимого для производства продукта, обуславливают количественные изменения стоимости последнего» [2]). Для И. Рубина «этот термин» выражает только отношения зависимости. Но для отношений зависимости он действительно не подходящ. Этот термин прекрасно передает основную мысль автора «Капитала»: пропорции меновых стоимостей отражают соотношение фактических величин продолжительности индивидуальных трудовых затрат в разных отраслях. Для И. Рубина величина стоимости лишь изменяется от изменения производительности труда, но трудовая затрата в своей фактической определенности, очевидно, не находит себе отражение в величине стоимости [3]). Эта ошибка сказалась и на изложении категории абстрактного труда в системе Маркса. «Очерки» блестяще обосновали историческую и социальную определенность понятия абстрактного труда, но они ошибочно исключили индивидуальную трудовую затрату из самого содержания этой категории [4]).

[1]) Автор «Очерков» не об'ясняет столь странное противоречие в изложении «качественной» и «количественной» сторон стоимости! Разве социальная форма проявления не выражает социальную особенность количественных процессов уравнивания труда? Почему же в «качественной» характеристике стоимости даны совершенно другие количественные закономерности одного и того же процесса? Ведь для самого И. Рубина «превращение индивидуального труда в общественно-необходимый превращает частный и конкретный труд в общественный и абстрактный» («Очерки», стр. 194).

[2]) «Очерки», стр. 140.

[3]) «Существует действительно, — подчеркивает Маркс, — очень значительная разница между «мерилом» в смысле денег (в смысле практического измерителя. *В Д.*) и причиной ценности». Но, вместе с тем, для Маркса причинное изучение меновой стоимости возможно только потому, что в стоимости находит отражение ее имманентное мерило—рабочее время производства.

«Бейли думает,—пишет Маркс,—что существует будто бы различие между трудом, как причиной, и трудом, как мерилом, вообще между причиной и мерилом ценности». —Причина ценности,—об'ясняет Маркс Бейли, отрицающему абсолютную стоимость, эквивалентную форму стоимости,—есть сущность ценностей и поэтому также ее имманентное мерило» («Теории прибавочной стоимости», т. III, стр. 138).

[4]) «Очерки» блестяще развернули одну из центральных идей Маркса: «Бытие стоимости иметь чисто-общественный характер» и «не заключает в себе ни одного атома естественного природного вещества». Разумеется, трудовая индивидуальная затрата отражается в субстанции стоимости не натуралистически, а в «снятом» диалектически виде: не в виде «траты мозга, нервов, мускулов», а в известном социальном преломлении, в определенном количестве фактических часов однородного, обезличенного труда, затраченного на производство данного товара. Непосредственно эта затрата проявляется в «общественном отношении» меновых стоимостей.

Как решают этот вопрос «Очерки»? Физиологический труд составляет предпосылку абстрактного труда в том смысле,—пишет И. Рубин,—что ни о каком абстрактном труде не может быть речи, если не имеет места затрата людьми физиологической энергии («Очерки», стр. 151). «Очерки» отделываются трюизмом, вместо ясного и определенного ответа на поставленную проблему: составляет ли трудовая затрата, в том смысле, о котором мы говорили выше, содержание самой субстанции стоимости.

Изложенная нами ошибка сказалась и в определении «Очерками» предмета исследования. Они не отступают от марксистской традиции, когда определяют предмет изучения политической экономии, как «свойственные капиталистическому хозяйству производственные отношения людей в их взаимодействии с производительными силами общества» [1]) Совершенно правильно, производительные силы, как таковые, рассматриваются, как об'ект технических наук. Но нельзя забывать, что чисто-техническое существование производительные силы имеют лишь внутри отдельной хозяйственной ячейки. Их об'единение в систему немыслимо вне социального процесса распределения товарных стоимостей, многочисленного ряда чисто-общественных актов купли-продажи рабочей силы, перегруппировки капиталов и т. д.!

Социально-об'ективные закономерности не выражают ничего иного, как законы процесса социального связывания между собою индивидуальных хозяйственных ячеек. Этот процесс и составляет материальное содержание самих производственных отношений. Законы социальных связей отображают особенность этого процесса сочетания производительных сил отдельных хозяйств в единство, основанное на общественном разделении труда [2]).

Ошибка «Очерков» состоит в том, что они изучают производственные отношения, вне проявляющегося в них процесса социальной расстановки производительных сил. При таком понимании предмета исследования особенности социальной структуры не найдут об'яснения в сфере непосредственного производства.

Когда законы равенства товаропроизводителей в сфере обращения могут быть научно поняты? Если изучаются особенности процесса распределения рабочих сил в простом товарном хозяйстве, который происходит на основе учета в особой социальной форме фактической продолжительности трудовой операции.

В полемике с С. Франком «Очерки» раскрывают внутреннюю ткань закона равенства товаропроизводителей [3]). Но вся эта критика повисает в воздухе, если «равенство социально-уравненного труда не отражает равенства труда в сфере непосредственного производства».

Исходная ошибка «Очерков» тем более недопустима, что И. Рубин неоднократно высказывает правильное понимание соотношения между сферой обращения и непосредственного производства, как «различия внутри единства» [4]).

[1]) «Очерки», стр. 10.

[2]) «Бессмысленно делать из машины экономическую категорию, наравне с разделением труда, конкуренцией, кредитом,—писал Маркс Энгельсу. — Машина так же мало является экономической категорией, как бык, который тащит плуг.

Но разве Маркс не оттенял при этом, что об'единение производительных сил в систему—есть социальный процесс? «Современное применение машин есть одно из общественных отношений нашего экономического строя, но способ пользования машинами совершенно не то, что сами машины»,—подчеркивал Маркс (Письма Маркса Энгельсу. Сборник составлен Адоратским. Изд. «Московский Рабочий». 1923 г., стр. 11).

[3]) И. Рубин, Очерки, стр. 114.

[4]) И. Рубин резко отмежевывается от приписываемых ему критикою, не разделяемых им положений: будто в сфере рынка частный, конкретный труд социально-детерминируется, а в сфере непосредственного производства—полное го-

III. Постановка проблемы в „Очерках".

Для Парвуса и Франка проблема исторической реальности закона стоимости в простом товарном хозяйстве не имеет никакого отношения к изучению его при капитализме. «Очерки» И. Рубина — наглядная иллюстрация ошибочности подобных взглядов.

В изложении закона цен производства И. Рубин «отвлекается» от основного условия, при котором возможна реализация закона стоимости в товарном обществе. Он обходит молчанием центральный вопрос: сохраняется ли при капитализме, в том или ином виде, самый принцип тяготения рыночных цен к трудовой стоимости. Между тем, при каком условии подтверждается теория трудовой стоимости и для капиталистической структуры? Если исследование обнаружит: цена производства—модифицированная трудовая стоимость, разнообразно колеблющиеся индивидуальные нормы прибыли представляют количественно перераспределенные массы трудовой стоимости. Только при этом закон цен производства является тем механизмом, через который осуществляет свое действие закон трудовой стоимости.

Реальность последнего при капитализме подтверждается для И. Рубина, очевидно, одним фактом существующей зависимости изменения цен, цен производства—от изменения уровня производительности труда [1]). Но эта зависимость проявляется в сфере обращения. Ее «эмпирическую реальность» не отрицает ни один представитель буржуазной экономии, для которой, однако, не существует реальной тенденции движения цен к трудовой стоимости.

Что выражает сама по себе отмеченная зависимость, если цены не тяготеют к трудовой стоимости? Исключительно функциональную зависимость: уровень производительности труда рассматривается, как один из факторов ценнообразования так же, как соотношение спроса и предложения, «предельная полезность» и т. п. Если цены не тяготеют к трудовой стоимости, то «базис» отношения спроса и предложения не раскрывается в сфере непосредственного производства [2]).

сподство свободного индивидуализма, автономности, самостоятельности труда независимых товаропроизводителей.

Но тогда в каком смысле в «Очерках» в непосредственном производстве труд товаропроизводителя выступает непосредственно частным, но лишь посредственно, косвенно, «потенциально», идеально-общественным трудом? И для И. Рубина, следовательно, уже здесь труд товаропроизводителя общественно обусловлен. В сфере обращения только отражается внутренне противоречивый стихийный процесс приспособления формально-независимого производителя к системе общественного разделения труда.

Общественная необходимость размера трудовой затраты товаропроизводителя проявляется, как процесс бесконечных колебаний.

[1]) «Если только мы можем установить законы этих зависимостей, задача наша выполнена»,—пишет И. Рубин. Какие здесь зависимости имеет автор в виду? Изменения трудовой стоимости, вызываемые различием производительности труда, вызывают изменения в издержках производства и, следовательно, в ценах производства, что и требовалось доказать («Очерки», стр. 256. Курсив наш).

[2]) Колебания спроса отклоняют цену от трудовой стоимости. При каком условии отклонения спроса имеют тенденцию взаимно уравновеситься? Если имеется реальная тенденция тяготения цен к трудовой стоимости. При равновесии спроса и предложения «цена равновесия» (рыночная стоимость, цена производства) определится независимо от соотношения спроса и предложения—условиями производства.

Количественная определенность соотношения спроса и предложения фиксирована только при определенном уровне цен, а при их равновесии—определенным уровнем «цены равновесия». Но самый-то абсолютный уровень «цены равновесия» раскрывается только в сфере непосредственного производства.

Таким образом, раскрывается «базис» соотношения между спросом и предложением. Их равенство не означает ничего иного, как пропорциональное распределение масс общественного труда, количественно определенное, как производное

Простое товарное и капиталистическое хозяйство изучаются совершенно независимо, оторванно друг от друга. Где истоки этой ошибки? К каким выводам приводит точка зрения, развитая Марксом: простое товарное хозяйство—исторически реальный prius капиталистического? Условия реализации здесь закона стоимости—исторически конкретно определены. При капитализме товарные отношения сохраняются. Стало быть, если закон стоимости здесь имеет место, то должны сохраниться и конкретно-определенные условия его реализации в простом меновом обществе в виде тяготения цен к трудовой стоимости.

Отрицание исторического обоснования сказалось и на другой ошибке «Очерков». Они отмечают только большую «сложность» в проявлении закона стоимости при капитализме. Перед читателем не выпячена со всей резкостью диалектика «самоотрицания» здесь закона стоимости, реализуемого в простом меновом обществе. Лишь при историческом понимании нельзя игнорировать исторического своеобразия каждой ступени анализа. Изложенные выше стадии исследования уже не выступают, как разные ступени «усложнения» и «упрощения» закона стоимости. Со всей резкостью обнажается вся недопустимость механического сведения социально иной экономической структуры, каким является капитализм, к «менее сложной», «простой», товарной форме общества.

Для И. Рубина формула равновесия труда в капиталистических условиях получается только более сложная, чем в простом товарном хозяйстве, а именно, как производная из формулы равновесия капиталов [1]). Равновесие в общественном производстве в первом случае устанавливается при соответствии меновых пропорций рыночной трудовой стоимости каждой отрасли. Равновесие в распределении капиталов,—отмечает и И. Рубин,—достигается при равенстве цен ценам производства, т.-е. при количественном неравенстве меновых пропорций рыночным стоимостям, как они обусловлены разными органическими составами капиталов на равновеликую единицу в разных отраслях. При капитализме, следовательно, закон принимает качественно иную форму проявления: цены тяготеют к ценам производства, которые соответствуют неравным трудовым рыночным стоимостям.

Историческое обоснование не затушевывает, но, наоборот, выпячивает противоречие между условиями реализации закона стоимости в простом меновом обществе и его проявлением при капитализме [2]). Оно ставит перед исследованием проблему: проследить, каким образом в исторически отличной экономической структуре «сохраняется» закон, регулирующий отношения пропорциональности «общества равных товаропроизводителей».

Постановка проблемы дает направление исследованию. «Очерки» не могли поставить так исследование: для них, повторяем, при капитализме мы

от величины трудовой затраты на единицу продукта в господствующих для данной отрасли условиях техники.

В десятой главе первой части третьего тома «Капитала» содержится классическая критика «основных китов» математической школы с ее пониманием спроса, как самостоятельного, внешнего источника «цены равновесия».

[1]) «Очерки», стр. 242.

[2]) Условия реализации закона стоимости отнюдь не состоят в равенстве цены трудовой стоимости. «В самой форме цены дана возможность количественного отклонения цены от стоимости» («Капитал», т. I, стр. 51). Условие реализации закона не может выражаться и в равенстве цены производства рыночной стоимости. В чем же выражается при капитализме это тяготение цен к трудовой стоимости? В тенденции—к особым образом перераспределенной трудовой стоимости—цене производства, совпадающей в тенденции с рыночной трудовой стоимостью в отраслях общественно-среднего органического состава капитала.

имеем дело не с иной формой проявления закона, а лишь с его усложнением [1]).

Анализ «Очерков» не заострен на основном вопросе: каким образом при капитализме трудовая стоимость выполняет свою функцию социального регулятора распределения общественного труда, если «с превращением стоимости в цену производства скрывается от глаз самая основа определения стоимости», «прибыль представляется чем-то стоящим вне имманентной стоимости товара [2]).

Решение этой проблемы немыслимо без исследования генезиса средней нормы прибыли. Ошибки в постановке проблемы сказались и в методах ее решения. Автор «Очерков» не заостряет исследование на изучение характера самого процесса превращения рыночной трудовой стоимости в разных отраслях в специфически отличные цены производства.

Какие задачи стоят перед анализом, если отвлечься от обязательной количественной определенности закона стоимости, если он непосредственно может быть выведен из самого по себе факта зависимости между изменением уровня производительности труда и движением цен? Все исследование сведется к тому, чтобы проследить: через какие еще дополнительные звенья устанавливается отмеченная выше зависимость при капитализме, по сравнению с простым товарным хозяйством, какое «усложнение» вносит капиталистическая структура в цепочку этих зависимостей.

Вся проблема решается тем, что в простом товарном хозяйстве имеется «четырехчленная модель причинной связи между отдельными категориями», а в капиталистическом—шестичленная, что «центральные звенья теории капиталистического хозяйства (цены производства, распределение капитала. *В. Д.*) не исключают указанных выше звеньев теории трудовой стоимости, а, напротив, при дальнейшем анализе неизбежно приводят к ним, и вместе с ними включаются в общую теорию равновесия капиталистического хозяйства [3]).

Для И. Рубина вполне достаточно, что «цена производства может быть, таким образом, об'яснима только изменениями в производительности труда и трудовой стоимости продуктов» [4]). Задача исследования для Маркса показать,—что цена производства, как таковая (an und für sich), представляет количественно перераспределенную трудовую стоимость, что базис происхождения средней нормы прибыли—непосредственный процесс производства стоимости.

IV. Средняя норма прибыли — средняя взвешенная индивидуальных стоимостных норм [5]).

Как сказался на решении проблемы дефект ее постановки? В «Очерках» не отображен самый процесс образования средней нормы прибыли. Отсюда и ошибки в комментарии исследования Маркса.

«В нашем изложении Марксовой теории,—пишет И. Рубин,—различные нормы прибыли в разных сферах не служат необходимым промежуточным звеном учения о средней норме прибыли». «Мы полагаем,—продолжает И. Рубин,—что в Марксовой системе средняя норма прибыли определяется,

[1]) Отрицание исторического обоснования приводит «Очерки» к логически противоречивой постановке проблемы. Как можно отбрасывать в исследовании капитализма основное условие реализации закона стоимости, если здесь он только усложняется?

[2]) «Капитал», т. III, ч. 1, стр. 146—147.

[3]) «Очерки», стр. 251.

[4]) Там же, стр. 274.

[5]) Для того, чтобы избегнуть столь длинной формулировки, мы называем нормы прибыли, как они даны разными органическими составами капитала за равновеликую единицу, просто «стоимостными» нормами прибыли.

как величина, производная от массы совокупной прибавочной стоимости, а не от различных норм прибыли, как может показаться при первом чтении Маркса» [1]).

И. Рубин не одинок; аналогичное толкование закона цен производства весьма широко распространено. «Это место представляет немарксизм у самого Маркса»,—писал Булгаков в дни своей марксистской юности [2]).

Как высказывался на этот счет автор «Капитала»? Маркс вывел средний уровень прибыли из индивидуальных стоимостных норм. «Соответственно разным органическим составам капитала,—писал Маркс,—нормы прибыли, господствующие в разных отраслях производства, первоначально очень различны. При помощи конкуренции, различные нормы прибыли уравниваются, образуя общую норму прибыли, представляющую среднюю из этих различных прибылей».

«Эти особые нормы прибыли в каждой сфере производства,—резко подчеркивает Маркс,—должны быть выведены из стоимости товара. Без такого выведения общая норма прибыли (а следовательно, и цена производства) была бы бессмысленным, иррациональным представлением» [3]). «Здесь, конечно, у Маркса,—правильно замечает М. Смит,—речь идет не о простой средней групповых средних, а о том, что в алгебре называется «общей средней», а в статистике превращается во «взвешенную среднюю» [4]). Средняя норма прибыли, для Маркса,—взвешенная средняя индивидуальных норм прибыли, как они даны разными органическими (техническими) составами капиталов. Роль весов играет «та относительная масса всего общественного капитала, которая поглощается каждой отдельной сферой производства» [5]).

Противопоставление, проводимое И. Рубиным, искусственно и надуманно! В процессе обращения лишь перераспределяется уже произведенная масса прибавочной стоимости. Средний уровень прибыли, «взвешенный» из стоимостных норм, «не может быть чем-либо иным, как только всей массой прибавочной стоимости, распределенной в каждой сфере производства на массы вложенных в нее капиталов, пропорционально их величине» [6]).

[1]) «Очерки», стр. 267.

[2]) Булгаков, О некоторых основных понятиях политической экономии, журн. «Научное Обозрение» 1898 г., кн. 10, стр. 1.647).

«Предполагаемый Марксом процесс выравнивания первоначально различных норм прибыли вследствие различного строения капитала измышлен Марксом ad hoc и ни малейшим образом не соответствует действительности» (Туган-Барановский, Теоретические основы марксизма, 1917 г., стр. 163).

«Здесь может показаться,—пишет Зомбарт о таблицах третьяго тома,—что будто таким образом фактически, вследствие различной пропорции C и V в капиталах, по правилу, сначала возникают неравные прибыли, а затем постепенно они выравниваются в средние прибыли, вследствие повышения и понижения цен». («Научное Слово» 1898 г., кн. 4, стр. 699).

[3]) «Капитал», т. III, ч. 1, стр. 135. Курсив наш.

[4]) М. Смит, Экономические основы калькуляции, ГИЗ, 1926 г., стр. 141. «Но средняя величина,—подчеркивал Маркс,—существует всегда только, как средняя из многих различных особей одного и того же рода» («Капитал», т. I, перев. под ред. Струве, стр. 219).

[5]) «Капитал», т. III ч. 1, стр. 140.

[6]) «Капитал», т. III, ч. 1, стр. 152. Свое положение И. Рубин иллюстрирует следующим примером: «Если весь капитал общества составляет тысячу, а масса совокупной прибавочной стоимости сотню, то общая средняя норма прибыли будет 10%. Обратно, если при том же совокупном капитале в тысячу масса совокупной прибавочной стоимости увеличится до 150, то хотя бы нормы прибыли в отдельных отраслях производства остались неизменными, общая средняя норма прибыли поднимется с 10% до 15%» (Курсив наш).

Пример вскрывает всю беспочвенность проводимого И. Рубиным противопоставления. Масса совокупной прибавочной стоимости не может увеличиться без

имеем дело не с иной формой проявления закона, а лишь с его усложнением [1]).

Анализ «Очерков» не заострен на основном вопросе: каким образом при капитализме трудовая стоимость выполняет свою функцию социального регулятора распределения общественного труда, если «с превращением стоимости в цену производства скрывается от глаз самая основа определения стоимости», «прибыль представляется чем-то стоящим вне имманентной стоимости товара [2]).

Решение этой проблемы немыслимо без исследования генезиса средней нормы прибыли. Ошибки в постановке проблемы сказались и в методах ее решения. Автор «Очерков» не заостряет исследование на изучение характера самого процесса превращения рыночной трудовой стоимости в разных отраслях в специфически отличные цены производства.

Какие задачи стоят перед анализом, если отвлечься от обязательной количественной определенности закона стоимости, если он непосредственно может быть выведен из самого по себе факта зависимости между изменением уровня производительности труда и движением цен? Все исследование сведется к тому, чтобы проследить: через какие еще дополнительные звенья устанавливается отмеченная выше зависимость при капитализме, по сравнению с простым товарным хозяйством, какое «усложнение» вносит капиталистическая структура в цепочку этих зависимостей.

Вся проблема решается тем, что в простом товарном хозяйстве имеется «четырехчленная модель причинной связи между отдельными категориями», а в капиталистическом—шестичленная, что «центральные звенья теории капиталистического хозяйства (цены производства, распределение капитала. *В. Д.*) не исключают указанных выше звеньев теории трудовой стоимости, а, напротив, при дальнейшем анализе неизбежно приводят к ним, и вместе с ними включаются в общую теорию равновесия капиталистического хозяйства [3]).

Для И. Рубина вполне достаточно, что «цена производства может быть, таким образом, об'яснима только изменениями в производительности труда и трудовой стоимости продуктов» [4]). Задача исследования для Маркса показать,—что цена производства, как таковая (an und für sich), представляет количественно перераспределенную трудовую стоимость, что базис происхождения средней нормы прибыли—непосредственный процесс производства стоимости.

IV. Средняя норма прибыли — средняя взвешенная индивидуальных стоимостных норм [5]).

Как сказался на решении проблемы дефект ее постановки? В «Очерках» не отображен самый процесс образования средней нормы прибыли. Отсюда и ошибки в комментарии исследования Маркса.

«В нашем изложении Марксовой теории,—пишет И. Рубин,—различные нормы прибыли в разных сферах не служат необходимым промежуточным звеном учения о средней норме прибыли». «Мы полагаем,—продолжает И. Рубин,—что в Марксовой системе средняя норма прибыли определяется,

[1]) Отрицание исторического обоснования приводит «Очерки» к логически противоречивой постановке проблемы. Как можно отбрасывать в исследовании капитализма основное условие реализации закона стоимости, если здесь он только усложняется?

[2]) «Капитал», т. III, ч. 1, стр. 146—147.

[3]) «Очерки», стр. 251.

[4]) Там же, стр. 274.

[5]) Для того, чтобы избегнуть столь длинной формулировки, мы называем нормы прибыли, как они даны разными органическими составами капитала за равновеликую единицу, просто «стоимостными» нормами прибыли.

как величина, производная от массы совокупной прибавочной стоимости, а не от различных норм прибыли, как может показаться при первом чтении Маркса» [1]).

И. Рубин не одинок; аналогичное толкование закона цен производства весьма широко распространено. «Это место представляет немарксизм у самого Маркса»,—писал Булгаков в дни своей марксистской юности [2]).

Как высказывался на этот счет автор «Капитала»? Маркс вывел средний уровень прибыли из индивидуальных стоимостных норм. «Соответственно разным органическим составам капитала,—писал Маркс,—нормы прибыли, господствующие в разных отраслях производства, первоначально очень различны. При помощи конкуренции, различные нормы прибыли уравниваются, образуя общую норму прибыли, представляющую среднюю из этих различных прибылей».

«Эти особые нормы прибыли в каждой сфере производства,—резко подчеркивает Маркс,—должны быть выведены из стоимости товара. Без такого выведения общая норма прибыли (а следовательно, и цена производства) была бы бессмысленным, иррациональным представлением» [3]). «Здесь, конечно, у Маркса,—правильно замечает М. Смит,—речь идет не о простой средней групповых средних, а о том, что в алгебре называется «общей средней», а в статистике превращается во «взвешенную среднюю» [4]). Средняя норма прибыли, для Маркса,—взвешенная средняя индивидуальных норм прибыли, как они даны разными органическими (техническими) составами капиталов. Роль весов играет «та относительная масса всего общественного капитала, которая поглощается каждой отдельной сферой производства» [5]).

Противопоставление, проводимое И. Рубиным, искусственно и надуманно! В процессе обращения лишь перераспределяется уже произведенная масса прибавочной стоимости. Средний уровень прибыли, «взвешенный» из стоимостных норм, «не может быть чем-либо иным, как только всей массой прибавочной стоимости, распределенной в каждой сфере производства на массы вложенных в нее капиталов, пропорционально их величине» [6]).

[1]) «Очерки», стр. 267.

[2]) Булгаков, О некоторых основных понятиях политической экономии, журн. «Научное Обозрение» 1898 г., кн. 10, стр. 1.647).

«Предполагаемый Марксом процесс выравнивания первоначально различных норм прибыли вследствие различного строения капитала измышлен Марксом ad hoc и ни малейшим образом не соответствует действительности» (Туган-Барановский, Теоретические основы марксизма, 1917 г., стр. 163).

«Здесь может показаться,—пишет Зомбарт о таблицах третьяго тома,—что будто таким образом фактически, вследствие различной пропорции C и V в капиталах, по правилу, сначала возникают неравные прибыли, а затем постепенно они выравниваются в средние прибыли, вследствие повышения и понижения цен». («Научное Слово» 1898 г., кн. 4, стр. 699).

[3]) «Капитал», т. III, ч. 1, стр. 135. Курсив наш.

[4]) М. Смит, Экономические основы калькуляции, ГИЗ, 1926 г., стр. 141. «Но средняя величина,—подчеркивал Маркс,—существует всегда только, как средняя из многих различных особей одного и того же рода» («Капитал», т. I, перев. под ред. Струве, стр. 219).

[5]) «Капитал», т. III ч. 1, стр. 140.

[6]) «Капитал», т. III, ч. 1, стр. 152. Свое положение И. Рубин иллюстрирует следующим примером: «Если весь капитал общества составляет тысячу, а масса совокупной прибавочной стоимости сотню, то общая средняя норма прибыли будет 10%. Обратно, если при том же совокупном капитале в тысячу масса совокупной прибавочной стоимости увеличится до 150, то хотя бы нормы прибыли в отдельных отраслях производства остались неизменными, общая средняя норма прибыли поднимется с 10% до 15%» (Курсив наш).

Пример вскрывает всю беспочвенность проводимого И. Рубиным противопоставления. Масса совокупной прибавочной стоимости не может увеличиться без

В чем состоит принцип взвешивания? В суммировании взвешиваемых величин по их удельному весу. Чему равна средняя «взвешенная» норма прибыли? Отвечаем прямо—по И. Рубину:—количеству прибавочной стоимости, приходящемуся в каждой сфере на одну сотню капитала, умноженному на величину (т.-е. число сотен капитала, вложенного в данную сферу), и затем пропорционально распределенного на каждую единицу общественного капитала [1]). Взвешивание, изложенное здесь, как простой арифметический счет, на самом деле, представляет весьма сложный процесс, в котором «весам» принадлежит роль лишь «регулирующих величин».

V. Механическое противопоставление сферы обращения — сфере непосредственного производства.

«В том-то и состоит своеобразие марксовой теории цен производства,—пишет И. Рубин,—что весь вопрос о соотношении между прибавочной стоимостью и прибылью перенесен ею с единичного капитала на совокупный общественный капитал» [2]). Закон цен производства, социально-об'ективные закономерности вообще реализуются в сфере обращения. В сфере непосредственного производства, в разных отраслях—разные органические составы равновеликих капиталов. Лишь при механическом расщеплении этих областей экономии, в исследовании закона цен производства можно «отвлечься» от индивидуальных стоимостных норм прибыли. Для диалектика Маркса социально-об'ективный анализ «всеобщего» должен вскрывать основную, типичную закономерность «единичного» [3]). Закономерности общественного капитала, для Маркса, выражают типичные закономерности процессов сливания, соединения индивидуальных капиталов между отраслями и внутри их [4]).

И. Рубин недопустимо противопостовляет образование средней нормы прибыли, как величины производной от массы совокупной прибавочной стоимости,—ее образованию от различных норм прибыли. Автор «Капитала» не решал так вопрос, как его предлагает решить Рубин. Маркс не игнорировал, а исследовал проблему соотношения между прибавочной стоимостью и нормой прибыли капиталов разных отраслей производства. Для Маркса—

увеличения массы прибавочной стоимости в тех или иных отраслях, т.-е. без соответствующих изменений в последних стоимостных норм прибыли!

Увеличением $\frac{M}{V}$ для всего общественного капитала немыслимо, без увеличения нормы $\frac{M}{V}$ в отдельных сферах.

Увеличение уровня производительности труда, изменение органического состава во всем общественном капитале, невозможно без соответствующего изменения его в отдельных сферах.

Т.-е., изменение всех условий, определяющих совокупную массу прибавочной стоимости, немыслимо без изменения индивидуальных стоимостных норм прибыли.

[1]) См. «Очерки», стр. 268.

[2]) Там же, стр. 268. В свое время П. Струве тоже утверждал, что «будто бы Маркс противоречие в третьем томе «Капитала» разрешил тем, что закон трудовой стоимости отдельных меновых актов и отдельных товаров перенес на весь общественный продукт» (журн. «Жизнь», 1899 г., февраль, стр. 297).

[3]) Соотношение между «всеобщим» и «единичным классически сформулировано Лениным: «Каждое особенное и «единичное» представляет форму проявления «общего». Значит противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны; отдельное не существует иначе, как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное» (Ленин, К вопросу о диалектике,—«Под Знаменем Марксизма» № 5—6 за 1925 г.).

[4]) «Движение, рассматриваемое, как движение индивидуального капитала, обнаруживает иные явления, — пишет Маркс, — чем то же самое явление, рассматриваемое, как часть общего движения общественного капитала» («Капитал», т. III, стр. 73).

Но последний вид движения выражает противоречивые социально-об'ективные закономерности первого вида.

закон образования средней нормы прибыли выражает закономерности этих соотношений, тенденцию индивидуальных норм прибыли к средней норме.

Еще при жизни Энгельса К. Шмидт и Фиреман пытались «разрешить противоречие» рыночной стоимости и цены производства ссылкой на то, что суммы цен товаров равны сумме трудовых стоимостей, а ,следовательно, средняя прибыль величина производная от массы совокупной прибавочной стоимости. Как отнесся Энгельс к подобным теориям, достаточно хорошо вскрывают страницы его предисловия к третьему тому «Капитала». «Фиреман действительно затронул здесь решающий пункт, — писал Энгельс, — Но сколько посредствующих членов потребовалось бы еще и после этого открытия, чтобы Фиреман мог выработать полное, очевидное решение проблемы,— это показывает незаслуженно холодный прием, которым встречена его столь значительная статья. И это об'ясняется,—подчеркивал Энгельс,—не только несовершенной формой, в которой Фиреман оставил свое открытие, но и бесспорными недостатками как его понимания изложения у Маркса, так и его собственной общей критики этого изложения, основанном на таком понимании [1]).

Только теоретики «социальной школы распределения без ценности» имеют дело в анализе — исключительно с «общественным капиталом», «только» с общественным совокупным продуктом труда, «только» с результатами процессов в сфере конкуренции [2]). Но И. Рубин, как известно, подверг идеи «современных экономистов на Западе» резкой, правильной критике.

Чем же можно об'яснить его ошибки в такой постановке проблемы? В изложении закона цен производства ярко проявились ошибки в определении предмета исследования. «Очерки» проходят мимо проявляющегося в социальных связях между отдельными капиталистами процесса об'единения производительных сил отдельных хозяйств в систему общественного производства. Поэтому они и не прослеживают, как отражается в самом законе цен производства внутренне-противоречивый процесс об'единения отдельных капиталистов в единый класс [3]).

Маркс специально останавливался на том, что органический состав равновеликого капитала здесь отражает технический состав («сочетание определенного числа рабочих на определенное количество средств производства»). Закон цен производства отображает закон движения отдельных капиталов в сторону такого сочетания производительных сил на равновеликую единицу, которая создает об'ективно равные условия эксплоатации

[1]) «Капитал», т. III, пред., стр. XXVII. «У Маркса,—замечает Финн-Енотаевский, — положение: сумма цен равна сумме ценностей является естественным выводом его понимания сущности ценности и цены и вовсе не служит специальным «доказательством» правильности трудовой теории стоимости, как это предполагает Туган, Ах. Лориа. Сумма цен — денежная форма суммы ценности; если она больше суммы ценностей до вступления их в обращение — то неизбежен вывод: новая ценность создается в обмене, в обращении» («Научное Обозрение», 1903 г., № 5, Трудовая теория ценности и ее русские критики).

[2]) Метафизический отрыв «всеобщего» и «единичного» у А. Аммона философски обосновывается кантианским «принципиальным противопоставлением об'екта познания — об'екту наблюдения». «Науку конструируют, по Аммону, не реальные связи вещей, но мыслимые связи проблем» (На русском языке см. «Предмет и метод политической экономии», выдержки из произведений под редакцией Солнцева, изд. «Путь к знанию», 1924 г., стр. 211—220).

[3]) Необходимо отметить, что и для И. Рубина цена производства не является внутриклассовой категорией. Он правильно отмечает, что «теория цен производства предполагает существование всех трех основных типов производственных отношений людей в капиталистическом обществе (отношение между товаропроизводителями, отношение между капиталистами и рабочими, отношение между отдельными группами капиталистов) («Очерки», стр. 242).

(норма эксплоатации повсеместно одинакова). Эта закономерность устанавливает об'ективную внутреннюю взаимозависимость между отдельными капиталистами, об'единяет их в «поистине масонское братство в борьбе с рабочим классом, как целым» [1]).

IV. Цена производства в сфере обращения и непосредственного производства [2]).

Цены производства совпадут с индивидуальными рыночными стоимостями лишь при условии одинакового органического состава равновеликого капитала во всех отраслях. Технический прогресс связан с постоянными изменениями в разных отраслях технического состава капитала, с «подтягиванием» органического строения отсталых отраслей—к уровню отраслей высокого строения. Неравномерное техническое развитие отдельных отраслей при капитализме не позволяет установиться однотипному, органическому строению равновеликого капитала. Закономерности изменений технического, следовательно, и органического строения капиталов в разных отраслях нельзя понять без исследования процессов перемещения капитала. В какие периоды происходит техническая реконструкция, массовое переоборудование? Если длительно понизившийся спрос на товары данной отрасли не ликвидируется простым сокращением масштаба производства путем перелива части капиталов в другие отрасли.

В свою очередь, направления перемещений капиталов непонятны, если отвлечься от процессов передвижки товарных ценностей из одной отрасли в другую. Капиталы устремляются лишь в те отрасли, которые реализуют высокую кон'юнктурную норму прибыли. Движение потоков товарных ценностей отражает процесс перераспределения массы труда из одной отрасли производства в другую. Реализуемые индивидуальные нормы прибыли непосредственно определяются кон'юнктурой рынка, соотношением общественного спроса и предложения на товары данной отрасли. Кон'юнктурные нормы прибыли, разумеется, не совпадают с теми нормами, которые даны органическими составами капиталов в разных отраслях. Отрасли высокой кон'юнктуры реализуют не только произведенную стоимостную норму прибыли, но и стягивают к себе прибавочные стоимости других отраслей. Капиталисты других отраслей вынуждены покупать по высоким рыночным кон'юнктурным ценам. Как отразится это обстоятельство на реализуемых ими у себя прибылях? Последние сократятся, если об'ем спроса для данных товаров остается неизменным, или пропорционально не увеличится.

---

[1]) Закономерности процесса связывания капиталистов между собою выражают социальную особенность взаимоотношений между отраслями общественного производства. Без изучения этого процесса нельзя исследовать кривую капиталистического развития (см. нашу статью: «Вопросы теории воспроизводства»,—«Социалистическое хозяйство» 1928 г., № 3).

[2]) Здесь цена производства не исследуется во всем ее многообразии, как она обнаруживается на поверхности конкуренции. На этой стадии изучения предположены: полные условия свободной конкуренции, абстракция от «третьих лиц», от колебаний товарных цен, лежащих на стороне денег; здесь не исследуются законы распределения, связанные с распадением прибыли на процент, предпринимательский доход и т. д.

Соотношение спроса и предложения здесь берется, как определенное производственное соотношение между первым и вторым подразделениями капиталистического производства в специфически капиталистической форме. «Для понимания тех спроса и предложения, которые создают между собой производители, как таковые,—замечает Маркс,—необходимо уяснить себе всю систему капиталистического процесса производства в целом» («Капитал», т. III, ч. 1, стр. 174). Схемы второго тома «Капитала» дают прекрасную иллюстрацию особенностей этого соотношения.

Изменчивое соотношение спроса и предложения создает относительно более выгодную кон'юнктуру то для одной, то для другой отрасли! Нетрудно уловить законы попеременных колебаний в передвижке общественного труда из одной отрасли в другую. Здесь проявляется устойчивая тенденция к равномерному распределению реализуемой прибавочной стоимости на единицу капитала. «Общая норма прибыли всегда существует,—подчеркивал Маркс,—лишь как тенденция, как движение к уравнению отдельных норм прибылей». Цена производства в сфере обращения выступает, как известная тенденция в процессе распределения массы общественного труда, перераспределения общественной совокупной массы прибавочной стоимости.

Средняя норма прибыли в сфере рынка не может быть ничем иным, как средне-взвешенным уровнем прибыли, образованным из различных стоимостных норм. Почему? Общая норма прибыли в сфере рынка «лишь поздний результат длинного ряда колебаний, захватывающих очень продолжительный период». На отдельных звеньях процесса сказывается действие спроса и предложения, отклоняющих реализуемые прибыли от их стоимостных размеров. Но цена производства реализуется, ведь, при равенстве общественного спроса и предложения, при котором влияние конкуренции погашается, устраняется, парализуется и, следовательно, не может определять и об'яснять абсолютный уровень средней нормы прибыли в сфере обращения.

Поскольку цена производства устанавливается независимо от воздействия спроса и предложения, источник средней прибыли надо искать не в сфере рынка, а в условиях непосредственного производства стоимости. Давление конкуренции отклоняет реализуемые прибыли от их стоимостных норм. Оно же приближает рыночную цену к цене производства, кон'юнктурные прибыли к среднему уровню, взвешенному из различных стоимостных норм [1]).

И. Рубин ограничивает процесс образования средней нормы прибыли только перемещением капиталов. Но последний процесс—лишь следствие процессов перераспределения товарных ценностей. Капиталы идут в отрасли высокой кон'юнктуры после того, как в результате длинного ряда актов продажи товаров процесс распределения прибавочной стоимости обеспечит там реализацию большей прибыли на единицу капитала.

И. Рубин ищет единый ответ, по существу, на два разных вопроса: 1) каким образом осуществляется тенденция к равной норме прибыли и 2) в каком виде происходит процесс перераспределения массы прибавочной стоимости.

Первый процесс происходит постоянно при посредстве перегруппировки капиталов. Без этого процесса тенденция к равной норме прибыли сменилась бы постоянным закреплением дифференциальных уровней прибыли в разных отраслях.

Процесс перераспределения массы совокупной и прибавочной стоимости может происходить только при реализации товаров на рынке, одно-

---

[1]) Процессы перемещений капиталов не могут освободиться от известной зависимости от материально-технической логики, как любит выражаться Н. И. Бухарин, распределения производительных сил. «Движение капитала,—замечает Маркс,—есть возмещение не только стоимости, но и вещества. А потому оно в одинаковой мере обуславливается как соотношением составных частей стоимости общественного продукта, так и их потребительной стоимостью, их материальной формой» («Капитал», т. II, стр. 380).

Если в данной отрасли масштаб производства не пропорционален общественно-необходимому уровню — в сфере обращения неизбежно обнаружится «перепроизводство товаров». Неизбежное снижение нормы кон'юнктурной прибыли вызовет отлив капиталов из этих отраслей. Колебания спроса и предложения, определяющие кон'юнктурные нормы прибыли, таким образом, имеют тенденцию взаимно перекрещиваться, нейтрализоваться.

временно с движением потоков товарных ценностей [1]). Каким же образом этот процесс может проходить через перегруппировку капиталов? Ведь перераспределяются уже произведенные массы прибавочной стоимости, т.-е. при уже определенным образом перераспределенных капиталах.

Эти места в «Очерках» становятся, поистине, «загадкой сфинкса». «Но если соотношение прибылей двух капиталов, занятых в различных сферах производства, не соответствует соотношению количеств занятого ими живого труда,—пишет И. Рубин,—то отсюда еще не следует, что часть прибавочного труда или прибавочной стоимости «передается», «переливается» из одной сферы производства в другую!» [2]).

Как обосновывает И. Рубин свой комментарий, опровергающий «представления, основанные на буквальном толковании некоторых выражений Маркса»? Дадим слово самому И. Рубину: «Но если стоимость есть не вещество, переходящее от одного человека к другому, а общественное отношение между людьми, фиксированное, «выраженное», «представленное» в вещи, то указанное представление о «переливании» стоимости из одной сферы производства в другую не только не вытекает из марксовой теории стоимости, но даже в корне противоречит учению Маркса о стоимости, как явлении общественном» [3]).

Здесь наглядно, ярко сказалась ошибка в определении предмета исследования, отрыв социального уравнивания труда в сфере обращения от непосредственного производства. Разве движение стоимостей не отражает движение определенных масс труда? Разве передвижка материальных продуктов труда с ярлыком товарных стоимостей не должна сопровождаться процессами перераспределения массы прибавочной стоимости из одной отрасли в другую? Разве все эти процессы не проявляются в социальных связях капиталистов друг с другом? Разве реальные процессы перераспределения масс обществен-

---

[1]) Буржуазная критика приписывает Марксу свое пошлое, карикатурное изображение процесса: прибавочная стоимость распределяется сама по себе, подобно жидкости, независимо от движений товарных ценностей.

И. Рубин цитирует Будге, который отрицает возможность перераспределения массы прибавочной стоимости, «так как последняя представляет первоначально не денежную цену, а только кристаллизованное рабочее время».

Буржуазная критика не хочет понять элементарного факта: на данной ступени анализа прослеживаются скрытые, внутренние процессы конкуренции: движение товарных ценностей здесь непосредственно отражает перераспределение общественного труда.

[2]) «Очерки», стр. 259.

[3]) Только этот процесс вскрывает тайны источников «триединой формулы распределения». Движение товарных ценностных потоков из сельского хозяйства в промышленный город сопровождается перераспределением части прибавочной стоимости в пользу монополистов земельной собственности. Продавая сельскохозяйственные товары по рыночной стоимости, определяемой стоимостью худших участков, сельское хозяйство реализует труда больше, чем фактически в нем занято.

Этот излишек (т. н. социально-обманчивая стоимость) берется из массы прибавочной стоимости промышленности и образует общий источник с.-х. дифференциальных рент.

При переходе товарных ценностей от фабрики к потребителю, обслуживаемым купеческим капиталом, часть прибавочной стоимости присваивается последним. И т. д.

Для «социальной школы распределения без ценностей» отношения распределения определяются только «социальной силой класса».

Поэтому они не подчинены закономерности процессов перераспределения массы прибавочной стоимости и не являются причинно-обусловленными. Это открывает широкое поле для всяких теорий о целесообразном процессе «вменения каждому классу его доли в общественном продукте» по этической норме, установленной Туган-Барановским и Штольцманом.

ного труда через товарные ценности имеют что-либо общее с нелепым, карикатурным представлением С. Франка о стоимости, «как на некоторое материальное вещество, обладающее свойством текучести»? Все это очень элементарно. Читатель вправе недоумевать, почему эти реальные процессы перераспределения прибавочных стоимостей, столь крупный исследователь-марксист, каким является И. Рубин, считает противоречием «учение Маркса о стоимости, как явлении общественном». Вот к чему приводит «последовательное настаивание» на ошибочно принятом комментарии.

Только «социальная школа распределения без ценности» берется за изучение социальной структуры, абстрагируясь от реально происходящего через движение реализуемых товаров процесса перераспределения массы прибавочной стоимости [1]). Для нее отрезан путь к пониманию процесса, устанавливающего единство внешне-самостоятельных друг от друга категорий распределения (ренты, процента, торговой прибыли, предпринимательского дохода и т. д.), как частей, совокупной массы прибавочной стоимости.

Сам И. Рубин дал уничтожающую критику идей этой школы за возвращение обратно к догме Адама Смита об образовании цены из самостоятельных, заранее данных источников ренты, заработной платы, прибыли!

Ошибочный комментарий закона цен производства опрокидывается самими же «Очерками» в тех главах, где И. Рубин развертывает с большой силой изложение проблемы общественно-необходимого труда. Здесь ярко, убедительно показана роль рыночной стоимости, как «базиса», на котором покоится само соотношение спроса и предложения, которая об'ясняет рыночные колебания прибыли, как процессы передвижки масс общественного труда.

Чем определяется для И. Рубина количество «действительной платежной общественной потребности»? Оно составляет ничто иное, как «произведение стоимости единицы продукта, определяемой техническими условиями производства, на число единиц, находящее себе сбыт при данной стоимости» [2]). Эта масса стоимости отражает сумму труда, реализуемого при пропорциональности в общественном производстве. Очевидно, при увеличении рыночной цены выше рыночной стоимости, данная отрасль реализует больше труда, чем в ней фактически занято. Очевидно, эти массы «чужого» труда должны быть взяты из других отраслей. Очевидно, д о л ж н а произойти передвижка массы труда, а следовательно, и прибавочной стоимости. Повторяем, главы самих же «Очерков» опрокидывают первоначальный ошибочный комментарий закона цен производства.

---

[1]) «Очерки», стр. 159.

[2]) «Очерки», стр. 216. Надо постоянно иметь в виду, что рыночные стоимости определяют «скрытое» соотношение масс труда в сфере непосредственного производства. Поскольку цены производства расходятся с рыночными стоимостями, равновесие капиталов установится при другой пропорции в распределении общественного труда. «Заключительное звено» процесса не совпадает с его «исходным моментом».

Но и здесь господствует диалектическое единство отрицательного и положительного!

Только постоянная перегруппировка капиталов из одной отрасли в другую обуславливает попеременное колебание рыночных цен около определенного центра—средней для данной отрасли отпускной, производственной цены, приближающейся к рыночной стоимости, как к своему «регулирующему пределу». Последняя служит регулирующей величиной издержек производства, поскольку они определяются господствующим в данной отрасли уровнем производительности труда. Другая часть цены—средний процент прибыли—представляет «итоговую величину» процесса уравнивания стоимостных норм прибыли, как частей рыночной стоимости.

В специальном очерке мы подробно проследим взаимодействие между рыночной стоимостью и ценой производства, как «регулирующими величинами» процесса распределения общественного труда.

Отвлекаясь от рыночной стоимости, как «промежуточных звеньев» процесса, мы не в состоянии понять внутреннюю закономерность направлений в передвижке капиталов, при каких стоимостных условиях стимулируется стягивание капиталов в ту или иную отрасль.

Решение проблемы общественно-необходимого труда, которое дано в «Очерках», раскрывает нам рыночную стоимость, как «промежуточное звено» процесса образования средней нормы прибыли. Схема этого процесса может быть выражена в таких основных звеньях: процессы изменений технических составов капитала—тенденция разных органических составов равновеликих капиталов к «общественно-среднему» строению—отражение изменений в органическом составе капитала на величине рыночной стоимости—процессы перераспределения массы произведенной прибавочной стоимости через движение потоков товарных ценностей—как следствие этих процессов, перегруппировки капиталов из одной отрасли производства в другую—цена производства в сфере рынка.

Рыночные стоимости в каждой отрасли играют здесь роль своеобразного «трансмиссионного аппарата». Через изменение величины рыночной стоимости, изменения в органическом строении капиталов сказываются на процессе перераспределения массы труда, а следовательно, и совокупной массы прибавочной стоимости [1]. Изменения органического строения капиталов при повсеместно равной норме эксплоатации должны вызывать изменения величины рыночных стоимостей в каждой отрасли.

Для каждой отрасли изменится величина «действительной, общественной платежной потребности». Разве все это не отразится на величинах перераспределяемых масс труда, не изменит величину самой цены производства, как производной от нового уровня стоимостных норм прибыли? По-иному должно установиться соотношение между органическими строениями капиталов разных отраслей, что скажется в перегруппировке капиталов.

Цена производства в обращении, отражая законы перераспределения масс труда, тем самым отражает процессы приближения органических составов капиталов к общественно-среднему уровню. Цена производства должна в тенденции совпасть с рыночной трудовой стоимостью в отраслях общественно-среднего органического состава равновеликого капитала, поскольку постоянно в техническом прогрессе при свободной конкуренции действует тенденция к сближению индивидуального строения капитала с общественно-средним уровнем.

Здесь сфера рынка и непосредственного производства не отождествляются, а «взаимно-проникают» друг в друга, их единство выступает, как «единство различия». Автор «Очерков» знает, что Маркс придавал громадное значение проблеме связей между распределением капиталов и распределением труда [2]. Без правильного понимания этой проблемы нельзя исследовать внутренние законы кривой капиталистического развития. Не является ли прямой, злободневной задачей последователей Маркса в теории стоимости заняться изучением этой проблемы? Комментарий «Очерков» отрезает для нас путь к исследованию этой проблемы.

---

[1]) Закономерности взаимодействия цены производства и рыночной стоимости мы постараемся дать в следующем очерке. Самую общую схему закономерности образования средней нормы прибыли мы наметили в статье «Вопросы теории воспроизводства»,—«Социалистическое Хозяйство» 1928 г., кн. III.

[2]) «Очерки», стр. 254. «Останавливаясь на вопросе о том, «пропорционально ли, в соответствии ли с этой общественной, количественно определенной потребностью распределен труд между различными сферами производства», Маркс делает к этим словам примечание в скобках: «остановиться на этом пункте в связи с распределением капитала между различными сферами производства» («Капитал», т. III, ч. 2, стр. 173).

VII. Диалектика процесса образования средней прибыли в „Очерках" И. Рубина.

Какие ошибки внесло защищаемое И. Рубиным положение в его комментарий исследования закона цен производства Маркса?

Для автора «Очерков» в девятой главе третьего тома «Капитала» дано «гипотетическое, эмбриональное, капиталистическое хозяйство». В таблицах Маркса имеется столбец с разными стоимостными нормами прибыли в различных отраслях. На этом основании, очевидно, И. Рубин и приходит к выводу, «что здесь предположено состояние монополии, но нет свободной конкуренции [1]).

Чем вызван подобный вывод? В таблицах средний уровень прибыли выводится, как среднее из индивидуальных стоимостных норм. При каком условии, по И. Рубину, это было бы возможно? Лишь при одном условии: если индивидуальные стоимостные нормы реализуются в продажной цене товаров данной отрасли [2]).

Но при каком условии стоимостные нормы прибыли могут реализоваться? И. Рубин понимает: при свободной конкуренции, анархической разорванности спроса и предложения, они не могут реализоваться в товарных ценах. Очевидно,—рассуждает автор «Очерков»,—здесь предположены условия монополии [3]).

Но в таблицах имеется графа о продаже товара по ценам производства. Та постановка вопроса, которую дали «Очерки», загоняет исследование в неразрешимое противоречие. Если индивидуальные стоимостные нормы реализуются, то каким же образом товары могут продаваться по ценам производства? Очевидно, в наличии этих двух столбцов, для И. Рубина, кроется логическая противоречивость построения таблиц в схеме закона цен производства Маркса.

Отношения свободной конкуренции между капиталистами, по Рубину, несовместимы с различными стоимостными нормами прибыли в разных сферах производства. Наличие конкуренции, очевидно, механически должно предопределять постоянное равенство индивидуальной стоимостной нормы прибыли ее общественной средней норме.

Так нам представляется логическая цепочка аргументации И. Рубина. Ее заключительное звено — следствие ошибочно развиваемого «исходного положения»: если средний уровень прибыли выводится из стоимостных норм, то последние должны реализоваться в продажных ценах. Отбросьте исходное звено и разлетится вся цепочка!

Для Маркса—непосредственно в сфере рынка отдельные стоимостные нормы прибыли, не реализуются, рыночную цену нельзя отождествлять

---

[1]) Разумеется, «таблицы девятой главы третьего тома «Капитала», иллюстрирующие образование из различных норм прибыли общей и средней, изображают теоретическую схему явления, а не историческое его развитие» (И. Рубин, «Очерки», стр. 277). Сторонники исторического обоснования абстрактного анализа и не утверждали обратного: здесь даны закономерности капиталистической системы, а не процесс перехода простого товарного хозяйства в капиталистическое.

[2]) «Выведение средней нормы прибыли из различных норм ее вызывает возражение, основанное на том, что существование в разных сферах различных норм прибыли, поскольку оно вызывается продажей продуктов разных сфер по их трудовым стоимостям, исторически и логически не доказано» («Очерки», стр. 267).

[3]) Предположим, в таблицах отражено состояние монополии. Но и в этом случае индивидуальные нормы прибыли не могут реализоваться. Монополия внутри отдельной отрасли не ликвидирует конкуренции между разными отраслями. Давление конкуренции и в этом случае будет действовать на отклонение монопольной цены от определяющей ее трудовой стоимости.

с ценой производства. Средний уровень прибыли в сфере рынка совпадает с индивидуальными стоимостными нормами, лишь как результат сложного процесса. Закон цен производства состоит ни в чем ином, как в отображении закономерности диалектики этого процесса [1]).

Большая научная заслуга автора «Очерков»—постоянное подчеркивание, что «основное в исследовании Маркса—пристальное внимание к социальным особенностям структуры». В анализе таблиц девятой главы третьего тома «Капитала» И. Рубин об этом забывает [2]). Численная закономерность таблиц третьего тома «Капитала» выражает определенную экономическую закономерность. Условия численного примера таблиц девятой главы отражают все своеобразие «формирующего принципа «капиталистической структуры. Таблицы отражают диалектику процесса образования средней нормы прибыли, процесса превращения стоимости в «новое определение формы», в цену производства. Таблицы не только не исключают, но предполагают отношения свободной конкуренции. Цена производства отображает направление процесса передвижки масс общественного труда, рыночная стоимость выступает «регулирующей величиной» того количества труда, которое приходится на данную сферу, количество, которое в капиталистическом обществе никем не устанавливается» [3]). Эти категории—различные моменты внутренне-противоречивого процесса перераспределения общественного труда. И. Рубин механически разобщает разные рубрики таблиц, игнорируя «связывающее их движение».

Для Маркса, по И. Рубину, выведение среднего уровня прибыли из стоимостных норм,—«лишь способ, особенный прием изложения» от противного. Читатель «Капитала» знает, что высказывание Маркса на этот счет совсем не предположительно, совершенно определенно, не допускает никакого иного истолкования. Да и зачем Марксу прибегать к форме изложения от противного? «Очерки» не показали, какая «рубрика» из приведенных Марксом таблиц «опрокидывается», «если сделать из нее все логические выводы до конца». Ведь Маркс не предполагал реализацию в товарных ценах стоимостных норм прибыли. Последняя рубрика отражает лишь «исходный пункт» процесса в фазе непосредственного производства. Эту рубрику «не опрокидывает» тенденция цен к ценам производства «при всех логически до конца из нее выводов» [4]).

VIII. Исторические уроки в „Очерки" И. Рубина.

Каковы последствия «самой по себе» метафизической постановки вопроса, изложенной выше? Поучительный пример,—труды Д. Рикардо. При каком условии для завершителя классицизма базис средней прибыли—сферы производства? Если трудовая стоимость, стоимостные нормы прибыли—реализуются в ценах на товары данной отрасли.

Великий метафизик представлял капиталистическую экономию в состоянии перманентной гармонии. Поскольку между всеми отраслями постоянная пропорциональность, стоимостные нормы прибыли каждой отрасли для Д. Рикардо совпадают со средней всеобщей нормой прибыли [1]). «С самого начала Рикардо отождествил цены производства и индивидуальные трудовые стоимости,—пишет Маркс,—и не видит, что это предположение prima facie противоречит закону ценности. Вместо решения он начинает насильственно выводить закон из противоречивых явлений действительности [2]).

Научное чутье подсказывает Рикардо, что технические составы в различных отраслях различны. Но тогда и стоимостные нормы прибыли в разных отраслях разные [3]). Метафизическая постановка вопроса загоняет все исследование в ложный, порочный, безвыходный круг. Над каким вопросом мучительно бьется мысль завершителя классицизма?

Как разрешить великую антиномию:

1) разные индивидуальные стоимостные нормы прибыли постоянно реализуются в продажных ценах;

2) в продажных ценах реализуется постоянно равная для всех капиталов норма прибыли?

Каким же образом эти индивидуальные стоимостные нормы могут совпасть с постоянно реализуемой в ценах средней прибылью? Для метафизика товары продаются или по ценам производства, или по рыночной стоимостям; товары равновеликих капиталов не обмениваются по трудовым стоимостям, так как технические составы их различны,—в такой форме нерешенной антиномии оставил Д. Рикардо теорию трудовой стоимости.

Период с 1820 по 1830 год Марксом обозначен, как метафизический период в истории экономической мысли. У учителя новое и важное развивается на почве, пропитанной противоречиями; у учеников формально-логическая последовательность приводит к разложению рикардианской школы [4]). Лишь великий диалектик вывел теорию трудовой стоимости из метафизического тупика, уничтожив пропасть между ценой производства и рыночной стоимостью.

«Рикардо,—замечает И. Рубин,—не мог поставить проблему во всей ее широте благодаря самому методу своего исследования, заключающемуся в непосредственном сопоставлении различных категорий и игнорировании «промежуточных звеньев» между ними» [5]). Меткая, правильная характеристика ошибки! Маркс осуждает Рикардо не за попытку вывести среднюю норму прибыли из индивидуальных стоимостных норм, а за отождествление этих категорий. Он обрушивается на Рикардо потому, что великий метафизик не понимает, что единство средней прибыли в обращении со стоимостными нормами осуществляется, как процесс, в котором последние выступают лишь как необходимые «промежуточные звенья» процесса.

---

[1]) «В точных науках нарушение, которое можно предвидеть, обыкновенно никогда не рассматривается, как опровержение известного закона»,—писал Энгельс.

[2]) «Если отсутствие в «гипотетическом» капитализме, — пишет Рубин,— конкуренции между капиталами разных сфер об'ясняет нам, почему товары не продаются по ценам производства, то оно же делает необ'яснимым факт продажи в соответствии с их трудовыми стоимостями. Но если отсутствует конкуренция между капиталами, которые прикреплены к своей сфере, то в результате получается состояние монополии» (Рубин, Очерки, стр. 265).

[3]) См. «Очерки», стр. 218.

[4]) Там же, стр. 269.

[1]) Рикардо считает «случайным, преходящим отклонения фактической или рыночной цены от их первоначальной (естественной) ценности» («Начала политической экономии», перевод Чернышева, стр. 47—92, 97).

[2]) «Теории прибавочной стоимости», т. III, стр. 60.

[3]) «Не случайно оборотный капитал Рикардо отождествляет с капиталом на содержание труда». «Рикардо обладает слишком большим логическим инстинктом,— говорит Маркс,—чтобы за основным и оборотным капиталом не увидеть отношения между живым и прошлым трудом. Поэтому у Рикардо часть капитальной стоимости, затраченная на материал труда, не появляется ни на той, ни на другой стороне. Она исчезает совершенно» («Капитал», т. II, стр. 189).

Но, разумеется, «Рикардо не разграничил строго обеих сторон труда, а потому, как и следовало ожидать, не дал анализа их различной роли в образовании стоимости» («Капитал», т. I, стр. 176).

[4]) «Теории прибавочной стоимости», т. III, стр. 73.

«Только что признав противоречие, Рикардо стремится свести его к 6—7%». «Оно выражено у него робко, в форме единственного числа» (Маркс).

[5]) И. Рубин, Предисловие к работе Розенберга «Теория стоимости у Маркса и Д. Рикардо» («Московский Рабочий», изд. 1924 г.).

Но, постойте, перебьет нас читатель:—сама по себе метафизическая постановка вопроса не играла такой роли в происхождении антиномии Д. Рикардо: последний не преодолел фетишистских представлений; этим и об'яснимы знаменитые неразрешимые противоречия!

Мы вынуждены сделать несколько методологических замечаний. Разумеется, «вся ошибка Рикардо и вытекающие отсюда неверные представления происходят оттого, что Рикардо, подобно другим экономистам, поступает с определениями форм грубо и без надлежащего внимания»[1]). В конечном счете завершитель классицизма не преодолел фетишистских представлений; но у автора «Начал» была попытка познания внутренней закономерности капиталистической системы[2]).

Нельзя согласиться с И. Рубиным, будто Маркс «скорее склонен был переоценивать, чем недооценивать великие заслуги классиков». Маркс изучал Рикардо диалектически; не отделываясь общей формальной характеристикой, Маркс проследил не только выводы, итоги исследования Рикардо, но и замыслы, «исходные моменты», отдельные этапы работы великого аналитика. Только изучение процесса работы Рикардо может оттенить исходные причины ошибок его теории.

Противоречие формы проявления и внутренней сущности закона возникало у Рикардо на той стадии исследования, когда автор «Начал» покидал фетишистское понимание экономических процессов. На этой стадии исследования и надо анализировать его ошибки. Современники «Начал» видели в произведении Рикардо то, что отказываются признать за ним наши талантливые комментаторы—попытку преодолеть фетишистское понимание буржуазной экономии[3]).

IX. Итоги.

Почему метафизическая постановка вопроса, в известном смысле близкая Д. Рикардо, не имела в исследовании И. Рубина столь печальных последствий? Читатель знает, что критик методологии классической школы, совершенно чужд метафизического понимания буржуазной экономии, которая ведет к неразрешимым противоречиям рикардианцев. Изложенная ошибка имеет в «Очерках» совершенно другие корни, которые мы постарались показать в первых главах работы.

Мы привлекли «Начала» Д. Рикардо для того, чтобы показать, к каким последствиям приводит та постановка вопроса, которая имеется в «Очерках». Эта ошибка не развернута в «Очерках» до своих логических пределов.

Нарушая логическую стройность анализа, И. Рубин все же не покидает марксистских позиций. Но стремление во что бы то ни стало сохранить

[1]) «Теории прибавочной стоимости», т. III, стр. 57. «Его внимание не направлено на анализ той формы, в которой представлен труд, как единство товара» («Теории», т. II, стр. 57).

[2]) «Основа, исходный пункт физиологии буржуазной системы — понимания ее внутренней органической связи и жизненного процесса—есть определение ценностей рабочим временем. Отсюда исходит Рикардо» («Теории», т. II, стр. 11).

[3]) Иначе становится необ'яснимым та бешеная атака, которой подверга вульгарная экономия «Начала» Рикардо. Почему Бейли специальную работу посвящает резкой полемике с Рикардо? Для Бейли «ценность — свойство вещей». Почему так резко набрасывался Мальтус на автора «Начал», отличавшего цену от стоимости? Почему «грязный пачкун» Мак-Куллох нападает на теорию прибыли Рикардо? Ведь для Мака «прибыль рождается в процессе обращения».

Сильные и меткие удары Рикардо против Сэя заставляют Маркса дать ему следующую характеристику: «Все эти экономисты признают более или менее ясно, Рикардо больше других, что меновая ценность вещей есть простое выражение, специфически общественная форма производительной деятельности людей, нечто toto genere отличное от вещей и их применения» («Теории», т. III, стр. 153).

ошибочный первоначальный комментарий приводит неизбежно к ряду противоречий.

Каков логический последовательный вывод из первоначального положения: стоимостные нормы прибыли «не служат промежуточными звеньями» процесса образования их среднего уровня? Исследование не должны интересовать органические составы равновеликих капиталов.

Но И. Рубин, следуя Марксу[1]), придает решающе важное значение в анализе разграничению в составе капиталов с и v, которое раскрывает тайны происхождения прибавочной стоимости. Таким путем «от распределения капиталов через их органический состав, — правильно отмечает И. Рубин,—перебрасывается мост к распределению общественного труда»[2]). Таким путем «под видимым процессом эмиграции капиталов раскрывается невидимый процесс перераспределения масс общественного труда»[3]).

Но И. Рубин, очевидно, сознает свою логическую непоследовательность. Как можно «ввести» в анализ органические составы капиталов и игнорировать при этом обуславливаемые ими стоимостные нормы прибыли? «Различные нормы прибыли,—замечает И. Рубин,—для Маркса служат т о л ь к о числовыми выражениями, показателями органического состава «Капитал»[4]).

Искусственность аргумента бьет в глаза! Почему не может быть и обратного положения? Неужели только потому, что тогда необходимо отказаться от первоначальной предпосылки комментария проблемы! Почему при повсеместно равной норме эксплоатации и прочих равных условиях, разные органические составы капиталов, наоборот, не могут служить показателями норм прибыли, производимой в данной отрасли?

«Средняя норма прибыли,—замечает И. Рубин в одном месте,—результат «перераспределенной между капиталистами прежней совокупной массы прибавочной стоимости». Но тогда, очевидно, индивидуальные стоимостные нормы прибыли—«звенья» процесса.

Читатель вправе требовать от исследователя-марксиста, каким является автор «Очерков», логической стройности в изложении, «качественной» и «количественной» сторон закона трудовой стоимости в изложении абстрактного труда, цен производства и глав, посвященных общественно-необходимому труду.

[1]) «Вот тебе в общих чертах критика теории Рикардо,—писал Маркс Энгельсу,—вещь вообще довольно сложная. Ты видишь сам, что если принять во внимание органический состав капитала, то отпадает множество кажущихся противоречий и вопрос (М а р к с, письмо Энгельсу, «Письма», собранные Адоратским, стр. 135).

[2]) «Очерки», стр. 254.

[3]) Там же, стр. 241.

[4]) «Очерки», стр. 267. Курсив наш.

О пределах морального снашивания в хозяйстве капиталистическом и хозяйстве социалистическом.

В. Погонкин.

I.

Основное содержание спора между А. М. Гинзбургом и С. Г. Струмилиным по вопросу о моральном снашивании в условиях нашего хозяйства сводится к следующему [1]):

Гинзбург указывает на необходимость установления такой нормы амортизационных отчислений, которая учитывала бы не только материальный, но и моральный износ нашего основного капитала. Моральный износ выражается в обесценении наличного имущества, и если это обесценение не возмещается соответственным амортизационным отчислением, основной капитал в ценностном выражении уменьшается. В условиях товарно-капиталистического окружения это означает (если отвлечься от накопления) понижение удельного веса социалистического сектора народного хозяйства.

По мнению Струмилина, нормы амортизации должны быть снижены на всю сумму морального износа, так как в условиях советского хозяйства отпадают те специфические мотивы, которые в капитализме обусловливают самое существование «моральной амортизации». Струмилин рассуждает примерно так: допустим, оборудование ценностью в тысячу рублей через 35 лет приходит в состояние полной технической негодности. Но уже через 25 лет оно совершенно обесценится вследствие морального износа, хотя технически сможет служить еще 10 лет. Капиталист устанавливает размер амортизационных отчислений с таким расчетом, чтобы к концу двадцать пятого года получить обратно полную тысячу деньгами.

«Какова цель моральной амортизации с индивидуальной точки зрения хозяина - предпринимателя?» — спрашивает Струмилин и отвечает: «Выручить уже в течение первых 25 лет полную сумму своих первоначальных затрат, так как в случае ликвидации предприятия к этому моменту цена ему будет грош, а он не хочет нести никаких потерь в своем капитале. Но с народно-хозяйственной точки зрения, если мы через 25 лет обратим даже просто в лом все наше имущество, нам потребуется для замены его совершенно новым и продолжения продукции в том же размере всего 700 рублей».

Мысль Струмилина разбивается на две струи. Он, собственно, высказывает две мысли, которые отнюдь не являются звеньями одной и той же

[1]) Струмилин, Очерки советской экономики, 1928, стр. 109—115; Гинзбург, Проблема капитала в советской промышленности, 1925, стр. 126—131.

логической цепи. Мы не собираемся ликвидировать своего имущества—это одна мысль; нас интересует не величина ценности, а количество продукта—это другая мысль, существенно отличающаяся от первой.

Разберем сначала первую мысль.

«Общество, взятое в целом,—говорит Струмилин,—не может ликвидировать на рынке своего производственного фонда... Оно может использовать его лишь в процессе производства». Это замечание относится по существу не только к советскому (и к развернутому социалистическому), но и к капиталистическому обществу. Рассматривая капиталистическое общество исключительно в частно-хозяйственном аспекте, Струмилин делает методологическую ошибку. Если взять совокупность капиталистов, то дело обстоит так: всякое имущество, даже совершенно новое, следовательно, независимо от материального и морального износа, ликвидируется, как правило, с убытком, но этому убытку всякий раз соответствует выигрыш на стороне контрагента. Ценность перераспределяется, но ее совокупная величина не изменяется. Резерв на покрытие возможных ликвидационных убытков обеспечивает простое воспроизводство данного индивидуального капитала, но совокупность таких резервов образует нераспределенную часть совокупной прибыли. Она может фигурировать в составе амортизационных отчислений, но самое явление амортизационных отчислений, как и всякое явление, лежащее на поверхности капиталистической действительности следует подвергнуть экономическому анализу.

Моральный износ в тесном смысле этого слова есть обесценение капитального имущества в общественном масштабе. Уменьшается величина совокупной овеществленной ценности. Источником покрытия морального износа может быть только прибавочная ценность. Часть прибыли отщепляется и противопоставляется прибыли, в чем и заключается сходство между морально-амортизационным отчислением и резервом на случай ликвидации. Но резерв на случай ликвидации есть часть прибыли, которая остановилась в нерешительности, не зная в чей карман она попадет. Напротив, отчисление на моральный износ есть часть прибыли, которая действительно превратилась в капитал, заменяя ценность, исчезнувшую вовсе. Моральный износ есть превращение прибыли в капитал простого воспроизводства капитала, как ценности. Отчисления на материальный износ тоже обеспечивают простое воспроизводство капитала, как ценности, но это—не ценность, вновь созданная абстрактным трудом, а ценность, перенесенная конкретным трудом [1]). В этом—отличие морального снашивания от материального. Переходим к разбору второй мысли Струмилина.

Единственной нашей заботой в области амортизации, — продолжает Струмилин,—«должно быть воспроизводство изношенного оборудования в таких размерах, чтобы общий производственный эффект (а не рыночная оценка) наличного оборудования отнюдь не понижался. Конечно, у всякого общества имеются и другие задачи—задачи расширенного воспроизводства, но они относятся уже к проблеме накопления производственных фондов, а не простого воспроизводства их, и осуществляться должны за счет прибавочной стоимости, а не за счет амортизационных отчислений». Иначе говоря, отчисления в амортизационный фонд должны делаться в обрез, для того только, чтобы обеспечить простое воспроизводство продуктов (а не ценности). На этом основании можно было бы настаивать на уменьшении также и тех отчислений, которые покрывают материальный износ. Ведь и эта часть отчислений

[1]) «Снашивание (оставляя в стороне моральное) есть та часть стоимости, которую основной капитал благодаря своему использованию постепенно передает продукту,—передает в той средней мере, как он утрачивает свою потребительную стоимость» (Капитал, т. II, стр. 111, 1927 г.).

до некоторой степени служит фондом расширенного воспроизводства продуктов. Вот что пишет, например, Маркс: «Что касается случая, когда в ходе частичных возобновлений производства постепенно расширяется, то мы отметим следующее. Хотя мы видели, что основной капитал продолжает in natura действовать в производственном процессе, однако мы знаем, что часть его стоимости, определяемая средней величиной снашивания, обращается вместе с продуктом, превращается в деньги, составляет элемент запасного денежного фонда, который служит для возмещения капитала, когда наступает срок его воспроизводства.

Эта часть стоимости основного капитала, превращенная, таким образом, в деньги, может послужить для того, чтобы расширить дело или произвести в машинах усовершенствования, которые усилят их деятельность. Таким образом, через известные промежутки времени совершается воспроизводство, и притом, если рассматривать его с общественной точки зрения, воспроизводство в расширенном масштабе: расширенном экстенсивно, если расширяется поле производства; расширенном интенсивно, если применяются более действительные средства производства. Такое воспроизводство в расширенном масштабе вытекает не из накопления—превращения прибавочной стоимости в капитал, а из обратного превращения стоимости, которая, ответившись, отделившись в денежной форме от тела основного капитала, превратилась в новый—дополнительный или действующий с большей энергией—основной капитал такого же рода» (Капитал, т. II, стр. 111—112, 1927 г.).

Таким образом, в рамках простого воспроизводства капитала, как ценности, может иметь место расширенное воспроизводство продуктов. В условиях общего роста производительности труда (удешевление и улучшение машин) отчисления на материальный износ частично служат фондом расширенного воспроизводства продуктов. С другой стороны, отчисления на моральный износ служат отчасти фондом простого воспроизводства продуктов. Это имеет место тогда, когда старое, недоработанное имущество не только обесценивается, но и выбрасывается. Тут теряется не только ценность, но и вещество. Производственная эффективность старого имущества уменьшается (а не только усиливается) за счет «морально-амортизационного фонда». Итак, граница между возмещением материального и морального износа не совпадает с границей между простым и расширенным воспроизводством вещества.

Переходим теперь к исследованию вопроса, поставленного Струмилиным: имеет ли место в условиях социалистического общества моральное снашивание? Я отвечаю на это утвердительно. Моральное снашивание не ограничено историческими рамками капитализма, но в социалистическом обществе самое содержание этого понятия существенно меняется.

Маркс различает два типа морального снашивания [1]). Первый тип: машина обесценивается, но продолжает служить вплоть до полного материального износа [2]). Здесь машина потерпела ущерб не как машина, а как ценность.

[1]) «Но, кроме материального снашивания, машина подвергается, так сказать, и моральному снашиванию. Она утрачивает меновую стоимость по мере того, как машины такой же конструкции начинают воспроизводиться дешевле, или лучшие машины вступают с ней в конкуренцию. В обоих случаях, как бы нова и жизнеспособна ни была машина, ее стоимость определяется уже не тем рабочим временем, которое фактически овеществлено в ней, а тем, которое необходимо теперь для ее воспроизводства или для воспроизводства лучшей машины. Поэтому она более или менее утрачивает свою стоимость» (Капитал, т. I, стр. 308, 1928 г.).

[2]) «По истечении 10 лет обыкновенно можно купить за 30.000 ф. ст. такое количество вагонов и локомотивов, которое раньше стоило 40.000 ф. ст. Таким образом, на этот материал приходится класть до 25% понижения рыночной цены, хотя бы не совершилось никакого понижения потребительной стоимости» (Капитал, т. II, стр. 110, 1927 г.).

Есть ли это моральный износ? С точки зрения капиталиста—да, с точки зрения «ассоциации свободных работников»—нет. Второй тип: недоиспользованная машина идет на слом и заменяется новой (Капитал, т. I, стр. 308, прим. 146). Здесь уничтожена вещь, и моральный износ имеет место и с точки зрения капиталиста, и с точки зрения социалистического производителя.

Переходим к более подробному рассмотрению вопроса.

II [1]).

Средняя трудовая затрата есть количество труда, которое в среднем действительно затрачено. В отличие от общественно-необходимого труда она отражает производительность не одного лишь сегодняшнего (живого) труда, но всего труда, как живого, так и уже и еще овеществленного. Уже овеществленного, поскольку производство соответствующих продуктов закончено, и еще овеществленного, поскольку не закончилось их потребление. Трудовая затрата реально существует во всякой общественной формации, в том числе, разумеется, и в товарно-капиталистической. В последней эта категория лишь модифицируется и в модифицированной форме выступает в костюме ценности. Как происходит эта модификация? Предполагаем три случая: 1. Стационарная производительность труда. II. Повышающаяся производительность труда. III. Понижающаяся производительность труда.

I. Стационарная производительность труда. Общественно-необходимый труд равен средней трудовой затрате. Рынок ратифицировал вчерашнюю трудовую затрату, но не потому, что она сделана, а потому, что она равна сегодняшней трудовой затрате. Только в этом ее оправдание. Здесь уже заключен (хотя и не проявился) антагонизм между сегодняшним и вчерашним трудом.

II. Повышающаяся производительность труда. Производительность живого труда превышает производительность овеществленного труда. Если выразить вчерашнюю среднюю трудовую затрату (на единицу продукта) числом 4, а сегодняшнюю—числом 2, то в плановом обществе, при условии, что сегодня произведено столько же, сколько и вчера, средняя производительность труда (овеществленного плюс живого) выразится в средней трудовой затрате, равной $\frac{4+2}{2}=3$. В товарном обществе средняя трудовая затрата (= ценность = общественно-необходимый труд) выразится числом 2, т.-е. будет отражать производительность лишь живого труда. Товары, произведенные при менее благоприятных условиях, обесцениваются.

Но происходит ли действительное уничтожение овеществленных трудовых затрат? Конечно, нет. Их уничтожить нельзя, потому что они уже сделаны. Они тяготеют над обществом, как наследие, которое будет устранено лишь тогда, когда будут целиком потреблены и воспроизведены все продукты, в которых овеществился менее производительный труд. Поэтому в калькуляции социалистического общества прошлые, менее производительные, затраты учитываются наравне с сегодняшними более производительными. В товарном обществе также не происходит уничтожения части овеществленного труда. То, что при первом взгляде представляется как уничтожение труда, на самом деле есть разорение или обеднение части людей. Общество как бы отрекается от своего производственного прошлого, и всю ответственность за низкую производительность труда взваливает на плечи одной части товаропроизводителей. Такое «отречение» свойственно лишь обществу, основанному на рыночном антагонизме.

[1]) В дальнейшем изложении некоторые утверждения автора являются спорными. Ред.

Итак, ценность выражает не только тот или иной уровень производительности труда, то или иное распределение производительных сил, но и отношение конкуренции, т.-е. борьбы между самостоятельными товаропроизводителями, при чем это отношение находит свое количественное выражение «в уничтожении ценности».

III. Понижающаяся производительность труда. Овеществленная трудовая затрата = 2, сегодняшняя = 4. В плановом обществе, калькуляция которого учитывает действительную среднюю затрату, последняя выразится числом 3. При капитализме модифицированная средняя затрата, выражающаяся в общественно-необходимом труде, равна 4. Товары, трудовые издержки которых равны 2, будут теперь также продаваться по 4. Их ценность наросла. Так возникает «обманчивая социальная ценность», которой не соответствует никакое материально-трудовое содержание и которая, следовательно, является чистым выражением социальной формы рыночного хозяйства. Вот что пишет о ней Маркс в одной из глав, посвященных дифференциальной земельной ренте:

«Мы имеем перед собою определение при посредстве рыночной стоимости в том ее виде, как она на базисе капиталистического способа производства проявляется при посредстве конкуренции; эта последняя порождает обманчивую социальную стоимость. Это вытекает из закона рыночной стоимости, которому подчинены продукты земледелия...

«Если представить себе, что капиталистическая форма общества уничтожена и общество организовано, как сознательная и планомерная ассоциация, то эти 10 кварт. будут представлять собою количество самостоятельного рабочего времени, равное тому, которое содержится в 240 шиллингах. Следовательно, общество не стало бы приобретать этот земледельческий продукт в обмен на такое количество рабочего времени, которое в 2½ раза превышает действительно содержащееся в этом продукте рабочее время; благодаря этому отпала бы основа существования класса собственников земли» (К., III, 2, стр. 200—201).

III.

Перейдем теперь к средствам производства. К ним относится все то, что сказано выше, поскольку мы их рассматриваем лишь как один из видов товаров и не рассматриваем их материально-техническое существо. Если в данной отрасли производства применяются те же машины, что и раньше, но они подешевели, то это результат технического прогресса, но не в этой отрасли, а в той, которая снабжает ее этими машинами. Машины, произведенные при старых, более высоких, трудовых издержках, вытесняются новыми, более дешевыми, лишь после полного материального износа. Хотя ценность старых машин уменьшается, это несколько не умаляет их потребительную ценность. Если новая машина сберегает столько же труда, живого и овеществленного в материалах, сколько и старая (хотя бы сама она стоила дешевле старой), устранение недоработанной старой машины всегда и безусловно, невыгодно, так как общий расход живого и овеществленного труда при новой машине будет неизменно равен общему расходу при старой машине плюс амортизация новой машины. Это об'ясняется тем, что к общему расходу при новой машине прибавляется, как убыток, ценность материально не изношенной части устраненной старой машины. Если a есть амортизация старой машины, b—амортизация новой машины, а c—расход материалов и живого труда как при старой, так и при новой машине, то a + b + c (общий расход при новой машине) всегда будет больше a + c (общий расход при старой машине), как бы ни изменялась величина отдельных слагаемых. Следовательно, новая машина, в рассматриваемом случае, заменит старую лишь тогда, когда последняя материально целиком износится. Лишь тогда общий расход при новой машине станет равен b + c, то-есть величине, меньшей a + c.

Итак, устранение недоработанной старой машины может иметь место лишь тогда, когда новая машина сберегает живой труд и материалы в той отрасли производства, в которой она применяется. Но и тогда устранение возможно лишь при известных условиях, к рассмотрению которых мы и переходим.

Предположим, что как старая, так и новая машина служат год. Трудовые издержки как старой, так и новой машины равны по 120 трудовых единиц. Ежемесячный износ той и другой машины равен, следовательно, 10 трудовым единицам. Предположим, далее, что вновь изобретенная машина может быть введенной в производство уже в середине года, когда старая машина материально износилась лишь наполовину. Ценность (соответственно: трудовые издержки) израсходованных материалов производства мы можем опустить, предположив, что она одинакова как при новой, так и при старой машине. Предположим, что ежемесячный расход живого труда при старой машине равен 10, а при новой—5 трудовым единицам. Тогда (предполагая, что труд, овеществленный в материалах производства, равен нулю), общая затрата овеществленного и живого труда до конца года будет равна при старой машине 60 трудовым единицам, овеществленным в машине (10 × 6 мес.) плюс 60 единиц живого труда, всего 120. Общая затрата за то же время при новой машине будет равняться 60 единицам, овеществленным в машине плюс 30 единиц живого труда (5 × 6 мес.), итого 90. Новая машина вообще выгоднее и рано или поздно она вытеснит старую. Но если замену произвести сразу, не дожидаясь полного материального износа старой машины, к подсчитанному нами общему расходу при новой машине нужно прибавить убыток, причиненный обесценением старой, не до конца использованной машины. Тогда сопоставление общей затраты на единицу продукта при новой и старой машине даст следующий результат (с—амортизация, w — живой труд = v + m). При старой машине $60c_1 + 60w_1 = 120$, при новой — $60c_1 + 60c_2 + 30w_2 = 150$.

В этом случае немедленная замена старой машины новой невыгодна. Но может быть эта невыгодность будет уменьшаться по мере материального изнашивания старой машины? Может быть, через месяц замена машины станет менее невыгодной? Если это так, то вполне возможно, что замена станет выгодной еще до того, как старая машина окончательно износится материально. Проверим. Через месяц общая затрата до конца года при старой и новой машинах будет: при старой машине $50c_1 + 50w_1 = 100$, при новой — $50c_1 + 50c_2 + 25w_2 = 125$.

Раньше отношение между общим расходом при новой и общим расходом при старой машине было $\frac{150}{120}$, теперь оно $\frac{125}{100}$; но $\frac{150}{120} = \frac{125}{100}$.

Отношение не изменилось. Это значит, что через месяц замена машины не стала более выгодной. Если невыгодно старую машину заменить новой сразу, то ее будет выгодно заменить лишь тогда, когда она целиком износится материально. Когда это случится, отношение полугодовых расходов примет следующий вид:

при старой машине 60 (овещ. труд) + 60 (живой труд) = 120,
при новой машине 60 » » + 30 » » = 90.

Таким образом, решение вопроса о том, когда заменить старую машину новой, может быть только альтернативным: или сразу заме-

Итак, ценность выражает не только тот или иной уровень производительности труда, то или иное распределение производительных сил, но и отношение конкуренции, т.-е. борьбы между самостоятельными товаропроизводителями, при чем это отношение находит свое количественное выражение «в уничтожении ценности».

III. Понижающаяся производительность труда. Овеществленная трудовая затрата = 2, сегодняшняя = 4. В плановом обществе, калькуляция которого учитывает действительную среднюю затрату, последняя выразится числом 3. При капитализме модифицированная средняя затрата, выражающаяся в общественно-необходимом труде, равна 4. Товары, трудовые издержки которых равны 2, будут теперь также продаваться по 4. Их ценность наросла. Так возникает «обманчивая социальная ценность», которой не соответствует никакое материально-трудовое содержание и которая, следовательно, является чистым выражением социальной формы рыночного хозяйства. Вот что пишет о ней Маркс в одной из глав, посвященных дифференциальной земельной ренте:

«Мы имеем перед собою определение при посредстве рыночной стоимости в том ее виде, как она на базисе капиталистического способа производства проявляется при посредстве конкуренции; эта последняя порождает обманчивую социальную стоимость. Это вытекает из закона рыночной стоимости, которому подчинены продукты земледелия...

«Если представить себе, что капиталистическая форма общества уничтожена и общество организовано, как сознательная и планомерная ассоциация, то эти 10 кварт. будут представлять собою количество самостоятельного рабочего времени, равное тому, которое содержится в 240 шиллингах. Следовательно, общество не стало бы приобретать этот земледельческий продукт в обмен на такое количество рабочего времени, которое в 2½ раза превышает действительно содержащееся в этом продукте рабочее время; благодаря этому отпала бы основа существования класса собственников земли» (К., III, 2, стр. 200—201).

III.

Перейдем теперь к средствам производства. К ним относится все то, что сказано выше, поскольку мы их рассматриваем лишь как один из видов товаров и не рассматриваем их материально-техническое существо. Если в данной отрасли производства применяются те же машины, что и раньше, но они подешевели, то это результат технического прогресса, но не в этой отрасли, а в той, которая снабжает ее этими машинами. Машины, произведенные при старых, более высоких, трудовых издержках, вытесняются новыми, более дешевыми, лишь после полного материального износа. Хотя ценность старых машин уменьшается, это несколько не умаляет их потребительную ценность. Если новая машина сберегает столько же труда, живого и овеществленного в материалах, сколько и старая (хотя бы сама она стоила дешевле старой), устранение недоработанной старой машины всегда и безусловно, невыгодно, так как общий расход живого и овеществленного труда при новой машине будет неизменно равен общему расходу при старой машине плюс амортизация новой машины. Это об'ясняется тем, что к общему расходу при новой машине прибавляется, как убыток, ценность материально не изношенной части устраненной старой машины. Если a есть амортизация старой машины, b—амортизация новой машины, а c—расход материалов и живого труда как при старой, так и при новой машине, то a + b + c (общий расход при новой машине) всегда будет больше a + c (общий расход при старой машине), как бы ни изменялась величина

отдельных слагаемых. Следовательно, новая машина, в рассматриваемом случае, заменит старую лишь тогда, когда последняя материально целиком износится. Лишь тогда общий расход при новой машине станет равен b + c, то-есть величине, меньшей a + c.

Итак, устранение недоработанной старой машины может иметь место лишь тогда, когда новая машина сберегает живой труд и материалы в той отрасли производства, в которой она применяется. Но и тогда устранение возможно лишь при известных условиях, к рассмотрению которых мы и переходим.

Предположим, что как старая, так и новая машина служат год. Трудовые издержки как старой, так и новой машины равны по 120 трудовых единиц. Ежемесячный износ той и другой машины равен, следовательно, 10 трудовым единицам. Предположим, далее, что вновь изобретенная машина может быть введенной в производство уже в середине года, когда старая машина материально износилась лишь наполовину. Ценность (соответственно: трудовые издержки) израсходованных материалов производства мы можем опустить, предположив, что она одинакова как при новой, так и при старой машине. Предположим, что ежемесячный расход живого труда при старой машине равен 10, а при новой—5 трудовым единицам. Тогда (предполагая, что труд, овеществленный в материалах производства, равен нулю), общая затрата овеществленного и живого труда до конца года будет равна при старой машине 60 трудовым единицам, овеществленным в машине (10 × 6 мес.) плюс 60 единиц живого труда, всего 120. Общая затрата за то же время при новой машине будет равняться 60 единицам, овеществленным в машине плюс 30 единиц живого труда (5 × 6 мес.), итого 90. Новая машина вообще выгоднее и рано или поздно она вытеснит старую. Но если замену произвести сразу, не дожидаясь полного материального износа старой машины, к подсчитанному нами общему расходу при новой машине нужно прибавить убыток, причиненный обесценением старой, не до конца использованной машины. Тогда сопоставление общей затраты на единицу продукта при новой и старой машине даст следующий результат (c—амортизация, w — живой труд = v + m). При старой машине $60c_1 + 60w_1 = 120$, при новой — $60c_1 + 60c_2 + 30w_2 = 150$.

В этом случае немедленная замена старой машины новой невыгодна. Но может быть эта невыгодность будет уменьшаться по мере материального изнашивания старой машины? Может быть, через месяц замена машины станет менее невыгодной? Если это так, то вполне возможно, что замена станет выгодной еще до того, как старая машина окончательно износится материально. Проверим. Через месяц общая затрата до конца года при старой и новой машинах будет: при старой машине $50c_1 + 50w_1 = 100$, при новой — $50c_1 + 50c_2 + 25w_2 = 125$.

Раньше отношение между общим расходом при новой и общим расходом при старой машине было $\frac{150}{120}$, теперь оно $\frac{125}{100}$; но $\frac{150}{120} = \frac{125}{100}$.

Отношение не изменилось. Это значит, что через месяц замена машины не стала более выгодной. Если невыгодно старую машину заменить новой сразу, то ее будет выгодно заменить лишь тогда, когда она целиком износится материально. Когда это случится, отношение полугодовых расходов примет следующий вид:

при старой машине 60 (овещ. труд) + 60 (живой труд) = 120,
при новой машине 60 » » + 30 » » = 90.

Таким образом, решение вопроса о том, когда заменить старую машину новой, может быть только альтернативным: или сразу заме-

нить («убить» старую машину), или ввести новую машину лишь после естественной смерти старой машины.

После этого предварительного замечания мы можем перейти к сравнению отдельных случаев. Основные данные те же. Т.-е. обе машины целиком изнашиваются в течение одного года. Каждая из них стоит по 120, следовательно, месячная амортизация равна 10. Новая машина увеличивает «валовую» производительность труда в два раза. В зависимости от того, каково отношение между расходом живого и овеществленного труда, мы можем мыслить три случая:

I. Ежемесячный расход живого труда при старой машине = 20, при новой = 10.

Общая трудовая затрата до конца года на одну и ту же единицу продукта: при старой машине $60c_1 + 120w_1 = 180$, при новой $60_1 + 60c_2 + 60w_2 = 180$.

Новая машина сберегает ровно столько живого труда, сколько теряется овеществленного труда, вследствие преждевременного устранения старой машины. Устанавливается точка безразличия, когда моральное изнашивание старой машины не приносит ни выгоды, ни ущерба.

II. Ежемесячный расход живого труда при старой машине = 40, при новой = 20.

Общая затрата: при старой машине $60c_1 + 240w_1 = 300$; при новой машине $60c_1 + 60c_2 + 120w_2 = 240$.

Выгодна немедленная замена машины. Этот случай соответствует более низкому ценностному составу капитала (соответственно: трудовому составу материальных производительных сил).

III. Ежемесячный расход живого труда при старой машине = 10, при новой = 5.

Общая затрата: при старой машине $60c_1 + 60w_1 = 120$, при новой машине $60c_1 + 60c_2 + 30w_2 = 150$.

Выраженная в приведенных схемах зависимость может быть формулирована так: при том условии, что новая машина удваивает производительность живого труда, немедленное устранение старой машины выгодно тогда, когда ежемесячный расход живого труда (при капитализме на живой труд) при новой машине больше ежемесячного материального снашивания новой машины, и невыгодно тогда, когда расход живого труда при новой машине меньше материального снашивания новой машины. Отсюда вывод: чем выше трудовой состав материальных производительных сил (соответственно: ценностный состав капитала), тем уже рамки возможности морального изнашивания.

В капиталистическом обществе фигурирует переменный капитал, который равен лишь части живого труда. Связанные с этим изменения в схемах можно иллюстрировать следующим образом.

Наш отправной пункт—точка безразличия, т.-е. схема 1.

I. Ежемесячный расход живого труда при старой машине = 20, при новой = 10.

Общая затрата при старой машине—$60c_1 + 120w_1 = 180$; при новой—$60c_1 + 60c_2 + 60w_2 = 180$.

Переходим к капиталистической модификации этой схемы. Предполагаем, что норма прибавочной ценности равна 100%. Тогда:

Ia. Ежемесячный расход на живой труд при старой машине = 10, при новой = 5.

Общие капиталистические издержки производства: при старой машине — $60c_1 + 60v_1 = 120$; при новой — $60c_1 + 60c_2 + 30v_2 = 150$.

Немедленная замена машины становится невыгодной. Схема Ia по своим результатам тождественна схеме III, но в ней заключено иное социальное содержание.

Предположим теперь, что норма прибавочной ценности равна не 100%, а 300%. Тогда мы получим:

Iб. Ежемесячный расход на живой труд при старой машине = 5, при новой = 2½.

Капиталистические издержки производства: при старой машине—$60c_1 + 30v_1 = 90$; при новой — $60c_1 + 60c_2 + 15v_2 = 135$.

В схеме Ia издержки при старой машине относились к издержкам при новой машине как 120 : 150, или 4 : 5, теперь это отношение стало 90 : 135, или 4 : 6, т.-е. повышение нормы прибавочной ценности увеличило невыгодность немедленной замены машины.

Чем выше ценностный состав капитала и чем выше норма прибавочной ценности, тем уже рамки возможности морального изнашивания. При коммунизме рамки возможности морального изнашивания сузятся, поскольку повысится трудовой состав материальных производительных сил, т.-е. поскольку овеществленный труд будет возрастать в большей степени, чем живой труд. Но, с другой стороны, эти рамки расширятся, поскольку категория переменного капитала (v) перерастет в категорию живого труда in natura (= v + m).

В приведенных схемах предполагается, что новая машина удваивает «валовую» производительность труда. Теперь перейдем к более общей формуле. Коэффициент повышения «валовой» производительности труда обозначим буквой n. Это—число, показывающее, во сколько раз новая машина поглощает меньше живого труда сравнительно со старой.

Общий расход на единицу продукта: при старой машине—$c_1 + v_1$; при новой машине—$c_1 + c_2 + v_2$.

Устранение недоработанной старой машины выгодно тогда, когда $c_1 + v_2 < v_1$. Отсюда,

	$c_2 < v_1 - v_2$;
но $v_1 = n \cdot v_2$;	$c_2 < n \cdot v_2 - v_2$;
	$c_2 < v_2 (n - 1)$.
При n = 2 (см. приведенные выше схемы)	$c_2 < v_2$
При n = 3	$c_2 < 2 \cdot v_2$.
„ n = 4/3	$c_2 < 1/3 \cdot v_2$.
„ n = 5/4	$c_2 < 1/4 \cdot v_2$.

Если учесть трудовые издержки на материалы (Cc, в отличие от снашиваемой части основного капитала Cf), то условие возможности морального снашивания выразится так: расход при старой машине — $Cf_1 + Cc_1 + v_1$; при новой — $Cf_1 + Cf_2 + Cc_2 + v_2$.

Отсюда

$$\frac{cf_2}{cc_2 + v_2} + 1 < \frac{cc_1 + v_1}{cc_2 + v_2}$$

Здесь видна зависимость морального снашивания от отношения снашиваемой части нового основного капитала к новому оборотному капиталу. Чем выше это отношение, тем теснее рамки возможности морального снашивания.

IV.

Перед нами, положим, два капиталиста. Возьмем схему III, т.-е. тот случай, когда замена старой машины новой выгодна лишь после того, как старая машина материально износится целиком.

Общий расход при старой маш.: $60c_1 + 60v_1 = 120$
» » » новой » $60c_1 + 60c_2 + 30v_2 = 150$

У капиталиста А старая машина еще не износилась целиком, и ему невыгодна немедленная замена старой машины новой. У капиталиста Б, напротив, старая машина уже материально умерла, и он вводит новую машину, совершенно не считаясь с интересами капиталиста А. Издержки капиталиста А=60с+60v=120, издержки капиталиста Б=60с+30v=90. Конкурентная способность капиталиста А понижается, и он терпит определенный убыток, при чем этот убыток не является общественным убытком, если капиталист А удерживает свою позицию и продолжает производство, до конца используя старую машину. Если же А разоряется и неумолимый рынок устраняет его от производства, то вместе с тем выталкивается из производства и принадлежащая ему старая машина. Тогда (если кто-нибудь не купит машину за бесценок для применения в производстве) убыток капиталиста А становится общественным убытком, так как этот убыток не уравновешивается выгодой, полученной капиталистом Б. Это общественно-невыгодное, дополнительное моральное изнашивание представляется как ускорение темпа технического развития. Но это ускорение лишь кажущееся, так как в конечном счете темп технического развития ограничен рамкой имеющихся в наличии материальных производительных сил. Лихорадочно-болезненный темп развития техники в конечном счете тормозит средний темп технического развития, поскольку он (лихорадочный темп) связан с растратой части овеществленного труда, т.-е. с частичным уничтожением материальных производительных сил.

Монополия, поскольку она устраняет такого рода дополнительное моральное снашивание, играет прогрессивную роль. Поясним это примерами.

Герой известного романа Келлермана прокладывает подводный туннель, соединяющий Америку с Европой. Он встречает противодействие со стороны пароходных компаний, которые всячески мешают осуществлению его замысла. Эту борьбу можно представить как борьбу между ангелом технического прогресса и капиталистическим дьяволом, враждебным этому прогрессу. На самом деле вопрос сложнее. Почему пароходные компании против прокладки туннеля? Потому, что последняя означала бы моральный износ трансатлантических пароходов, что общественно может быть невыгодно. Владельцы пароходов выступают в таком случае как защитники известной части овеществленного общественного труда, хотя эта защита и означает для них лишь защиту их собственной прибыли. В коммунистическом обществе туннель строился бы с таким расчетом, чтобы окончание его постройки совпало с моментом материального износа соответствующей части пароходов. Такое согласование при капитализме невозможно, и то противоречие, которое заложено внутри самой техники, выступает как противоречие между людьми.

Другой пример. Немецкий бутылочный картель прячет под сукно патент на изобретение американца Оуенса (Ленин, «Империализм»). Прогрессивно ли это? Выгодно ли, с общественной точки зрения, прятать общественно-выгодное изобретение? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно приложить к данному конкретному случаю те общие положения, которые были установлены в предыдущей главе. И тогда, в зависимости от тех или иных конкретных условий, мы можем допустить две возможности.

Возможно, во-первых, что картель поступил прогрессивно, задержав применение изобретения. Такая задержка прогрессивна лишь при том условии, что общественная выгода от немедленного использования изобретения не покрывает убытка от морального износа старого оборудования. В таком случае прогрессивна лишь временная отсрочка использования изобретения. Как только старое оборудование материально износится, дальнейшая задержка становится общественно невыгодной. Во-вторых, возможно, что общественная выгода от немедленного использования изобретения превышает убыток, связанный с моральным износом старого оборудования. Тогда картель, задержавши применение изобретения, вступил в конфликт с общественной выгодой. Но этого мало. Ведь всякое капиталистическое применение техники вступает в конфликт с общественной выгодой, независимо от того, основано ли капиталистическое хозяйство на монополии или на свободной конкуренции. Возможно, что, спрятав под сукно патент Оуенса, картель поступил непрогрессивно даже с капиталистической точки зрения. Именно этот случай, характерный для стадии империализма, и иллюстрировал тов. Ленин приведенным примером. Но в этом случае картель нарушает свои собственные интересы. Возможно ли это? Чтобы дать на это ответ, рассмотрим вопрос поближе. Предположим, что немедленное применение изобретения Оуенса (и, связанный с этим, моральный износ части старого оборудования) выгодно не только с общественной, но и с капиталистической точки зрения. Бутылочный картель продает свою продукцию по монопольной цене, использовав все возможности рынка. Прибыль картеля равна $p + x$, где p — обычная прибыль в условиях свободной конкуренции, а x — монопольная сверхприбыль. Немедленное использование изобретения Оуенса (которое, в условиях свободной конкуренции, повлекло бы за собой в конечном счете понижение цены) дает картелю дополнительную прибыль, равную a, при чем a есть величина положительная, что соответствует нашему условию. Тогда ясно, что $p + x + a$ всегда больше $p + x$. Это значит, что, если моральное изнашивание в данном случае капиталистически выгодно, оно останется выгодным, как бы ни возрастала монопольная сверхприбыль. Но рост монопольной сверхприбыли уменьшает относительную выгоду морального изнашивания. Отношение $\frac{p + x + a}{p + x}$ показывает, во сколько раз возрастает прибыль при немедленном использовании изобретения. Степень увеличения прибыли тем меньше, чем больше монопольная сверхприбыль (x). Это ясно видно из следующей таблицы:

$p = 100;\ a = 10.$

Чему равна монопольная сверхприбыль	Каково отношение между прибылью при новой технике и прибылью при старой технике	Во сколько раз возрастает прибыль при новой технике в зависимости от величины монопольной сверхприбыли
$X = 0$	$\frac{100 + 10}{100}$	$\frac{11}{10}$
$X = 50$	$\frac{100 + 50 + 10}{100 + 50}$	$\frac{16}{15}$
$X = 100$	$\frac{100 + 100 + 10}{100 + 100}$	$\frac{21}{20}$
$X = 200$	$\frac{100 + 200 + 10}{100 + 200}$	$\frac{31}{30}$

Теперь совершенно ясно, что бутылочный картель, в предложенном, характерном для империализма, случае, нарушил свои собственные интересы, при чем ему тем легче это сделать, чем выше монопольная сверхприбыль. Таким образом, монопольная форма не уничтожает выгодность устранения недоработанных старых машин, но лишь уменьшает степень этой выгодности. Свойственная монополистическому капитализму тенденция загнивания коренится непосредственно не в об'ективном содержании калькуляции, а в психологии хозяйственной бездеятельности, вырастающей на почве легкой прибыли, рантьерского паразитизма, колониального грабежа, монополии и вытекающего из последней уменьшения степени выгодности технического развития.

Возвратимся теперь к первой допущенной нами возможности. Предположим, что сознательная отсрочка реализации изобретения выгодна, и притом выгодна не только с капиталистической, но и с общественной точки зрения. В таком случае социалистическое общество поступило бы так же, как немецкий бутылочный картель, если только новая техника не означала бы улучшения санитарно-гигиенических условий работы. В этом случае социалистическое общество пожертвовало бы частью овеществленного труда. Но тогда то, что для капиталистов означало бы уничтожение ценности, здесь было бы сознательным целесообразным р а с х о д о м, природа которого ничем не отличалась бы от природы тех сумм, которые Наркомздрав затрачивает на заливку малярийных болот нефтью.

Впрочем, такое принесение овеществленного труда в жертву живому ограничено общим уровнем общественного богатства. Разумеется, социалистическое общество не прятало бы изобретения от людей, а, напротив, показывало бы его. Но сознательная задержка применения изобретения была бы так же целесообразна, как согласование темпа постройки Днепростроя с общим планом хозяйственного развития СССР.

Таким образом, загнивание капитализма вытекает не из монополии как таковой, а из капиталистического ее содержания. Наполненная иным социальным содержанием, монополия становится средством сбережения овеществленного труда и ускорения среднего темпа технического развития.

О борьбе за марксистскую историческую науку в СССР.

Ц. Фридлянд.

В последнее время на различных участках фронта социалистического строительства мы подводим итоги нашим достижениям за первые десять лет революции. Та огромная задача, которая поставлена перед Советским Союзом—задача радикального переустройства общества, требует внимательного отношения не только к проблемам хозяйственного строительства, но и к задачам нашего культурного преобразования. Естественно поэтому, что нигде, ни в какой стране мира, не уделяется столько внимания делу организации и развития научной мысли, как в первой пролетарской республике. Но линия культурного фронта чрезвычайно растянута. Она охватывает и вопросы ликвидации неграмотности, и вопросы электрификации, повседневные детали нашей жизни, и сложнейшие проблемы абстрактной теоретической мысли. Один из серьезнейших участков этого культурного фронта—и с т о р и ч е с к а я н а у к а. Если для буржуазии история всегда была политикой, направленной против грядущей революции, если эта политическая роль исторической науки прикрывалась ею лицемерными фразами о «беспристрастности», о бесклассовом характере науки, то одна из величайших революций в области научной мысли, осуществленная у нас в стране марксизмом—это осознание и популяризация той истины, что история—политика, острое орудие классовой борьбы. Представители буржуазной историографии, выполняя свои классовые задачи, ведут борьбу с подобным пониманием истории. Но стоит только обратить внимание на некоторые факты из прошлого и настоящего этой науки, чтобы ясно увидеть, сколько ханжества и лицемерия в подобном буржуазном определении истории.

Перед нами чрезвычайно интересная книга, изданная правительством германской республики и посвященная десятилетию германской революции («Zehn Jahre deutsche Geschihte»). Официальным историографом республики выступает известный «об'ективный» историк Герман Онкен. Его статья, как и статья Носке, посвящена одной теме—«Abwehr des Bolchevismus». Г. Онкен видит свою задачу в том, чтобы увязать немецкую республику с традициями эпохи князя Бисмарка. Выступая в роли «об'ективного» историка, он кует оружие для буржуазной политики возрождающейся империалистической Германии.

Блестящей иллюстрацией идеи о том, что история выполняла и выполняет роль орудия политической борьбы, служит последний всемирный исторический конгресс в Осло. Конгресс был созван при прямом участии европейских правительств. Наиболее радикальная группа западно-европейских историков не была представлена на конгрессе. А. Матьез отмечает в своем журнале, что один из основных «дефектов» конгресса—его близость к правительственным сферам... На этом конгрессе встретились представители раз-

личных европейских стран, еще недавно враждовавших друг с другом; встретились немцы и французы. Конгресс в Осло был об'явлен буржуазными историками всех стран первым конгрессом «национального сближения». Но, несмотря на все попытки отказаться от обсуждения острых политических вопросов, и в первую очередь вопроса о виновниках войны, не удалось избежать острой дискуссии. Последний вопрос занял в конце концов центральное место в работах конгресса.

Политический характер исторического конгресса в Осло вынужден был в свое время подчеркнуть Моммсен в статье в «Фоссише-Цейтунг». По его словам, конгресс в Осло именно поэтому и представляет собою шаг вперед по сравнению со всемирным конгрессом в Брюсселе в 1923 году. Моммсен вынужден был отметить, что группировки «об'ективных историков» на конгрессе создавались не по линии научных споров, а по линии политических разногласий, совпадающих с позицией той или другой державы во время мировой войны. «Несмотря на то, что исторические доклады в Осло,—замечает он,—были пропагандистски окрашены, все же можно утверждать, что политика не создала китайской стены между отдельными группами историков».

Эта «политическая окрашенность» исторической науки выразилась, между прочим, и в постановке ряда методологических проблем. В центре внимания конгресса стояли вопросы, возбужденные в свое время Допшем и посвященные хозяйственному развитию средневековья. Этот ныне знаменитый австрийский историк упорно пытался доказать «извечность» капитализма: он находит капитализм на всех стадиях европейской истории со времени падения Римской империи до наших дней. Допш отвергает версию об отсталости и варварстве древних германцев, которые пришли на смену римлянам. И русский последователь Допша—проф. Петрушевский—не мог не отметить, что реабилитация древних германцев в данном случае является плодом его чисто-националистических устремлений.

Успехи социалистического строительства в нашей стране отнюдь не означают ликвидации или даже ослабления классовой борьбы, борьбы между социализмом и отживающим капитализмом. Буржуазная интеллигенция СССР пытается сорвать или ослабить гегемонию марксистской мысли на различных участках идеологического фронта и, в частности, на участке исторической науки. Вот почему за последние несколько лет в СССР мы имели дело с активными выступлениями буржуазных историков, прикрыто или полуоткрыто об'явившими войну марксизму...

Мы не говорим о работах русских историков-эмигрантов,—они являются «равноправными» членами европейской буржуазной семьи,—мы имеем в виду, прежде всего, те остатки старой буржуазной профессуры в наших университетах и в научно-исследовательских институтах, которые, спасаясь от марксизма, легко воспринимают наиболее экстравагантные теории западной философско-исторической мысли. Эти группы находятся под значительным влиянием последователей Риккерта, готовы воспринять без всякого критического анализа все то, что они находят у Макса Вебера, фанатично отстаивают основные мысли Трельча, а в области конкретного исторического знания следуют за Допшем. Там, где эти историки приступают к анализу последних десятилетий накануне войны 1914 г., они прикрыто или полуоткрыто повторяют старую буржуазно-демократическую концепцию исторического процесса. В нашей печати уже неоднократно давалась с этой точки зрения оценка книгам Е. Тарле и Д. Петрушевского. В статье последнего, посвященной проблеме феодализма в одном из номеров журнала «Zeitschrift für die Gesamte Staatswissenschaft», мы узнаем то, о чем Д. Петрушевский не сообщал нам прямо в русском издании своей книги,—

что он ведет борьбу не только со схемами Бюхера, но и с марксизмом, который, по его мнению, в основном повторяет эти схемы (см. III Heft «Zeitschrift» за 1918 г. Strittige Fragen d. mittelalterlichen Verfassungs- und Wirt Geschicte»). Статья Д. Петрушевского не напрасно была у нас расценена, как «антимарксистский манифест».

Но, несмотря на все значение этих выступлений, не в них центр тяжести нынешнего положения дел. За последние годы в Союзе идет активная работа по воспитанию новых кадров историков-марксистов, по организации своих исследовательских учреждений, углубленная разработка вопросов, теснейшим образом связанных с социально-экономической историей пролетариата, с историей его классовой борьбы. Эта активизация нашей деятельности усилила враждебность различных групп буржуазной интеллигенции. Нам удалось в стране не только организовать свои центры научной мысли (Комм. академия, Институт Маркса и Энгельса, Институт Ленина), не только создать в Обществе историков-марксистов широкую базу для пропаганды марксистской историографии, но и дать серьезную научную продукцию в различных областях исторического знания, выйти даже на мировую арену. «Неделя» русских историков в Берлине, русская делегация на конгрессе в Осло, наконец, то, как работы русских историков оцениваются различными радикальными кругами на Западе,—все это показывает нам, что советская марксистская историческая наука вышла из детского возраста, что она вступила на путь серьезных научных исследований. Работа марксистов-историков СССР развивается в двух направлениях: с одной стороны, молодая марксистская историческая мысль все еще должна вести упорную и решительную борьбу с буржуазной историографией и упорно разоблачать псевдомарксизм; с другой стороны, наша задача состоит в том, чтобы систематически развивать и углублять собственную научно-исследовательскую работу, усваивая наследство прошлого. Дело сводится, таким образом, в настоящее время совсем не к тому, чтобы проникнуть в ряды старых научных кадров, чтобы преобразовать еще существующие в Союзе старые научные учреждения (напр., создавая при Академии Наук новый институт социально-экономической истории из старых спецов), а в том, чтобы воспитать свои новые кадры, укрепить свои учреждения и сделать их авангардом научной работы на ближайшее десятилетие в различных областях исторического знания.

* * *

Первая всесоюзная конференция историков-марксистов открылась в конце декабря 1928 года. Она имела своей задачей, соответственно тому, о чем мы говорили выше, выявить те враждебные группы, которые в области исторической науки выступают в различных республиках Союза, как борцы против гегемонии марксистской мысли, дать им необходимую классовую оценку, выяснить особенности их теоретической работы и, наконец, разработать планы своих собственных работ, договориться о ближайших задачах деятельности историков-марксистов СССР. Первая всесоюзная конференция историков-марксистов превзошла все ожидания организаторов. Она была рассчитана вначале на узкий круг исследователей, но превратилась в с'езд огромной массы педагогов-историков и всех, интересующихся историческим исследованием в Союзе. Конференция, рассчитанная, примерно, на 100—150 членов, привлекла к себе до 800 человек, включая и гостей из различных даже самых далеких окраин республики. На конференции присутствовало 123 человека с решающим и 272 человека с совещательным голосами. Среди делегатов с решающим голосом подавляющее большинство—82%—имеет свои научные труды. Возраст этих людей показывает нам, что значительные кадры их рекрутируются из поколения, выросшего и научно оформившегося в годы революции или в годы, непосредственно ей

предшествовавшие. Примерно, 70% делегатов падает на возраст от 25 до 35 лет. Среди делегатов, как отрадное явление, можно отметить значительную группу марксистов, из рядов рабочих и крестьян; значительная часть делегатов конференции соединяют свою научно-исследовательскую работу с педагогической деятельностью; педагоги-историки составляли около 70% всего состава конференции. При этом значительная часть их были люди с очень солидным научным и педагогическим стажем. На конференции были представлены различные национальные республики. В этом смысле конференция историков-марксистов была подлинным интернациональным с'ездом, при чем в работах различных секций конференции большое внимание занимали не только вопросы европейской и русской истории, но и истории отдельных национальностей. Огромное политическое значение имело изменение самого названия секции русской истории: она была названа секцией истории народов СССР.

Работа конференции происходила в отдельных секциях. Активно работали секции по истории Западной Европы, по истории народов СССР, социологическая секция, секция по истории партии, специальная секция методики преподавания истории, комиссии по истории вооруженных восстаний, по истории религии и т. д. В каждой из них было зачитано внушительное количество докладов: во всех секциях и комиссиях конференции заслушано было около 45 сообщений, не считая докладов, представленных конференции, прочесть которые не было возможности из-за недостатка времени. (Конференция работала больше недели).

Не представляется возможным в краткой статье дать оценку работы отдельных секций. Отметим только основное и главное.

Вступительный доклад М. Н. Покровского—о политических задачах конференции—выяснил то, о чем мы писали в начале этой статьи,—установил классовую природу исторического знания, отметил то огромное значение, которое историческая наука имеет в самом ходе классовой борьбы, и поставил перед историками-марксистами СССР две проблемы: необходимость дальнейшей решительной упорной борьбы против возрождения в нашей стране буржуазной историографии, разоблачение псевдомарксизма и, что самое главное, организация своих собственных сил, развитие марксистской научно-исследовательской работы. Эта установка и легла в основу работ отдельных секций.

В секции народов СССР центральное место заняли доклад М. Н. Покровского—«Ленин и русская история», доклад т. Ванага—«Финансовый капитал в России», доклад т. Панкратовой—«Проблемы изучения рабочего класса в России», т. Махарадзе—«Проблема истории Грузии» и Яворского—«Современные буржуазные течения в украинской исторической науке». Каждый из этих докладов служил основою для оживленной дискуссии, которая дала возможность по многим вопросам выяснить и установить ряд новых точек зрения.

В центре работ секции стоял доклад Н. Ванага. Он поставил на разрешение серьезную проблему об истории проникновения иностранного капитала в Россию. Для докладчика «абсолютно необоснованным является положение о том, что система финансового капитала в России сложилась во второй половине 90-х годов XIX в. Система монополистического капитализма оформилась в России в результате революции 1905 г.». Н. Ванаг настаивает для выяснения вопроса на изучении не только одних статико-экономических, цифровых данных, но специального изучения социальной и специально-политической истории эпохи. Докладчик, автор книги «Финансовый капитал в России накануне мировой войны» утверждает, что «господствующее положение иностранного финансового капитала в стране не определяет ни отношений сращивания финансового капитала с царизмом, ни коренного изменения классовой природы русского самодержавия. Отношения между самодержавием и иностранным финансовым капиталом устанавливаются по линии подчинения крепостнического государства иностранному финансовому капиталу, а отношение между самодержавием и национальным капиталом приобретает характер отношений «барина и камердинера». Оппоненты, сторонники «национальной» природы финансового капитала, доказывали, что исследование Н. Ванага недостаточно об'ективно оценивает роль «туземного» капитала, неправильно учитывают самостоятельное значение российской буржуазии в истории XX века. Широко развернувшиеся прения по докладу Ванага не разрешили, конечно, вопроса, но показали, что марксизм в исторической науке не мертвая схема, а стимул для плодотворной научно-исследовательской работы.

Даже в кратком очерке нельзя обойти молчанием чрезвычайно интересный доклад тов. Панкратовой—«Основные проблемы изучения истории пролетариата СССР». Доклад дал не только содержательный критический очерк, вернее характеристику историографии вопроса, но и наметил те основные вопросы, которые должны занимать центральное внимание при исследовании. А. М. Панкратова при этом обратила внимание на то, что, в отличие от исторических работ прошлых десятилетий, нас теперь интересует история пролетариата не только «Великороссии», но и других народов СССР.

Основными проблемами исследования истории пролетариата в первую очередь являются следующие:

1) Вопрос о происхождении пролетариата в России.

2) Формирование пролетариата в связи с развитием и структурой капитализма в России.

3) Эволюция экономического положения пролетариата в период промышленного капитализма и в эпоху империализма.

4) Формирование идеологии пролетариата в связи с развитием пролетарской борьбы в России и на Западе.

5) Особенности развития и положения пролетариата СССР в течение десятилетия после Октябрьской революции.

Докладчица обратила затем внимание не только на спорные вопросы происхождения русской фабрики XVII—XVIII вв., но и на вопросы, связанные с выяснением социального состава русского пролетариата, его связи с крестьянством и, наконец, на вопросы формирования его идеологии.

Специальное место в работах секции народов СССР занимал доклад М. Н. Покровского—«Ленин и русская история». Докладчик прочел этот доклад, как итоговый при закрытии конференции. Его задача состояла не столько в том, чтобы выяснить роль Ленина в русском историческом процессе последних десятилетий, а в установлении того, что дает нам ленинизм как ключ к пониманию особенностей нашего прошлого. Книги и статьи Ленина, и особенно «Развитие капитализма в России», дают нам возможность установить не только то общее, что соединяет Россию с Европой,—капитализм,—но и те особенности развития последнего, которые, в конечном счете, определили победу пролетарской революции у нас в стране в 1917 г. В духе ленинской схемы русского исторического процесса докладчик обратил внимание на вредную попытку части историков, в наших рядах, подменить марксизм экономическим материализмом. Одно изучение экономики не покрывает собою вопроса о всем сложном переплете социально-политической истории, изучать которую необходимо, конечно, в ближайшей связи с экономическими явлениями, их обусловившими. Доклад М. Покровского в методологическом отношении представлял собою одно из интереснейших выступлений на конференции.

Мы не можем дать здесь даже суммарной характеристики всех остальных докладов, зачитанных в секции народов СССР. Перечислим их только: «Аграрный вопрос на Дону в связи с историей колонизации России»—Янчевский; Галузо — «Периодизация национально-освободительного движения в Средней Азии»; Игнатовский—«Восстание 1863 г. в Белоруссии»; Меликян—«Современное состояние исторической науки Армении»; Махарадзе—«Проблема истории Грузии»; Сеф—«Борьба за национализацию нефти в Баку». Специально в секции по истории партии—Невский—«История партии как наука»; Сидоров—«Рабочий контроль над производством в революции 1917 года»; Баевский—«Партия в годы войны»; Ломакин—«Ленин и Чернышевский»; К. Попов—«К вопросу об истории перерастания буржуазно-демократичекой революции в социалистическую»; Невский—«Северно-русский рабочий союз». Большие прения вызвало обсуждение доклада тов. Яворского об украинской историографии. Здесь историкам-марксистам пришлось иметь дело с проблемами национальной истории, и речь шла о том, чтобы избежать националистических уклонов в трактовке этих проблем. Коллективными усилиями делегатов были установлены некоторые общие положения марксистской методологии исследования истории народов СССР, а также намечен план дальнейших работ.

Большую активность проявила секция по истории Запада. Перечислим темы основных докладов: Н. Лукин—«Проблемы изучения эпохи империализма»; Ц. Фридлянд—«Итоги изучения Великой Французской революции в СССР за 10 лет»; П. Щеголев—«Заговор равных»; Вайнштейн—«Французские купеческие колонии на Леванте при старом порядке и в эпоху революций»; «L'Armée révolutionaire»—Камышан; Добролюбский—«Дороговизна в Париже в 1795 г.»; Потемкин—«К истории промышленного переворота в Европе»; Г. Зайдель—«Бабувизм 40-х годов»; Молок—«Июньские дни 1848 г.»; Розенберг—«Критика новейших немецких теорий о генезисе империи Карла V». Одно перечисление тем показывает нам, как интенсивно работала секция по истории Запада. Важно отметить также, что подавляющее большинство докладов являлись результатом работы над первоисточниками, работы в архивах Франции. Характерно, конечно, что преимущественно темами исследования являлись вопросы Великой революции 1789 г. Однако конференция отметила, что за последние годы и здесь наметился известный перелом. В первую очередь следует поэтому остановиться на разборе доклада Н. Лукина «Проблемы изучения эпохи империализма». Отмечая повышенный интерес к истории довоенной эпохи в буржуазной историографии последних лет, тов. Н. Лукин поставил вопрос об изучении эпохи империализма, которая «не исчерпывается своеобразными явлениями в области экономики, экономической политики или явлениями новейшей колониальной экспансии; эта эпоха, сверх того, характеризуется еще и рядом специфических изменений в общественной структуре государств, в политических группировках, в изменениях парламентской системы, радикальных изменениях в рабочем и социальном движении». Для конкретно-исторического анализа важно поэтому установить прежде всего типичные черты эпохи и наметить хронологические ее рамки. Для Н. Лукина 1880—1900 гг.—это пред'история эпохи империализма; с 1900 г. начинается собственно история империализма, при чем 1905—1907 гг. составляют как бы переломную дату этой истории. Центральной проблемой для историка является изучение своеобразия исторического развития каждой из европейских стран за эти десятилетия. Упадок Англии и под'ем Германии, возвышение Сев. Америки и застой во Франции должны быть об'яснены и поняты, как проявления эпохи загнивания капитализма, империализма. Но до тех пор, пока «остаются слабо изученными такие проблемы,

как сближение крупного землевладения с финансовым капиталом, динамика крестьянского (а во Франции и крупно-помещичьего хозяйства, образование «нового среднего сословия», зависимость мелкобуржуазных слоев от финансового капитала, формирование пролетариата и процессы, происходящие внутри этого класса; социальный состав различных буржуазных партий, изменение в политических группировках и их влияние на судьбу правящих партий, происхождение и судьбы отдельных течений внутри II Интернационала, национальные особенности новейшего рабочего движения и т. п., нет возможности приступить к общей истории эпохи».

В частности, до сих пор остаются слабо изученными отдельные проблемы западно-европейского и американского рабочего и социалистического движения (оппортунизм в германской социал-демократии до и после эпохи исключительных законов, борьба течений внутри об'единенной социалистической партии во Франции; место, занимаемое во французском рабочем движении синдикализмом; специфические виды синдикализма, характерные для теории и практики американской I. W. W. и т. п.).

Особо должна быть выдвинута проблема обострения классовых противоречий в Зап. Европе, наблюдавшегося за последнее десятилетие накануне мировой войны. В связи с этим необходимо изучение как конкретного материала по движению номинальной и реальной заработной платы в разных странах, так и проявления революционных настроений в рабочих массах различных стран Европы накануне войны.

Специально вопрос о социальных корнях оппортунизма наталкивается на неизученность вопроса о формировании пролетариата в эпоху империализма, о тех процессах дифференциации и нивелировки, которые происходят внутри этого класса, об изменении экономического положения отдельных его слоев, о соотношении между квалифицированными его группами; о степени профессиональной и партийной организованности различных категорий рабочего класса, их распределения между различными партиями и профессиональными организациями и т. п.

При изучении истории империализма особенно важное значение приобретает история международных отношений. Для этого мы располагаем колоссальным количеством (печатных) источников, обработка которых с марксистской точки зрения—одна из наших очередных задач.

Вот почему огромное значение имело сообщение, сделанное М. Н. Покровским о том, что в СССР приступлено к изданию документов по истории войны 1914 г. Только благодаря пролетарской революции удалось открыть дипломатические архивы царизма; благодаря публикациям русских историков изучение вопроса о войне 1914 г., его подлинно-об'ективное изучение продвинется далеко вперед. Недаром на Западе с таким нетерпением ждут наших публикаций.

Первое десятилетие работ наших западно-европейских историков было преимущественно посвящено изучению французской революции конца XVIII в. В этой области организовалась советская марксистская школа, чья задача состояла в том, чтобы понять историю революции 1789 г., как историю классовой борьбы. Советские историки имеют своих предшественников: марксистские работы по истории революции довоенных лет. Они имеют богатое наследство в работах историков старой «русской школы». Задача конференции сводилась к тому, чтобы «подвести итоги проделанной в СССР марксистскими историками работы по изучению этой революции, т.-е. не только зарегистрировать и классифицировать все опубликованные исследования, университетские курсы и т. д., но прежде всего установить то особое место, которое наша школа воинствующего марксизма занимает в этой отрасли исторического знания,

выяснить то новое, что мы внесли в дело исследования Великой революции по сравнению со старой «русской школой», указать характерные особенности наших научных достижений, выяснить слабые стороны нашей работы (в области методологии, установить сущность разногласий по тем или другим основным вопросам исследованиям и т. д.) и выяснить, наконец, некоторые основные принципы и задачи дальнейшей коллективной работы для углубления марксистского изучения Великой Французской революции в полном согласии с нашими политическими задачами на идеологическом фронте». Эту задачу поставил себе докладчик Ц. Фридлянд. Для этого необходимо было прежде всего выяснить характерные особенности изучения Французской революции на Западе в наши дни.

Доклад отметил, что «процесс дифференциации в рядах историков-исследователей Великой революции на Западе идет по линии их отношения к историческому материализму и пролетарской революции. Для последнего пятилетия (1923—1928) характерен повышенный интерес к марксизму и попытки развернутой борьбы с ним. При этом некоторые историки революции считают, что они всецело признают историческую заслугу марксизма в том, что он установил роль и значение экономического фактора. Об этом говорят последние выступления Олара, но особенный интерес в этом отношении представляют работы H. Sée (см. его «Matérialisme historique et l'intepretation économique de l'histoire»; а также «Science et philosophie de l'histoire»). Специалист по экономической истории H. Sée вынужден признать, что «экономические феномены имеют большое влияние на другие факты, на ход истории», и в то же время он уверяет нас, как ученый, изучающий социально-экономический строй Франции конца XVIII века, «что до сих пор ни одна из революций в истории не была историей классовой борьбы». Необходимо отметить, что H. Sée считает себя в критике марксизма последователем Эд. Бернштейна. Вульгарный экономизм, попытка отделить и противопоставить «экономический фактор»—социальным отношениям, характерен для этой группы историков, соответственно толкующих работы Жореса. H. Sée подобно Олару и его школе враждебны коммунизму.

Экономическая история революции—самая важная область нашей науки—должна привлечь внимание и стать предметом тщательной разработки марксистов-историков. «Но еще важнее выяснить отношение советской марксистской школы к работам Каутского и Кунова. Вместе с теоретическим вырождением западно-европейской с.-д. шла и научная деградация тех историков-марксистов в ее среде, которые в прошлом принесли большую пользу и сыграли огромную роль в деле изучения Великой революции. Отметим прежде всего эволюцию во взглядах К. Каутского. Во II томе «Materialistische Geschichtsauffassung» он говорит о том, что в прошлом интерес с.-д. к революции был вызван тем, что рабочий класс изучал революцию конца XVIII века в поисках оружия для своей революции, но, вместе с переоценкой самого понятия о революции, кризис XVIII в. не представляет теперь для с.-д. прямого практического интереса. Эпоха диктатуры мелкой буржуазии (1792—1793), как и всякая диктатура в революции, это, по мнению Каутского, «аномалия», и может представлять интерес только в этом смысле.

Еще более ярко этот процесс научной деградации выступил в эволюции взглядов Кунова. Книга его была схемой, «недостаточно об'ясненной конкретно историческим материалом». Ему было чуждо понимание диалектического процесса развития революции, он отрывал историю партий и их борьбы от социально-экономических процессов революции... Понятно, почему Кунов в своих последних работах подобно Каутскому отказался от своего старого толкования революции.

Однако этот процесс расслоения в рядах историко-исследователей революции привел не только к консолидации враждебных нам буржуазных сил, но и к формированию во Франции новой школы, школы Матьеза. Вокруг журнала «Annales historique de la Révolution Française» группируются теперь все революционно-демократические элементы, начиная от подлинных марксистов-историков, которые принимают марксизм с разными оговорками и определенно чуждых марксизму элементов. Этой школе пришлось и приходится вести упорную борьбу с об'единенным лагерем буржуазных историков, с правительственной прессой, с общественным мнением. Огромное значение работ «школы Матьеза» в разоблачении буржуазных легенд (о Дантоне), в постановке экономических проблем революции, как проблем классовой борьбы («La vie chère»), в разработке вопроса о бещеных и т. д. Будучи группой, наиболее близкой к нам методологически, она в то же время должна быть рассматриваема нами как отдельное образование, как немарксистская школа: она недостаточно решительно размежевывается по линии защиты исторического материализма с врагами его, она решительно отметает классовый характер и политическое значение, или, вернее, она отрицает прямые политические задачи, стоящие перед изучением революции; Матьез в своем методологическом подходе к изучению Великой революции недостаточно отчетливо представляет себе классовую природу робеспьеризма и бешеных, при изучении продовольственного вопроса он, несмотря на огромное значение его труда «La vie chère», не выяснил внутренние процессы перемещения собственности во французской деревне и т. д. Работы Матьеза безусловно отражают на себе влияние Октябрьской революции. «Работы А. Матьеза,—новый этап в литературе по истории Великой Французской революции, это свидетельствует о том, что дальнейшее подлинно-научное исследование революции может быть выполнено лишь при помощи метода Маркса и Энгельса», взятого без оговорок, со всеми вытекающими из него революционными выводами».

На ряду с Францией Россия была единственной страной, где изучение Великой революции стало одной из наиболее широко разбросанных отраслей исторической науки. «Ecole russe» насчитывает около пятидесяти лет своего существования. Но наша марксистская школа изучения Великой революции отнюдь не является продолжением этой старой школы. Старая «русская школа» является учителем некоторой части французских историков наших дней. Она давала «экономическое об'яснение» истории революции, но отвергала марксизм. Для всей старой русской школы, чуждой и в своем большинстве враждебной марксизму, — характерно отсутствие правильного понимания связи между экономическими отношениями и социально-политической борьбой. «Экономизм» в их работах противостоял марксизму» .

Новая марксистская школа по изучению Великой революции начала свои работы с выполнения двух задач — опубликования общих очерков истории революции и популяризации ее истории. В этом смысле работы нашей школы выгодно отличаются от «Ecole russe» (Н. Кареев пишет: «как раз таких трудов у нас было очень мало»).

Значение «общих» курсов марксистской школы не только в том, что они дают связное изложение истории революции, но и в том, что они пытаются всю революцию в целом осветить под новым углом зрения, под углом зрения марксизма. В истории нашей науки о революции — это безусловно новое и большое достижение.

Приступив к исследовательской работе по изучению революции, марксисты-историки начали с анализа и уточнения исторического представления о социальной природе, тех политических группировок, борьба которых за-

полняет историю революции. Предстояло на конкретном материале проверить схему Кунова, критически отнестись к работе Жореса, установить подлинно-исторически ценное в работах П. Кропоткина. Основное место в работах наших историков занимает анализ якобинизма и борьбы течений в рядах якобинцев. Специальный интерес вызвал вопрос о борьбе классов во Франции в эпоху террора. Анализ робеспьеризма, борьбы между робеспьеристами и маратистами, отношение последних к бешеным, специально вопрос о бешеных, все это было предметом исследований марксистской школы.

Специальным предметом исследования был также вопрос о социальных учениях XVIII в. (вопрос об «эгалитаризме»). Большое внимание привлек вопрос о «заговоре равных» и «бабувизме».

Гораздо в меньшей степени подвергнуты были разработке вопросы экономической истории революции. Только за последний год можно отметить известный поворот в этой области. Специально разработан был вопрос о разделе общинных земель, вопрос об экономической политике Конвента эпохи термидорианской реакции. Дано новое экономическое об'яснение событиям 9 термидора.

Отметив ряд слабых сторон в проделанной работе, докладчик указал затем на те задачи, которые стоят перед исследователями марксистами в ближайшее время. Он подчеркнул необходимость приступить к более энергичной разработке вопросов экономической истории революции.

Совершенно очевидно вытекала из докладов Н. Лукина и Ц. Фридляна необходимость создания специальных об'единений историков-марксистов для изучения рабочего движения эпохи II Интернационала и Великой революции конца XVIII в. Эти об'единения и были созданы на конференции. Мы не можем не обратить специального внимания в заключение на ряд новых мыслей, которые принесли с собою доклады Щеголева о «заговоре равных» в провинции и о самом составе заговорщиков. Доклад Зайделя о бабувизме 40-х годов дал много интересного специально о Дезами; доклад Молока привел много новых данных о составе июньских бойцов 1848 г.; доклад Вайнштейна уточнил вопрос о социальных корнях Жиронды.

Отдельно, хотя бы кратко, следует отметить работы социологической секции, где был заслушан блестящий доклад акад. Марра «Исторический процесс в свете яфетической теории»; Лукачевского—«К вопросу о социальных корнях сектантства в СССР»; Никольского—«О протонеолите». Социологическая секция совместно с секцией по истории Запада заслушала доклад т. Рохлина—«К вопросу о генезисе исторической теории К. Маркса», но не успела заслушать доклады т. Удальцова о Допше и Ц. Фридлянда о Трельче.

Методическая секция привлекла внимание широкой массы педагогов. Чрезвычайно интересно сравнить работу этой секции с соответствующей секцией преподавания истории на конгрессе в Осло. В Осло спорили на тему «о виновниках войны», о том, как преподать историю в школе. В СССР активно обсуждали вопрос о методически наиболее целесообразных способах преподавания истории классовой борьбы в школе, о способах популяризации исторических знаний в массах и т. д.

Завершением работ конференции служило решение о создании Института истории при Комм. Академии. Конференция таким образом выполнила две задачи, она продолжала дело разоблачения буржуазии и псевдомарксистской историографии и общие начала научно-исследовательской работы будущего Института истории. Борьба за марксистскую историю продолжается...

Конец Жака Ру[1]).

Я. ЗАХЕР.

I.

В секции Гравилье, на ряду с группой сторонников Жака Ру (главнейшими среди них были Жак Боске, Жак Бурбон, Жан Луи Грайо, Николай Наттэ, Жан Баптист Дюкло, Бульян, Николай Марен Мишо, Жан Франсуа Соже [2]), издавна существовала и группа его ожесточенных противников. На первое место среди них следует поставить видного члена Коммуны 10 августа, юриста [3]), Жермена Трюшона (Germain Truchon) [4]) ставленника Леонара Бурдона и чрезвычайно темную личность, засаженную несколько позднее в тюрьму за уголовщину [5]). За ним следовали член гражданского и революционного комитетов секции Гравилье, виноторговец и бывший член Коммуны 10 августа [6]), Пьер Эгасс (Pierre Egasse) [7]), Луи Эдмонд Орельи (Louis Edmond Oreilly) [8]), Бурсье (Boursier) [9]), Луи Франсуа Легей (Louis François Legay или Legaii [10]), Ulterick [11]) и т. д. Уже к лету 1793 г. отношения между этими двумя группами достигли такой степени обострения, что противники Жака Ру выдвинули против него обвинение в присвоении им осенью 1792 г. различных общественных сумм [12]), и, по словам врагов Жака Ру, этот последний, мстя за это обвинение [13]), уже давно «вместе со своими сторонниками сеял смуту в общих собраниях секции» [14]). Не касаясь сейчас

[1]) О предшествующей деятельности Жака Ру см. наши статьи «Жак Ру до падения Жиронды» («Под Знаменем Марксизма» 1928 г., № 12) и «Жак Ру в борьбе с монтарьярами» (во втором томе «Известий Ленинградского Государственного Университета»).

[2]) Протоколы заседаний революционного комитета секции Гравилье le septidi et octodi frimaire an II. Arch. Nat., F[7] 4775[3].

[3]) Braech. La Commune du 10 août 1792, p. 263.

[4]) «Le Publiciste de la République Française par l'ombre de Marat, l'Ami du Peuple», № 263, pp. 6—8, Bibl. Nat. Lc[7] 227. Оправдательная записка Жака Ру, Arch. Nat., W[20].

[5]) О Трюшоне см. Albert Mathiez, Autour de Robespierre, pp. 177—179.

[6]) Braesh., op. cit., p. 252.

[7]) Оправдательная записка Жака Ру, Arch. Nat., W[20]. Показания Egasse в протоколе действий врид полицейского комиссара секции Гравилье 21 августа 1793 г., Arch. Nat., W[20].

[8]) «Le Publiciste de la République Française» № 263, p. 8. Оправдательная записка, Arch. Nat., W[20]. Показания Oreilly в протоколе полиц. ком., Arch. Nat., W[20].

[9]) «Le Publiciste de la République Française» № 263, pp. 6—7. Допрос Жака Ру в департаменте полиции Парижской Коммуны 23 августа 1793 г., Arch. Nat., W[20]. Допрос Boursier 21 августа, Arch. Nat., W[20].

[10]) «Le publiciste de la République Française» № 263, p. 7. Допрос Legay в протоколе полиц. ком., Arch. Nat., W[20].

[11]) Оправдательная записка Жака Ру, Arch. Nat., W[20]. «Le Publiciste de la République Française» № 263, p. 8.

[12]) Показания Egasse и Oreilly в протоколе пол. ком., Arch. Nat., W[20].

[13]) Показания Egasse, там же.

[14]) Показания Legay, там же.

сущности пред'явленных Жаку Ру совершенно необоснованных обвинений, говорить о коих нам придется дальше, отметим лишь, что он, само собой разумеется, не оставался в долгу и отвечал также рядом обвинений по адресу своих противников. В частности, в общем собрании секции Гравилье 18 августа сторонники Жака Ру обвинили членов враждебной им партии, секционных комиссаров Шемена (Chemin), Эгасса (Egasse), Бурсье (Boursier), Фурнье (Fournier) и др., в разбазаривании вверенной им общественной собственности (бывш. монастыря св. Елизаветы) и потребовали их ареста на 24 часа [1]). Когда же председатель секции Жан Баптист Флери (Jean Baptiste Fleury) заявил, что «он никогда не совершит столь противозаконного акта» [2]), и, отказавшись поставить это предложение на голосование, об'явил собрание закрытым [3]), то «клика Жака Ру» [4]) отказалась подчиниться и, по предложению Наттэ, избрала Жака Ру председателем секции взамен Флери [5]). После этого «имело место обсуждение, и, в конце концов, собрание постановило, что 1) все комиссары, ведавшие монастырем св. Елизаветы, подлежат, впредь до дальнейших распоряжений, заключению в арестном помещении; 2) что у дверей не присутствовавших на данном собрании комиссаров будут поставлены часовые и 3) что специальные комиссары будут отправлены в конвентский Комитет Общей Безопасности и в полицейский комитет мэрии, дабы сообщить им о настоящем постановлении» [6]). Однако, в виду отказа как старого секретаря секции, так и вновь избранного ему преемника, подписать приказ об аресте заподозренных комиссаров, постановление это не было приведено в исполнение, и собрание секции закончилось около 2 часов ночи, среди всеобщего шума и беспорядка [7]). При этом дело, повидимому, дошло не только до самой яростной перебранки, но также и до потасовки, при чем довольно сильно пострадал яростный противник Жака Ру—Бурсье (Boursier), слегший даже после этого в кровать [8]). А изданным вслед за тем за подписью Жака Ру приказом об аресте [9]) Шемен был подвергнут двадцатичетырехчасовому заключению.

Само собой разумеется, что противники Жака Ру не могли примириться с произведенным им и его сторонниками переворотом в секции Гравилье. 21 августа к временно исполняющему обязанности полицейского комиссара секции Гравилье Муаньону (Moignon) явились «несколько членов как гражданского, так и наблюдательного комитетов названной секции... и заявили, что испуганные махинациями, затеянными всем известными негодяями, вождь которых был в свое время изгнан из всех народных обществ и даже из самого Конвента за его антипатриотическое настроение, и желая, как это подобает подлинным республиканцам, стоять на страже безопасности лиц и собственности, поддержания законов, торжества свободы, нераздельности Республики и счастия нации,—они считают своим долгом разоблачить наиболее жестоких врагов народа» [10]). За этим последовал ряд

[1]) Допрос Жака Ру в департаменте полиции Парижской Коммуны 23 августа 1793 г., Arch. Nat. W[20]. «Section des Gravilliers. Procès-Verbal de la seance du 18 août 1793», Arch. Nat., F[7] 4775[3].

[2]) Показание Fleury в протоколе действий врид. полицейского комиссара секции Гравилье 21 августа, Arch. Nat., W[20].

[3]) Ibidem et procès-verbal de la seance du 18 août 1793, Arch. Nat. F[7] 4775[3].

[4]) Ibid.

[5]) Там же. Кроме того, несколько позднее был избран новый секретарь.

[6]) «Procès-verbal de la seance du 18 août 1793», Arch. Nat F[7] 4775[3].

[7]) Ibid.

[8]) Показания Boursier и Legay в протоколе действия врид полицейского комиссара секции Гравилье 21 августа 1793 г., Arch. Nat W[20]. Допрос Жака Ру в департаменте полиции Парижской Коммуны 23 августа 1793 г., Arch. Nat. W[20].

[9]) Подлинник этого приказа имеется в картоне W[20] Нац. Архива.

[10]) Протокол действий врид полицейского комиссара секции Гравилье 21 августа 1793 г., Arch. Nat. W[20].

обвинений по адресу Жака Ру, при чем среди них, на ряду с подробными показаниями о событиях 18 августа, имелось и утверждение, будто Жак Ру пытался «восстановить умы против трибуналов, департамента, муниципалитета и секционных комитетов» [1]). Все эти показания были немедленно протоколированы и переданы в департамент полиции Парижской Коммуны [2]).

Но дело не ограничилось пределами секции Гравилье, при чем чрезвычайно любопытно, что главный удар Жаку Ру был нанесен не робеспьеристами, а левыми якобинцами—эбертистами и шометтистами. В заседании якобинского клуба того же самого дня, 21 августа, Эбер рассказал, что «Жак Ру, этот подлый священник, пользующийся большим влиянием в секции Гравилье, заставил эту секцию принять постановление об обращении к Конвенту с петицией, содержащей просьбу распустить установленные власти. В этой петиции сам мэр изображается в качестве барышника. К счастью, секция поняла, что она попала в заготовленную для нее ловушку, отменила свое постановление и сама же, вероятно, обрушится на введшего ее в заблуждение негодяя» [3]).

На следующий день, 22 августа, вопрос о Жаке Ру был поднят в Коммуне по инициативе Трюшона, явившегося туда во главе гражданского и революционного комитетов секции Гравилье. В ответ на жалобу Трюшона, изложившего происшедшие в этой секции события, Шометт предложил послать для восстановления порядка шесть комиссаров, а дело о Жаке Ру передать на рассмотрение полицейского управления Коммуны. А выступивший затем полицейский администратор Фруадюр (Froidure) заявил, что «в отношении Жака Ру и нескольких лиц из его партии издан уже приказ об аресте. Я его немедленно допрошу. Администрация приняла уже шаги, чтобы получить в свое распоряжение все постановления, вынесенные относительно Ру якобинцами, кордельерами, собранием выборщиков и т. д.». (Курсив наш. *Я. З.*) [4]).

В результате обсуждения Коммуна приняла предложение Шометта и избрала делегацию из шести членов, которой было поручено немедленно отправиться в общее собрание секции Гравилье «для его умиротворения и восстановления в должности законно избранных членов президиума секции» [5]).

Об этом постановлении в секции Гравилье узнали еще до прихода делегатов Коммуны, сразу же по открытии заседания.

«Гражданин Жак [6]), будучи председателем, но один член замечает (le citoyen Jacque etant président, mais un membre observe), что он находится в мэрии и не может по этой причине председательствовать. Он предлагает собранию избрать председателя, и таковым избирается гражданин Бурсо (Boursault), который занимает председательское место» [7]).

После этого один из присутствующих рассказывает собранию о происшедших в заседании Коммуны событиях и обвиняет Трюшона в том, что он «обрисовал Жака Ру в качестве самого темного и самого скверного из всех граждан» [8])... Собрание высказывает свое негодование вышеназван-

[1]) Ibidem. Показания Barbot.

[2]) Протокол действий врид полиц. комиссара секции Гравилье 21 августа 1793 г., Arch. Nat. W[20].

[3]) «Journal de la Montagne», № LXXXIII. Цит. по Buchez et Roux «Histoire parlamentaire de la Révolution Française», t. XXVIII, p. 480. В сборнике Aularda, «La Société des Jacobins», t. V, p. 367, речь Эбера изложена приблизительно в тех же выражениях.

[4]) «Journal de Montagne», № LXXXIII. Цит. по Buchez et Roux, op. cit, t. XXVIII, pp. 480—481.

[5]) «Section des Gravilliers. Procès-verbal du 22 août 1793, l'an 2-me de la République française une et indivisible», Arch. Nat. F[7] 4775[3].

[6]) Слово «Ру» в тексте пропущено.

[7]) «Section des Gravilliers. Procès-verbal du 22 août 1793», Arch. Nat. F[7] 4775[3].

[8]) Ibidem.

ному Трюшону, и один из членов спрашивает его, может ли он очиститься от возводимых на него обвинений. Собрание волнуется» [1]).

В это время является делегация из шести членов Коммуны, и «собрание молча выслушивает» [2]) из их уст отчет об уже известном нам заседании Коммуны. «По окончании этого отчета несколько членов просят и получают слово и об'ясняют причины раздоров, существующих между собранием и комитетами, в связи с обвинением членов гражданского комитета в растрате.

«Собрание волнуется, и после долгого промежутка времени одному из муниципальных чиновников удается, наконец, получить слово. Он произносит речь, в которой отмечает, что, согласно закону, собрание может интересоваться преступлениями, совершенными теми или иными из его членов, но не имеет права их судить, так как для этого существуют судебные органы. Он кончает свою речь указанием, что комиссары именем закона и Генерального Совета приступают к восстановлению старого бюро. Это заявление вызывает отчаянный шум. Несколько членов просят слова, но им в этом отказывают, мотивируя это тем, что закон должен быть исполнен. Шум возобновляется, и председатель закрывает собрание Шум усиливается, и несколько муниципальных чиновников никак не могут заставить себя выслушать. Они призывают к уважению к закону, и после того, как они это несколько раз повторяют, спокойствие мало-по-малу восстанавливается» [3]).

После этого делегаты Коммуны восстанавливают старый президиум и «именем закона и Генерального Совета аннулируют все постановления, принятые собранием 18 числа текущего месяца» [4]).

Таким образом мы видим, что секция Гравилье сдалась далеко не сразу и уступила лишь под влиянием, повидимому, чрезвычайно сильного давления со стороны комиссаров Коммуны [5]). При этом нужно иметь в виду, что одновременно с Жаком Ру были арестованы и его сторонники Ле-Дре (Le Dreux), Наттэ, Грайо, Боскэ и Дюкло [6]), и что таким образом в заседании 22 августа партия Жака Ру была лишена ее главных вождей. Тем интереснее, конечно, указания протокола на «волнение» и «шум» в собрании, с несомненностью подтверждающие крайнюю популярность Жака Ру и его сторонников среди рядовых членов секции Гравилье. Поэтому не удивительно, что это же самое общее собрание секции Гравилье 22 августа, «узнав об аресте гражданина Жака Ру, так же, как и граждан Наттэ, Боске и других членов секции, постановляет, что оно изберет шесть комиссаров, которые отправятся в мэрию и справятся там о причинах их ареста с тем, чтобы вслед за тем доложить об этом собранию» [7]).

Арест Жака Ру должен был, само собой разумеется, до крайности усилить активность его врагов, и, как только он стал известен, на полицейские органы Парижа посыпался град доносов со стороны противников революционного священника. Нам уже приходилось выше говорить о выдвинутом еще 21 августа против Жака Ру обвинении, будто он пытался «восстановить умы против трибуналов, департамента, муниципалитета и секционных комитетов» [1]). На следующий день, 22 августа, некий Лепаж (Lepage), eventailliste, пишет донос, в котором называет Жака Ру «человеком, опасным для общества» [2]), и сообщает, что он в общем собрании секции Гравилье 18 августа «называл мэра и Коммуну авторами системы барышничества, имеющей целью обмануть народ и бросить его в об'ятия аристократов» [3]). Кроме того, Лепаж утверждал, что Жак Ру находится в постоянных сношениях с неким Перигором, все родственники которого эмигрировали [4]).

На следующий день, 23 августа, некий Мерсье (Mercier), член Коммуны и выборщик 1792 года, обвиняет Жака Ру в том, что во время выборов в Коммуну и департамент он раздавал карточки со своим именем и, хотя был провален на выборах, пытался обманным путем внести свою фамилию в список удостоившихся избрания [5]). Донос этот, доставленный Mercier в Коммуну, был в тот же день переслан ее секретарем в департамент полиции Парижской Коммуны [6]).

В этот же день, 23 августа, полицейский комиссар секции Гравилье по распоряжению полицейских администраторов Коммуны Мишонена (Michonin) и Марино (Marino) [7]) и в присутствии самого Жака Ру наложил арест на его бумаги [8]). Но по последовавшему в тот же день новому распоряжению [9]) печати были сняты (опять-таки в присутствии Ру), и бумаги были в тот же день пересланы в департамент полиции Парижской Коммуны [10]).

В этот же день, 23 августа, уже после наложения печатей на бумаги Жака Ру, но еще до их препровождения в Коммуну [11]), начался допрос Жака в департаменте полиции Парижской Коммуны. После обычных вопросов Ру о фамилии, возрасте, месте рождения и т. д., допрашивавший арестованного полицейский администратор Фруадюр (Froidure) спросил его, «не был ли он причиной беспорядков, возникших в заседании в воскресенье 18-го текущего месяца?» [12]). После того, как в ответ на этот вопрос Жак Ру подробнейшим образом описал уже известные нам события этого дня, «ему было замечено, что заявления многих граждан, присутствовавших на этом заседании, сходятся на том, что допрашиваемый пытался восстановить умы против трибуналов, департаментов, муниципалитета и секций, и что это противоречит его утверждению о том духе мира, который он, якобы, всегда вносил в заседания своей секции.

«На это допрашиваемый отвечает, что как гражданин он во многих номерах своей газеты хвалил Парижскую Коммуну и даже в самом заседании проявил свое доверие трибуналам, администрации и Национальному

[1]) Ibidem.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem.
[4]) Ibidem.
[5]) Из адресованного на имя Коммуны и датированного 23 августа 1793 г. письма секретаря секции Гравилье Жан-Мишеля Буассэ (Boisset), отстраненного от своих обязанностей в заседании 18 августа, видно, что в заседании 22 августа делегаты Коммуны развили широкую агитацию среди отдельных членов собрания. Что касается самого Boisset, то, как видно из его письма, он принадлежал к крупно-буржуазным кругам и сильно пострадал от революции. Это показание исключительно ценно для выяснения классовой физиономии противников Жака Ру. Arch. Nat., W[20].
[6]) Arch. Nat., W[20].
[7]) «Section des Gravilliers Assemblée générale permanente. Extrait du Régistre des déliberations de l'assemblée du 22 août 1793, l'an deux de la République française une et indivisible», Arch. Nat. W[20]. В ранее цитированном протоколе (Arch. Nat. F[7] 4775[3]) этот эпизод не фигурирует.

[1]) Протокол действий врид полиц. комиссара секции Гравилье 21 августа 1793 г. Показания Barbot. Arch. Nat. W[20].
[2]) Донос Lepage, Arch. Nat. W[20].
[3]) Ibidem.
[4]) Ibidem.
[5]) Донос Mercier, Arch. Nat. W[20].
[6]) Письмо secretaire-greffier Commune de Paris 23 août 1793 в Departament de Police, Arch. Nat. W[20].
[7]) Текст этого распоряжения имеется в протоколе наложения печатей. «Extrait des Registres des procès-verbaux de police de la Section des Gravilliers. Le 23 août 1793». Arch. Nat. W[20].
[8]) Ibidem.
[9]) Ibidem.
[10]) Ibidem.
[11]) «Commune de Paris. Departament de Police. Le 23 août 1793, l'an deuxième de la République Française une et indivisible». Протокол допроса Жака Ру. Arch. Nat. W[20].
[12]) Ibidem.

Конвенту, ибо именно он первый предложил сообщить названным выше учреждениям выписку из протокола касательно заподозренных комиссаров. Но, как писатель, он считал своим долгом подогревать усердие должностных лиц в деле наказания всех предателей, барышников и мошенников, какое бы положение они ни занимали. В силу этого он с жаром выступал против некоторых должностных лиц, хотя и не называл их по фамилиям. Считая, что существующий режим есть единственный, подобающий свободному народу, он отмечает, что в указанном заседании он ни с какой стороны не высказывался против установленных властей» [1]).

За этим последовали вопросы об аресте Шемена и избиении Бурсье. На первый Жак Ру ответил, что не видит в своем поступке ничего противозаконного, ибо «секция Гравилье совершала такие же действия свыше 100 раз» [2]); что же касается Бурсье, то об его избиении ему, по его словам, ничего не известно [3]). На этом допрос был прерван, и Фруадюр распорядился о доставлении ему опечатанных на квартире священника бумаг [4]).

Допрос Жака Ру был возобновлен на следующий день, 24 августа, причем первый же заданный ему Фруадюром вопрос [5]) касался выдвинутого еще за несколько месяцев до того обвинения Жака Ру в присвоении части денег, собранных им в пользу гражданки Борепэр. Сущность этого дела заключалась в следующем:

Осенью 1792 года, после самоубийства верденского коменданта Борепэра, не пожелавшего сдать крепости неприятелю, его проживавшая в Париже сестра осталась без всяких средств к существованию. По совету некоего Девика, викария церкви св. Николая на Полях, она обратилась за помощью к Жаку Ру, широко известному своей благотворительной деятельностью [6]). Жак Ру, по собственному признанию Борепэр, встретил ее с исключительной любезностью и отзывчивостью и произвел в ее пользу сбор денег как в общем собрании секции Гравилье [7]), так и (13 сентября 1792 г.) в заседании парижского собрания выборщиков, членом которого он являлся [8]). Выручку от первого сбора в сумме 85 ливров 6 соль Борепэр получила полностью [9]); что же касается второй, то Жак Ру и Борепэр заранее сговорились, что половину выручки он пожертвует в пользу его неимущих прихожан, о чем, однако, Жак Ру, по ее словам, просил никому не говорить [10]). Получив из рук секретаря собрания выборщиков собранную в ее пользу сумму, Борепэр, по ее собственному показанию, не считая денег, отправилась вместе с Жаком Ру на его квартиру [11]). Только там они произвели подсчет, и из оказавшихся налицо 146 ливров 6 соль Борепэр получила половину, т.-е. 73 ливра 3 соль [12]).

Вот этот-то раздел и послужил для врагов Жака Ру поводом обвинить его в сокрытии в свою пользу части собранных для Борепэр денег. Возможность такого обвинения облегчалась двумя обстоятельствами. Во-первых,

[1]) Ibidem.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem.
[4]) Ibidem.
[5]) Ibidem.
[6]) «Déclaration au citoyens du comité de salut publique de la section des Gravilliers par la citoyenne Beaurepaire, soeur du commandent de Verdun». Arch. Nat., W[20].
[7]) Ibidem.
[8]) Ibidem et «Copie de l'extrait du procès-verbal de l'assemblée électorale du département de Paris du jeudi 13 septembre 1792», Arch. Nat. W[20].
[9]) Déclaration Beaurepaire, Arch. Nat. W[20].
[10]) Ibidem.
[11]) Ibidem.
[12]) Ibidem и показания Beaurepaire секции Гравилье 1 июля 1793 г., Arch. Nat. W[20].

в то время как Борепэр говорила о собранных 146 ливрах 6 соль [1]), протокол заседания собрания выборщиков 13 сентября 1792 года гласил, что собрано было 179 ливров 3 соль [2]). Во-вторых, в то время как за вычетом полученных Борепэр денег, от собранных в собрании выборщиков денег оставалось, по ее словам, 73 ливра 3 соль [3]), вдова Пти, которой, по ее словам, Жак Ру заранее обещал дать вторую половину выручки [4]), получила лишь 55 ливров [5]). Таким образом, даже если принять за правильную цифру Борепэр, а не цифру протокола, то все же возникал вопрос о судьбе остальных 18 ливров 3 соль. Правда, та же самая вдова Пти указывала, что она кроме 55 ливров получила от Жака Ру еще 30 ливров, но это относилось уже к январю 1793 года [6]).

Вот эти-то обстоятельства и дали врагам Жака Ру повод обвинять его в растрате. В первый раз вопрос об этом был возбужден врагом Жака Ру Oreilly еще в июле 1793 года, и тогда секция Гравилье допросила по этому поводу как саму Борепэр [7]), так и вдову Пти [8]). Теперь, 24 августа, об этом деле вспомнили снова, и вопрос о судьбе собранных в пользу Борепэр денег и был первым вопросом, заданным Фруадюром в этот день Жаку Ру [9]).

Отвечая на этот вопрос, Жак Ру подробно изложил всю историю своих взаимоотношений с Борепэр, за которую он, по его словам, ходатайствовал не только перед общим собранием своей секции и собранием выборщиков, но равным образом и перед Конвентом и клубом якобинцев [10]). Касаясь противоречия в вопросе о размере собранной в собрании выборщиков в пользу Борепэр суммы, Жак Ру утверждал, что «так как протокол собрания выборщиков гласит, что собранная сумма была передана непосредственно в ее руки, то из этого вытекает, что если гражданка Борепэр получила меньшую сумму, то это может лишь означать, что либо секретарь обсчитался, либо гражданка Борепэр потеряла по дороге часть денег, либо, наконец, она обворовала сама себя» [11]). Что же касается предположения о возможности присвоения денег им, Жаком Ру, то оно, по его словам, опровергается как его всем известной благотворительной деятельностью вообще (за последнее время, он, по его словам, потратил на благотворительность 217 ливров, полученных от продажи его литературных произведений), так, в частности, и сохранившимися до сих пор самыми лучшими отношениями между ним и гражданской Борепэр [12]).

Переходя к вопросу о вдове Пти, Жак Ру заявил, что «хотя 55 ливров и не вполне составляют половину собранной суммы, но она (т.-е. Пти. *Я. З.*)

[1]) Déclaration Beaurepaire, Arch. Nat. W[20].
[2]) «Copie de l'extrait du procès-verbal de l'assemblée électorale du département de Paris du jeudi 13 septembre 1792», Arch. Nat. W[20].
[3]) Déclaration Beaurepaire, Arch. Nat. W[20], показания Beaurepaire 1 июля 1793 г., Arch. Nat., W[20].
[4]) Показания вдовы Petit в «Extrait du régistre des procès-verbaux du Comité de surweillance de la section des Gravilliers du 7 juillet 1793», Arch. Nat. W[20].
[5]) Ibidem.
[6]) Ibidem.
[7]) Arch. Nat. F[7] 2486 (книга протоколов рев. комитета секции Гравилье. Заседание 25 июля 1793 г.).
[8]) «Extrait du régistre des procès-verbaux du Comité de surveilance de la section des Gravilliers du 7 juillet 1793», Arch. Nat. W[20].
[9]) «Commune de Paris. Département de Police». Протокол допроса Жака Ру 24 августа 1793 г., Arch. Nat. W[20].
[10]) Ibidem. В отчете о заседании Конвента («Archives parlementaires», I série, t. LII, p. 389; t. LIX, p. 288) сохранились указания на ходатайства Борепэр, но о роли Жака Ру там ничего не говорится. Что касается якобинского клуба, то в сборнике Aulard'a «La société des jacobins» указаний на ходатайства Борепэр нам найти не удалось.
[11]) «Commune de Paris. Département de Police». Протокол допроса Жака Ру 24 августа 1793 г., Arch. Nat. W[20].
[12]) Ibidem.

была свидетельницей того, как он дал милостыню двум другим плохо одетым гражданкам. Кроме того, она должна подтвердить, что во время ее болезни в январе он дал ей 30 ливров» [1]).

Следующий вопрос, который Фруадюр задал Жаку Ру во время его допроса 24 августа, стоял в связи с доносом Мерсье об агитации Жака Ру в свою пользу во время выборов в Коммуну и департамент. На это Жак Ру ответил, что «его имя достаточно известно в Париже, где он произнес ряд речей в пользу революции, чтобы была надобность напоминать о себе, тем более, что, именно оставаясь в тени, чаще всего достигаешь видного положения» [2]). Категорически отвергая приписываемую ему раздачу карточек с его именем, Жак Ру признавал лишь, что распространял свои сочинения, и заканчивал тем, что, «если бы он начал свою деятельность с применения столь подлых и нечестных средств, его сограждане не удостоили бы его столь большое количество раз своим избранием [3]).

На этом допрос Жака Ру был прерван, а после того, как он в тот же день снова возобновился, Фруадюр опять обратился к делу Борепэр и спросил Жака Ру, почему он просил гражданку Борепэр держать в секрете всю историю с разделом собранной в ее пользу суммы [4]). Жак Ру ответил, что Борепэр, повидимому, «приняла за просьбу о молчании выраженное им пожелание, чтобы она не распространяла слух, что он несколько раз под-ряд делал сборы в ее пользу. Об'ясняется это тем, что он опасался, как бы некоторые лица, просившие его о помощи, не смогли обвинить его в слишком большом предпочтении одному человеку за счет всех остальных» [5]). Что касается до вторичного вопроса Фруадюра о причинах расхождения в исчислении суммы, собранной в собрании выборщиков, то Жак Ру, повторил по этому поводу то, что говорил ранее, и снова подчеркнул свою всем известную благотворительность [6]).

Вслед за тем Фруадюр в явной связи с доносом Лепажа спросил Жака Ру о его знакомстве с Перигором, на что Жак Ру ответил, что никакого Перигора он не знает, а посещал лишь некоего Буррю (Bourru), живущего у него в доме. Этот Буррю является земляком Жака Ру, и они, случайно познакомившись в заседании Коммуны, встречались затем по своим личным делам [7]).

На этом допрос Жака Ру был прерван, и Фруадюр совместно с допрашиваемым перешли к рассмотрению найденных на квартире Жака Ру бумаг [8]). Среди них, на ряду с оттисками и рукописями его произведений, а также различными официальными документами [9]), оказалось датированное 23 августа неотправленное письмо к гражданину Пти [10]) (письмо это, по мне-

[1]) Ibidem. Оценивая вопрос по существу, мы полагаем, что не только широкая благотворительная деятельность Жака Ру, но и вся обстановка событий, такая как и весь контекст доступных нам материалов, совершенно опровергают возможность предположения о произведенной Жаком Ру растрате, тем более, что речь шла о совершенно ничтожной сумме. В этом же смысле высказывается и Mathiez («La vie chère et le mouvement social sous la terreur», p. 341).

[2]) «Commune de Paris Département de Police». Допрос Жака Ру 24 августа 1793 г., Arch. Nat., W[20].

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem.

[5]) Ibidem.

[6]) Ibidem.

[7]) Ibidem.

[8]) Ibidem.

[9]) Ibidem.

[10]) Ibidem. Письмо это сохранилось в картоне W[20] Нац. Архива. Интерес его заключается в том, что, обращаясь от имени секции Гравилье к гражданину Пти (повидимому, сын вдовы Пти), «помощнику комиссара по производству пик в Лангре», Жак Ру не только указывает на необходимость «смертельной борьбы» со спекулянтами и барышниками, но и отмечает, что «победа станет несомненной, когда

нию Фруадюра, «проникнуто самыми патриотическими чувствами») [1]) и запечатанный конверт с надписью «девять писем, которые я прошу доставить их адресатами после смерти» [2]). Письма эти, несмотря на то, что Фруадюр этого вовсе не требовал, были вскрыты самим Жаком Ру, и оказалось, что они содержат ценные бумаги, которые Жак Ру завещал различным гражданам [3]). Бумаги эти были тут же возвращены Жаку Ру [4]).

Допрос Жака Ру возобновился только через три дня, 27 августа.

«На заданный ему вопрос, не предлагал ли он секции Гравилье накануне событий 25 и 26 февраля устроить уличную манифестацию с плакатом «смерть барышникам»,—«он ответил, что предложение это было сделано другим. В виду того, что многие члены общего собрания потребовали, чтобы именно он нес этот плакат, он на это согласился. Впрочем, манифестация эта не состоялась, так как секция отказалась от своего первоначального постановления» [5]).

После этого Жаку Ру был задан ряд вопросов об его отношении к депутатам Горы и конституции 1793 г. [6]). Жак Ру ответил, что он «никогда не только не говорил, но даже не помышлял ничего плохого об этих депутатах, оказавших революции бесценные услуги» [7]). Что касается до конституции, то он лишь предлагал дополнить ее статьей, специально направленной против спекуляции, при чем делал он это еще тогда, когда конституция не была представлена на утверждение народа» [8]).

На этом допрос Жака Ру был окончен. При столь скромных—с точки зрения противников Жака Ру — результатах этого допроса держать его дальше в заключении было бы затруднительно, особенно принимая во внимание как царившее в эти дни в Париже сильное волнение [9]), так и то обстоятельство, что еще 25 августа секция Гравилье снова ходатайствовала об освобождении Ру [10]). Вот почему, вынеся постановление о предании Жака Ру суду исправительной полиции, департамент полиции Парижской Коммуны, сразу же по окончании допроса, вместе с тем постановил выдать его на поруки двум гражданам секции Гравилье—столяру Гильмо (Guilmaut) и сапожнику Бурбону (Bourbon) [11]). Тогда же, 27 августа, Жак Ру был освобожден. В эти дни, повидимому [12]), были освобождены и арестованные одновременно с ним его сторонники.

женщины войдут в ряды санкюлотов... Мы считаем, что настал момент произвести набор значительного числа республиканок для борьбы с тиранией». Что касается даты письма (23 августа), то непонятно, каким образом письмо, датированное днем ареста бумаг Жака Ру и найденное среди таковых, могло оказаться на квартире Жака Ру, сидевшего в это время в арестном помещении Коммуны. Вернее всего, что письмо было написано непосредственно перед арестом Жака Ру, а дата его—или ошибочна, или вставлена позднее.

[1]) «Commune de Paris. Département de Police». Допрос Жака Ру 24 августа 1793 г., Arch. Nat., W[20].

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem.

[5]) Ibidem.

[6]) Ibidem. Допрос Жака Ру 27 августа 1793 г.

[7]) Ibidem.

[8]) Ibidem.

[9]) См. Mathiez, op. cit., pp. 283–288.

[10]) «Moniteur», t. XVII, p. 505.

[11]) «Commune de Paris. Département de Police». 27 августа 1793 г., Arch. Nat., W[20].

[12]) Говорим «повидимому», так как в имеющемся в картоне W[20] Нац. Арх постановлении об их освобождении дата не указана.

II.

Каково было настроение Жака Ру в период 18—27 августа и каким образом перипетии этих дней отразились на его тактике? К сожалению, данные, которыми мы располагаем для ответа на этот вопрос, далеко не полны, ибо в коллекции Национальной библиотеки, коей мы пользовались, номера 258 и 259 «Публициста Французской Республики» отсутствуют и за № 257 от 17 августа следует непосредственно № 260 от 24 августа. Но даже и тех данных, которые мы имеем, вполне достаточно для ответа на поставленный выше вопрос, и они позволяют с несомненностью утверждать, что в своих публичных выступлениях этих дней Жак Ру говорил отнюдь не в том примирительном духе, как в своих показаниях при допросе.

№ 260 «Публициста Французской Республики», написанный Жаком Ру 23 августа перед тем, как итти на допрос [1]), начинается с жалобы на неисполнение изданных Конвентом хороших законов:

«... Ни одна из благодетельных мер, декретированных в отношении спекулянтов и барышников, не приведена еще в исполнение. Хотите знать причину? Она заключается в том, что во главе администрации стоят лишь богачи, собственники, люди, заботящиеся лишь о набивании своих карманов; бывшие прокуроры, нотариусы и адвокаты,—одним словом, люди, заинтересованные в том, чтобы оттолкнуть народ от революции. Во главе администрации стоят торговцы, бакалейщики, мнимые патриоты, ненавидящие революционный режим. Ясно, что мошенник не будет доносить на мошенника, предатель на предателя, контрреволюционер на контрреволюционера, барышник на барышника, спекулянт на спекулянта, монополист на монополиста. Вот почему народ никогда не находит защиты у большей части этих чиновников, ибо даже те, кто как будто бы стоят на его стороне, на самом деле привязаны к касте бывших привилегированных и в глубине души подают голос за контрреволюцию» [2]).

Что же предлагает Жак Ру для борьбы с этим злом?

«Необходимо, чтобы санкюлоты потребовали у Национального Конвента установления срока, в течение которого его спасительные декреты должны быть, под угрозой строжайших наказаний, приведены в исполнение. Необходимо, чтобы депутаты Горы, поклявшиеся спасти отечество, приняли все диктуемые обстановкой меры для понижения цен на предметы первой необходимости. Необходимо, чтобы в отношении с'естных припасов было сделано то же самое, что только что декретировано [3]) в отношении дров и угля [4]).

На ряду с этими мерами Жак Ру рекомендует усиление террора и в частности суд над Марией-Антуанеттой [5]).

№№ 261 и 262 «Публициста Французской Республики» в коллекции Национальной библиотеки отсутствуют, а № 263, не датированный, но вышедший, повидимому, в самых первых числах октября, содержит ряд предложений, выдвигающихся Жаком Ру уже ранее:

«Пусть торговля предметами роскоши будет запрещена вплоть до полного изгнания армии тиранов, пусть озаботятся облегчением участи граждан, оставшихся у своих очагов, пусть будут введены в действие декреты, направленные против спекуляции и барышничества. Пусть во всех коммунах республики будут учреждены комиссии для обследования нажитых во время революции состояний. Наконец, пусть храбрые люди, из среды как законодательного корпуса и генеральных советов коммун, так и из всей вообще администрации, покажут пример доблестного самопожертвования делу народа и станут во главе солдат, идущих на бой с внутренним и внешним врагом. Пусть по окончании войны часть имуществ монархистов, федералистов и оставивших свой пост и предавших нацию депутатов поступит в раздел между победителями-санкюлотами и их вдовами. Пусть гражданские и военные должности станут доступными лишь для граждан, отличившихся в бою или пожертвовавших своим имуществом для облегчения участи несчастных. Когда эти решительные меры, необходимые для общественного спасения, будут приняты... я утверждаю, что... рабы королей обратятся в бегство при виде наших патриотических фаланг, и свобода, мир и благоденствие утвердятся на окровавленных развалинах царства разбойников, опустошающих наши пограничные и приморские департаменты». (Курсив наш. *Я. З.*) [1]).

При таком настроении Жака Ру совершенно очевидно, что он не мог не принять самого горячего участия в той борьбе за террор, максимум и революционную армию, которая развернулась в Париже 4—5 сентября [2]). Явившись 5 сентября от имени секции Гравилье в заседание якобинского клуба, он держал себя там, повидимому [3]), столь вызывающе, что собрание постановило задержать его как подозрительного и назначило трех своих членов для препровождения его (а также и явившегося одновременно с ним представителя секции Гренельского Фонтана Боннекаррера) в революционный комитет его секции, все члены которого об'являлись лично за него ответственными [4]).

Само собой разумеется, что это постановление вызвало в революционном комитете секции Гравилье, заседавшем в это время совместно с комитетом гражданским, значительное удивление и там даже раздавались голоса, указывавшие на его незаконность [5]). Но войти в конфликт с якобинским клубом комитеты все же не решились, и, после обсуждения, они остановились на том, чтобы послать к якобинцам особую делегацию за более подробной информацией.

Тем временем «гражданин Жак Ру, задержанный в помещении комитетов, просит о допущении его в общее собрание, дабы сообщить ему о своем аресте. Он просит также, чтобы комитеты выделили двух членов, которые бы отправились к нему на квартиру и передали находящемуся там ребенку имеющийся у него ключ. Он просит об этом для того, чтобы получить все то, что необходимо свободному человеку, имеющему право на беспрепятственное передвижение.

«По обсуждении этих двух предложений было постановлено ничего не решать до тех пор, пока не вернутся посланные четыре комиссара и не дадут отчета об исполнении возложенного на них поручения. Кроме того, было постановлено, что председатель сообщит ему (т.-е. Жаку Ру. *Я. З.*) настоящее постановление и уверит его, что, если его и задерживают в комитете, то это лишь по-братски ..

[1]) «Le Publiciste de la République Française» № 260, p. 7.
[2]) Ibidem, pp. 3—4.
[3]) Имеется в виду декрет 19 августа, предоставивший директориям департаментов право устанавливать твердые цены на дрова, древесный и каменный уголь и торф («Archives parlementaires», I série, t. LXXII, p. 440). Несколько выше Жак Ру говорит о необходимости «таксировать предметы первой необходимости». «Le Publiciste de la République Française» № 260, p. 2.
[4]) Ibidem, pp. 5—7.
[5]) Ibidem, p. 5.

[1]) Ibidem.
[2]) Подробности об этим см. Mathiez, op. cit., pp. 322—337.
[3]) Говорим «повиднмому», так как протокола этого заседания нет ни в сборнике Aulard'a, ни в других источниках.
[4]) Текст постановления якобинского клуба приводится в протоколе заседания обоих комитетов секции Гравилье 5 сентября 1793 г. Arch. Nat. F⁷ 2486.
[5]) Ibidem.

...Между тем возвращаются четыре комиссара, посланные к якобинцам, и из их доклада явствует, что это общество подтвердило свое постановление относительно Жака Ру и, кроме того, решило, что комитет должен держать Жака Ру под арестом до завтрашнего дня, когда общество передаст ему все относящиеся к этому делу материалы.

Комитеты, обсудив вопрос, постановили передать Жака Ру и постановление народного общества (т.-е. якобинского клуба. *Я. З.*) в распоряжение Комитета Общественного Спасения парижского департамента и поручили исполнение сего гражданам: Тюлу, Дюссотуа, Дело и Капрону.

Заседание было закрыто в 2½ часа ночи» [1]).

Комитет Общественного Спасения парижского департамента, в который Жак Ру был доставлен рано утром 6 сентября, вынес в тот же день нижеследующее постановление:

«Комитет... принимая во внимание, что доставленный революционным комитетом секции Гравилье Жак Ру, уже давно подозрительный в глазах общественного мнения, особенно подозрителен в глазах тех, кто следил за его действиями;

что единогласное постановление на его счет со стороны клуба якобинцев составляет неотразимое доказательство против него,—

постановляет, что, как на основании закона о подозрительных лицах, так и в качестве меры общественной безопасности, Жак Ру, впредь до дальнейших распоряжений, будет отправлен в тюрьму Сент-Пелажи. Кроме того, комитет постановляет, что настоящее решение будет сообщено якобинскому клубу с просьбой доставить комитету имеющиеся у клуба данные против Жака Ру, дабы по получении таковых комитет мог принять соответствующие меры» [2]).

Посаженный в тюрьму Сент-Пелажи, Жак Ру продолжал, однако, издание своей газеты, и уже ее ближайший, 264-й, номер с несомненностью свидетельствует о происшедшем в эти дни коренном изменении в его настроении. Но изменение это произошло не в одном только Жаке Ру.

Дело в том, что монтаньяры, лишь под давлением низов (особенно ярко проявившемся в дни 4—5 сентября) согласившиеся на введение в действие давно уже потребованных массами террористических мероприятий, после того, как эти мероприятия были декретированы, использовали их не только против своих противников справа, но, главным, образом, и противников слева. Арест Жака Ру в этом отношении являлся лишь первой ласточкой. Не говоря уже о том, что той же самой комиссии якобинского клуба, коей было поручено собирание сведений о Жаке Ру, было равным образом поручено и собирание материалов относительно Леклера [3]), через неделю после этого монтаньяры начали жестокие преследования против Варле [4]) и Клары Лакомб [5]). Неудивительно, что результатом этого был коренной поворот

[1]) Ibidem.

[2]) «Procès-verbal de la séance du Comité de Salut Public du département de Paris du 6 septembre 1793», Arch. Nat. BB³ 81. В несомненной связи с последним пунктом этого постановления (хотя в протоколе заседания якобинского клуба от 8 сентября 1793 г. постановление об аресте Жака Ру и просьбе сообщить о нем сведения ошибочно приписывается революционному комитету секции Гравилье) стоит постановление якобинского клуба, 8 сентября решившего образовать особую комиссию для собирания сведений о Жаке Ру. «La Société des Jacobins», t. V, p. 392.

[3]) «La Société des Jacobins, t. V, p. 392.

[4]) Барле был арестован постановлением Комитета Общей Безопасности 18 сентября, Arch. Nat. F⁷ 4775⁴⁰.

[5]) Вопрос о Кларе Лакомб рассматривался в заседании якобинского клуба 16 сентября. Подробное описание этого заседания, составленное самой Лакомб, имеется в картоне T. 1001¹—³ Нац. Арх. Ср. также «La Société des Jacobins», t. V, pp. 406—409. Чрезвычайно характерно, что в этом заседании якобинцы рассматривали Жака Ру, Леклера и Лакомб как членов одной группы.

в тактике «бешеных», и те самые Леклер [1]), Варле [2]) и Лакомб [3]), которые раньше являлись убежденными сторонниками террора, выступают теперь как против террора, так и против революционного порядка управления вообще.

Этому общему повороту «бешеных» не остался чужд и Жак Ру. Впрочем, нужно иметь в виду, что поворот этот совершился у него далеко не сразу и периоду отрицания террора, как такового, предшествовала у него полоса осуждения не террора вообще, а лишь террора, направленного против «бешеных» и тех элементов, чаяния которых они отражали. Эта полоса нашла себе отражение уже в первом номере газеты, выпущенном Жаком Ру из тюрьмы—№ 264:

«Пусть арестовывают тех, кто клеветал на республиканскую конституцию, кто хотел спасти тирана, кто хотел заковать нацию в цепи. Пусть посадят в тюрьму всех противящихся сбору налогов, набору войска, снабжению наших городов. Пусть запрячут естественных врагов народа, родственников эмигрантов, дворян, составивших заговор против свободы и отечества и священников, зажегших факел фанатизма. Пусть схватят эмиссаров Питта и Кобурга, рабов Берлина и Мадрида, и всех тех, кто бесценной кровью запятнал знамя свободы. Пусть заставят крупных торговцев, спекулянтов, барышников и эгоистов вернуть все то, что они с начала революции отняли у народа. Подобные меры будут вполне соответствовать обстановке момента.

«Но несправедливо и нечеловечно арестовывать на основании неопределенных доносов того или иного гражданина, той или иной фракции, того или иного общества — людей, единственное преступление которых очень часто состоит лишь в том, что они рьяные патриоты или принадлежат к касте [4]), которую ненавидят от всей души» (Курсив наш. *Я. З.*) [5]).

Если в № 264 «Публициста Французской Республики» новая политическая линия Жака Ру еще только намечается, то в номере 265, посвященном целиком вопросу об обсуждавшемся в это время [6]) Национальном Конвентом закону о подозрительных, она находит себе дальнейшее развитие и завершение.

«Самые благожелательные меры превращаются в злоупотребления. Они порождают роковые для свободы потрясения всякий раз, когда законодатель уподобляется врачу, который, вместо того, чтобы бороться с болезнью, борется с самим больным. То же самое имеет место, когда интрига и злоба руководят мечем правосудия.

[1]) Ср. № XXIV (15 сентября) газеты Леклера «L'Amie du Peuple», Bibl. Nat., Le³ 704.

[2]) В своем заявлении из тюрьмы, относящемся уже к эпохе термидорианской реакции, Варле указывает, что он «всегда ненавидел террористические декреты». Это заявление вполне подтверждается всем, что мы знаем о Варле. «Le citojen Varlet, prisonnier à la Force en réponse à ses motifs d'arrestation», Arch. Nat. F⁷ 4775⁴⁰.

[3]) Как видно из показаний некой La Mose, Клара Лакомб была осенью 1793 г. противницей террора и революционного порядка управления. Arch. Nat. F⁷ 4756.

[4]) Имеется в виду духовное сословие.

[5]) «Le Publiciste de la République Française» № 264, pp. 1—3.

[6]) В отношении 263-го и последующих номеров «Публициста Французской Республики», которые в отличие от предыдущих не датированы, время выхода в свет может быть указано только приблизительно, при чем главным показателем является содержащееся в начале каждого номера указание на фамилию председателя Национального Конвента этого периода. №№ 264, 265 и 266 изданы в период председательствования Билло-Варенна, занимавшего эту должность с 6 по 19 сентября. Таким образом, № 265 следует, повидимому, относить к 10—15 сентября.

Для того, чтобы заполнить пропасть, развернутую перед нами, нужно подняться над человеческими слабостями, заняться скорее вещами, чем лицами, и сделать революцию привлекательной мягкостью ее управления...

Нельзя заставить любить правительство, управляющее людьми посредством террора...

...Когда я бросаю взгляд на аресты, повергающие в отчаяние столько семейств; когда я думаю о том, сколько подозрительных арестовываются по приказу людей в тысячу раз более подозрительных; когда я думаю о том, что исполнение этого страшного закона поручено врагам народа и интриганам, которые злоупотребляют им для того, чтобы осуществить свою жажду мести в отношении тех, кто осмеливается разоблачать их разбой и предательство, выказывая при этом величайшую преданность делу народа — мне хочется задать вопрос, не живем ли мы в одной из тех варварских стран, в которых при истощении казны прибегали к конфискациям и убийствам, где жестокость являлась средством для удовлетворения потребностей и где достаточно было быть богатым или добродетельным, чтобы подвергнуться смерти» (Курсив наш. *Я. З.*) [1]).

Предвосхищая затем позднейшие слова Камилла Демулена [2]), Жак Ру сравнивает массовые аресты 1793 года с проскрипциями Суллы и Нерона [3]).

Если подчеркнутые нами выше фразы могут, взятые сами по себе, дать возможность предположить, что в 265 номере «Публициста Французской Республики» Жак Ру возражает против террора как такового, то в дальнейшей части того же номера Жак Ру, напротив того, совершенно недвусмысленно подчеркивает, что возражает он не против террора вообще, а лишь против его направления и способов осуществления.

«Я знаю, что при нынешних обстоятельствах неизбежно употребление жестоких средств, ибо никогда не вредно быть на-чеку, особенно в городе, до такой степени наполненном контрреволюционерами.

Но я знаю также, что арестуют, главным образом, вовсе не изменников, монополистов, спекулянтов, барышников и кровопийц... Среди арестованных больше невинных, чем виновных. Ничто не может быть опаснее, чем исполнение столь страшного закона доверять мерзавцу-выскочке или мстительному комиссару... Верхом жестокости является засаживать в тюрьмы, как подозрительных, всех тех, кто имеют несчастье не угодить секционному комиссару, полицейскому шпиону, мелкому служащему, какому-нибудь клерку казначейства, приставу Национального Конвента, швейцару, председателю народного общества или содержанке высокопоставленного лица» (Курсив наш. *Я. З.*) [4]).

Это противопоставление безнаказанности виновных и преследований против невинных находит дальнейшее развитие в вышедшем в середине сентября № 266 «Публициста Французской Республики», в котором Жак Ру

[1]) «Le Publiciste de la République Française» № 265, pp. 3—4.

[2]) Отмечая это совпадение выражений, что делает, между прочим, и Mathiez «La vie chère et le mouvement social sous la terreur», p. 348), необходимо однако помнить о величайшей разнице в классовом смысле протеста против террора Жака Ру и протеста Дантона и Демулена. Тогда как в устах Жака Ру протест этот и этот период означает протест не против террора вообще, а лишь против террора, направленного против широких масс городской и сельской бедноты и ее виднейших идеологов, борьба дантонистов с террором отражала настроение крупной и средней буржуазии, уставших к этому времени от революции и мечтавших лишь о возможности спокойно заняться перевариванием полученных от этой революции завоеваний.

[3]) «Le Publiciste de la République Française» № 265, pp. 4—5.

[4]) Ibidem, pp. 6—7.

снова подчеркивает безнаказанность жирондистов, предателей, спекулянтов, барышников и т. д.

Можно ли после этого говорить, что люди равны перед законом? Они равны, когда бедны, но отнюдь не равны, когда богаты. При аресте подозрительных аристократы с туго-набитыми бумажниками почти немедленно получают свободу. Аресты превратились в отрасль торговли. Освободили неких Лаффона и Перана, давших администрации один 18, а другой 40 тысяч ливров, и я мог бы назвать еще ряд таких случаев. Богатые будут всегда угнетать бедных [1]) (toujours les gros mangeront les petits)... Тот, кто располагает ассигнатами и луидорами... может быть почти уверен, что ему не придется ночевать в тюрьме. Зато санкюлоты гниют в тюрьмах за то, что говорили жестокие истины, постоянно боролись за соблюдение справедливости и не попадались на удочку некоторых клубистов, льстящих народу лишь для того, чтобы ограбить его и заковать его в цепи» [2]).

Протест Жака Ру против глубоко неправильного, с его точки зрения, направления, в котором в эти дни монтаньяры начали применять только что принятую ими террористическую систему, уже в том же самом № 266 «Публициста Французской Республики» сочетается у него с протестом против отсрочки введения в действие конституции 1793 г. Он негодует по поводу того, что «враги свободы» имеют возможность бессменно оставаться на своих местах и [3]), и подчеркивает, что «созданная ими прекрасная конституция была, очевидно, принята только для того, чтобы ее поминутно нарушать» [4]).

Но такой порядок вещей, по мнению Жака Ру, уже скоро окончится, и недалеко уже то время, когда «санкюлоты, убедившись в обмане, раздавят обманувших их предателей... Еще несколько дней, и мы посмотрим, долго ли богатые будут пользоваться в отношении своих ближних правом жизни и смерти и долго ли еще облеченные властью мошенники будут пользоваться суммами, похищенными ими у Республики... До сих пор революция послужила на пользу лишь одного класса людей, подавлявшего другой класс под сенью закона. Пора, чтобы все члены великой семьи воспользовались, наконец, всеми благами свободы, мира и благополучия. Таково именно желание депутатов Горы, неустанные труды коих дают им право на вечную благодарность настоящих и будущих поколений. Народ, Конвент является центром единства и нераздельности республики. Об'единись вокруг этого святилища законов и самое имя тиранов отойдет в историю, которая нарисует картину их преступлений и злодейств!» (Курсив наш. *Я. З.*) [5]).

Как понять эти последние фразы, заканчивающие 266 номер «Публициста Французской Республики»? Означают ли они, что Жак Ру даже в этот момент исключительно острой классовой борьбы между «бешеными» и якобинцами все еще продолжал сохранять какие-то иллюзии в отношении этих последних? Или же эти слова—простой тактический маневр, имеющий целью спасение газеты от неизбежного закрытия, а ее автора—от еще более грозной перспективы Революционного Трибунала, до которого и Сент-Пелажи оставалось сделать всего только один шаг?

Вопрос тем более законен, что и вышедший в 20-х числах сентября [6]) № 267 «Публициста Французской Республики» содержит столь же

[1]) Курсив Жака Ру.

[2]) «Le Publiciste de la République Française» № 266, pp. 5—6.

[3]) Ibidem, p. 7.

[4]) Ibidem, p. 7.

[5]) Ibidem, pp. 7—8.

[6]) №№ 267 и 268 вышли в период председательства в Национальном Конвенте Камбона, занимавшего эту должность с 19 сентября по 3 октября. Таким образом, № 267 должен быть, очевидно, отнесен к началу 20-х чисел сентября, а № 268—к их концу или даже первым дням октября.

непонятные при данной обстановке похвалы по адресу монтаньярской части конвента. В самом деле, говоря о выступлении якобинского клуба против клуба революционных республиканок и национального конвента — против кордельеров, Жак Ру тщательно подчеркивает, что он не имеет в виду обвинять монтаньярской части конвента.

«Я не имею в виду в своих обвинениях, говорю это раз навсегда, непокупных депутатов Горы. Посреди грома и молний они дали нам подлинно республиканскую конституцию; они повергли во прах федерализм; они забили в набат восстания... дабы корабль республики скорейшим образом достиг порта спасения. Все это, без сомнения, дает им величайшие основания требовать себе уважения, особенно в том случае, если эти депутаты будут действовать в духе декретированной ими конституции и не сосредоточат всей власти в своих руках» [1]).

Как видно из дальнейшего, под «действием в духе декретированной конституции», Жак Ру подразумевает «уважение к голосу народа, громко требующему организации исполнительной власти» [2]), т.-е., очевидно, скорейшего введения в действие конституции 1793 года. Кроме того, Жак Ру требует, чтобы члены национального конвента не могли быть избраны в будущий законодательный корпус и чтобы они в течение шести лет не могли занимать никаких платных должностей на службе Республики [2]).

Уже приведенные цитаты показывают, что протест Жака Ру против принятого в эти дни направления террора сочетается у него с протестом против отсрочки конституции 1793 года и связанного с этим установления революционного порядка управления. Дальнейшие абзацы того же № 267 «Публициста Французской Республики» делают этот факт еще более очевидным.

Один из излюбленных примеров жирондистов в их борьбе с народом, утверждает Жак Ру, заключался в том, чтобы «подавлять общественное мнение, устанавливать диктаторскую инквизицию и править посредством террора.

«Ныне враги народа воскрешают эти гнусные махинации. Теперь уже нельзя высказать своих пожеланий, если они оскорбляют гордость лицемеров, стоящих во главе правительства... Жадные до золота и крови негодяи ставят себя на место закона. Комиссары узурпируют народный суверенитет и применяют в целом ряде департаментов в отношении лиц, знающих про их преступления и изобличающих их предательства, жестокости, свойственные вице-королям и диктаторам. Наконец, на развалинах инквизиторской комиссии Гаде, Петиона и Бриссо [3]) воздвигнуто 44 тысячи новых комиссий [4]), пользующихся в отношении граждан правом жизни и смерти (мера, которую нынешние обстоятельства вполне оправдывают).

«Произведем теперь простой расчет. Каждый наблюдательный комитет, согласно закону, состоит, по крайней мере, из двенадцати членов. Так как такие комитеты существуют почти во всех муниципалитетах, то это значит, что арест подозрительных введен 528 тысячам комиссаров, не считая при этом тех, кто в силу своего влияния на введенный в заблуждение народ имеет возможность одним своим словом заставить засадить бесконечное количество граждан.

Но кто же такие лица, могущие занимать должности комиссаров? Это лица, умеющие читать и писать. Следовательно, в деревнях это крупные домовладельцы, фермеры, бывшие привилегированные и судейские; в городах — это финансисты, крупные торговцы, адвокаты и прихвостни старого режима.

[1]) «Le Publiciste de la République Française» № 267, p. 4.
[2]) Ibidem, p. 4.
[3]) Имеется в виду Комиссия Двенадцати.
[4]) Имеются в виду революционные комитеты.

Из этого следует, что судьба патриотов вверяется врагам республики, и что арест подозрительных поручается негодяям и контрреволюционерам, надевающим на себя личину цивизма, чтобы убить свободу в лице ее наиболее преданных защитников. Из этого следует, что федералисты и их единомышленники получили возможность, под сенью закона, засаживать в тюрьмы добрых санкюлотов, наблюдавших за ними с начала революции, отказывавших им в свое время в выдаче свидетельств о благонадежности или разоблачавших в народных обществах их сношения с заговорщиками» (Курсив наш. *Я. З.*) [1]).

Приведенные цитаты и в особенности подчеркнутые нами фразы позволяют с несомненностью утверждать, что Жак Ру, бывший в свое время одним из виднейших сторонников перехода к террористической системе, протестует теперь вовсе не против террора и революционного порядка управления, как таковых, а лишь против их применения для борьбы с теми массами городской, а отчасти и сельской бедноты, интересы коих Жак Ру так энергично защищал. Это означает, что Жак Ру в этот период революции остается целиком верен себе, и перемена его тактики об'ясняется вовсе не изменением его взглядов, а лишь переменой в обстановке, связанной с окончательным переходом якобинцев в решительное наступление против «бешеных».

Этой же самой переменой в обстановке об'ясняется и то, что Жак Ру в № 268 своей газеты выступает перед нами как убежденный сторонник свободы печати, негодующий по поводу несоблюдения соответствующих статей конституции 1793 г. и требующий предоставления народу права высказывать свое мнение об управляющем им правительстве [2]). В этом же самом № 268 «Публициста Французской Республики» Жак Ру протестует против декрета 9 сентября о сокращении числа заседаний парижских секций до двух в неделю и введения вознаграждения за присутствие на этих собраниях [3]). Кроме того, он в резких выражениях обличает политику монтаньяров в отношении «бешеных».

«Лицемеры! Они все пользовались Леклерами, Варле, Жаками Ру, Бургуенами, Гоншонами и т. д. Они все пользовались революционными женщинами [4]), Лакомбами, Коломбами, Шампионами, Ардуэнами и многими другими республиканцами, чтобы сломать скипетр тирана, под гнетом которого они изнывали и чтобы свергнуть факцию государственных людей, стать преемниками деспотизма коих они издавна мечтали. Теперь же, когда в их руках находятся ключи государственной казны, когда они распоряжаются замещением важнейших гражданских и военных должностей и когда они имеют достаточное количество прихвостней, исполняющих все их приказы; теперь, когда они держат в своих руках судьбы Республики, когда они насытились кровью народа и захватили в свои руки все орудия расправы, они пользуются таковыми для безжалостного угнетения неподкупных патриотов, не желающих преклонить колени перед новыми королями» [5]). Это позволяет Жаку Ру сравнить нынешних властителей Франции с римскими децемвирами [6]), и № 268 «Публициста Французской Республики» заканчивается призывом

[1]) «Le Publiciste de la République Française» № 267, pp. 5—7.
[2]) Ibidem, № 268, pp. 6—7.
[3]) Ibidem, pp. 7—8. Как известно, 17 сентября Варле во главе депутации от 48 секций Парижа протестовал перед Конвентом против декрета 9 сентября («Archives parlementaire», t. LXIV, p. 311), и именно это было причиной последовавшего 18 сентября его ареста. Arch. Nat. F^{7} 4775^{40}.
[4]) Имеется в виду общество революционных республиканок.
[5]) «Le Publiciste de la République Française» № 268, p. 7.
[6]) Ibidem, pp. 1—4.

к народу сбросить вновь возрождающуюся тиранию и свергнуть «факцию, подобно децемвирам узурпирующую все власти» [1]).

Если, таким образом, в только что рассмотренных номерах «Публициста Французской Республики» Жак Ру протестует не против террора, как такового, а лишь против направления и способов его применения, то совершенно ясно, что удержаться более или менее продолжительное время на этой позиции было невозможно, и рано или поздно Жак Ру должен был притти к отрицанию террора именно как такового. Начало этого поворота мы находим уже в 269 номере «Публициста», вышедшем в свет в начале октября [2]).

Приветствуя в этом номере только что изданный Национальным Конвентом закон о максимуме [3]), Жак Ру вместе с тем обрушивается на террористическую систему, противоречащую, по его мнению, «восхитительной» конституции 1793 года [4]).

«Во всех республиках (подразумевается: древнего мира. *Я. З.*), те, кого не признавали виновными, подлежали немедленному освобождению. В отношении подозрительных лиц ограничивались тем, что устраняли их от общественных должностей. Арестовывать целые семьи без предварительного пред'явления им обвинения; гноить их в тюрьмах, не допросив их, как этого требует закон, в течение 24 часов; принимать доносы, не делая их авторов ответственными за их правильность—является тиранией, примера коей не найти в анналах самых отдаленных веков. Свобода,—говорит Ж.-Ж. Руссо,—всегда разделяет судьбу законов: с ними она господствует, с ними же она и погибает. Каким образом может удержаться конституция, если наказуют еще не совершенные поступки, если подвергают самой тяжелой каре, а именно тюремному заключению, в наказание за не имевшие места преступления, если заставляют людей отвечать за грехи их отцов? Неужели у нас мало роялистов, федералистов и внешних врагов, чтобы предоставлять нескольким лицам, сильным благодаря их золоту и интригам, возможность посредством произвольных арестов до бесконечности увеличивать число недовольных? Для чего нужно было 10 августа обмениваться рукопожатиями от Рейна до Пиреней и от Альп до океана, если теперь нас вооружают друг против друга? Законодатели, народ выбрал себе властителей, чтобы они правили им посредством гуманности, а вовсе не для того, чтобы они его порабощали!

«...Декларация прав человека—вот единственный закон, устанавливающий правила поведения должностных лиц. Республика не замедлит обрушиться под собственной тяжестью, если те, кто стоят во главе управления, будут пользоваться другим оружием, кроме оружия справедливости, а граждане не смогут в мире пользоваться своими прирожденными правами...» (Курсив наш. *Я. З.*) [5]).

Еще яснее картина перехода Жака Ру от борьбы с направлением террора к отрицанию самой его сущности обнаруживается в № 270 «Публициста Французской Республики», эпиграфом к коему взяты

[1]) Ibidem, p. 8.

[2]) №№ 269 и 270 «Публициста Французской Республики» датированы председательством в Конвенте Шарлье, занимавшим эту должность с 3 по 22 октября. Таким образом, № 269 относится, очевидно, к началу октября, а № 270—к середине того же месяца.

[3]) «Un décret bienfaisant, en fixant enfin, les prix des matières premières, vient de porter le coup de mort à l'avarice qui conjuroit avec les rois; à l'égoiste, qui accumuloit sur nos têtes vénérables, les horreurs de la famine». «Le Publiciste de la République Française» № 269, p. 8.

[4]) Ibidem, p. 6.

[5]) Ibidem, pp. 6—7.

слова Вольтера: «Arrêter Romains sur de simples soupçons, c'est agir en tyrans, nous qui les punissons».

«Искусство законодателя заключается не в том, чтобы издавать много законов, а в том, чтобы облегчить их применение, не в том, чтобы править людьми посредством страха, а в том, чтобы повелевать ими при помощи мудрости и мягкости управления; не в том, чтобы создавать инквизиционные учреждения, изыскивающие множество виновных, а в том, чтобы наказывать лишь вождей заговора, прощая колеблющихся, введенных в заблуждение и раскаивающихся граждан...

...Рассмотрим теперь закон об аресте подозрительных лиц. Бесчисленные предательства, обнаружившиеся со всех сторон, заставили Национальный Конвент (более чем когда бы то ни было являющийся оплотом добрых республиканцев) декретировать строгие меры. Поэтому он вполне правильно карает смертью тех, кто пытается восстановить монархию, кто образует заговоры против единства и нераздельности Республики и против суверенитета французского народа.

Но неопределенное толкование, допускаемое этим (мудрым сам по себе) законом, приводит к тому, что, если следовать его точному смыслу, аресту подлежит бесконечное количество французов» [1]).

Рассматривая далее отдельные статьи закона о подозрительных, Жак Ру доказывает, что в силу его нужно арестовать не только всех лиц, так или иначе прикосновенных к старому режиму или жалеющих о таковом, но и тех, кто в первые годы революции приветствовали Мирабо, Лафайета, Петиона, Бриссо и т. д. «Нужно было бы засадить поваров, лакеев, горничных, кучеров, поставщиков, парикмахеров, находившихся в сношениях с эмигрантами, с бывшими баронами, графами, маркизами и придворными старого времени... Нужно было бы засадить актеров и актрис, игравших роли герцогов, королей, императоров... Одним словом, вся сила воображения оказывается недостаточной для подсчета тех, кто должны были бы быть арестованными. И это неудивительно, ибо число врагов свободы значительно превышает число неподкупных патриотов. Таким образом, очевидно, что закон 17 сентября является чрезвычайно расплывчатым и неосуществим вследствие его чересчур большой широты. В силу этого, закон этот в руках революционных комитетов представляет не что иное, как орудие мести и угнетения. Я бы даже сказал, что в течение двух последних веков не было издано столько lettres de cachet, сколько в течение одного месяца приказов об аресте» (Курсив наш. *Я. З.*) [2]).

И, возвращаясь затем к тем мыслям, которые он высказывал уже в предыдущих номерах, Жак Ру указывает, что закон о подозрительных плох не только тем, что он позволяет бросать в тюрьмы самых лучших патриотов (здесь, таким образом, еще раз подчеркивается причина, приведшая Жака Ру к отрицанию террора), но и тем еще, что он до крайности увеличивает число врагов революции и компрометирует эту последнюю в глазах иностранцев [3]).

Итак, начав с протеста против использования якобинцами навязанной им в значительной степени «бешеными» террористической системы для борьбы с этими последними, Жак Ру незаметно для самого себя пришел к отрицанию террора и к отказу от своих собственных взглядов по этому поводу, защищавшихся им начиная с 1792 года. До конца верный интересам рабочих и ремесленников, сильно страдавших от террористической системы

[1]) Ibidem, № 270, pp. 1—2.

[2]) Ibidem, pp. 2—5.

[3]) Ibidem, pp. 5—8.

якобинцев [1]) (хотя для спасения революции эта последняя была безусловно необходимой), Жак Ру выступает теперь против этой системы и требует скорейшего введения в действие демократической конституции 1793 года. Тем самым он внешне приближается к проповеди дантонистов [2]), хотя нужно, конечно, помнить, что классовая основа его тактики этого периода меньше всего походила на социальные корни пропаганды дантонистов.

Вряд ли есть надобность пояснять, что все это, а также в особенности непримиримый тон, твердо усвоенный Жаком Ру в только что рассмотренных номерах его газеты, могли только ухудшить его положение, и без того достаточно рискованное со времени его заключения в Сент-Пелажи. Его подчеркнутые расшаркивания по адресу Конвента и «нескольких добродетельных монтаньяров», то-есть робеспьеристов [3]), вряд ли могли ввести кого бы то ни было в заблуждение относительно его действительного настроения, а интерес, проявляемый к нему секцией Гравилье и после его ареста [4]), мог только усилить желание монтаньяров поскорее расправиться со своим опасным противником слева. В начале брюмера (конец октября и первые числа ноября) Жак Ру из Сент-Пелажи был переведен в тюрьму Бисетр [5]), и это, повидимому, настолько повлияло на него, что в вышедшем около 20 брюмера № 271 «Публициста Французской Республики» [6]) он идет уже на довольно значительные уступки. В самом деле, в этом—последнем [7])—номере своей газеты, посвященном происходившему в эти дни дехристианизаторскому движению [8]), Жак Ру не только не выступает против террора, но и старается смягчить свои предыдущие выступления, говоря, что если он и ошибался, то сердце его всегда оставалось чистым, «а преувеличение энергии не может ведь составлять преступления» [9]). Но было уже слишком поздно, и это запоздалое отступление не могло, само собой разумеется, изменить судьбы Жака Ру.

Критическое положение, создавшееся для Жака Ру к концу брюмера и началу фримера, было обострено тем переворотом в секции Гравилье, который там, в это время, повидимому [10]), произошел. Мы видели выше, что

---

[1]) Ибо Жак Ру был совершенно прав, когда утверждал, что как в городе, так и в деревне революционные комитеты находились в руках собственнических элементов. Это отмечает, между прочим, и Матьез, по словам которого, «даже в самый разгар террора, наиболее якобинские по внешности муниципалитеты все же находились в руках владельческих классов» (Op. cit., p. 586).
них в целом ряде номеров своей газеты (см., напр., № 269, pp. 2—3).

[2]) Что не мешало ему, однако, решительно выступать против этих последних в целом ряде номеров своей газеты (см., напр., № 269, pp. 2—3).

[3]) В № 276 «Публициста» Жак Ру прямо ссылается на Робеспьера, приводя его слова, что тирания не может создавать свободы. «Le Publiciste de la République Française» № 270, p. 2.

[4]) 23 сентября секция Гравилье ходатайствовала перед Коммуной об освобождении Жака Ру. Buchez et Roux, op. cit., t. XXIX, p. 112.

[5]) «Le Publiciste de la République Française», № 271, p. 8.

[6]) Номер этот датирован председательствованием в Национальном Конвенте Лалуа, занявшим эту должность 16 брюмера (6 ноября).

[7]) В картоне F⁷ 4775³ Нац. Арх. имеется отношение администраторов полиции Парижской Коммуны в Комитет Общей Безопасности от 16 нивоза (5 января 1794 г.) о препровождении одного экземпляра его газеты, номер и дата которого однако неизвестны. Как видно из текста отношения, номер этот был доставлен в Коммуну Жаком Ру, вследствие чего есть основания предположить, что это был № 271.

[8]) Жак Ру не только одобряет это движение, но и об'являет о своем отречении от священнического сана, за который он до сих пор держался, якобы, лишь для того, чтобы быть в курсе всех злодеяний духовенства. «Le Publiciste de la République Française» № 271, p. 7.

[9]) Ibidem, p. 8.

[10]) Говорим «повидимому», так как мы имеем по данному вопросу только косвенные указания документов.

5 сентября революционный комитет этой секции лишь скрепя сердце согласился на арест Жака Ру, и что еще в двадцатых числах сентября секция Гравилье ходатайствовала за Жака Ру перед Парижской Коммуной. Теперь же, через два месяца, соотношение сил в секции изменилось самым решительным образом.

Вполне вероятно, что происшедший в конце брюмера или начале фримера переворот в секции Гравилье, лишивший сторонников Жака Ру всякого значения и отдавший как революционный комитет, так, повидимому, и общее собрание секции в руки его ожесточенных противников, должен быть поставлен в прямую связь с происшедшим в это время во всем Париже полным подчинением секционных органов Коммуне, подчинением, предел которому был положен лишь учредительным законом 14 фримера [1]). Мы видели выше, что на ряду с партией Жака Ру в секции Гравилье существовала и враждебная ему партия, группировавшаяся вокруг Трюшона, ставленника Леонара Бурдона. Нет никакого сомнения в том, что, через посредство этого последнего, партия эта была тесно связана с тогдашним эбертистским большинством Парижской Коммуны, и мы уже видели, с какой энергией Эбер и Шометт помогали партии Трюшона в ее борьбе с партией Жака Ру. Если так было в августе, то совершенно ясно, что к ноябрю, когда влияние эбертистов достигло апогея, энергия эта могла только усилиться.

Ближайшим поводом к перевороту в секции Гравилье явилось изданное Парижской Коммуной 24 брюмера постановление, в силу которого в каждой из парижских секций могло быть лишь по одному народному обществу [2]). Дело в том, что на ряду с основным народным обществом, образовавшимся в секции Гравилье осенью 1793 г. [3]), и большинство в котором имели сторонники Жака Ру, в ней издавна существовало и другое, ярко враждебное Жаку Ру народное общество—так называемое «общество улицы Вербуа» [4]). Совершенно ясно, что постановление 24 брюмера должно было вызвать яростную борьбу между обоими обществами по вопросу об их дальнейшем существовании.

Отдельных перипетий этой борьбы мы, к сожалению, не знаем, но факт лишь тот, что сторонники Жака Ру выступали в этой борьбе против «общества улицы Вербуа» и возражали против его слияния с его конкурентом [5]). Но само собой разумеется, что, благодаря поддержке Коммуной «общества улицы Вербуа», оно должно было выйти из борьбы победителем, и эта победа оказалась чреватой самыми тяжелыми последствиями для Жака Ру и его партии.

7 фримера (27 ноября) революционный комитет секции Гравилье, «возмущенный раздором, царящим в секции... и вызванным партией, давно уже созданной Жаком Ру, содержащимся ныне в тюрьме Бисетр, как подозрительный; считая, что введенные в заблуждение или подкупленные этим чудовищем граждане должны обратить на себя внимание комитета» [6]), постано-

---

[1]) См. об этом нашу книгу «Парижские секции 1790—1795 гг.», стр. 56—57.

[2]) «Moniteur», t. XVIII, p. 426.

[3]) О секционных народных обществах см. нашу книгу «Парижские секции», стр. 63—64.

[4]) «Все добрые санкюлоты секции Гравилье, видя, что общее собрание секции в огромном большинстве своем является жакрутистским (en grande majorité jacquerioutiste) об'единились в маленьком обществе, еще в начале революции созданном ими где-то на чердаке, а в настоящее время помещающемся на улице Вербуа. Там они совместно с революционным комитетом секции боролись за уничтожение гнусной клики, руководимой злодеем Жаком Ру». Постановление революционного комитета секции Гравилье от 8 фримера, Arch. Nat. F⁷ 4775³.

[5]) Допрос Мишо, Филипа и др. в заседании революционного комитета секции Гравилье 8 фримера, Arch. Nat. F⁷ 4775³.

[6]) «Section des Gravilliers. Comité de surveillance. Le septidi frimaire de l'an second de la Républque Française une et indivisible», Arch. Nat F⁷ 4775³.

вил арестовать сторонников Жака Ру—граждан: Бурбона, Наттэ, Грайо, Нодо, Мишо, Дюкло, Боскэ, Соже и Филиппа [1]). Допросив их в течение следующего дня, 8 фримера, комитет пришел к выводу, что названные граждане «посеяли пламя раздора в среде общего собрания секции и вопреки закону пытались добиться роспуска горящего огнем чистейшего патриотизма и республиканизма общества улицы Вербуа» [2]). В силу этого все перечисленные сторонники Жака Ру, за исключением одного только Нодо, были постановлением революционного комитета отправлены в тюрьму Ла-Форс [3]), где они и просидели до 22 термидора II года [4]).

Но постановление революционного комитета секции Гравилье касалось не только сторонников Жака Ру, но также и его самого. В этом постановлении комитет констатировал, что «Жак Ру не переставал клеветать на все установленные власти и в частности на Национальный Конвент. Целью его являлось заставить народ сбросить эти власти, и таким образом ниспровергнуть республиканский строй, подобно тому, как это, к сожалению, произошло в Освобожденном Городе, бывшем Лионе... Жак Ру не переставал громить барышников, торговцев, влиятельных людей (les gens en place). В то время, как, на самом деле, лишь некоторые из этих лиц развращены, он утверждал, что таковы все. Он входил на трибуну лишь для того, чтобы говорить народу, что он суверен, что он имеет право прогнать всех влиятельных людей и должностных лиц, что, собравшись в общее собрание, он имеет право делать все, что угодно, что его суверенитет установлен, и что он имеет право судить всех своих уполномоченных» [5]).

Между тем, согласно постановления департамента полиции Парижской Коммуны от 27 августа 1793 г., Жак Ру подлежал, как мы знаем, суду трибунала исправительной полиции, и суд этот состоялся 25 нивоза (14 января 1794 г.) [2]). Согласно постановлению 27 августа, Жак Ру обвинялся: 1) в присвоении части денег, собранных им в пользу Борепэр, 2) «в том, что он неоднократно вызывал шум и беспорядок в общих собраниях секции Гравилье» [7]); 3) в том, что он в своих речах и писаниях «призывал к нарушению безопасности лиц и собственности и клеветал на народное представительство и установленные власти» [8]).

По выслушании показаний свидетелей и заключения национального агента, суд признал дело Жака Ру себе неподсудным и постановил о передаче его в Революционный Трибунал, впредь до вызова в каковой Жак Ру должен был быть возвращен в тюрьму Бисетр [9]).

По выслушании этого приговора, «гражданин Жак Ру попросил разрешения сделать суду заявление, и в это время... сделав вид, что он левой рукой прижимает свою одежду к груди, он правой рукой раскрыл маленький ножичек с ручкой из слоновой кости и нанес им себе несколько ударов» [1]).

---

[1]) Ibidem.
[2]) «Section des Gravilliers. Comité de surveillance. Ce jourd'hui octodi frimaire de l'an II», Arch. Nat., F⁷ 4775³.
[3]) Ibidem.
[4]) Arch. Nat. F⁷ 4774⁵⁶.
[5]) Section des Gravilliers. Comité de surveillance. Ce jourd'hui octodi frimaire de l'an II», Arch. Nat.. F⁷ 4775³.
[6]) В картоне W²⁰ Нац. Арх. имеются копии вызова в суд свидетелей (вызов датирован 23 нивоза) и самого Жака Ру (датирован 24 числа 4-го мес., т.-е. нивоза).
[7]) Приговор суда исправительной полиции Парижской Коммуны от 25 нивоза II года, Arch. Nat. W²⁰.
[8]) Ibidem.
[9]) Ibidem.
[10]) История самоубийства Жака Ру изложена в специальном протоколе суда исправительной полиции от 25 нивоза, хранящемся в картоне W²⁰ Нац. Архива.

Схваченный жандармами и перенесенный в совещательную комнату, Жак Ру заявил бросившимся к нему судьям, что он уже давно решил пожертвовать жизнью, а «оскорбления и гнусные обвинения со стороны его преследователей укрепили его в этом намерении» [1]). Добавив, что он надеется, что «друзьям свободы в будущей жизни уготовлен счастливый удел, он поручил заботам суда и своих сограждан взятого им на воспитание ребенка и попросил надеть на него перед смертью красный колпак» [2]).

Смерть Жака Ру была, однако, не столь близкой, как он это предполагал. Прибывший в это время врач признал его раны не опасными для жизни, и на основании этого заключения Жак Ру был перенесен в больницу при Бисетрской тюрьме [3]). Но Жак Ру, хорошо понимавший участь, ожидающую его в Революционном Трибунале, твердо решился умереть. Почти через три недели после его попытки самоубийства—16 плювиоза (4 февраля), некий Мерсеро со слов санитара (officier de santé) Бисетрской тюрьмы доносил Фукье-Тенвиллю, что находящийся на излечении в тюремной больнице Жак Ру «с целью избежать Революционного Трибунала, употребляет все средства, чтобы ухудшить состояние своего здоровья» [4]). А еще через пять дней, 21 плювиоза, Жак Ру нанес себе несколько новых ран, и посетивший его в тот же день, Forichon, chirurgien en second, признает его положение крайне опасным [5]). На следующий день, 22 февраля), Жак Ру скончался [6]). Акт вскрытия его тела констатирует, что смерть явилась следствием поранения левого легкого [7]).

---

[1]) Ibidem.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem.
[4]) «Pour le citoyen Fouquet (sic!) aqusateur public du tribunal révolutionnaire». Подписано Mercereau, officier de paix. Arch. Nat. W²⁰.
[5]) «Extrait du procès-verbal de Jacques Roux du 1 ventôse an 2-e de la République Française une et indivisible», Arch. Nat. W²⁰.
[6]) «Extrait es régistres de naissanse, mariages et decis des citoyens de la Commune de Gentilly, département de Paris. 23 plüviôse, Arch. Nat.. W²⁰.
[7]) «Extrait du procès-verbal de Jacques Roux du 1 ventôse», Arch. Nat. W²⁰.

Борьба течений в германской социал-демократии в первые годы эпохи исключительных законов.

(1878—1882 гг.).

С. Горловский.

(Окончание) [1]).

IV. Поворот налево.

I.

Полевение масс, их отход от руководства, все более увеличившееся влияние Моста, нашедшее себе выражение в бойкотистских настроениях, кое-где в террористических актах, вот тот решающий фактор, заставивший одних из «вождей» отрезвиться от реформистского хмеля, других же из боязни остаться генералами без армии—заставило несколько стушеваться, спрятать свое лицо.

Началом этой смены вех послужило издание за границей нелегального органа «Социал-Демократ». История возникновения «Социал-Демократа» показывает, что эта перемена в курсе произошла не без борьбы внутри самого руководства [2]). Можно поверить Бебелю, что он и Либкнехт стояли за необходимость издания газеты, проникнувшись настроением масс и подталкиваемые «стариками». Но остальные «вожди» долго не хотели знать о такой затее. «Многие из членов фракции попрежнему стояли за умеренную тактику и боялись, что основание такой газеты вызовет со стороны властей более резкое отношение к партии, и тогда рушится надежда на отмену в близком будущем закона о социалистах». Даже когда последние дали свое согласие на издание газеты, это еще не означало, что Бебелю и Либкнехту удалось переубедить их в необходимости изменения тактики. Нет. «Социал-Демократ» был основан в Цюрихе... «чтобы предотвратить несчастие (um dem Unheil vorzugeben) распространения в это критическое время в многочисленных экземплярах «Freiheit'a»,—повествует Блос [3]),—«лишь после того, когда была выдвинута в качестве увесистого аргумента, необходимость какой бы то ни было ценой уничтожить влияние Моста, было завоевано согласие Гейба [4]). «Было решено сделать попытку».

Новый спор между партруководством и «стариками» возник по вопросу о редакторе. Маркс и Энгельс выдвинули кандидатуру К. Гирша, согласившегося приостановить свою «Laterne». «Только он один мог нам гарантировать, что удержит на почтительном расстоянии от газеты смесь докторов, студентов и катедер-социалистов» [1]),—пишет Маркс.—Но... именно за это его ненавидело руководство, делало его неприемлемым даже для Бебеля. Как мы видели, руководство не могло простить ему его критику в «Laterne». Но никаких формальных отводов его кандидатуры у них не было. Между тем, руководством уже была намечена заранее редакция, состоявшая из пресловутой троицы: Гехберга, Шрамма и Бернштейна. Это трио, скомпрометированное «Ежегодником», все же продолжало активно влиять в партии. Партруководству, особенно Бебелю, пришлось вести очень тонкую дипломатию, чтобы Гирша устранить, «стариков» не разгневать, а газету отдать в «надежные руки».

«Приличия ради,—пишет Бебель Фольмару,—необходимо предложить ему (т.-е. Гиршу) пост редактора»... Но... «я надеюсь и желаю, чтобы он отказался»...

На всякий случай, чтобы Гирш не принял всерьез присланное только из вежливости приглашение, делаются даже такие вещи: «Я поручил одному лицу написать К. Гиршу, чтобы он не принимал приглашения»,—пишет Бебель [2]). Когда Гирш приехал в Цюрих на переговоры, он попал «в осиное гнездо», по выражению Маркса. «Пять человек: д-р Гехберг, Бернштейн (его секретарь), Шрамм, присланный из Лейпцига Фирек и берлинский купец Зингер образовали из себя с высшего разрешения Лейпцига учредительный комитет, который, в свою очередь, избрал комитет, состоящий из трио ***, ведающий всеми делами и имеющий контроль над редакцией. Этот комитет в решении всяких вопросов играл роль первой инстанции, в качестве последней апелляционной инстанции, стоявшей над ним, были Бебель, Либкнехт и некоторые другие из вожаков немецкой партии... Гирш отказался подчиниться трилистнику, на что он тем более имел право, что Бернштейн в своем ответном письме на некоторые запросы Гирша, позволил себе бюрократический тон по отношению к нему и к его газете «Laterne», как орган mirabile dictu ультра-революционный, отнесся отрицательно».

«После долгой переписки, в которой Либкнехт играл очень некрасивую роль, Гирш устранился, а Энгельс написал Бебелю, что мы также следуем примеру Гирша».

Таков авторитетный рассказ Маркса о возникновении «С.-Д.».

Слишком дискредитированному трио было неудобно сейчас передать редакцию. Она была передана Фольмару, человеку, еще мало выявившему себя в тот момент, идеологически еще мало оформленному. Именно этим своим качеством он был в данный период удобным.

Из рассказанного эпизода можно усмотреть, что никаких оснований у Меринга не было к характеристике появления «С.-Д.» следующими словами: «Таким образом, рассеялись гнетущие чары, сковывавшие партию, и по рядам снова пронесся старый испытанный боевой клич: «Вперед по всей линии» [3]).

Конечно, газета сыграла большую роль в перевоспитании партии, но в этом нисколько не виноваты те, которые вызвали ее к жизни. Вызванный дух не хотел подчиниться воле заклинателя. Газета, будучи нелегальной по своей природе, в условиях заграничных должна была иначе реагировать на то, что творилось в Германии, чем это делали «вожди».

Во всяком случае в первый год своего существования газета еще не имела того определенного лица, которое впоследствии придало «С.-Д.» славу

---

[1]) См. «Под Знам. Маркс.» № 1 за 1929 г.
[2]) См. Бебель, ibidem, т. III, стр. 52.
[3]) Blos, ibidem, B. I, S. 254.
[4]) Beckar, ibidem, S. 73.

[1]) Письма к Зорге, письмо от 19/IX-79 г.
[2]) Бебель, ibidem, стр. 54.
[3]) Меринг, цит. выше, т. IV, стр. 180.

марксистской газеты. «Правая, левая где сторона»—так можно охарактеризовать физиономию цюрихского «Социал-Демократа» в первый год его существования. Как и сам редактор, газета не имела ярко выраженного лица.

Преобладающий материал соответствовал духу «филистерского мещанства». С одной стороны—статьи в духе руководства. Нами уже было указано, что «отчет фракции» был помещен в «Соц.-Дем.». Там же появились патриотическая и милитаристская статьи Бебеля и Дицгена. В «Социал-Демократе» № 10 (7/XII-79 г.) появилась статья Pressegeschichts Rückblicke», повлекшая за собою критику Энгельса. В этой статье говорится, что для с.-д. может быть только лестным сравнение ее с такими беллетристами, как Гуцков и Лаубе, т.-е. людьми, «которые еще задолго до 1848 г. зарыли в землю последние остатки своего политического достоинства, если они когда-либо таковые имели» (Энгельс). Между прочим, там имеется следующее положение: «События 1848 г. должны были наступить, либо сопровождаемые всеми благодетельными свойствами мира, если бы правительства уступили требованиям времени, или же так, как они этого не сделали—оставался, к сожалению, только один путь: насильственной революции».

По этому поводу Энгельс пишет: «В газете, где могут форменным образом оплакивать революцию 1848 г., которая впервые открыла двери для социал-демократии, в такой газете нам не место» [1]). Энгельс приписывает эту статью, между прочим, одному из трех звездочек.

Для характеристики некоторых настроений в Германии интересна по своей аргументации статья о табачной монополии под названием «Neue Taktik» [2]), автор статьи предлагает пересмотреть тактику с.-д. фракции в рейхстаге. Хотя с.-д. всегда должна отказать в поддержке буржуазному государству, все же, в некоторых случаях, «социалисты, которые должны руководствоваться не только чувством, но и рассудком, должны отступить от этого принципа, это должно быть в тех случаях, когда мероприятия правительства бьют по более опасному врагу рабочих. Табачная монополия, проектируемая Бисмарком, наносит ущерб капитализму. Правда, от монополии пострадают также и мелкие собственники, «но разве мы являемся охранителями буржуазной собственности?!.—восклицает автор.—Что мы—консерваторы или революционеры?! Поддерживая мелких капиталистов, мы в сущности солидарны с реакционерами из Staatssozialismus'a».

После такого ультра-«революционного» подхода к мелкой буржуазии совсем странно звучит второй аргумент в пользу табачной монополии:

«Посмотрим, каково будет моральное влияние нашей поддержки при введении монополии:

После того, как с трибуны рейхстага стало известным, что «гений», «первый государственный муж своего века», имел доверительные сношения с Лассалем, последний, до того времени гонимый и высмеянный социалист, стал очень популярным. В течение 14 дней было распродано много тысяч произведений Лассаля. Сколько же людей различных классов в тот период подошли к социализму. Спрашивается, сколько тысяч просветятся в настоящий момент, когда оклеветанная с.-д. из чисто-деловых соображений, несмотря на свою вражду к «гению», пойдет навстречу осуществлению его «последнего идеала».

Комментарии, как говорят, излишни.

На ряду с такими типично-оппортунистическими сентенциями иногда в одном и том же номере имеются статьи резко-революционного характера.

В «Социал-Демократе» № 9 (29/II-80 г.) помещено воззвание «К немецким партийным товарищам», по поводу продления закона о социалистах

[1]) Бебель, ibidem, т. III, стр. 89.
[2]) «Sozial-demokrat» №№ 23—24, 6—13/VI-80 г.

до 1886 г. Навеянное отчаянием, воззвание призывает к революционной агитации. «Мы не должны больше, как в первый период закона о социалистах, удовлетвориться лишь удержанием только существующих связей. Нам необходимо нашу агитацию, преследующую цель революционизирования народного духа и коренного изменения господствующего общественного и государственного строя, изменить соответственно новым условиям».

Эта статья привела к конфликту между «вождями» и редакцией. Вожди были недовольны призывом образовать нелегальную организацию [1]). В другой статье под названием «Памятный день пролетариата» [2]), посвященной майской расправе с коммунарами, пролетариат призывает запомнить слова Галифе: «Война без перемирия и без пощады».

Статью «Наши праздники» руководство считало очень резкой, даже более резкой, чем «Freiheit», и «способной компрометировать нас».

Такое качание направо и налево зависело не только от неуверенности и нестойкости редактора Фольмара (хотя и это играло известную роль. Чем больше уничтожались надежды на возможность «заслужить образцовым поведением» отмены исключительных законов, тем более Фольмар ударялся в «революционное отчаяние») [3]).

Здесь играла роль также и некоторая меркантильная расчетливость вождей: надо отбить хлеб у Моста. Вот почему «С.-Д.» «сегодня проповедует революцию, а завтра об'являет насильственный переворот величайшим несчастьем. С одной стороны, он питает страх, как бы Мост не превзошел его громкими фразами, а с другой стороны, боится, что рабочие могут принять всерьез его громкие слова [4]).

Что эта характеристика «Социал-Демократа» имела реальную почву, а не являлась только метафорой Энгельса, свидетельствует письмо Бебеля к Фольмару от 5 января 1880. г., в котором он указывает на недопустимо революционный тон газеты. «Во всяком случае,—добавляет он в утешение,—вы показали, что если нужно, то вы умеете писать совсем как Ганс (т.-е. Мост. *С. Г.*). Пусть это успокоит брюзжащих критиков» [5]).

Понятно, что такие колебания в позиции «Социал-Демократа» не могли привести к завоеванию рабочих масс. Берлинские с.-д. относились в своем большинстве к газете вначале, если не отрицательно, то, во всяком случае, холодно. Мостовская «Freiheit» имела гораздо бо́льший успех. Против «С.-Д.» рабочие были настроены еще и потому, что он много внимания посвятил борьбе с Мостом и «левыми». Когда в «С.-Д.» появилось извещение об исключении Гассельмана из партии [6]) за произнесенную речь в рейхстаге, неудовлетворение и ропот в массах еще более увеличились.

Все же необходимо сказать, что «Социал-Демократ» даже этого периода сослужил службу в деле об'единения разрозненных партийных масс. Положение в стране в 1880 г. изменилось. В 1880 г. появился просвет в за-

[1]) Бебель, ibidem, т. III, стр. 139.
[2]) «Sozial-demokrat» 1880, № 22, 30/V.
[3]) В 1882 г. Фольмар дошел до полуанархического положения: «чем хуже, тем лучше». В «Социал-Демократе» №№ 34 — 35 (17/VIII — 24/VIII-82 г.) появилась его статья: «Aufhebung des Ausnahngesetzes». Основная мысль статьи — слишком много внимания мы уделяем вопросу отменять или не отменять исключительный закон. Не отмена закона и дальнейшее реформистское развитие должно быть стремлением партии, а лозунг низвержения существующего общественного и государственного порядка, которое облегчено существующими исключительными законами».
[4]) Энгельс, Fergessene Bsiefe, № 10, § 36.
[5]) Что критика М. и Э. вождям надоела, свидетельствует другое письмо к Ф.: «Ваш ответ хорош. Я сообщу его Либкнехту, а затем отправлю Энгельсу, который будет здорово ругаться. Ничего. Мне тоже надоело его брюзжание». (Бебель, ibidem, стр. 135 и 92).
[6]) «Sozial-demorkat» № 26, 27/VI-80 г.

тяжной экономической депрессии. С оживлением промышленности оживилось также и рабочее движение. Во многих отраслях промышленности начинается стачечная борьба, кончающаяся, несмотря на преследования, победой рабочих. Так, напр., деревообделочники добились сокращения рабочего дня до 10 часов, увеличения зарплаты на 10% и установления минимума зарплаты в 18 марок в неделю [1])

Стачечная борьба вызвала оживление профсоюзной деятельности. Под различными названиями, в различных формах возникают массовые рабочие организации. Успешная стачечная борьба вливает бодрость, толкает к дальнейшим битвам. При отсутствии руководящего центра, рабочие тянутся хотя бы к его сурогату. «С.-Д.» заполняется рабочими корреспонденциями, которые Энгельс считает лучшим, «единственно хорошим, что имеется в «С.-Д.». Чем больше растет боеспособность пролетариата, тем он больше ожесточается против господствующей системы насилия. «Если бы они следовали только за своими чувствами против господствующего насилия, они бы целиком и полностью перешли в мостианский лагерь» [2]).

Если этого не случилось, то они обязаны двум факторам. Во-первых, почувствовав выросшую дееспособность масс, его оппозиционность и недовольство партийной линией, некоторые вожди, как Либкнехт и Бебель, меняют фронт. Подталкиваемые массами, они сами становятся более энергичными в своих речах в рейхстаге [3]), растет их сопротивляемость против тех вождей, которые ничему не научились, и приступают к организации масс. «Но этим они были только переводчиками тех настроений, которые все больше укреплялись в массах», как правильно замечает Бернштейн. Повороту в сторону нелегальной деятельности содействовали также и усилившиеся репрессии, исчезновение надежды на действие «законных» средств. Бебель дает яркую картину того озлобления, которое его лично повернуло в сторону более решительной борьбы. «То, что меня выслали, как бродягу и преступника, без суда разлучили с женой и ребенком—это я ощущал, как смертельное оскорбление, за которое я готов был отомстить, если бы имел на это возможность» [4]).

Таким образом, наиболее авторитетная часть вождей сумела вновь восстановить пошатнувшееся было доверие масс к себе.

Вторым фактором, благодаря которому был избегнут раскол в партии, это вытекавшая из требований момента сильная тяга со стороны масс к единству. Несмотря на господствовавшее сильное недоверие ко многим из вождей и неудовлетворенность тактикой руководства, массы считали необходимым удержать, сохранить во что бы то ни стало единство партии. Вот почему они, несмотря на свои большие симпатии к Мосту, пожертвовали впоследствии им, так как его ультра-левая тактика и непримиримость толкали к расколу, который неизбежно распылил бы силы сопротивления и борьбы. Вожди партии эксплоатировали в полной мере эту тягу к единству.

Как бы то ни было, но под влиянием «С.-Д.» совершенно стихийно возникают подпольные организации, созываются нелегальные собрания, конференции. Голос организованных партийных масс возвышается, а, с другой стороны, внутри руководства растет борьба. По многим программным и тактическим вопросам отсутствует единодушие. Замалчивать разногласия уже нельзя, игнорировать возобновившиеся организации тоже невозможно, надо

[1]) Bernstein, Geschichte der Berliner Arbeiterbewegung, B. II, S. 56–68.
[2]) Bernstein, ibidem, стр. 44.
[3]) См., напр., речь Бебеля от 6/III-80 г. и след.
[4]) Бебель, ibidem, т. III, стр. 181; курсив наш. Кстати, это дает лишнее представление о том, как глубоко социал-демократы, даже лучшие из них, сидели в болоте «законности».

было по всем вопросам, разделявшим партию, внести полную ясность. Вопрос о с'езде консолидации стал в порядок дня.

В «Социал-Демократе» от 16/V-80 г. (№ 20) было помещено воззвание о созыве партийного конгресса «для обсуждения партийной тактики и для ликвидации всех недоразумений, возникших в партии за время действия исключительных законов».

Конгресс, заседавший с 20 по 23 августа 1880 г. в замке Виден под Цюрихом, выполнил эту задачу. В этом отношении он является вторым шагом на пути выпрямления партийной линии.

II.

Виденский партейтаг, означавший желание партии стать на путь борьбы, совпал с моментом оживления рабочего движения во всей Европе. Социалистическая агитация оживает в Англии, во Франции образована соц. партия под руководством Гэда и Лафарга, на которых Маркс имел громадное влияние. В Голландии, под руководством Ньювенгуиса, бывш. тогда социалистом, тоже была организована с.-д. партия. В Бельгии социалистическая партия была образована в 1879 г. Таким образом, конгресс, созванный за границей, в задачу которого входило прокламировать борьбу с одним из столпов европейской реакции—Бисмарком, вышел из рамок национальных интересов, он стал международным фактором. Плеханов, в своем приветствии от имени редакции «Черного Передела», выразил эту мысль следующими словами: «Как ваши друзья, так и ваши враги прекрасно понимают, что борьба эта носит международный характер. Поэтому всякий успех вашей партии будит надежду и радость в сердцах ваших друзей... Мы знаем, что ваша победа является сигналом международной социальной революции, которой и мы посвящаем свои силы, мы знаем, что, если вы потерпите поражение, эта надежда будет отодвинута далее назад. Но мы не сомневаемся в вашей победе» [1]). Конгресс получил приветствия из Польши—от «Rownosc» (Мендельсон), из Голландии (Домела Ньювенгуис), от редакции «Revue Socialist» (Бенуа-Малон), от «швейцарского рабочего союза», от венгерской рабочей партии (Leo Franke, одного из борцов Коммуны), от португальской социалистической рабочей партии, от редакции «Egalité» (Гэд), от бельгийской соц. партии (Anseele) и, наконец, от редакции «Черного Передела» (Плеханов).

Конгресс, проходивший в обстановке оживления рабочего движения и некоторых сдвигов в самом руководстве, при наличии нелегальных организаций в Германии, конечно, не мог не стать на путь более революционной тактики. Важнейшее решение конгресса—это принятая резолюция Шлютера «вычеркнуть из II абзаца Готской программа слово «законными». Таким образом партия узаконила свою нелегальную борьбу. Второе, не менее важное, решение конгресса заключается в выработке структуры подпольной партийной организации.

«Как правило, ежегодно, не позже чем раз в три года, должен быть созван партийный конгресс. Порядок созыва поручить авторитетным лицам».

«В целях восстановления регулярной связи социалистов и социалистических союзов за границей с германской партией и для обеспечения сношений последней с заграничными братскими партиями, создать вне Германии Бюро сношений, которое должно быть посредником в сношениях между отдельными союзами, принимать все жалобы, предложения и т. п. и в надлежащем порядке их разрешить».

[1]) Protokol d. Kongress der deutschen Sozialdemokratie abgehalten auf Schloss Wyden in dep Schweitz am 20 bis 23 August 1880, Zürich, Verlag von A. Herter, 1880, S. 13.

Дальше, было единогласно решено считать цюрихский «Социал-Демократ» единственным официальным органом партии.

Конгресс решил также поручить обязанности Центрального Комитета фракции рейхстага.

Хотя большая часть этих резолюций была принята единогласно, но вокруг них разгорелась горячая схватка между сторонниками «старой» тактики и поборниками более решительной тактики.

Прения велись, главным образом, по докладу ЦК. Докладчик Бебель [1].

В своем политическом отчете Бебель оправдывал ЦК и депутатов от упреков в бездействии в деле создания новой организации. Надо было с этим несколько подождать. Надо было спасти партийные учреждения и тех людей, которые занимали профессиональные должности в партии.

В заключение он, останавливаясь на вопросах тактики, сказал следующее: «Что касается т. н. «мирного преобразования» и «законного пути», то в партии они всегда понимались, как мирный и законный путь, поскольку это зависит от нас. И если это невозможно, не наша вина, что наши враги не дают нам возможности итти по реформистскому пути».

По вопросу о пошлинной политике фракция всегда единодушно защищала интересы рабочих. Готская резолюция 1876 г. была куда «пошлинее», чем политика фракции. «Впрочем,—добавляет Бебель,—многие вопросы выглядят на практике совсем иначе, чем это формулировано до того в резолюциях и решениях.

В прениях многие делегаты выступили с обвинениями против руководства и фракции. «Они не стояли на высоте своего положения в начале исключ. закона». Руководящие лица выпустили руль из своих рук и не дали местам никаких директив. Этим об'ясняется влияние Моста во многих местах. Другой оратор, очевидно из руководства, отмечает отсутствие единодушия внутри фракции. Следующие ораторы говорят, что не надо ждать целый год, чтобы приступить к изданию «Социал-Демократа», предлагают ему сделаться несколько радикальнее, «не следует обращаться только к холодному рассудку, его задача воодушевить массу».

Берлинская делегация внесла вотум недоверия фракции: «с.-д.» депутаты заслужили вотум недоверия за свою позицию в германском рейхстаге.

Основания:

а) Выступление Кайзера в защиту пошлин.

б) Апелляция Бебеля к «патриотизму» товарищей, так же, как его «надежды», что последние прогонят «неприятеля» из отечества.

в) Протест Газенклевера против заявления Гассельмана в рейхстаге.

г) Заявления Либкнехта, которые открыли личную борьбу между депутатами».

Защитники линии партруководства выступали довольно редко, больше оправдываясь. «Закон оглушил». Если некоторое замешательство и было, то тот факт, что партия сейчас здорова, показывает, что тактика руководства была верна. Если вожди и делали ошибки, то масса сама виновата. Масса умеет только критиковать и т. д. и т. п.

Более открыто сторонники старой тактики выступали при обсуждении конкретных предложений.

По программному вопросу многие высказывались против внесения каких бы то ни было изменений в программу. «Социал-демократия заявляет,—гласит один из проектов резолюции по программному вопросу,—как и прежде, что она нисколько не исключает путь органической реформы, что если ей приходится выбирать иной путь для осуществления своих целей, то следует запи-

[1]) Ibidem.

сать за счет сегодняшних власть имущих». Таким образом, идя поневоле навстречу выраженной воле масс к борьбе, резолюция старается все же подчеркнуть, ставить ударение на реформистский характер партии. Второй проект отвергает пересмотр программы, так как теперь не подобающее для этого время. Лишь после того, как в ходе прений выяснилось, что преобладающее большинство высказывается за исключение из программы «законных средств», автор второго проекта снял его, мотивируя тем обстоятельством, что «он успел ознакомиться с настроениями товарищей, живущих в Германии».

Таким образом, мы видим, что если резолюция была принята единогласно, то это произошло не из-за единодушия по этому вопросу, а лишь потому, что оппортунистическая часть конгресса сочла для себя более полезным не давать бой по этим вопросам, дабы облегчить себе задачу практического проведения своих идей.

Единственный пункт энергичного выступления оппортунистической части руководства был вопрос о Мосте. Тут они распоясались во-всю.

Уже одно то, что Мост начал самостоятельно издавать газету, является достаточным основанием, по их мнению, для его исключения.

По вопросу об исключении Моста и Гассельмана из партии выступали 3 «социал-революционера» (2 берлинца, один из Рейнской провинции), они указывали на заслуги Моста, хотя считали, что своим дальнейшим поведением он действительно слишком далеко зашел, но считали желательным оставление его в партии. Всеми голосами против трех Мост и Гассельман были исключены из партии. Была также принята резолюция доверия ЦК и фракции. «Конгресс заявляет, что с момента обнародования закона против социалистов, принятая фракцией и партией тактика была в основном верна и выражает свое доверие партийным борцам, действовавшим в это тяжелое время».

Одно то, что эта резолюция была принята единогласно, показывает, что конгресс не столько рассматривал вопросы по существу, сколько руководствовался стремлением демонстрировать свое единство и желанием перейти сейчас же к практической работе.

Конгресс принял ряд решений об усилении агитации и подготовки предстоящих выборов в рейхстаге в 1881 г.

Как бы то ни было, конгресс был поворотным пунктом в жизни партии. Отныне партия официально стала на путь борьбы.

Вполне правильно «Социал-Демократ» резюмировал основные достижения партии в связи с конгрессом:

«Совещание показало, что партия не согнулась под ударами исключительных законов и, вопреки им, осталась тем, чем она была».

«Конгресс закончил ликвидацию старой, разрушенной исключительными законами, партийной организации». «Конгресс постановил возобновить партийную деятельность во всех областях. Поскольку это «незаконно», он вычеркнул законные средства из своей программы». «Конгресс покончил со всеми деятелями революции и со всяким революциоделячеством...» (Revolutionsmacherei). «Создана также новая организация, в соответствии с создавшимися условиями». Конгресс укрепил партийную дисциплину. Он постановил об участии во всех выборных кампаниях с агитационными и пропагандистскими целями». «В целях соблюдения в чистоте наших принципов запрещены выборные компромиссы».

Таково было общее мнение о результатах и значении конгресса.

Но в Берлине его решения были приняты далеко не так восторженно. Особенно берлинцы были недовольны решением о передаче функции партруководства—фракции. Все же в целях единства и в силу дисциплины собрание доверенных лиц 27/IX-80 г. присоединилось к решениям конгресса.

На ряду с осадком недоверия, который некоторая часть партийной массы естественно еще питала к вождям, мы имеем вылазки некоторых вождей, стремящихся повернуть тактику партии на старые рельсы. Ярким проявлением этой вылазки является статья Игнатия Ауэра, одного из виднейших представителей с.-д., напечатанная в «С.-Д.» в том самом номере, где берлинцы высказали свои сомнения в искренности решений конгресса.

Статья под названием «Что нам делать?» [1]) стремится ревизовать все решения конгресса. Основной лейт-мотив статьи: «Так долго еще продолжающийся кризис с его ужасным влиянием лишил народ смелости. К взрыву отчаяния это может привести, но революционер с пустым желудком является мячом для игры всякого, кто его насытит, и посему я не желаю сейчас революции...

...Социал-демократия никогда не была партией революции (я говорю в смысле кровавой революции), и ею она не хочет и не будет и сейчас, несмотря на исключительный закон.

...Не потому, что мы стали «революционнее», нас пытаются в последние годы уничтожить, но потому, что мы стали могучими именно благодаря нашей умеренности и, надо подчеркнуть, наших требований определенных реформ в пользу рабочих.

...Если взять в руки наши газеты с конца 60-х гг. и начала 70-х гг. и сравнить их с изданиями 1877 и 1878 гг., то мы найдем, что в газетах последних лет господствует гораздо более спокойный дух в сравнении с предыдущими годами. И все же только в 1878 г. сфабриковали против нас исключительные законы, в то время, когда в годы 1869—1873 на нас еще еле обращали внимание... И пусть иностранные товарищи заблуждаются о нас и выступают против выраженных здесь взглядов, которые, как мне известно, разделяются большими кругами, это должно нас оставить совершенно спокойными,—по крайней мере, я вполне равнодушен. Я думаю, что мы лучше всего сделаем, если мы меньше будем исходить в том, что нам делать, из приговоров и суждений иностранных товарищей. Иностранные товарищи не могут лучше нашего решать, что мы должны делать; и если они, вопреки этому, попытаются и если даже некоторые разразятся бранью, то такой поступок вовсе не братский и не социалистический, и нас нисколько не должен тревожить».

Кончается статья следующими знаменательными словами, которые звучат очень современно для социал-демократии:

«Я очень далек от отрицания международной солидарности, но сегодня, когда мы вынуждены издавать наш центральный орган на чужой почве, необходимо более чем когда-либо заявить, что в нашем поведении мы являемся немецкой, т.-е. национальной, партией» [2]).

Дицген в № 47 21/XI поспешил солидаризоваться с Ауэром. Правда, статья вызвала отповедь со стороны редакции в цикле статей «Революция и реформа», но она не теряет своей показательности, что еще существовал слой руководителей и после Видена, не желавших сдать в архив осужденное конгрессом реформистское оружие.

Кроме того, в ряде №№ «Социал-Демократа» (41, 42, 47) помещены статьи, пытающиеся ревизовать постановление конгресса о запрещении всяких компромиссов с буржуазными партиями. «Долой политику чувства». Опять раздался лозунг старых реальных политиков.

[1]) I. Auer, Was haben wir zu thun? «Sozialdemokrat», № 42, 17/X-80.

[2]) Характерно, что эта статья дает Э. Бернштейну повод к зачислению Ауэра в лагерь ревизионистов; см. его статью: «Ignaz Auer, der Führer, Freund und Berater» в «Sozialistische Monatshefte», 1907, B. I, S. 347.

Значение конгресса нисколько не будет умалено, а лишь восстановит истинную картину, если мы, на основании этих данных, скажем, что конгресс прошел под знаком давления низовых масс на вождей, что значительная часть руководства лишь под этим давлением вынуждена была не отказаться, а скрыть свои убеждения, чтобы успокоить массу, с тем, чтобы продолжать свою старую линию поведения менее открыто на практике [1]).

V. На революционном пути.

Поворот в тактике партии, обнаружившийся после конгресса, создал благоприятную обстановку для примирения руководства со «стариками». «Несколько недель тому назад сюда приезжал Либкнехт, — сообщает Маркс Зорге [2]),—и обещал, что наступит «улучшение» во всех отношениях. Партийная организация возобновлена, что могло быть сделано только тайным путем, т.-е. «тайно» постольку, поскольку дело касается полиции».

Аналогичное свидетельство мы имеем от Энгельса [3]).

Окончательное примирение состоялось при поздке Бебеля и Бернштейна «в Каноссу». Поводом для поездки послужил вновь назревший кризис по вопросу с редакторе «С.-Д.». Фольмар был вынужден оставить свой пост по личным соображениям. Пришлось, скрепя сердце, согласиться на приглашение Гирша. Бебель же стремился провести на этот пост Бернштейна.

Бернштейн к этому времени значительно изменил свои взгляды. В своей автобиографии он рассказывает, что в 1880 г. он и Каутский, оба бывших сотрудника Гехберга, вплотную занялись теоретическими вопросами, в частности, изучением теории Маркса и Энгельса. «Мы тогда занялись защитой этого учения против сохранившихся еще тогда в партии остатков утопического и естественно-правового толкования социализма, а также против всякой идейной сумятицы» [4]). Бебель тоже свидетельствует, что «у Бернштейна под влиянием жизни в Цюрихе (т.-е. в эмиграции. *С. Г.*) и того, что там ежедневно сообщалось о политических делах в Германии, создалось совсем иное настроение, нежели то, которое вылилось в злополучной статье, подписанной тремя звездочками в «Ежегоднике» Рихтера. (Курсив—*С. Г.*).

Но было ясно, что без личного свидания Бернштейна со стариками это никак не удастся. «Особенно сильно было неудовольствие обоих стариков по моему адресу»,—сообщает Бернштейн [5]). Гехберг, особенно настроенный против Гирша, финансировал поездку Бернштейна в Лондон.

Вот как Бернштейн описывает беседу с Энгельсом:

«Очень скоро завязался политический разговор, не раз принимавший весьма оживленный характер. Предметом нашего спора были вопросы поли-

[1]) Характерно, что в первом издании Меринг еще разрешил себе об'ективно написать, «что, несомненно, положение было спасено не вождями, а массами». Но в последнем издании он вычеркнул это положение, «так как оно вызвало, между прочим, у Ауера (?) и Бебеля неправильное представление, будто вожди не исполнили своего долга... Я хотел лишь сказать, что инстинкт масс нашел правильную дорогу среди противоположных взглядов вождей... но этим я не думаю оспаривать ни того, что все вожди исполнили свой долг, в меру своих сил и разумения, ни того, что часть их с самого начала видела правильный путь (?). Затем, так как я постарался охарактеризовать первый год закона о социалистах в различных его течениях, то я мог вычеркнуть резюмирующее предложение, категорическая форма которого могла быть—и действительно была—неправильно понята». (Мерinг, ibidem, стр. 389, примечан.).

[2]) Vergessene Briefe, S. 38—39).

[3]) Письма к Зорге.

[4]) E. Bernstein, Entwicklungsgang eines Sozialisten, S. 15.

[5]) Bernstein, Aus den Jahren meines Exils.

тической позиции немецкой социал-демократии в условиях бисмарковского исключительного закона... и теоретической и политической позиции цюрихского «Социал-Демократа». Для Бебеля, оказалось нетрудно убедить Энгельса, что этот листок... держится, во всяком случае, гораздо более решительной и принципиальной позиции, чем многие партийные вожди в Германии». «Миссия, ради которой мы с Бебелем прибыли в Лондон, получила желанное разрешение во всех отношениях». «Бернштейн явно завоевал доверие как Маркса, так и Энгельса»,—свидетельствует Бебель. Таким образом, после ухода Фольмара с поста редактора «С.-Д.», «тихая надежда» Бебеля исполнилась: Бернштейн стал редактором, вначале временным, а с 1881 г. постоянным. Старики не возражали, но еще несколько выжидательно смотрели на «С.-Д». «Они следят за тем, в какой степени Бернштейн выполняет данные в Лондоне обещания, и ограничивают советами» [1]) и насколько линия партии действительно выпрямилась. Между тем, Бернштейн действительно показал, что он многому научился, и свидание со стариками даром для него не пропало. Старики, особенно Энгельс, тщательно наблюдая за газетой, давая советы, как писать, консультируя Бернштейна по целому ряду вопросов международной и рабочей политики, после первых номеров газеты признал, что в газете «замечается значительное улучшение. Исчез меланхолический тон отчаяния «убитого человека», исчезла заполняющая его напыщенная добропорядочность, постоянно перемежающееся с революционными фразами Моста, мещанская сговорчивость и, наконец, вечный вопрос о Мосте. Тон стал непринужденным и уверенным в себе. Газета не будет больше призывать к спокойствию, если она останется такой, но будет ободрять людей в Германии» [2]).

О самом Бернштейне Энгельс пишет, что «он держится очень хорошо. Старается учиться, обладает остроумием и ясной головой. Умеет выносить критику и свободен от всей мелкобуржуазной морали» [3]).

Действительно, с первого номера редактируемого Бернштейном «С.-Д.» повеяло иным духом. На ряду с тем, что газете «был придан бодрый тон и развита необходимая острота», «Социал-Демократ» принимает меры к очищению теории от ее идейных мелкобуржуазных шатаний. Во втором номере (9/I-81 г.) помещена статья Leo (псевдоним Бернштейна), в которой сводятся счеты с лассальянской «государственной помощью»:

«Наступило время рассчитаться с лозунгом, который в свое время был уместен, но сегодня он может только принести вред. Мы имеем в виду лозунг: «государственная помощь для рабочих». Современное военное государство никогда добровольно не даст пролетариату средства для его экономического освобождения, во-первых, потому, что его руководители этого не захотят, во-вторых, потому, что оно этого не может... Современное общество живет за счет пролетариата... то, что современное государство дает рабочему одной рукой, оно у него отнимает в два или три раза больше второй рукой.

От современного государства рабочим нечего ждать.

Отсюда вытекает необходимость основательно порвать со всеми иллюзиями подобного рода. Кто сейчас говорит рабочим о государственной помощи, как о средстве их социального освобождения, тот или неисправимый фантазер или обманщик. В обоих случаях он относится к лагерю г-на Штеккера».

[1]) Рязанов, Введение к письмам Энгельса к Бернштейну, Архив М. и Э., т. I, стр. 288.
[2]) Энгельс, Письма к Бернштейну, Архив М. и Э., стр. 290.
[3]) Vergessene Briefe, № 21, S. 49.

Газета становится республиканской, что является шагом вперед от Готской программы и даже в сравнении с... будущей Эрфуртской программой. В статье «Знаменательный день» [1]) по поводу годовщины Людовика XVI, «С.-Д.» отмечает, что с.-д. является единственной партией в Германии, которая стремится принципиально и искренне к республике, правильно замечая, что буржуазия, несмотря на свою оппозиционность, будь то консервативная или народная партия, фактически помирилась с монархией. Статья кончается положением, которое позже Плеханов перефразировал на I конгрессе II Интернационала применительно к русским условиям: «Германская республика будет социалистической или ее вовсе не будет».

Предстоящие выборы в рейхстаг дали возможность газете сформулировать свои взгляды на парламентаризм. С.-д. участвуют в выборах «исключительно из практически-агитационных соображений»—отнюдь «не из-за воодушевления парламентаризмом».

«Парламентаризм в его современной форме даже для старых партий является превзойденной точкой зрения». «Мы не сантиментальные ослы, чтобы верить в благородство и филантропическую честность наших врагов». Мы не только убеждены, что в настоящем рейхстаге и при ныне господствующем парламентаристском режиме, нам ничего не удастся достигнуть законодательным путем, но мы являемся принциальными противниками современного парламентаризма и современной формы народного представительства».

«Все же это не есть основание, чтобы не использовать то оружие, которое нам парламентаризм дает». «Что можно сказать,—восклицает газета,—о человеке, который отказывается бороться с реакционной государственной властью только потому, что данное ему ружье изготовлено в правительственной мастерской и взято из арсенала реакционного государства? Трус или безумец—таков будет единодушный приговор».

Какие же задачи себе ставит партия, принимая участие в выборах? «Мы выбираем не потому, что воображаем путем избирательного листка довести наше дело до решительной победы,—отмечает другая статья,—мы знаем..., что народ только через избирательный листок ничего не получит».

«Мы выбираем лишь для того, чтобы выразить наш протест против позорного политического хозяйничанья»... «Мы выбираем для того, чтобы показать нашим врагам, что стоим непреклонно, вопреки всем преследованиям, что мы не боимся их угроз, что мы спокойно и бодро готовы встречать их насильственные действия».

«Мы выбираем, ибо мы знаем, что нашим отходом от урны мы оставим в стороне политически безразличного узкогрудого филистера. Не бездеятельность приносит пользу народу, а только беспрерывная деятельность... жить—значит бороться».

«Мы выбираем, т.-е. не бросаем белых листков (отвечает газета «бойкотистам»), которые противникам не вредят, а народу пользы не приносят, а выбираем людей-борцов, победа которых затруднит деятельность наших врагов. Мы выбираем не только для протеста: нет, мы выбираем, чтобы врезать нашим врагам. Белый листок означает пассивное сопротивление, а избирательный листок с именем нашего борца означает борьбу».

Таково направление, тон и лозунги «Социал-Демократа» с 1881 г. Действительно, он стал настоящим боевым органом революционного марксизма. Действительно, он будил массы, сеял бодрость, возбуждал дух борьбы. Эти здоровые семена боевой мобилизации масс попали на благо-

[1]) «Sozialdemokrat» № 4, 23/I-81 г.

приятную почву. К 1881 г. рабочее движение начинает развертываться повсю и охватывает все более широкие слои рабочих масс. Стачечная борьба в связи с оживлением экономической кон'юнктуры разливается по всей стране.

«13 марта вблизи Swinemünde (Померания) произошли беспорядки строительных рабочих. Никаких угроз со стороны рабочих, кроме «угрожающих сборищ», не было. Все же полиция вмешалась, и производила много арестов, и многие присуждены к различным срокам тюремного заключения» [1]). Но репрессии уже перестали иметь свое угнетающее действие,—наоборот, они еще больше ожесточают, увеличивают сопротивляемость. «Поведение правительства,—как правильно отмечает корреспондент «Ежегодника» Бернштейн,—лучше всего агитирует против классовой гармонии». Большая часть забастовок кончается победой рабочих. Выборные кампании 1881 г. происходили в самых трудных условиях, какие только знала с.-д. с момента об'явления исключительного закона. Каждый номер «С.-Д.» пестрит сообщениями «с театра военных действий» о высылках, арестах, конфискации листовок, избирательных бюллетеней. Нужно было иметь много мужества, значительный заряд энергии, изобретательности и стойкости, чтобы устоять против этих преследований и широко поставленной агитации буржуазных и реакционных партий. Партия выдержала экзамен с доблестью.

* * *

Первые «революционные» выборы дали партии меньшее количество голосов (311.961 чел. против 493.477 г.). Но это уменьшение, об'ясняемое еще значительным количеством бойкотистов и отходом многих филистерских попутчиков, компенсировалось изменением к лучшему качеству избирателей, партийной армии. Чтобы голосовать в тот период за социал-демократов, надо было иметь мужество и героизм, пойти на риск потери своей работы и местожительства. Кроме того, количество утерянных голосов падало на отсталые районы (мелкобуржуазные районы Берлина дали уменьшение на 25%. Бранденбургский округ дал около 50%, Шлезвиг-Гольштейния—⅓, Саксония—¼ голосов в сравнении с выборами 1877 г. [2]).

Зато были завоеваны новые промышленные центры.

Вот как Энгельс оценивает ход выборов [3]):

«Если какое-нибудь внешнее событие до некоторой степени подняло настроение Маркса, то это были выборы. Так великолепно не вел себя еще ни один пролетариат. После величайшей неудачи 1848 г. он впадает в апатию, и в конечном счете подчиняется буржуазной эксплоатации... Во Франции пролетариат сходит со сцены после 2 декабря. В Германии, после трех лет неслыханных преследований, никогда не прекращающегося давления, полной невозможности открытой организации и даже сношений, наши молодцы не только сохранили прежние силы, но еще укрепились и усилились, главным образом, в одном отношении: центр тяжести движения перенесен из саксонских полусельских округов в большие промышленные города.

Масса наших товарищей в Саксонии состоит из ручных ткачей, которые обречены на гибель... эти люди находятся в экономически отсталом состоянии, являются представителями исчезающей ступени производства. Они, следовательно, далеко не в такой степени прирожденные представители революционного социализма, как рабочие крупной промышленности... настоящей основой большого национального движения они не могут служить. Их бедность делает их при известных обстоятельствах более восприимчивыми к социализму, чем жителей больших городов, но та же самая бедность делает их также менее надежными. Утопающий хватается за соломинку и не может ждать, пока отплывает от берега лодка, которая должна принести им спасение. Лодка, это—социальная революция, соломинка, это—покровительственные пошлины и государственный социализм. Характерно, что в старых округах шансы против нас имели почти только исключительно консерваторы...

Теперь все изменилось. Берлин, Гамбург, Бреславль, Лейпциг, Дрезден, Майнц, Оффенбах, Бремен, Эльберфельд, Золинген, Нюренберг, Франкфурт-на-Майне, Ганау рядом с Хемницем и округами рудных гор дают совершенно иную опору. По своему экономическому положению революционный класс стал основой движения. При этом движение распространилось равномерно по всей промышленной части Германии, только теперь оно из ограниченного несколькими местными центрами превратилось в национальное. А это больше всего пугает буржуа».

Эта большая цитата, из письма Энгельса показывает, как изменилась социальная основа партии, и этим попутно об'ясняет корни мелкобуржуазного развития прежде, до исключительного закона и дает направление дальнейшему развитию с.-д. Выборы показывают, что прогноз Энгельса, что партия сумеет возродиться только на новой социальной основе, полностью оправдался.

Характерно, что именно то, что служит утешением для новейших с.-д. историков, проливающих слезы о потере голосов на выборах в 1881 г., то, что они называют избирательной победой—получение 12 мандатов, служит Энгельсу для некоторых пессимистических опасений, которые, к сожалению, оправдались. В цитированном письме Энгельс продолжает: «Что касается избранных (в рейхстаг), то будем ждать от них самого лучшего, хотя мне это очень трудно по отношению к некоторым. Но было бы несчастьем, если бы Бебель не попал. Он один своим верным тактом в состоянии сдерживать новые элементы, наверное, уже носящиеся со всякого рода новыми планами, и предохранить их от посрамления». В другом месте он еще яснее говорит: «Что в рейхстаг попадут всякие странные люди, на этот раз было неизбежно».

Итак, массы, во главе со своими рупором и слововожатым «Социал-Демократом», вошли в «героический период» и превратили партию в героическую образцовую партию международного рабочего движения. Большую часть заслуг «Социал-Демократа» этого периода следует отнести за счет стариков. Их влияние не ограничилось только «брюзжащей критикой». С тех пор, как «С.-Д.» перешел в руки Бернштейна, как мы знаем «принимавшего критику» и «готового учиться», с тех пор идейным руководителем газеты стал Энгельс. Достаточно прочесть только его переписку с Бернштейном (к сожалению, обещанное тов. Рязановым опубликование переписки Энгельса с Каутским и Либкнехтом, которая могла бы прибавить новые черты, еще не появилась), чтобы убедиться, что не было почти ни одного принципиального вопроса партийной и политической жизни, по которому Бернштейн не «инструктировался» бы у Энгельса. И всякий раз Энгельс давал исчерпывающие и ясные полные теоретической глубины и прозорливости ответы. Больше того, Энгельс давал советы, как писать, каким тоном говорить и т. д., и т. п. Заслуга Бернштейна этого периода заключается именно в том, что он умел слушать, понимать и передавать поучения Энгельса в ясной популярной форме. Газета была не только идейно выдержан-

[1]) Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, herausg. von Dr. Ludwig Richter, 11 Jahrg., Zürich 1881—Bericht über Deutschland, E. B—n, S. 178.

[2]) Drahn Die deutsche Sozialdemokratie, 1926, Milawida-Verlag, München, S. 23.

[3]) Энгельс, Письма к Бернштейну,—Архив М. и Э., стр. 300—301.

ной, но массовой, популярной в лучшем смысле этого слова. Взаимное понимание газеты и масс еще усилилось, благодаря увеличению количества рабочих-корреспондентов, согласно совету Энгельса («Чем больше вы будете находить своих корреспондентов среди действительных рабочих, а не среди ставших «вожаками», тем больше вы будете иметь противовес ужасному вою вожаков».

VI. Вожди и масса.

Мы до сих пор рассматривали процесс формирования революционно-марксистской партии, происходивший в массах под руководством эмиграции; мы видели также, как этот процесс происходил при сопротивлении вождей и частично даже в борьбе с ними. Как бы то ни было, Виденский партей-таг, выявивший боевые настроения масс, их готовность к борьбе, послужил поворотным пунктом и для многих из вождей, для лучших и талантливейших из них. В этом отношении «оппортунизм» Бебеля и Либкнехта привел их на революционный путь. Убедившись, что нет надежды на «мирное» развитие, что тактика подчинения закону никаких плодов не принесла, что массы активизируются, что стихийная революционность может их толкнуть на ультра-левый, анархистский путь, наконец, испытав сами прелестей усиливающихся репрессий, подтолкнутые об'ективными и суб'ективными революционными факторами, они искренне и всерьез стали на путь воссоздания партии на нелегальной основе. Этот путь и их личное в нем участие прекрасно изложены Бебелем в его мемуарах. Талантливый организатор, хороший массовик, Бебель раз'езжает по Германии, организует подпольные конференции, собрания, создает организационную структуру подполья: «исполкомы», «агитационные комитеты», «секции», система «доверенных лиц», служащие связующими звеньями между отдельными ячейками—таков в общем та структура об'единения стихийно возникших партийных подпольных организаций. Эта стройная и жизненная схема является в значительной степени продуктом организаторских талантов Бебеля.

Либкнехт был представителем партии от Германии в редакции «Социал-Демократа». На ряду с этой организационной и агитаторской работой Бебель и Либкнехт меняют к лучшему также характер своей деятельности в рейхстаге. От обороны они переходят в наступление. Тон речи становится бодрее, содержание—смелее, революционнее. «Что социал-демократия по своему характеру революционна, этого мы никогда не отрицали...» (Справа: «Слушайте, слушайте!»). Для этого не надо было столько доказательств. Что социал-демократия, как вчера пытались здесь доказать, по своему существу, является демократической, вернее, республиканской, социалистической и атеистичной, зачем так далеко ходить за доказательствами? Г-ну министру следовало бы вынуть акты рейхстага и достать мою речь 1872 года, когда я был в этом доме единственным представителем нашей партии... Я тогда заявил и этим закончил свою речь: «Мы стремимся в политической области—к республике, в экономической области—к социализму, а в области, именуемой религией,—к атеизму». (Справа: «Слушайте, ага!»). Да, господа, разве для вас это ново? Я еще раньше сказал, что в вопросах, нас действительно касающихся, я готов взять на себя полную ответственность и, как видите, ее не избегаю»—таково содержание речи Бебеля 31/III-81 г.

По отношению к правительству Бисмарка появляется похвальная твердость. Миновали дни, когда тот же самый Бебель оправдывал партию перед Бисмарком.

«Нам нечего скрывать,—бросает он вызов камарилье на их вопли о противозаконности Виденского конгресса,—мы были на Виденском конгрессе, мы даже докладывали на нем, куда дольше, чем г-н Путткамер здесь в рейхстаге... Если прусская полиция, г-н Путткамер обоюдно с князем Бисмарком друг за другом кое-что узнали о конгрессе, они должны быть благодарны нашей собственной услужливости, ибо мы сами были теми, которые давали посредственно и непосредственно отчеты о конгрессе в общей прессе. Без нашей работы полиция не имела бы никакого представления о конгрессе».

Речи Бебеля этого периода полны сознанием собственного достоинства. Он не нервничает, не возмущается, когда говорит о правительстве, его речи полны убийственной иронией, презрением, больше всего приводившим в бешенство камарилью.

Но, к сожалению, Бебель в этой революционной роли был почти в единственном числе среди вождей. Даже Либкнехт и тот, под влиянием своих коллег из руководства, иногда скатывался на старые рельсы. Недаром Энгельс считал несчастьем для партии, если Бебель не будет избран. Между тем, остальные «вожди», многие ставшие таковыми, лишь получив депутатский мандат, вовсе не были так настроены, чтобы полностью менять старую тактику на революционную. Если они примирились с виденскими решениями, то только потому, что боялись остаться за бортом, быть выметенными массами. На практике же они шли, или точнее с т а р а л и с ь итти, по старой проторенной дорожке. Они даже стремились использовать под'ем рабочего движения, оживление партийной жизни превратить «в дойную корову, которая снабжала бы их маслом». Этот под'ем они использовали как новый козырь в политике увещевания правительства. Вот, мол, видите, что репрессии не помогают; скорее отмените исключительные законы, иначе движение пойдет еще дальше. Революционный путь для них—только временная тактика, маневр, но не серьезный шаг, не основное в тактике партии.

Каждый удобный момент они стремились использовать для возвращения назад, к испытанной тактике мирной и законной деятельности. Выше мы привели примеры таких оппортунистических попыток со стороны Ауера и Дицгена. Когда после Виденского конгресса партия направила двух видных своих членов Фриче и Вальтейха в Америку в агитационное турнэ, последние в Лондоне произнесли речи в духе «доброй старины». «Развитие милитаризма делает невозможным насильственный переворот... Не одна оппозиционная партия исчезла благодаря давлению сверху... Каковы результаты июньских битв 1848 г.?.. Кто знает, что день грядущий нам готовит?.. Возможно, что наша партия пойдет ко дну и через 10 лет восстанут новые люди, и возможно, что наши идеи воскреснут в совершенно новых формах» [1] и т. д., и т. п. «меланхолические» речи, как выразился о них Энгельс. Новый состав фракции, сильно разжиженный, благодаря отсутствию Бебеля, пошел по линии уступчивости, «оборончества».

Каждый Путтрих считал своим долгом благородно отмежеваться от всякой революционности и радикализма вообще, выставлять партию, как образец благонамеренности и законопослушности. Особенно недостойными были выступления Газенклевера и Блоса [2] 10 декабря 1881 г. при обсуждении запроса об осадном положении. Когда со стороны правительства было указано на революционность социал-демократии, на их общность с русскими «нигилистами», и на подчиненность партии международным постановлениям, Газенклевер с энергией и тоном, достойными лучшего применения, отмежевался от русских революционеров и от Хурского международного социалистического конгресса (2—12 окт. 1881 г.), в котором, между прочим, принимали участие и играли видную роль Либкнехт и Браун, как делегаты от германской с.-демократии, согласно решению Виденского конгресса. Отрицая международную солидарность германской социал-демократии, Газенклевер также снял ответственность с партии за писания «Социал-Демократа».

[1] См. «Sozialdemokrat» № 28, 7/VII-81 г.
[2] «Sozialdemokrat» № 52, 22/XII-81 г.

То, что у Газенклевера было сказано полунамеками, дипломатически, высказал Блос полным ртом: да, германская партия ничего общего с «С.-Д.» не имеет.

«Господином министром внутренних дел было сказано, что мы, так сказать, состоим из двух партий: одна умеренная, другая—крайняя или революционная, как он изволил выразиться. Я хотел бы этот водораздел сделать несколько иным. Пожалуй, уместнее сказать, что из этих двух партий одна—заграничная, другая—отечественная. Так будет лучше. Заграничная партия имеет свой орган, у отечественной—нет никакого органа. Теперь мы имеем своеобразное явление: каждый раз, когда правительство желает основать свои преследования против нас, она вешает нам на шею грехи заграничной партии». Кроме тупоумной трусости, в этом выступлении мы имеет открытый отказ от решений Виденского конгресса, напечатанном в отчете «С.-Д.», мы имеем дезавуацию выступлений Бебеля, открыто взявшего ответственность за «Социал-Демократа», т.-е. мы имеем прямое нарушение партийной дисциплины. Этот пинок в редакцию «С.-Д.» был сознательным, нисколько не случайным. Дело в том, что «руководство» не переварило революционный дух «С.-Д.».

Я уже сказал, что основание «Социал-Демократа» приветствовалось далеко не всеми из руководящих членов партии,—рассказывает Бебель [1].—Направление газеты некоторыми все время резко критиковалось. Кое-кто даже прямо враждебно относился к газете, отказываясь пальцем о палец ударить для ее распространения». Резкое отношение к газете усилилось с тех пор, как редакция перешла в руки Бернштейна и взяла твердый революционный курс.

Не имея смелости открыто выступить против ставшей популярной в массах газеты, «вожди» саботировали ее распространение, когда правительство, взбешенное успехом «С.-Д.», усилило репрессии и мотивировало их цитатами из «ужасной» газеты, недовольство, наконец, прорвалось в выступлениях упомянутых «вождей». Конфликт разгорелся во-всю. «Социал-Демократ», конечно, не замолчал эти неслыханно-позорные выступления; в ряде статей [2]) редакция ставит вопрос в ультимативной форме Entweder-Oder: или газета не выражает мнения и настроения партии, тогда следует это заявить официально, надо сместить редакцию в таком случае, или,—если это только частное мнение гг. Газенклевера и Блоса,—необходимо их призвать к порядку. Борьба настолько разгорелась, что многие ждали раскола в партии. Он не произошел благодаря активному выступлению масс за «С.-Д.», несколько охладивший пыл ретивых «вожаков», а также благодаря вмешательству и посредничеству Бебеля. В этом заключается одна из его крупнейших ошибок, повторявшихся неоднократно. После целого ряда совещаний с фракцией, длительных споров, увещеваний, была принята компромиссного характера резолюция, которая, с одной стороны, признала «Социал-Демократ» официальным органом партии, но, с другой стороны, руководство не взяло полностью ответственность за направление газеты.

«Газета должна быть верным зеркалом, отражающим все воззрения и настроения в партии... поэтому редакция обязана дать место всем этим воззрениям и настроениям, поскольку они не противоречат принципам и интересами партии»... Сказано туманно, слишком общо. Всякий может читать это по-своему. Но дальше оппортунисты получают реванш более ясно: «Безотносительно признавая «С.-Д.» официальным органом партии, мы не берем на себя ответственности за каждую статью или выражение», т.-е. можно каждую статью революционного характера считать не официально

[1]) Бебель, Из моей жизни, т. III, стр. 216—217.
[2]) «Sozialdemokrat» № 51—52.

партийной. Эта лазейка в дальнейшем пригодилась оппортунистам. Это заявление было напечатано в № 8 (16/II-82 г.) «Социал-Демократа». Оно на время ликвидировало конфликт.

Конфликт привел к еще бо́льшему укреплению связей «С.-Д.» с массами. В каждом номере газеты печатались многочисленные резолюции с протестами против фракции. Это, как сказано, подействовало на «руководство». Теперь нельзя уже было нападать на газету за ее направление безнаказанно. Марксистское влияние в партии еще более укрепилось, когда Энгельс приступил к непосредственному сотрудничанию в газете, начиная с 1882 г. Отныне всякий, желавший иметь влияние в партии, должен был исходить хотя бы из словесного признания марксизма. В свете изложенного фраза Ауэра из письма к Бернштейну после Ганноверского конгресса: «Дорогой Эде, ты осел, так делают, но так не говорят» получает реальное освещение[1]).

Партия из «героического периода» вышла закаленной, вооруженной самой совершенной и боевой теорией, но... сохранила червоточину в лице своих старых вожаков, которые в большинстве своем плелись за массами в минуту под'ема рабочего движения, тормозили и ревизовали в духе оппортунизма, когда обстановка им благоприятствовала. Старые мелкобуржуазные традиции старого руководства были одним из корней перерождения партии в легальной обстановке мирного периода. Эта головка очень быстро приспособилась к новому социальному истоку оппортунизма—к рабочей аристократии, ибо тех и других питала мелкобуржуазная психология, мещанское бытие.

Те же из руководителей, которые искренне перешли на сторону марксизма, благодаря своему стремлению к возвеличению партии, ее расширению и обогащению, «не брезгуя никакими средствами» (отсюда стремление к единству во что бы то ни стало), своими компромиссами усыпляли бдительность масс и лили воду на мельницу оппортунизма. Таковы те истоки, из которых в последующие годы «героической эпохи» лились струйки оппортунизма, выросшие с конца 90-х гг. в огромное оппортунистическое болото.

Но это болото не должно скрыть от наших глаз то огромное море боевой энергии, организованной борьбы, революционной мудрости в теории и практике, которые немецкий пролетариат во главе со своим вожатым, одним из основоположников марксизма—Энгельсом, влили в международный пролетарский организм. «Героический период» был источником, из которого черпали боевое учение полными ковшами социалисты всех стран. «Героический период» сделал, по праву, германскую социал-демократию вождем европейского пролетариата, его авангардом в период «органического» развития капитализма, в период, когда марксистский социализм в Европе начинал завоевывать рабочее движение.

Уроки борьбы германского пролетариата за революционную теорию и тактику еще надолго послужат на пользу рабочему движению и в настоящее время. В этом и заключаются незабвенные заслуги и историческое значение «героической эпохи» [2]).

[1]) Приводим в точности эту фразу так, как ее цитирует Бернштейн в вышеупоянутой статье об Ауере: «Mein lieber Ede, das, was du verlangst, so etwas beschliest man nicht, so etwas, sagt man nicht, so etwas tut man».

[2]) Тов. Варга в своем сборнике «Die sozialdemokratischen Parteien» 1926 не понимает сущность происходивших процессов в германской с.-д. в эпоху исключительных законов, отсюда у него возникает противоречие: «Закон о социалистах основательно препятствовал теоретическому просвещению социал-демократии, затруднял открытую критику вождей и открыл окна и двери мелкобуржуазному социал-реформизму. И самое замечательное,—добавляет автор,—что как раз в период исключительного закона возникла марксистская литература, но ее руководящий дух был Каутский» (§ 23). Как раз наоборот: именно закон о социалистах нанес удар старой оппортунической партии и направил ее в революционное русло. Оппортунизм является отрыжкой. Литература этого периода не является псевдо-марксистской. Руководящий дух был Энгельс. В следующем очерке надеемся это положение более подробно доказать.

О принципах построения марксистской эстетики [1]).

(О статье тов. Зивельчинской).

В. Гриб.

«Когда художники говорят о природе, они всегда подразумевают идею, не сознавая этого отчетливо.

И то же случается со всеми, кто восхваляет один только опыт: они не соображают, что опыт есть только половина опыта».

Гете.

I.

Область искусства—одна из самых бедных в марксистской философии. Кроме отдельных указаний, у Маркса и Энгельса, да намеченной крайне скупыми чертами общей методологической установки в статьях Плеханова, у нас до сих пор почти ничего еще нет по эстетике. Очень показательно, что марксистам, занимающимся вопросами эстетики, приходится писать о эстетике, как о чем-то гипотетическом, вызывающем сомнения в его необходимости—«Нужна ли нам эстетика?» (ст. тов. Зивельчинской). А было бы нелепо спросить: нужна ли нам политэкономия?

Тем больше внимания заслуживает каждая попытка вернуть эстетике ее права на наше внимание и уважение, которого она вполне достойна. Такой попыткой является статья тов. Зивельчинской [2]). Свои взгляды тов. Зивельчинская развивает и дополняет в целом ряде статей в том же журнале и в книгах по истории эстетики. Поэтому, чтобы дать более или менее полную характеристику взглядов тов. Зивельчинской, я буду исходить из анализа ее творчества в целом.

II.

Первое, на что нужно ответить эстетике—это вопрос о ее предмете,—что изучает эстетика? Казалось бы, ответ прост, эстетика изучает законы прекрасного. Но тут-то и возникают следующие затруднения:

а) Термин «прекрасное» имеет два значения: прекрасное в смысле содержания и прекрасное в смысле выполнения: «прекрасно нарисовать старика с бородой—не значит нарисовать прекрасного, т.-е. красивого, старика»,—говорит Плеханов [3]). Чувство прекрасного возбуждают в нас и произведения искусства, и ландшафты, и гроза на море, и, наконец, гоночный, хорошо сконструированный автомобиль. С другой стороны, произведения искусства, под которыми обыкновенно понимают прекрасное, могут выражать и не-прекрасное само по себе, например, «Лаокоон». Иными словами, понятия искусство и прекрасное не совпадают. «Область искусства шире области прекрасного» [1]).

б) Однако главное затруднение заключается не в этом. Условимся пока под прекрасным понимать искусство, т.-е. продукт человеческих рук, а не «явление природы». (Позже будет выяснено, что такое допущение правильно). Очевидно, что прекрасное, прежде всего, есть особое человеческое переживание, специфическое состояние сознания суб'екта, которое мы называем эстетической эмоцией. Прекрасное не существует вне человеческого сознания, так же, как существует, например, электричество. Оно только продукт сознания. «Фауст» Гете вне нашего восприятия, превращается в вещь, обладающую некоторыми физико-химическими свойствами—в бумагу, покрытую типографской краской,—но не свойством «прекрасного». С другой стороны, не менее справедливо, что не всякая вещь обладает свойством возбуждать эстетические эмоции. «Фауст», например, обладает таким свойством, а «Война этажей» Безыменского, или же столовая щетка не обладают. К тому же так называемые «вечные памятники» искусства: «Илиада», «Ночной обход» Рембрандта, «IX симфония» Бетховена и т. д., сохраняют способность эстетического воздействия на протяжении многих веков, на различных ступенях развития общества. Значит, есть какие-то особые свойства в художественном об'екте, которые причиняют эстетические эмоции, да еще, вдобавок, как будто независимо от времени и места. Где же искать закономерность, которую необходимо предположить в наблюдающемся разнообразии вкусов и без которой невозможно существование эстетики, как наук и: в свойствах об'екта эстетического восприятия или в свойствах суб'екта, или в них обоих? Другими словами, об'ективно ли значимо искусство, или только суб'ективно, или оно совмещает в себе эти два определения? От разрешения этой антиномии зависит определение задач и методов эстетики.

III.

Сперва посмотрим, как определяет т. Зивельчинская предмет эстетики и методы ее. Под эстетикой она понимает «науку, изучающую состояния сознания суб'екта, вызываемые, главным образом, в современном обществе предметами искусства» [2]). Это не значит, что эстетика занимается только эстетическими состояниями суб'екта, она изучает также и свойства художественного об'екта: «Эстетика исследует не только суб'ективные состояния зрителя или слушателя... но и об'ективные свойства предмета, вызывающего то или иное состояние» [3]). Критикуя суб'ективизм Канта, она повторяет: «Вопросами, касающимися эстетических актов сознания и их внешних материальных условий, должна заниматься эстетика [4]). Задача эстетики заключается в об'единении наследования суб'екта и об'екта эстетического восприятия. Марксистская эстетика «не должна пренебрегать вопросами художественной формы» [5]).

Но пока, собственно, эстетика, главным образом, занимается исследованием состояний суб'екта художественного восприятия, ибо оказывается, что это об'единение дело будущего: ...«выдвигается необходимость постепенного планомерного об'единения эстетики, как теории

---

[1]) Статья дискуссионная. *Ред.*

[2]) «П. З. М.» 1926 г., № 11.

[3]) Плеханов, Соч., т. XIV, стр. 180.

[1]) Плеханов, там же, стр. 180.

[2]) «Нужна ли нам эстетика и т. д.»,—«П. З. М.» 1926 г., № 11, стр. 202.

[3]) «П. З. М.» 1928 г., № 4, стр. 116.

[4]) Критика эстетики Канта, стр. 158.

[5]) Там же, стр. 159.

художественного восприятия и искусствознания» (Курсив мой. *В. Г.*[1]). Еще более подтверждается это перечислением задач эстетики, вытекающих из «основной проблемы — что такое эстетическое состояние»: 1) Какое значение имеет культурный уровень зрителя для эстетического состояния... 2) Какие виды искусства требуют более высокого уровня культуры... 3) Влияние идеологии зрителя на его эстетическое состояние... 4—5) Одинаковы ли требования людей различных классов к содержательности произведения,... к совершенству формы и т. д.[2]) (Курсив мой. *В. Г.*). Я не буду продолжать цитаты, ибо и так достаточно ясно, что эстетика пока занимается лишь исследованием эстетического состояния, искусствознание же изучает свойства художественного об'екта, а именно: «Какие сочетания линий, красок, фигур, звуков возбуждают в человеке волнение, грусть и спокойствие? Почему... конструктивный стиль дорического ордена создает в нас уверенно величавое спокойствие, а готика, барокко будят какие-то неясные неопределенные волнения»[3]). Эстетика изучает влияние идеологических моментов, присущих только суб'екту в эстетическом восприятии, которые меняются в зависимости от классового положения их обладателей, а искусствознание—влияние формальных моментов, присущих художественному об'екту. При таком условии ограничения пользования существующими сейчас методами искусствознания, они приемлемы, если ввести формальный метод исследования искусства в надлежащие границы, сделать его частью об'ективного научного исследования искусства, то он может принести пользу»[4]) (Курсив мой. *В. Г.*). Искусствознание как наука исключает эстетическую оценку. Искусствовед находит в данном художественном произведении определенную закономерность формы—сочетания звуков, слов, линий, красок, а оценка производимого ими впечатления—дело эстетика. «Искусствоведы вполне правы, когда изгоняют из своей области эстетический критерий, так как оценочная точка зрения ведет к суб'ективизму и расплывчатым лирическим излияниям...»[5]). Так как качество «соответствия реальному миру» .. «не относится к числу необходимых признаков эстетического суждения», то «в эстетической оценке суб'ект имеет больше значения..., нежели суб'ект в познавательном суждении»[6]).

Каковы же взаимоотношения между эстетикой и искусствознанием? Как происходит их об'единение в общем деле—исследовании эстетического восприятия? «Во-первых, если бы даже эстетика ничего не давала поучительного для искусствознания и литературоведения,—отвечает Зивельчинская,—важность ее нисколько бы не уменьшилась... *(? В. Г.)*. Во-вторых, искусствоведам было бы весьма полезно, как ознакомиться с историей эстетических учений, которой они обычно не знают, так и принять участие в разработке теоретической эстетики»[7]). Почему же «полезно»?—«Во-первых, искусствоведы могли бы дать очень много ценного для исторической и систематической эстетики. «Во-вторых, искусствоведы сразу бы имели в поле зрения и об'ективированную, материализованную идеологию (искусство) и суб'ективные, психологические моменты идеологии (эстетическое состояние)[8]). Как видим, искусствознание и эстетика—«две вещи несовместимые», т.-е. каждая наука работает в своей области, не мешая другой.

[1]) «П. З. М.» 1926 г., № 11, стр. 213.
[2]) Там же, стр. 207—208.
[3]) Критика эстетики Канта, стр. 158.
[4]) Там же, стр. 159.
[5]) Там же, стр. 151.
[6]) Там же, стр. 111.
[7]) Там же, стр. 210.
[8]) «Под Зн. М.» 1926 г., № 11, стр. 210.

«Об'единяются» они в случае необходимости дать «всестороннее» освещение и «формы» и «содержания». Но это, в сущности говоря, не об'единение, а соединение двух разных наук, исследующих различные свойства одного и того же предмета. Так, физика и химия, например, изучают железо с различными подходами, ибо изучают различные свойства. «Значение эстетики для конкретного искусствознания,—повторяет Зивельчинская,—заключается в том, чтобы дать критерии—не вечные, «разумеется»—для сравнительной оценки...; может ли и должно ли конкретное искусствознание, кроме описания и об'яснения фактов, давать оценки, в виду их суб'ективности»[1]). Конкретно соработа эстетики и искусствознания представляется Зивельчинской так: искусствовед, анализирующий, например, передвижников, «должен нам по документам дать оценки различных социальных категорий современников передвижников... Далее, он должен собрать оценки различных категорий своих собственных современников... И, наконец, он конкретно должен указать, в чем заключается нарушение формальных «законов», лучше сказать, правил искусства с его точки зрения»[2]). Хотя Зивельчинская и роняет замечание, что «во втором плане марксистская эстетика совпадает с марксистской методологией искусствознания»[3]), она не указывает, каким образом исследование, например, того, «какие виды искусства требуют более высокого уровня культуры», может дать методологические указания для разработки мелодики стиха или композиции новеллы. Это замечание не нарушает независимости «эстетики» от «искусствознания».

О методах, которыми должна пользоваться эстетика, Зивельчинская пишет очень скупо. Различая три фактора эстетического состояния: биологический и социальный, она говорит: «...методы исследования эстетического состояния те же, что применяются в экспериментальных естественных науках, в частности, рефлексологии, плюс те, которыми пользуется марксистское обществознание, т.-е. диалектика... Все упомянутые в первой части проблемы должны решаться наблюдением и экспериментом, но собранные таким путем данные должны связываться и освещаться диалектическим материализмом» (Курсив мой. *В. Г.*)[4]).

IV.

«Самое ценное, что оставила нам старая эстетика, как отрасль психологии,—утверждает тов. Зивельчинская,—это экспериментальное исследование». Там же тов. Зивельчинская предостерегает марксистов-эстетиков от ошибки, свойственной буржуазным эстетикам: «строить теорию эстетического состояния, одинакового для всех времен».

Обобщение, выяснение того, что такое эстетическое состояние, приходит, как мы уже видели, потом, как результат исследования. «Взгляд на эстетику, как на философскую дисциплину, делает ее в значительной мере бесплодной, так как заставляет ее вращаться в сфере абстрактных рассуждений»[5]). Исследование должно быть «чистым» от всякой предварительной предпосылки, от всякой философии.

Но, как говорит Гете, «величайшее дело—постигнуть, что все фактическое есть уже само по себе теория». Только животные—чистые эмпирики. Тов. Зивельчинская, как человек, отличается от пчелы тем, что прежде чем приступить к постройке сота, она уже вылепила его в своей голове. Всякий

[1]) Критика эстетики Канта, стр. 166.
[2]) Там же, стр. 166.
[3]) Там же, стр. 164.
[4]) «П. З. М.». 1926 г., № 11, стр. 212.
[5]) История эстетики, стр. 269.

исследователь имеет известные предпосылки, известное понимание основных понятий своей науки, т.-е. имеет свою философию. «Отрицать всякую философию, значит, оказаться в плену у самой худшей». Тов. Зивельчинская, несмотря на стремление к «научности», к «фактичности», также имеет свою философию, известное понимание основных понятий эстетики. Основным из них, как мы видим, является понятие «искусство». Изложим воззрение тов. Зивельчинской на этот предмет и убедимся, что они-то и обуславливают подход тов. Зивельчинской к задачам и методам эстетики, а не наоборот, что—«гони философию в дверь, она влетит в окно».

В марксистской литературе широко распространен взгляд на искусство, как на особую форму познания (ведущий свое происхождение от Плеханова, как мы увидим позже). Сама тов. Зивельчинская свидетельствует «общее признание правильности вышеуказанного положения» [1]), но она считает, что «едва ли такое определение удачно, так как вся идеология в целом есть способ постижения и обладания природой и обществом. Какая же специфическая характеристика дается искусству» [2]).

Причины такого заблуждения Зивельчинская видит в следующем:

1. «Опыт показывает, что искусство... дает чрезвычайно яркую, хотя и неполную картину жизни той или иной общественной группы... Оно может служить источником частичного исторического познания эпохи... Произведения искусства служат здесь одновременно двум целям — эстетической и познавательной (Курсив мой. *В. Г.*). Ведь чрез искусство можно познавать общественные идеологии и, с гораздо меньшей точностью, общественные отношения в их подлинном виде» [3]).

2. «Другая причина заключается в могущественном влиянии Гегеля на марксистскую мысль». Искусство, по Гегелю, есть проявление абсолютного духа в чувственной форме и, следовательно, есть особая форма познания. Но для марксистов «истина имеет совсем иной смысл, а именно: реальное соотношение вещей или процессов об'ективного мира, в том числе и людей» (?) [4]). Конечно, искусство не может похвалиться таким качеством, ибо оно «лишь идеологическое преломление и оформление реального соотношения вещей».

3. «Третья причина заключается в настойчивом стремлении сорвать мистический покров с процессов художественного творчества»... «Весь подготовительный процесс для познания и для искусства сходен, только результат иной. Художник мыслит образами вместо понятий... Отсюда делается вывод: искусство есть способ познания мира. Не надо, однако, забывать, что художественное творчество не есть исследование, что исследование ему предшествует» (Курсив Зивельчинской; стр. 99). Оно «не открывает, а лишь оформляет уже наличный материал наблюдения»... «Художник и ученый познают одинаково» (стр. 100). «Разница лишь в средствах воздействия на аудиторию». «Художник оформляет свои представления и понятия так, чтобы они воздействовали «на все целостное сознание зрителя или слушателя, а не на одну логическую сторону, как это делает ученый» (стр. 100).

4. И, наконец, последняя причина—«немаловажное влияние на материалистическую критику... Белинского и Чернышевского». Для них, как для истинных «просветителей», «об'яснение», даваемое искусством, составляло самый существенный и основной интерес» (стр. 101). «Надо твердо помнить, что оба исходили из Гегеля (?), а у Белинского даже сохранилась гегелевская терминология» (стр. 101). Тов. Зивельчинская возражает Чернышевскому, указывая на то, что «распространять... сведения... и понятия..., выработанные наукой», какую задачу ставил искусству Чернышевский, излишне,

[1]) Критика эстетики Канта и т. д., стр. 98.
[2]) Там же, стр. 98.
[3]) Там же, стр. 98.
[4]) Там же, стр. 99.

ибо имеется множество способов делать это более совершенными способами: школа, газета, радио и т. д.

Опровергнув, таким образом, теорию познавательной функции искусства, тов. Зивельчинская заменяет ее другой. «Суждение об искусстве, как способе познания общественной идеологии, совершенно правильно, если мы подходим к анализу искусства с точки зрения его побочных результатов. Но задачи искусства иные. Оно стремится эмоционально заразить... читателя, навязать ему свою идеологию через посредство художественного образа. Искусство отрывает читателя... от собственных мыслей, желаний и навязывает ему свои» (стр. 103; курсив автора). Таким образом, в отрицании за искусством познавательного значения, как его специфической характеристики, Зивельчинская сходится с Кантом. Отсюда она делает вполне последовательный вывод, отрицая возможность об'ективного принципа вкуса, т.-е. об'ективного значения искусства. Мы уже видели, что «соответствие реальному миру»—характернейший признак познавательного суждения—«не относится к числу признаков познавательного суждения» (стр. 111). В самом деле, если искусство есть способ навязать моему ближнему А мои мысли и чувствования, то если этот А сконструирован одинаково со мной, он воспримет мое искусство. И обратно, мой ближний В, отличающийся от меня своими, непохожими на мои, мыслями и чувствами, не воспримет мое искусство, а создаст свое, особое. Но доказать, что мое искусство «лучше» искусства В, я не могу. Отсюда мое искусство будет воздействовать только на людей, приближающихся ко мне складом своей психо-физиологической конституции, т.-е. для марксиста это значит—на людей однородной со мной общественной группы. Об'ективные принципы вкуса, следовательно, «возможны» для одного класса, для одной эпохи» (стр. 176), но не для всех времен. Однако тут возникает трудность, если невозможен об'ективный принцип, то как об'яснить, что некоторые художественные произведения сохраняют свое значение для всех классов общества на протяжении многих веков? Кант избежал этого затруднения тем, что человеческая природа, согласно его философии, неизменна; она вне времени и пространства, поэтому и вкусы у всех людей одинаковы, и потому прекрасное имеет всеобщее значение, хотя и суб'ективное. Но для марксиста нет «неизменной» природы человека. Каким же образом «Фауст» пользуется всеобщим признанием? или др.-греческое искусство? или «Макбет»?

«Чем дальше во времени от нас произведения искусства, тем безразличнее для нас идеология, выраженная в данных произведениях искусства,—отвечает тов. Зивельчинская.—Чем менее мы заинтересованы идеологически в данном художественном произведении, тем спокойнее, об'ективнее наша оценка его, тем больше мы обращаем внимания на его форму. А форма гораздо легче подчиняется об'ективным принципам» (стр. 145)... «Форма в искусстве имеет более длительное воздействие на нас, так как она обуславливается не только своим идеологическим содержанием, но и соответствием наших психо-физиологических особенностях» (стр. 144). Она более устойчива, нежели содержание, хотя тоже «не имеет абсолютных... норм». Ее воздействие коренится «в некоторых биологических свойствах человеческого рода: в тяготении к симметрии, к ритму» (стр. 145—146). Таким образом, форма есть результат совместного действия двух факторов: биологического и социального (стр. 146). Теперь понятно, что древне-греческое искусство доставляет нам удовольствие, главным образом, своей формой, ибо хотя социальная природа наша значительно изменилась по сравнению с древними греками, но биологическая родственна их биологической природе. «Ритм и симметрия в художественных произведениях могут воздействовать, минуя интеллект, непосредственно на органическую природу человека» (стр. 126). Хотя тов. Зивельчинская и признает за Гегелем заслугу, заключающуюся

«в определении художественного произведения, как неразложимого единства формы и содержания» (стр. 141), хотя она и считает, что «форма и содержание в искусстве не составляют механического единства» (стр. 142), но, согласно своей теории о бо́льшей длительности воздействия художественной формы, она вынуждена их взаимозависимость признать «относительной», а не «абсолютной», как у Гегеля [1]). Необходимо признать некоторую самостоятельность за художественной формой, не в смысле ее независимости от социальной жизни, а лишь в смысле некоторой свободы в отношении содержания» [2]).

Итак, суть закономерности в многообразии эстетических восприятий нужно представлять по тов. Зивельчинской следующим образом: существует вне человеческого сознания некий об'ект, обладающий известными свойствами—линиями, красками, звуками, которые, будучи соединены по особым законам, вызывают в нас особые «эстетические» ощущения ритма, симметрии, коренящиеся в биологическом естестве человека. Оно хотя изменяется тоже, но медленнее социальной природы человека. Следовательно, «форма рассматривается, как о б ' е к т и в н ы й материальный фактор [3]) (курсив Зивельчинской). Но, так как «чистой» биологической природы человека не существует, к биологической основе всегда примешивается социальная и психическая «надстройка», то к материальному фактору формы всегда в эстетическом восприятии присоединяется «с о д е р ж а н и е, идея как суб'ективный фактор» [4]). Значит, закономерность эстетического восприятия лежит и в об'екте его и в суб'екте, о т н о с и т е л ь н о независимых друг от друга. Этим определяется воззрение на эстетику как на исследование суб'ективных состояний. Об'ективные же свойства художественного произведения изучает искусствознание. Обе эти науки изучают две стороны одного об'екта, относительно независимые. Поэтому эстетика и искусствоведение также независимы, хотя и в будущем д о л ж н ы «об'единиться».

Как видим, определение задач и методов эстетики всецело базируется на известных предпосылках, на определенной философии искусства, хотя тов. Зивельчинской, как эмпирику, по штату не полагалось бы «делать обобщения» раньше экспериментальных исследований и устанавливать «теорию эстетического состояния для всех времен».

V.

Поэтому я намерен сперва остановиться на философии искусства тов. Зивельчинской, чтобы затем перейти к ее взглядам на задачи эстетики. Но тут я буду вынужден сделать некоторое, хотя и необходимое, отступление от «развертывания сюжета».

Эстетическая антиномия, с которой мы столкнулись в начале статьи, есть лишь частный случай антиномии человеческого знания—антиномия между об'ектом и суб'ектом, между бытием и мышлением. Марксистская эстетика есть лишь конкретное применение принципов общей марксистской философии и вне своей связи с последней немыслима. Но так как марксистская философия не взялась неизвестно откуда, а представляет собой результат предыдущего развития, вне которого она не может быть понята, то нам придется в самом схематичном виде проследить развитие эстетики, как отрасли общей философии, начиная с того времени, когда Баумгартен впер-

[1]) Опыт марксистского анализа истории эстетики, стр. 180.
[2]) Там же, стр. 180.
[3]) Там же, стр. 181.
[4]) Там же, стр. 181.

вые отделил эстетику, как особую науку, от общей философии [1]). Баумгартен дал разрешение эстетической антиномии, т.-е. вопроса о том, где лежит основа эстетической закономерности, пользуясь общим рационалистическим методом, согласно которому суб'ект «отражал» в себе об'ект. Активная роль мышления была сведена к нулю. Оно только воспринимало из об'екта абсолютные истины. Поэтому логические построения считались безусловно реальными, ибо их голосом говорил ведь сам об'ект. Также и в эстетике центр тяжести был перенесен исключительно на об'ект, возбуждающий в нас особые ощущения, называемые эстетическими. Если это так, то очевидно, что причиной их служат особые свойства об'екта. Тогда искусство есть особый род познания, которое Баумгартен, пользуясь рационализированной Вольфо-Лейбницевой терминологией, называет «смутным, чувственным познанием» («Cognitio sensitiva»). Суб'ект бездействовал. Внимание эстетики было направлено на исследование свойства художественного об'екта, при чем суждения мышления раскрывали неизменную истину, устанавливали абсолютную догму «правил искусства». Такая попытка была сделана уже Буало в его «L'art poetique». Печально-известный Готтшед довел до абсурда рационалистическую тенденцию, пытаясь установить «правила творчества», дающие возможности всякому «сделаться» поэтом или художником.

Таким образом, разнуздавшийся суб'ективный произвол мышления под видом об'ективности пришел к своему саморазложению.

Но уже английский эмпиризм вел извнутри свою скрытую разрушительную работу. Он точил загнивающий об'ект, как могильный червь, пока, наконец, об'ект не рухнул. От Локка до Юма по всей линии идет усиленная работа по восстановлению прав суб'екта. Если врожденных идей нет, если источник всякого познания—чувственные восприятия, а «качества» вещей суть продукты обобщающей работы мышления, то ощущения эти и являются истинной реальностью, опытным знанием. Борк, развивая принципы Локка, отрицательно относится к рационалистическому исследованию прекрасного, выходящему за пределы фактического, т.-е. ощущений, данных в опыте. Путь исследования прекрасного — это описание и классификация эстетических ощущений, обобщения приходят после. Так как Борк описывает эстетическое восприятие «человека вообще», то этим достигается искомая эстетическая закономерность, а именно, люди по своей природе одинаковы: следовательно, одинаковы и их вкусы.

Но уже Юм сделал последовательные выводы из посылок эмпиризма: если истинное знание дают только ощущения, а мышление лишь обобщает их, то знание невозможно, ибо внешний мир есть только дело привычки, веры; доказать его существование нельзя, ибо это значит выйти за пределы ощущений, за пределы опыта и заняться пустой метафизикой. Поэтому и за прекрасным Юм отрицает значение свойства предметов. Вкус—чисто-суб'ективное свойство.

Таким образом, эмпиризм впал в ту же ошибку, что и рационализм: суб'ект покоится, а об'ект вливается в него, как вода в бутыль. Разница лишь та, что рационалисты считали вместилищем об'екта — мышление, а эмпирики—ощущение. Но, если мышление суб'ективно, то почему и ощущение не таково же? Юм только продолжал эмпирическую традицию, когда пришел к скептическому «ignorabimus». Рационализм и эмпиризм сами изжили себя, показав этим свою несостоятельность. Синтезировать их попытался первым Кант в своей грандиозной по замыслу системе. Главное значение его метода заключалось в том, что он, выражаясь словами Шеллинга в его некрологе Канта, «первый в корне обратил представления, согласно

[1]) Эстетика Баумгартена, 1750 г.

которому суб'ект бездействует..., предмет же исполнен активность»[1]. Исходя из совершенно верной мысли, что об'ект познается нами в искаженном виде, благодаря нашей суб'ективности, он резко противопоставил содержание познания—об'ект от оболочки его—суб'екта, решив исследовать свойства ее и тем положить конец суб'ективности мышления. Но, отделив об'ект от его формы—явления в нашей суб'ективности, он разрушил самый об'ект, ибо вне своих проявлений он (об'ект) превращается в нечто немыслимое. Так возникла знаменитая «Ding an sich»—результат препарирования умерщвленного и положенного на анатомический стол мышления. Тогда суб'ект познает не внешний, независимый от него мир, он не «отражает» его, а познает мир, как свое бессознательное творчество, как свою собственную проекцию. Такой вывод и сделал Фихте, столкнув в пропасть окончательно ненужный внешний мир.

В соответствии с этим «прекрасное» теряет у Канта об'ективное значение. Вне эстетического состояния прекрасное не существует. Если об'ект эстетического состояния и существует независимо от него, то особые эстетические восприятия не передают реальных свойств об'екта; они—продукт нашей суб'ективности, точно так же, как мышление. Но прекрасное тем отличается от логического, что оно—проявление всей человеческой специфичности в целом. Оно—«целостное сознание». Мышление есть отвлечение от этой целостности, оно всегда противопоставляет себя своему об'екту. В прекрасном же об'ект и суб'ект сливаются. Прекрасное как бы примиряет чувственность и разум, необходимость и свободу. Но, благодаря своей целостности, оно непереводимо на язык разума, и поэтому не может иметь значения познания, даже в суб'ективном, кантовском значении этого слова. Подобно тому, как вещь в себе по своему внутреннему замыслу есть предельное понятие для абсолютного самопознания суб'екта (что выяснил еще Маймон), так и прекрасное, как целостное выражение человеческого спецификума, имеет предельное понятие для своего стремления стать познанием — «эстетической идеей», ибо понятие о прекрасном не совпадает с ним самим, почему прекрасное и кажется вещью, об'ектом, и почему оно не есть познание. Эстетика Канта, будучи дуалистической, тщетно стараясь устранить противоречия между суб'ективным и об'ективным значением прекрасного путем предельных понятий, тем не менее ввела в развитие взглядов на искусство новое понятие единства суб'ект-об'екта. Это проложило дорогу об'ективной эстетике Шеллинга–Гегеля.

Усилиями многочисленных учеников и критиков Канта: Рейнгольда, Бекка, Маймона и в особенности Фихте из кантовской системы было выпелушено ее здоровое ядро: деятельное отношение к миру. Познание не есть «отражение» в мышлении какого-то трансцендентного, противоположного ему об'екта. Познание есть самознание суб'екта, раскрывающего фактическую данность явления, как продукт своей бессознательной деятельности. Понять явление—значит, перевести его из формы данности, независимости от суб'екта в форму зависимости от него, т.-е. проследить историю его производства нашим Я.

Уничтожив кантовское противопоставление Я и абсолютно отличного от него НЕ-Я, Фихте придает эстетической деятельности человека, равно как и логической, об'ективное, познавательное значение, хотя эстетических вопросов он касается лишь мимоходом в своей «Системе морали»: «Любитель изящного,—говорит он,—бессознательно смотрит на природу и нравственный мир с той же точки зрения, какой философ придерживается сознательно и методически»[2].

[1]) Сб. «Новые идеи в философии» № 12, стр. 148.
[2]) Цит. по Гайму «Романтическая школа», стр. 237.

Однако «деятельность» у Фихте еще носит дуалистический характер. Чтобы Я осознало себя, необходима возможность ему отличать себя от нечто другого, необходим толчок. Свет только тогда свет, когда он освещает что-либо,—пользуясь образом самого Фихте. И этот толчок—иррациональный остаток — необ'ясним, раскалывает систему.

Шеллинг нашел выход из этого затруднения в отождествлении суб'екта и его самосознания. Суб'ективную человеческую деятельность он гипостазировал, об'ективировал в Абсолюте. Человек являлся последним моментом в развитии Абсолюта, моментом самопознания Абсолюта. Но рационалистическим путем нельзя достигнуть тождества. Мышление не может окончательно решить противоречие между своей ограниченностью и безграничностью Абсолюта. Истинное познание в интуиции, в алогическом слиянии с Абсолютом. Чувственная конкретная форма тождества конечного и бесконечного — искусство, которое является высшим познанием, растворением суб'екта в об'екте. Таким образом, Шеллинг, этот «Фейербах наизнанку», возвращался к догматическому созерцанию об'екта, к необузданному произволу умозрения, вступавшего в резкое противоречие с опытом, с развитием эмпирических наук. Задача вывести философию тождества из отвлеченного состояния, оправдать ее опытной действительностью выпала на долю Гегеля. Тождество суб'ект-об'екта Гегель перенес из области гипостазированной человеческой специфичности в область гипостазированного отвлечения от нее — в мышление; его Абсолют—Логика с большой буквы. Воскресает фихтевская деятельность в преображенном виде. Если рационализм Фихте полвинчат по сути, если его «Thathandlung» невыразима в понятиях, то у Гегеля все иррациональное об'является мнимо-существующим. Эмпирические науки выводит он чисто-рациональным путем. Эстетика у Гегеля также есть рационализированная шеллинговская эстетика. Искусство — выражение Абсолюта в чувственной форме, почему Гегель ставит искусство, как познание, ниже философии, ибо в последней Абсолют воплощается в адэкватной—логической форме, тогда как в искусстве он еще отвлечен от себя самого, он является себе, как нечто отличное от себя. Так в системе Гегеля эстетика окончательно освободилась от всякой зависимости от суб'екта. Прекрасное было оторвано от живого человеческого восприятия, его об'ективность «распухла» до невероятных размеров.

VI.

Как видим, разрешение эстетической антиномии непосредственно зависит от разрешения общей антиномии познания. Идеалистическая эстетика всегда страдает отвлеченностью, всегда односторонне распухает либо в сторону суб'екта, как у Канта, либо в сторону об'екта, как у Гегеля. Конкретное определение искусства можно дать, лишь опираясь на действительно научное разрешение философской проблемы, т.-е. на марксистскую философию.

Закономерность бытия суб'екта является частным видом закономерности материального бытия. Но закономерность эта не тождественна с бытийной закономерностью, он отличается от нее качественно, имеет свою специфичность. Поэтому бытие является в познании не таким, как оно существует по себе, но преломленным в человеческой специфичности, как луч в призме. Спецификум человека не дан изначально, но представляет собою результат деятельности человека, результат его практического отношения к миру. Бытие—содержание познания—та доля истины, которая в нем заключена, неотделимо от мышления—формы познания—искажения действительности. Вне формы понятия—нет познания. Человек не сознает, что его орудия познания — понятия, в которых накоплено все знание, суть

продукт его же производства и принимает их за «отражение» действительности в его голове, пользуется ими, как данной реальностью. Ценность понятий определяется их практическим применением, но человеческая практика всегда сознательна. Человек действует на основании известных предпосылок—руководящих понятий. Но чтобы эти понятия действительно были реальными, чтобы уничтожить их суб'ективную форму и освободить об'ективность, скрытую в них, необходимо помнить, что они созданы людьми, и что, следовательно, проследив процесс их производства, определенный известным практическим отношением человека к миру, мы приблизимся к истинному познанию действительности.

Таким образом, Маркс рассматривает мир, сознаваемый нами, как произведенный самими людьми, из материала действительности. Задача человеческого познания—бесконечное самоосвобождение от суб'ективности, из гибели которой возникает очищенная от нее реальность. Освобождение достигается путем практики и осознания ее, осознания законов человеческой специфичности, и этим занимается философия—наука о законах понятий, изучающих процесс их производства.

Однако мышление не является всей человеческой специфичностью. Основная особенность мышления и состоит в том, что оно выступает, как суб'ект и как свой собственный об'ект. Оно не только действует, но и сознает это. Между мышлением по себе и мышлением о мышлении всегда есть зияние. Таким образом, мышление — отвлеченное выражение человеческого спецификума. Конкретное проявление, проявление целостного человеческого спецификума, достигается только в искусстве, или в «предметном мышлении» (das gegenständliche Denken), как называет его Гете. В этом смысле искусство можно назвать особого рода познанием. Иначе говоря, для выражения человеческой специфичности существуют две формы: одна целостная—искусство или «образное мышление», выражаясь словами Плеханова; другая—отвлеченная—или логическое мышление. Обе они определяются, создаются практическими отношениями человека к миру, порождающими тот или иной тип человеческого спецификума. Как отвлеченное, так и образное мышление есть продукт человеческой деятельности, и поэтому в суб'ективной искаженной форме содержат известную часть действительности. Чтобы восстановить истинную реальность, скрытую как в образном, так и в отвлеченном мышлении, необходимо изучить процесс производства того или другого их типа. Поэтому и искусство и мышление точнее назвать не познанием действительности, а познанием преломления действительности—единством реальности и ее суб'ективной формы.

Нужно оговориться, что термин «образное мышление» сам до некоторой степени является «образом», ибо представления, вызываемые произведением искусства, не носят отчетливого, зрительного характера. «Вместо подобного представления,—как правильно замечает Б. Томашевский [1]),—возникает ощущение некоторой возможности значения; при этом подобная возможность переживается эмоционально, так как не может быть до конца осмыслена». Образ в искусстве не может быть выражен адэкватным понятием. Скорее всего по внутренней сути возбуждаемого им впечатления он приближается к музыкальному «образу», который и можно считать его типом (первоявлением» (Urphänomen) Гете). Поэтому термин «образное мышление» охватывает не только изобразительное искусство, но и музыку и поэзию.

[1]) «Поэтика», стр. 31, 3 изд.

VII.

Теперь вернемся к «развитию сюжета» в воззрениях тов. Зивельинской. Как мы видели, тов. Зивельчинская, подобно Канту, отрицает за искусством познавательное значение. Разберем ее возражения. Первое из них сводится к тому, что искусство не «отражает» действительности, а преломляет ее, искажает, следовательно, искусство не может быть познавательным оружием. Тов. Зивельчинская напрасно ломится в открытую дверь. Никто из марксистов, защищавших это положение, не отождествлял искусство — особый вид познания с собственно познанием, т.-е. научным. Тов. Зивельчинская упустила из виду эту специфичность познавательного значения искусства, которое, как было сказано, заключается в том, что и искусство есть целостное выражение человеческого спецификума, где преломляется об'ект познания — природа и общественные отношения. Забыть об этом—значит приписать марксизму вовсе не свойственную ему теорию «просветителей», т.-е. метафизических материалистов. Так и делает Зивельчинская в своем последнем возражении. Она считает, что взгляд на искусство, как на познание, заимствован марксистами у «просветителей»—Белинского и Чернышевского. Прежде всего нельзя валить в одну кучу наших просветителей [1]) — Белинского и Чернышевского. Плеханов подчеркивает, что Белинский в «сущности, становился просветителем лишь тогда, когда покидал точку зрения диалектики», и, как будто предчувствуя точку зрения тов. Зивельчинской, добавляет: «Мы напоминаем теперь об этом, так как не хотим, чтобы сказанное нами получило одностороннее толкование» (курсив мой. *В. Г.*) [2]). Замечу, что Плеханов, как материалист-диалектик, в своих взглядах на искусство во многом сходится с идеалистом-диалектиком Белинским, как будет показано. Такие важные вопросы, как определение природы искусства, «мышление образами», определение задач эстетики, об'ективной критерий красоты и т. д., разрешаются Плехановым по методу Белинского или, вернее, по методу их общего учителя—Гегеля. Во взглядах Чернышевского Плеханов видел метафизическое толкование эстетики Белинского, регресс во многом по сравнению с ней. Непоследовательно со стороны тов. Зивельчинской, что она не зачислила и Плеханова в ряды просветителей, ибо оснований к этому имеется не меньше, чем для зачисления Белинского.

Между марксистским, диалектическим определением искусства, как познания, и определением Чернышевского, несмотря на чисто-внешнее, словесное сходство, существует «дистанция огромного размера». В каком смысле применял Чернышевский термин познание по отношению к искусству? «Чернышевский вовсе не отождествляет искусства с наукой. Как человек, знакомый с эстетикой Гегеля, он, подобно Белинскому, понимает, что ученый излагает свою мысль с помощью логических выводов, между тем как художник воплощает ее в образах» [3]). В Чернышевском, хотя и в гораздо менее значительной степени, чем у Белинского, сохранилась диалектическая закваска. Но Чернышевский был фейербахианцем, метафизическим материалистом, т.-е. наполовину идеалистом. В качестве такового, Чернышевский относился к действительности не с точки зрения практической деятельности, а как «созерцатель». Для метафизика-материалиста мышление—умелое чтение «евангелия чувств». Действительность не искажается в голове суб'екта, но «отражается» в ней. Отсюда, метафизик-материалист выводит, что его-то мышление истинно, и сообразно

[1]) Плеханов, Соч., т. V, стр. 326.
[2]) Там же, стр. 34.
[3]) Там же, стр. 311.

ему нужно исправлять все существующее. Все теории, существовавшие до него, об'являются заблуждением. Если мышление непосредственно усваивает действительность, то очевидно, что и «образное мышление»—искусство—обладает тем же свойством, тогда разница между искусством и научным мышлением сводится лишь к тому, что через искусство, как более доступное, легче распространять истинные понятия о природе, обществе и т. д., легче, потому что искусство делает это с помощью изящной формы. Возбуждая чувство, оно незаметно внушает читателю полезные сведения. Отсюда «форма»—специфичность искусства, его образность является чем-то второстепенным, подслащением лекарства. Задача критика, эстетика заключается в том, чтобы выяснить, какие истины скрыты в художественном произведении, и растолковать их, при чем предпочтение отдается тем произведениям, где проводятся идеи, «полезные» по мнению «просветителя».

Ясно, что марксист-диалектик не может согласиться с данным пониманием роли отвлеченного и образного мышлений. И отвлеченное и образное мышление равно содержит в себе не «чистую» действительность, но преломленную в форме человеческого спецификума, обусловленной практическими отношениями человека к миру. Изображаемое нельзя оторвать от его изображения в произведении искусства, от его преломления. Так называемая идея, содержание,—та реальность, которая заключается в данном произведении,—остается пустым отвлечением от реальности, т.-е. от произведения искусства, «вещью в себе», если не показано практически, как освободили ее от ее спецификума, от ее преломления. А для этого нужно проследить процесс производства художественного произведения. Тогда только мы поймем, какая ступень отношения человека к миру обусловила собой все особенности его искусства, когда нам удастся вскрыть в этих конкретных особенностях определенный тип конкретного спецификума, т.-е. мироощущения. Просветитель не понимает, что конкретное выражение спецификума закреплено в «форме», что действительность в зависимости от классового положения художника, преломляется различно, и вне этого преломления ее в произведении искусства **нет**, как нет вещи в себе вне ее «явления». Тов. Зивельчинская забывает об этом. Она мыслит себе познавательную роль искусства по просветительски, как «отражение» действительности. Неудивительно, что, приписав марксистам такое упрощенное понимание роли искусства, она победоносно опровергает его, ибо сражается с вызванным ею же самой призраком. Странно видеть, как диалектическое плехановское определение искусства на основании одинакового словесного состава сближают с определением Чернышевского, забывая о различии смысла, о различии философии диалектического и метафизического материализма.

Тов. Зивельчинская верно отмечает тесную связь марксистской эстетики с гегелевской, вернее, определения искусства. Но, по ее мнению, это—незаконный перенос идеалистического воззрения, обусловленного всей идеалистической системой Гегеля, в материалистическую эстетику. Конечно, истина, действительная природа мира у Гегеля представлены в совсем другом виде, чем у Маркса. Смешно открывать сейчас новую Америку. Гегель был идеалистом, а Маркс—материалистом. Но дело не в том, что марксизм, видящий сущность мира в материальном движении, находит в гегелевской системе верное описание форм и разнообразнейших процессов этого движения, но скрытое под идеалистической отвлеченностью. Марксизм разрешает познавательную проблему, опираясь на единство суб'екта и об'екта в практической деятельности, и последовательное применение этого принципа видит в той же системе Гегеля опять-таки в отвлеченной, идеалистической оболочке. Кому теперь не известно, какое важное значение имеет для нас Гегель? Точно так же, описывая «явление Абсолютной

истины в чувственной форме», мы под этой идеалистической шелухой видим здоровое ядро; признание за искусством известного познавательного значения, значения мышления образами. Это определение искусства дает возможность его изучения, предопределяет, ибо искусство в этом случае рассматривается, как нечто об'ективно существующее, т.-е. существующее в человеческой цельности, независимо от его (человека) сознания. Тов. Зивельчинская не замечает того, что, прежде чем приступать к изучению искусства, исследователь сознает он это или не сознает, уже имеет предпосылку, определяющую направление его исследования, уже отыскивает закономерность в том направлении, которое подсказывает ему его определение природы искусства. Иначе говоря, гносеология искусства определяется его онтологией (а не наоборот), чтобы в процессе исследования определить в свою очередь онтологию. И вот в эстетике Гегеля мы находим онтологическое определение искусства, которое, правда, нужно «поставить на ноги». Ценность его заключается в том, что суб'ект, его свойства не противопоставляются об'екту, а есть особое проявление об'екта. Суб'ект сам для себя является об'ектом, ибо он сам и его сознание о себе не одно и то же. Искусство также не есть чисто-суб'ективная деятельность, но об'ективно значащая нечто иное, чем ее суб'ективное преломление «чувства прекрасного». Ясно, что кантовская теория искусства с ее разрывом между суб'ектом и об'ектом, присущим всей системе Канта в целом, не приемлема для марксизма, и потому-то и не оказала влияния на марксистскую мысль. Тов. Зивельчинская вместо того, чтобы об'яснить, почему же именно Гегель, а не Кант или Липпс, например, так сильно повлиял на марксистов, довольствуется эмпирическим констатированием факта и отвлеченным осуждением его. Непонятно также, почему упоминая просветительство Белинского и Чернышевского, тов. Зивельчинская рекомендует «твердо помнить, что они исходили из Гегеля». Неужели и Гегель зачислен ею в просветители?

Наконец, тов. Зивельчинская путает вопрос о природе процесса творчества с вопросом о природе результата этого процесса—произведения искусства. Первый вопрос относится к психологии творчества, которая и должна решить, отличается ли процесс художественного творчества от процесса научного творчества; термины: отвлеченное и образное мышления берутся в смысле суб'ективных состояний. Во втором случае эти термины берутся в смысле об'ективных результатов. И тогда нужно сказать, что отвлеченное мышление—логика и образное мышление—искусство не одно и то же, хотя и образуют единство. И разница между ученым и художником не в том, что они по-разному оформляют одинаковый материал, потому что эта разность оформления—не произвол творца, но зависит от разницы в материале. Художник оформляет целостный спецификум преломления действительности, а ученый—отвлечение от этого спецификума. Тов. Зивельчинская правильно замечает, что художник апеллирует к целостному сознанию, а ученый к одной логической стороне его. Но отсюда следует вовсе не то, что хочется тов. Зивельчинской. Она упорно считает познание только логическим, следуя рационалистике Канта, отрывавшего мышление от чувственно-целостной человеческой природы. Но ведь она сама говорит, что мышление есть только одна сторона человеческой природы—логическая. Следовательно, не мышление определяет человеческую целостную природу, а дело обстоит как раз наоборот. Целостное сознание определяет мышление. «Угол сердца» к миру, выражаясь словами В. Хлебникова, определяет «угол зрения», под которым видит мир человек. Поэтому искус-

ство имеет не только суб'ективное значение, но и об'ективное, ибо мир ощущение предопределяет мировоззрение, через него и человеческую деятельность. «Философия не есть страсть интеллекта, но интеллектуальное орудие страсти»,—говорит Маркс.

Если искусство есть особое познание, то это вовсе не значит, будто оно призвано заменить научное, логическое познание. Шеллингианство—давно пройденный этап в развитии эстетики. Какова практическая ценность познавательной роли искусства—лучше всего скажет следующая цитата из предисловия к сб. «За 20 лет» Плеханова: «...в вопросах, касающихся развития идеологии, самые лучшие знатоки «струны» (так называл Михайловский экономическую структуру общества. *В. Г.*) окажутся подчас бессильными, если не будут обладать некоторым, особым дарованием, именно художественным чутьем (курсив Плеханова). Психология приспособляется к экономии. Но это приспособление есть сложный процесс, и, чтобы понять весь его ход, чтобы наглядно представить себе и другим, как именно он совершается, не раз понадобится талант художника» (курсив мой. *В. Г.*). Иными словами, мышление в силу своей отвлеченности не может конкретно воспроизвести процесс «переработки материального в идеальное». Многие звенья того процесса остаются лишь предположениями, белыми местами на географической карте, хотя это не мешает нам знать карту земли в целом. Мышление, как суб'ект, так же относится к себе, как к об'екту, как 0,333... к ⅓. Всегда остается некоторой иррациональный остаток. Искусство как раз и воспроизводит целостный человеческий спецификум, облегчая тем работу мышления. Невозможно, например, понять философию Фихте, если не представлять «тут сердца» Фихте, звена, скрепляющего производственные отношения и вызванную ими их логическую оболочку.

Упуская эту связь искусства и мышления, тов. Зивельчинская непоследовательно наделяет мышление об'ективным познавательным значением, лишая искусство этого качества.

Не могу тут не остановиться хотя бы вскользь на разрыве между художественным и научным творчеством, который проводит тов. Зивельчинская, следуя кантовской эстетике. «Ничего предосудительного,—пишет она,—для марксиста не содержится в признании коренного различия между художественным и научным дарованием» (курсив мой. *В. Г.*). Научным работником может стать и действительно становится всякий, обладающий средними умственными способностями (?): «Ученый отличается от неученого и от выдающегося ученого количественно (курсив автора)... И рядовой ученый делает выдающиеся открытия; сомневаюсь в гениальности супругов Кюри...» («Критика эстетики Канта», стр. 153). А «художник от нехудожника отличается качественно» (курсив автора, стр. 154). Тут, где речь идет уже не о результатах творческого процесса, а о нем самом, тов. Зивельчинская возвращается к заплесневелым мистическим теориям романтиков и Шеллинга, воспринятым у Канта, о «вдохновении» и т. д. Неужели тов. Зивельчинская серьезно думает, что можно «научиться» изобретать радий и делать научные открытия? Тут приходится вспомнить Фихте, остроумно возражавшему современным ему «рационализаторам» научного гения: «Как же должна быть изобретена самая теория изобретения? Не через теорию ли изобретения теория изобретения, а это как?» [1]).

Как будто «всякий, обладающий средними умственными способностями», не может так же легко «выучиться» писать и стихи, и прозу, как эстетические исследования или учебник физики. Но ведь вопрос в том, будет ли он творцом? Творчество изобретателя радия качественно однородно с творчеством автора «Фауста», отличаясь от него лишь конкретной целеустремленностью (я отвлекаюсь от степени одаренности). Любопытно было бы ознакомиться с «правилами» научного изобретательства.

[1]) Избранные сочинения, под ред. Трубецкого, т. I, стр. 46.

Тов. Зивельчинская забывает о том, что область научной деятельности гораздо более осознана, нежели область искусства. Человек сознательно действует, он размышляет над законами своего действования. И благодаря тому, что практическая необходимость направила его рефлексию прежде всего на деятельность прикладную, в науке осознанность законов мышления достигла высокой степени. Искусство же в этом отношении оказалось позади всех. Вот почему в искусстве бессознательная деятельность, «интуиция» играет сравнительно бо́льшую роль, нежели в науке. Молодая, но уже крепкая наука—поэтика—скоро сгонит идеалистический туман с его последних позиций, и миф о неподчинении «вдохновения» поэта никакой закономерности рассыпется в прах.

VIII.

Тов. Зивельчинская недоумевает: если мы характеризуем искусство, как познание, в чем же специфичность этой характеристики искусства, «как особой отрасли классовой идеологии» [1]). Каковы специфические черты искусства—мы уже выяснили, что же касается до классовости искусства, то нужно сказать, что искусство—явление, принадлежащее не только классовому обществу, категория логическая, а не историческая, и что, следовательно, применение искусства в классовой борьбе вытекает из его свойства, как орудия, из его онтологической природы, а не наоборот. А о том, что в классовом обществе всякое «духовное» проявление, всякая наука, начиная от философии и кончая математикой, служат в большей или меньшей степени орудием классовой борьбы — не приходится спорить, разумеется. Но из этого вовсе не следует, что мы должны отказаться от определения сущности философского познания, математического, образного и т. д., ибо в идеологии каждого класса всегда содержится необходимая доля истины, позволяющая ему сохранять и бороться за свое существование. Чем извращеннее становится идеология класса, тем ближе он к своей гибели, как это мы наблюдаем в искусстве и науке современной нам буржуазии.

Тов. Зивельчинская усматривает специфичность искусства в эмоциональном заражении. Никто, конечно, не станет отрицать того, что искусство заражает. Без такого свойства произведение искусства перестает быть самим собой. Но если не довольствоваться поверхностным описанием факта, если мы хотим вскрыть присущую ему закономерность, то мы спросим, почему оно заражает? В чем заключается об'ективная причина заражения? Почему мои эмоции можно передать другому человеку? Тов. Зивельчинская подходит к эстетической антиномии со стороны суб'екта, т.-е. она вскрывает состояния сознания суб'екта, находит там особое эстетическое состояние и видит, что оно передаваемо. Отсюда она делает заключение, что искусство—эмоциональное заражение. Это положение верно только по отношению к суб'ективному состоянию, к переживанию «прекрасного», но по отношению ко всей антиномии оно неверно, ибо односторонне расширяет ее в сторону суб'екта. Можно ли на вопрос: в чем состоит свойство сахара—ответить: он—сладок? Весь вопрос ведь заключается не в том, что он сладок, а почему он сладок, какие об'ективные отличия

[1]) Критика эстетики Канта, стр. 196.

имеет он в своем составе по сравнению, например, с уксусом? К эмпирикам, не желающим «выходить за пределы факта», т.-е. простого констатирования наличной данности, хорошо подходит прекрасная эпиграмма Пушкина:

«Движенья нет» — сказал мудрец брадатый,
Другой смолчал и стал... пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить
Хвалили все ответ замысловатый...
Но, господа, пример забавный сей
Невольно мне другой на ум приводит
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однакож прав упрямый Галилей».

Как смотрел на этот вопрос Плеханов? Возражая против теории эмоционального заражения, выдвинутый еще Толстым, он писал: «Неверно, что искусство выражает только чувства людей. Нет, оно выражает и чувства их и мысли, притом выражает не отвлеченно, а в живых образах (курсив Плеханова) и в этом заключается его самая главная отличительная черта» (курсив мой. *В. Г.*). По мнению Толстого, «искусство начинается тогда, когда человек с целью передать другим людям испытанное им чувство, снова вызывает его в себе и известными внешними знаками выражает его». Я же думаю, что искусство начинается тогда, когда человек вызывает в себе чувства и мысли, испытанные им под влиянием окружающей им действительности (курсив мой. *В. Г.*) и придает им известное образное выражение (курсив Плеханова) [1]. «Само собою разумеется, что делает он это в огромнейшем большинстве случаев с целью передать продуманное и прочувственное другим людям».

В статье «В. Белинский и В. Майков» Плеханов повторяет: «Иное дело сочувственное (или несочувственное) отношение к тому или иному явлению в природе или общественной жизни, а иное дело художественное изображение этого явления. Не всякий тот, кто «любит» или «негодует», способен быть поэтом» [2]. Плеханов подчеркивает разницу между суб'ективистской тенденцией Толстого, подставляющего под искусство эстетическое состояние суб'екта, и марксизмом, исследующим об'ективную сущность эстетического восприятия. Искусство заражает потому, что в качестве особого познания выражает нечто общее для многих людей, существующее в них независимо от их сознания о себе, их «угол сердца». «Дать истинное вдохновение художнику способно только то, что способствует общению между людьми» [3]. Если художник захотел бы выразить нечто чисто-индивидуальное, он никого не мог бы «заразить». Почему? По той же причине, по какой человек, страдающий, дальтонизмом, никого не убедил бы в том, что листья дерева обладают красным цветом, его суб'ективное состояние не имеет общеобязательного значения, оно не является познавательным суждением. Плеханов, приводя известный пример Рескина, замечает: «Почему нельзя скряге петь о потерянных деньгах? Очень просто: если бы он запел о своей утрате, то его песня никого бы не тронула, т.-е. не могла бы служить средством общения между ним и другими людьми», а это значит, что «не всякая идея может быть выражена в художественном произведении» [1], «когда ложная идея кладется в основу художественного произведения, она вносит в него такие внутренние противоречия, от которых страдает его достоинство» [2]. Таким образом истинность образного мышления определяет степень его заражаемости.

[1] Плеханов, Соч., т. XIV, стр. 2.
[2] Сб. «Искусство», стр. 202.
[3] Плеханов, Соч., т. XIV, стр. 149.

IX.

Если искусство есть только эмоциональное заражение, только передача состояний одного человека другому, то вполне последователен вывод, что невозможен об'ективный принцип вкуса. Как «доказать», что мое искусство выше, нежели искусство другого? Но все же во многообразии вкусов наблюдается некоторая закономерность, без которой вообще было бы невозможно существование эстетики, как науки; закономерность эту Кант, также отрицавший об'ективность вкуса, усматривал в «неизменной природе» человека. Тов. Зивельчинская делает «марксистскую» поправку: закономерность эстетических вкусов лежит в классовой природе человека, исходя из того положения, что «общечеловеческое» есть абстракция. Было бы последовательнее, если бы она отрицала и об'ективность классового вкуса, ибо класс ведь тоже «абстракция», так как он не однороден по своему составу и состоит из различных прослоек, эти прослойки распадаются на подпрослойки и т. д., но об этом поговорим потом.

Но тогда возникает проблема, почему же искусство одного класса все-таки способно «заражать» другой класс, напр., древне-греческое искусство? В связи с этим Маркс в «Введении к критике политэкономии» пишет: «Трудность заключается не в том, чтобы понять, что греческое искусство и эпос связаны с известными общественными формами развития. Трудность состоит в понимании того, что они еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном смысле сохраняют значение нормы и недосягаемого образца» [3]. Этот вопрос является оселком для каждой эстетической теории, в особенности для марксистской. Ниже мы увидим, как Маркс отвечал на него.

Чтобы выйти из затруднения, т. Зивельчинская, произведение искусства раскладывает на об'ективный фактор—форму и суб'ективный—содержание. Хотя она и говорит о единстве формы и содержания, но об относительном, а не абсолютном. Таким образом эстетическое состояние складывается из мыслей, чувств, плюс биологическое удовольствие от «формы»—сочетания линий, красок и т. д. Отсюда мы, оставаясь равнодушными к содержанию произведений древне-греческого искусства, ощущаем их форму. И, обратно, произведения современного буржуазного искусства мешают в известной степени нам наслаждаться их формой, ибо выражают враждебное нам «содержание».

Не трудно видеть, что это не диалектическое, а дуалистическое решение антиномии между абсолютностью и относительностью художественной истины, соединение формализма кантовской эстетики с марксистской эстетикой содержания. Если «форма» действует непосредственно на органическую природу человека», то, очевидно, есть некоторое «чувство прекрасного», которое независимо от «идей» и которое подгоняется к ней, как футляр к коробке. По т. Зивельчинской дело представляется так: существует в человеке биологический «фактор» и социальный. Из их суммы складывается эстетическое восприятие. В подверждение она ссылается на Плеханова: «Идеал красоты, господствующей в данное время в данном обществе или данном классе общества, коренится частью в

[1] Там же, стр. 138.
[2] Там же, стр. 151.
[3] УкрГИЗ, 2-е изд., стр. 26.

биологических условиях развития человеческого рода...., а частью в исторических условиях возникновения и существования этого общества или этого класса». Но разве тут Плеханов говорит о механическом соединении биологической и социальной «природы» человека? Биологическая «природа» человека так относится к его социальной, как вещь к проявлению своего, как возможность к действительности. Нельзя себе мыслить человека, как продукт частью социальных, частью биологических условий. Биологическое проявляется в человеке, как социальное. Разрывать их нельзя. В той же статье, откуда т. Зивельчинская взяла цитату, Плеханов усиленно подчеркивает эту мысль [1]). Поэтому «форму» даже «относительно» нельзя отрывать от содержания, ибо тогда раздвоенность, эклектика неизбежны. Плеханов именно за это упрекал Чернышевского, за отвлеченный, метафизический, непоследовательный материализм, справедливо усматривая в этом «просветительство». Плеханов считает мысль Червышевского—«прекрасное не исчерпывает содержания искусства—«справедливой, хотя и страдающей некоторой отвлеченностью»... «История действительно не знает таких произведений,—развивает свою мысль Плеханов,—которые выражали бы исключительно «идею прекрасного»... «Но, если это верно,—а это совершенно верно,—то как же обстоит дело? Так ли, что искусство, с одной стороны, воплощает идею прекрасного, а с другой—выражает наши стремления к правде, к доброму, к улучшению своего быта и т. д. Нет, чаще всего бывает наоборот. Наше понятие о прекрасном само проникается этими стремлениями и само выражает их. Поэтому и не следует разлагать на отдельные элементы то, что в действительности представляют собою нечто органически целое. А Чернышевский, в силу свойственной всем «просветителям» рассудочности, иногда разлагает это органически целое на его отдельные составные элементы» [2]). «Просветитель» рассуждает отвлеченно, т.-е. как идеалист. Он не понимает, благодаря созерцательному отношению к миру, что действительность преломляется в человеческой голове и что искусство есть особое выражение этого преломления. Поэтому отбросить эту «особость», значит думать, что изображение можно отделить от изображаемого, явление от вещи, считать «прекрасное» позолотой пилюли, т.-е. вернуться к идеалистическому взгляду на прекрасное, как на нечто независимое от истории и от «земного». Тов. Зивельчинская повторяет этот взгляд в более мягкой форме. Она снова «констатирует» факт совпадения формы и содержания, она признает, что нельзя «втиснуть» любое «содержание» в «любую форму», но где лежит объективная причина этого факта, сделать обобщение, выйти «за пределы фактичности» она не может.

На самом деле форма и содержание совпадают потому, что они не существуют в действительности, как самостоятельные вещи. Произведение искусства воспринимается нами, если оно воспринимается, как нечто цельное. Если спросить, напр., читателя «Илиады», что он воспринимает от поэмы: «форму» или «содержание», он не сможет ответить определенным образом, ибо понятия «формы» и «содержания» суть не более, чем понятия, и потому не могут быть приняты за доподлинную действительность. Они возникают только в процессе осознания бессознательной человеческой деятельности, а именно, осознанные законы деятельности мы называем формой, приемами, неосознанное—содержанием. Форма с этой точки зрения есть не более, как осознанное содержание, чем и об'ясняется единство замысла и его исполнения.

[1]) «Письма без адреса».
[2]) Соч., т. V, стр. 314.

«Формальный» же взгляд на форму — ничем не прикрытый идеализм, что прекрасно доказали наши формалисты. Если формалист — рационалист, он считает, что роль деятельности бессознательной сводится к нулю — все заменяет знание «приемов». Если же он «грешит» марксизмом, он считает, что «форма» предмет техники, терпенья, дело наживное, а главное—«идеология». И в том и в другом случае отвлеченное понятие формально-логически принимают за реальные законы искусства.

С точки зрения абсолютного соотношения между формой и содержанием иначе решается и вопрос о художественной значимости «Илиады». Когда пролетарский художник заимствует у художника буржуазного или дворянского, «эмпирики» утверждают, что он берет якобы только «технику», «формальные приемы» и вкладывает в них новое «содержание». Иначе и нельзя судить с точки зрения «заражения» и отрицания об'ективных принципов вкуса. Но «эмпирик» снова скользит по поверхности не хуже любого идеалиста. Например, формалисты считали (теперь уже, судя по статьям Эйхенбаума и Тынянова в «На Литературном Посту», перестают) возможным об'яснить литературную эволюцию «отталкиванием» писателя от существовавшей до него литературной традиции. Так Лермонтов «ломал» пушкинский канон, его дело довершил Некрасов и т. д. Но об'яснить направление «отталкивания», почему на место пушкинского канона Лермонтов выдвигал определенный, свой канон, эмпирические измышления формалистов не смогли. Точно так же теория заимствования «техники», отдающая формалистическим душком, не может об'яснить, почему заимствуют именно эти, а не те «приемы», почему, напр., поэты «Кузницы» заимствовали «технику» у символистов, а не у Некрасова, не может об'яснить направление заимствования.

Диалектическая эстетика, рассматривая форму, как «инобытие» содержания, не может удовольствоваться таким поверхностным об'яснением. Произведение искусства есть нечто целостное и поэтому воспринимается, как целостное. Если пролетарский художник заимствует «приемы», напр., у Маяковского, то это происходит потому, что в мироощущении Маяковского данный писатель находит родственные черты. И вот, чтобы облегчить работу по оформлению своего мироощущения, он заимствует приемы, т.-е. осознанные законы родственного ему «угла сердца».

Так же обстоит дело и с историей искусства. Нельзя себе представлять искусство различных классов и эпох,—античное искусство, феодальное, буржуазное, пролетарское—обособленными друг от друга, замкнутыми в себе, имеющими общее только по технике. Это возвратило бы нас к чистейшему шпенглерианству. Есть два типа идеалистического понимания исторического развития. Первый, отбрасывая все конкретные различия, видит только общее «вечеловеческое»; другой, отбрасывая все общее, видит только эмпирические частности. Но в обоих случаях развитие невозможно, ибо развитие понимается метафизически, а не диалектически. Развитие есть движение единого в конкретном множестве. Иначе говоря, наличие многих классовых искусств вовсе не исключает рассмотрения их, как ступеней развития одного искусства. «Общеловеческое» сейчас стало чем-то в роде «жупела». Это понятно, ибо идеалисты достаточно извратили роль общих понятий. Но отсюда не значит, что общие понятия—выверт, фикция, ибо без них невозможно никакое человеческое познание. Ведь с точки зрения эмпирика и понятие «класс» должно являться фикцией, файгингеровским «als ob», так как «реально» нет класса, а есть множество классовых прослоек, распадающихся, в свою очередь, на множество отдельных индивидуумов. Но общее понятие, как, например, «общечеловеческое», только тогда абстрактно, когда оно берется вне своего проявления в конкретном материале, вне своего «самораскрытия», развития. Общечеловеческое—абстракция, если его берут как

нечто готовое, данное. Наоборот, если его рассматривать, как развивающееся в ряде классовых культур, тогда оно будет тем реальным единством, без которого невозможен монистический взгляд на человеческую историю. С этой точки зрения история до известной степени телеологична, понимая это слово в гегелевском смысле, ибо она рассматривается с точки зрения своего результата—бесклассового общества, как его (результата) становление. Низшие формы развития можно об'яснить только их результатом—высшими формами.

Мы уже говорили, что действительность преломляется в познании, что это преломление определяется практическим отношением человека к миру, его производственным классовым положением, вырабатывающим известный тип его спецификума. Класс не может обходиться без знания действительности в такой мере, в какой оно ему нужно для сохранения своего существования. А это значит, что в культуре класса есть известная доля об'ективности, которую можно рассматривать, как момент в становлении общечеловеческой культуры.

Об'ективная ценность классовой культуры выявляется в практике: притязания класса на руководящую роль оправдываются действительностью его науки, его познания природы и общества. Но познание класса потому и классово, что оно не абсолютно об'ективно, а всегда является искаженным в его спецификуме—в его мироощущении и в его философии, в тех предпосылках, с которыми он подходит к миропознанию. Но, так как в философии класса, кроме неизбежного искажения действительности, есть и известная доля истинного познания ее, то-есть она и в его образной философии—искусстве, по отношению к которому философия является производным. Если «философия управляет естествознанием», то искусство управляет философией; «... философская система не есть мертвая утварь, которую можно по желанию отбросить или принять, она одушевлена душою человека, ее имеющего» [1]), — писал еще Фихте. А отсюда каждое классовое искусство можно рассматривать, как момент в развитии единого искусства, единого человеческого мироощущения. Так именно смотрел на этот вопрос и Маркс, об'ясняя обаяние эллинского искусства не его «техникой», а тем, что «мужчина не может сделаться снова ребенком, не становясь смешным. Но разве не радует его наивность ребенка и равзе сам он не должен стремиться к тому, чтобы на высшей ступени воспроизводить свою истинную сущность, и разве в детской натуре не оживает ее собственный характер в безыскусственной правде? И почему детство человеческого общества там, где оно развилось, всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень?» [2]). Здесь Маркс выражает в материалистической форме мысль Гегеля: «Детская невинность, конечно, имеет нечто привлекательное и трогательное, но только потому, что напоминает результат, к которому дух должен стремиться. Непосредственное единство с природою, которое мы замечаем в детском возрасте, должно быть плохо духовной деятельности и духовного развития» [3]). Марксова мысль кажется Зивельчинской лишь «остроумной аналогией», а не об'яснением. Но можно ли так походя разделываться с Марксом?

Познавательное значение искусства сказывается не сразу. Класс, буржуазия, например, добившись господства, стремится сохранить его. Но его успехи приводят к тому, что класс становится все более и более в своем по-

[1]) Сб. «Новые идеи в философии» № 12, стр. 34.
[2]) Назв. соч., стр. 26.
[3]) Энциклопедия, ч. I, стр. 49, пер. Чижова.

нии суб'ективным. Он не двигает вперед человечество, он становится тормозом его, он загнивает. В первую очередь это сказывается на его спецификуме, который все более и более извращает действительность. Падает искусство и философия. И лишь через довольно длительный промежуток времени, пока загнивание передается по всем приводам и ремням познавательной машины, сказывается эта извращенность спецификума, а именно, начинает падать научное знание. Таким образом, формальный критерий в искусстве не применим, так же, как и в мышлении. Невозможно «доказать», какие приемы «лучше», какая философия «истиннее», не выходя за пределы приемов, за пределы философии. Ценность искусства и философии определяется практикой, то искусство—искусство и та философия—философия, которые выражают наименее преломляющий действительность спецификум, наиболее приближающийся к норме. В человеческой истории классом, наиболее, овладевшим действительностью, является пролетариат. Только его философия и искусство имеют за собой будущее. Они стоят на более высокой ступени, нежели философия и искусство буржуазии, ибо пролетарская философия есть самосознание, самоосвобождение от суб'ективности. Нет абсолютного критерия истинности красоты, но это не означает, что нет об'ективного критерия познания, об'ективного принципа вкуса.

«Утверждая, что не может быть об'ективного мерила красоты, — возражал Плеханов Луначарскому, — г. Луначарский совершил тот самый грех, который совершают столь многие буржуазные идеологи... грех крайнего суб'ективизма» [1]). Плеханов, вслед за Гегелем и Белинским, находил такое мерило в единстве формы и содержания, но не любой формы, любому содержанию: «Г. Луначарский утверждал также, что форма может вполне соответствовать и ложной идее. Но с этим я не могу согласиться» [2]). «Когда ложная идея кладется в основу художественного произведения, она вносит в него такие внутренние противоречия, от которых неизбежно страдает его эстетическое достоинство» (курсив мой. *В. Г.*) [3]).

X.

Из дуалистического механического понимания взаимоотношений между формой и содержанием, из отрицания об'ективного мерила вкуса логически вытекает и дуалистический взгляд т. Зивельчинской на задачи эстетики. Законы формы и законы ее оценки изучаются отдельно. Последнее производится путем описания и классификации суб'ективных состояний отдельных индивидуумов. Не трудно видеть, что это—кантианское понимание эстетики, ибо «об'ективный фактор»—«форма» превращается в своеобразную «вещь в себе», ибо по отношению к собственно-прекрасному, понимаемому только как переживание суб'екта, он играет роль возбудителя ощущений. Но можно ли понять об'ективную сущность эстетического восприятии из описания суб'ективных переживаний? Мы уже говорили об этом, об основной ошибке эмпиризма. Приведу еще пример. Предположим, мы бы захотели выяснить интересы рабочего класса и для этого приступили бы к описанию того, как смотрят на свои интересы разные его прослойки и представители, а затем дали бы «об'ективную причину» этого—описание современной заводской техники. Далеко бы мы ушли с таким методом? Нет, разумеется. Ибо сознание человека о себе самом и что он представляет из себя на самом деле—не одно и то же. Это — элементарное положение марксизма. Пра-

[1]) Плеханов, Соч., т. XIV, стр. 180.
[2]) Там же, стр. 180.
[3]) Там же, стр. 151.

вильнее будет, если мы и об'ективные интересы класса и суб'ективное его сознание о своих интересах будем рассматривать, как единство в практическом отношении пролетариата к действительности. Этим мы об'ясним и действительные интересы класса, и то, почему значительная часть его имеет о них неправильное представление.

Писарев был последовательнее т. Зивельчинской, когда отрицал возможность научной эстетики, на том основании, что суб'ективные вкусы людей нельзя свести к общеобязательному единству. В самом деле, почему т. Зивельчинская допускает об'ективный вкус для одного класса и отрицает его вообще? Ведь класс не однороден и вкусы его прослоек часто весьма различны. И разве не может случиться так, что пролетарское художественное произведение не будет доступно массе пролетариата по той же причине, что и «Нищета философии»? Перестанет ли от этого оно быть пролетарским? Вкусы—почва шаткая, если не выходить за их пределы к их об'ективной причине. На каком основании т. Зивельчинская допускает обобщение вкусов отдельных прослоек пролетариата и не допускает обобщения вкусов для отдельных классов? Любопытно возражение, которое делает т. Зивельчинская Мерингу. Мысль Меринга сводится к тому, что история искусства одновременно есть и история «вкусов», ибо не существует эстетики для всех времен.

«В таком случае,—утверждает т. Зивельчинская,—можно с таким же основанием утверждать, что теория познания не нужна, так как нет гносеологии для всех времен»... Как первое положение не упраздняет гносеологии, как теории науки, так второе положение не отменяет эстетики, как теории художественного восприятия» [1]). Совершенно верно. Но думает ли товарищ Зивельчинская, что путем описания суб'ективных восприятий познающего можно построить теорию познания? Можно ли психологию отождествить с диалектической логикой, которая, как говорил Ленин является марксистской гносеологией? А т. Зивельчинская именно это проделывает с эстетикой. С другой стороны, «форма» фактически оставляется в добычу формалистам, которые, работая по-старинке, будут описывать и классифицировать ее законы «об'ективно», без лирических излияний, т.-е. попрежнему будут рассматривать прием вне его функционального назначения и давать метафизические схемы, как сделал Эйхенбаум в своей «Мелодике и т. д.».

Наконец, соединив добытые рефлексологическими, статистическими и формальными изысканиями данные по рецепту т. Зивельчинской, эстетик вспомнит о диалектике и примется «обобщать» их, т.-е. естественно, что данные, собранные различными (и односторонними) методами, будут «противоречить» друг другу. Эти противоречия диалектика, как некий Deus ex machina, будет разрешать и примерять. Блестящий сценический апофеоз, конечно... но не достаточно ли всем знаком этот взгляд наших «эмпириков» или механистов, обрекающих диалектику на почетное бездействие, ибо фактически ее «применяют» тогда, когда познавательный процесс уже закончен? Тов. Зивельчинская до конца верна своему последовательному эмпиризму.

Задачи эстетики могут быть поняты лишь в случае, если к ним подойти с точки зрения их связи с задачами общей марксистской философии. Выше мы назвали философию наукой о производстве понятий, а именно, философия, восстановив путь производства понятия, очищает понятие от суб'ективных извращений, заменяя его другим понятием, более совершенным. Очевидно, что и это другое не свободно от суб'ективности, и, чтобы освободить его от нее, нужно, в свою очередь, исследовать процесс его производства и т. д., все время уменьшая степень приближения. Очевидно, что процесс производства понятия должен быть изучаем, как конкретный процесс. Как определенный

[1]) Критика эстетики Канта, стр. 161.

тип производственных отношений определяет в человеке особое отношение к миру, как это отношение влияет на научное развитие и через посредство его на выработку руководящих понятий—вот, что должна установить философия. И этот принцип философии нужно применить в первую очередь к ней самой. Нужно показать, что истинный смысл понятия «философия» есть производство понятий, но так как и это не более, как понятие, то оно лишь тогда будет реальным, когда будет показано, что все предыдущие понятия философии представляют лишь искажения его, и что, проследив историю производства понятия философии, мы приходим к выводу, что наше понятие — результат предыдущего развития.

Применяя этот принцип к конкретным понятиям, которым пользуется история искусства, мы видим, что история производства этих понятий: форма, содержание, стиль, об'ективный принцип вкуса и т. д.—составляет конкретный вид философии—философию искусства или эстетику. Эстетика дает угол зрения исследователю искусства, который изучает, в свою очередь, процесс производства образных мышлений—художественных произведений. Таким образом, марксистская история искусства—искусствознание—совмещает исследование суб'екта и об'екта, не разрывая их, ибо, показав, как из производственных отношений вырастает «der Gottheit lebendiges Kleid», она тем самым показывает единство прекрасного, как известного преломления действительности, выраженного особым образом, и самой действительности, определяющей свое преломление. Исследование вкусов, т.-е. того, как влияет художественное произведение на различные общественные группы, разумеется, необходимо эстетику, как одно из звеньев исследования процесса производства художественного произведения. Но нельзя одним звеном замещать весь процесс. «Задача научной эстетики не ограничивается констатированием того факта, что искусство выражает всегда не только идею прекрасного, но также и другие стремления человека (к правде, любви и т. д.). Ее задача состоит, главным образом, в обнаружении того, каким образом эти другие стремления находят свое выражение в его понятии о прекрасном и каким образом они сами, видоизменяясь в процессе общественного развития, видоизменяют сами идею прекрасного» [1]) (курсив Плеханова).

В своем знаменитом предисловии к сб. «За 20 лет» Плеханов указывает, что «первая задача критика состоит в том, чтобы перевести идею данного худ. произведения с языка искусства на язык социологии», но... «социология не должна затворять двери перед эстетикой, а, напротив, настежь раскрывать их перед нею. Вторым актом верной себе материалистической критики должна быть, как это было и у критиков-идеалистов, оценка эстетических достоинств разбираемого произведения, т.-е. «показать идею художественного произведения в ее **конкретном проявлении,** проследить ее в образах, найти целое и единое в частностях» [2]). Интересно, что, доказывая необходимость существования эстетики, тов. Зивельчинская ссылается именно на эту мысль Плеханова: «Раз необходима эстетическая критика, то этим самым уже твердо устанавливается необходимость эстетики» [3]). Эта аргументация любопытна потому, что в понятие «эстетика» Зивельчинская вкладывает совершенно другой смысл, нежели Плеханов. Как может исследование вкусов суб'екта проследить производство художественного образа, обосновать все особенности «формы» отвлеченным от нее за-

[1]) Плеханов, Соч., т. V, стр. 314.
[2]) Плеханов, Соч., т. XIV, стр. 189.
[3]) «Под Зн. М.» 1926 г., № 11, стр. 205.

мыслом», т.-е. выполнить задачу эстетики». Тов. Зивельчинская и сама чувствует, что тут не все ладно. «Под эстетикой Плеханов понимал... общее учение об искусстве». Но это об'ясняется тем, что «Плеханов не имел возможности заняться специальным изучением искусства и эстетики» [1]). Удивительно удобный способ отделываться от противоречий с марксистской эстетикой. У Маркса «остроумная аналогия» (!) Плеханов «не имел возможности» (!) и т. д.

XI.

Задача и размеры моей статьи не позволяют мне, к сожалению, остановиться подробно на «Истории эстетики» т. Зивельчинской; я думаю сделать это в отдельной статье. Здесь я укажу лишь на методологические особенности ее работы. Тов. Зивельчинская и здесь осталась верной до конца своему эмпиризму. В сущности говоря, никакой «истории эстетики», никакого развития в ее работе нет. Есть изложение теорий в хронологическом порядке. «Эмпирик» не видит того, что его взгляды на эстетику остаются пустым отвлечением, если он не покажет, что история эстетических учений может быть понята и об'яснена только при помощи его понятия о сущности эстетики. Историк эстетики, если он не хочет довольствоваться простым описанием, должен вскрыть истинный смысл каждой системы эстетики, т.-е. установить ее историческую обусловленность. Но, делая это, он тем самым вынужден сделать «истинным смыслом» свое понимание эстетики. А оно остается гипотезой, пока эстетик не покажет, что все конкретные особенности истории развития эстетики, особенности систем можно об'яснить только его пониманием эстетики. Только тогда его суб'ективное убеждение одновременно будет действительностью, оценка—наукой. Иначе говоря, показывая недостаточность, т.-е. «историческую обусловленность» эстетических систем, он рассматривает каждую из них, как идеальный момент» его системы. Он не должен забывать, что его система вырастает из предшествующих, «снимает» их. Тов. Зивельчинская пересказывает эстетические теории так, что никакого развития в сущности говоря, не видно, получается ряд систем, генетически между собою не связанных, каждая система имеет ряд ошибок и достоинств, и только. Какое место занимает система в общем развитии—абсолютно не ясно. Поэтому критика систем ведется по-просветительски, т.-е. с точки зрения отвлеченной противоположности между истиной и заблуждением. Поясню примером—у Шеллинга есть положение о том, что в искусстве абсолютная форма есть бесформенность. Зивельчинская называет эту мысль диалектической игрой слов». Между тем, эта мысль Шеллинга послужила основой для гегелевского учения об оригинальности, которое сама же Зивельчинская называет «интересной и ценной». По Гегелю высшее проявление индивидуального заключается в совпадении с действительностью с об'ективным. Высшая форма состоит в отсутствии ее. Если освободить Шеллингову-Гегелеву мысль от ее идеалистической оболочки, она получит значение весьма важного для марксистской эстетики положения о том, что форма не есть нечто реально раздельное от содержания, что ее значение, как формы, только тогда проявится в полной мере, когда ее не будут рассматривать, как самоцель, зависящую от индивидуального произвола, а как проявление содержания. Но просветитель за «туманной» идеалистической корой не видит плодотворного зерна. Можно развернуть, конечно, Гегелеву «Логику» и «опровергнуть» ее ссылкой на факт, что мышление определяется бытием, а не наоборот, но что даст такая критика, достаточно выяснено Лениным.

[1]) Опыт марксистского анализа и т. д., стр. 330.

А критика т. Зивельчинской носит сплошь такой отвлеченный характер.

Отношение т. Зивельчинской к фактам истории тоже не мирится с действительностью, ибо факты вкладываются в схему, долженствующую показать, что самое ценное в старой эстетике — это «экспериментальное исследование эстетического восприятия». Так, напр., Шеллинг и романтическая эстетика помещаются после Гегеля, хотя, по всем законам божеским и человеческим, следует сделать наоборот, так как Гегель может быть правильно понят только, как синтетик романтического движения. Гегель—систематик романтизма, как говорит Гайм. Шеллинг оказывается творцом особой дисциплины «философии искусства», как будто бы не каждая эстетическая система является философией искусства, хочет ли того автор или нет. Вся диалектическая эстетика об'является «метафизической» (по Самсонову?).

Просветительское отношение сказывается и в том, что т. Зивельчинская часто вместо того, чтобы понять воззрения автора той или иной системы, иронизирует над ним. Так, например, говоря о том, что Толстой не был знаком с материалистами-эстетиками, она пишет: «Но этих писателей-теоретиков Толстой не удостаивает своим графским вниманием» (??). Рескин за свою мысль, что и в бедности есть своя поэзия [1]), а не только в пышных палатах, тоже получает по заслугам. «Глубина буржуазного лицемерия не имеет пределов... Видимо, Рескин не испытал этих тонких прелестей» (бедности. *В. Г.*). Не плакать и не смеяться, а понимать,—вот чего не нужно забывать марксисту. Ирония в данном случае вещь легкая.

Наконец, русская эстетика у тов. Зивельчинской получает совсем странный вид. Белинский целиком отнесен к просветителям (очевидно, за теорию искусства—познания). О знаменитом эстетическом кодексе его, оказавшем такое влияние на Плеханова, Зивельчинская умалчивает. То же она делает и по отношению к Плеханову. Излагая взгляды его на импрессионизм, на символизм, на Гамсуна, Зивельчинская не говорит буквально ни одного слова о взгляде Плеханова на сущность искусства, на взаимоотношение формы и содержания, на об'ективный критерий красоты и т. д., т.-е. не говорит о эстетике Плеханова. Это понятно, ибо взгляды Плеханова находятся в резком противоречии со взглядами т. Зивельчинской, и потому ей приходится старательно вытравливать все то, что она не может увязать со своей теорией, т.-е. сущность плехановской эстетики. И Плеханов, «очищенный» от всяких дурных влияний Гегеля и Белинского, демонстрируется, таким образом, как учитель т. Зивельчинской. Странно иногда пишется история.

XII.

Мы проследили взгляды т. Зивельчинской по всей «линии» эстетики. Остается лишь дать синтетическую характеристику ее взглядов.

Не будет ошибкой, если мы скажем, что эстетика т. Зивельчинской есть разновидность эмпиризма. Главная особенность эмпиризма, или метафизического материализма, состоит в неумении стать на точку зрения предметной деятельности. Эмпирик не хочет понять, что мышление активно, что оно, будучи предопределено бытием, само предопределяет явление бытия в познании. Эмпирик, с другой стороны, не видит, что суб'ект есть часть

[1]) Любопытно сравнить мысль Рескина с отзывом Плеханова о картине де-Санктиса (т. XIV, стр. 86).

об'екта, что мышление «имеет свои законы, представляющие специфическое проявление общей закономерности природы. Эмпирик стремится к «чистому» исследованию, полагая, что обобщения следуют потом, как будто бы можно освободиться от предпосылок мышления, предопределяющих исследование. Отсюда его недоверие ко всякой «философии». Эмпирик обвиняет ее в стремлении заменить практику выдумыванием «из головы», тогда как философия стремится не к замене собой опытного знания, но к осознанию его, видя свое назначение в переводе практической деятельности из сферы «инстинкта» в сферу сознания. Для эмпирика в онтологии — «вещь в себе», т.-е. независимое бытие—«отвлечение», в гносеологии—реальность общих понятий—«отвлечение». Наконец, в эстетике для него—об'ективное мерило прекрасного, «отвлечения»; т. Зивельчинская видит факты, но выйти за их пределы в об'ективную их причину не желает. Она боится «предварительных обобщений и... довольствуется самыми худшими, ибо эмпиризм, как метафизический материализм, всегда ведет к идеализму, т.-е. к склонности принимать отвлеченные понятия за факты. Есть только один материализм—диалектический, всякий уклон от него неминуемо ведет к идеализму. Тов. Зивельчинская в ряде основных вопросов эстетики фактически примыкает к Канту, порывая с Плехановым, ибо ее дуалистическое разрешение эстетической антиномии, вытекающее из отрицания за эстетическими состояниями суб'екта об'ективно-познавательного значения, на деле уничтожает роль об'екта, сводя все к исследованию свойств суб'екта. По-кантовски решает она и вопрос о форме, содержании, о принципе вкуса и т. д. Каждая эстетическая теория поверяется на практике, т.-е. тем, какую пользу приносит он искусствознанию и через нее политике на фронте искусств.

Из области искусствознания возьму для краткости литературоведение. Эстетика т. Зивельчинской представляет собой философское обоснование «формально-социологического» метода, который дуалистически разрывает «форму» и «содержание», являясь эклектической смесью формалистической и «социологической» метафизики насквозь. «Фор-соц» не видит того, что «форма» является, как результат осознания содержания, что содержание нужно искать в «форме», а не помимо ее.

Содержание есть всегда логическое отвлечение, от конкретной целостности художественного произведения и остается таковым, если не будет показано, что все особенности данного произведения: его «стиль», «приемы» об'яснимы только данным «содержанием». Тогда только оно становится из отвлеченной гипотезы реальностью, только тогда. «Фор-соц» забывает о мысли Плеханова. Он не трудится показать, что только его гипотезой можно детерминировать стиль данного произведения. Для него «содержание», психологический комплекс существуют сами по себе, а форма как повторяет он вслед за формалистами, сама по себе. Фохт [1]) показывает, как по-различному истолковывают социальную причинность пушкинской поэзии историки литературы: Войтоловский, Горбачев, Назаренко и т. д., приходя подчас к противоположным выводам. Причиной такой разноречивости служит именно отвлеченное понимание «содержания». Отсюда характерное для метафизика-материалиста просветительство, наблюдающееся у левого крыла фор-соц'ов. «Просветитель» ценит только «содержание», считая «форму» придатком. Отсюда широко распространенный прием критика: у Блока, напр., прекрасная «форма», «мастерство», но нет «содержания». Под «содержанием» просветитель понимает то, о чем говорится — действительность, а не «что—как»—действительностью преломленную. Поэтому из культурного наследства он предпочитает произведения на революционные или «освободительные» «темы». Это дает ему возможность вести агитацию за идеи коммунизма, раз'яснить их значение. Просветитель не понимает, что «содержание», лишенное своей «живой одежды», перестает быть самим собой, превращается с точки зрения искусства в миф, абстракцию. Просветитель не желает считаться с материалом орудия агитации. Ведь это орудие—искусство требует для максимальной успешности его применения—агитации, познания свойств своих. Если искусство перестает быть искусством, оно негодное орудие. Оттого в главном вопросе литературной политики, взаимоотношения между молодой пролетарской литературой и культурным наследием «просветитель» отвергает всякую преемственность, сводя ее к изучению «техники» буржуазных мастеров; фетишизируя, таким образом форму и не понимая ее функциональной сущности. Это наносит вред пролетарскому писателю, ибо фактически заимствование «приема» обусловлено заимствованием «содержания». И вместо того, чтобы, осознав это явление, постараться управлять им, закрывают глаза и поддаются ему. Мнимая «левизна» приводит на практике к «правизне», к тому, что такое произведение, как «Цемент» Гладкова, сильно отдающее художественным методом Достоевского, об'является чисто-пролетарским только потому, что «сюжет» романа—строительство, творческий под'ем Союза после 1919—1920 гг. Но дело не в том, о чем говорит Гладков, а как преломляется это «что» в его творчестве. И преломление, нужно сказать, далеко не отвечает пролетарскому мироощущению. (К сожалению, я вынужден говорить голословно).

[1]) «Печать и Револ.» 1927 г., №№ 1—2.

В противоположность «просветительству», диалектическая эстетика дает обоснование научному познанию искусства, методу, который изучает художественное произведение, как продукт человеческого производства, рассматривает «прекрасное», как целостное проявление человеческого спецификума. Форма, согласно этому методу, есть осознанное содержание, и ее недостатки об'ясняются недостатками содержания, т.-е. суб'ективной извращенностью классового спецификума. В современном литературоведении по этому правильному пути идет группа представителей «органического» метода (Переверзев, Поспелов, Фохт, Беспалов и др.).

Литературная критика и литерат. политика только тогда действительно руководят процессом вырастания пролетарской литературы, когда опираются на знание законов искусства. Изменить искусство можно, только познав его. А именно, если ценность искусства тем больше, чем меньше оно преломляет действительность, и если пролетарское искусство, выражающее спецификум класса, видящего свою особенность в том, что он опирается на знание действительности (тогда как буржуазия опирается на извращение ее), если пролетарское искусство явится самым значительным изо всех, то очевидно, что его искусство не выпрыгнет из реторты, но будет закономерным синтезом лучших достижений предшествующих культур. Но искусство, как любая отрасль деятельности человека, имеет свои незыблемые законы. Категории образного мышления: мелодика, композиция, метрика и т. д. подчиняются закономерности, отнюдь не исключающей свободу творчества. Эти «неизменные законы изящного» не должны являться суб'ективными вкусами, но плодом «внимательного изучения искусства», как указывал Плеханов [1]). В другом месте Плеханов, цитируя слова Белинского: «Задачи истинной эстетики состоят не в том, чтобы решить, чем должно быть искусство, а в том, чтобы определить что такое искусство, называет эту мысль «гениальной», вполне достойной

[1]) Плеханов. Соч., т. X. стр. 297.

человека, воспитавшегося на гегелевской диалектике» [1]). Есть только одно настоящее искусство, одно настоящее образное мышление. Осознавая его законы, не абсолютно, разумеется, ибо это невозможно, эстетик практически поможет пролетарскому художнику. Пример «Цемента» лишний раз показывает, как осторожно нужно подходить к вопросу о культурном наследстве, а не отделываться фразами об «усвоении» техники, ибо на деле допускают худшие стороны буржуазной идеологии. Пролетариат, как молодой класс, естественно еще не освободился от пуповины—навыков мироощущения,—связывающей его с буржуазным обществом. Процесс самоосвобождения пролетариата от традиций, привитых ему господствовавшим классом, одновременно есть процесс роста пролетарской культуры. Очевидно, что процесс этот совершается не по мановению руки «спецов» по пролетарской культуре. И чтобы управлять действительно этим процессом, чтобы сознательно руководить им, критик должен рассматривать современные произведения пролетарских художников, как этапы развития пролетарской культуры, а не как достигнутую цель. Это значит вскрыть в мироощущении пролетарского художника элементы, связывающие его с культурным наследием прошлого, оценить их пригодность, указать вред восприятия некоторых из них, например, вред заимствования Гладковым у Достоевского манеры преувеличенно болезненного копательства в биологии и половом инстинкте (особенно показательны в этом отношении «Огненный конь» и «Пьяное солнце»). Затем критик должен указать на невозможность «заимствования» тех «приемов», которые выражают враждебное или чуждое нам мироощущение и прочие приемы, символистов (см. об этом ст. Лелевича в «Печати и Револ.» 1927 г., № 5), указать на приемы авторов, выражающих родственные элементы мироощущения. А чтобы выполнить это, чтобы действительно помочь литературному развитию, критик не должен подменять конкретного мироощущения его отвлеченной стороной, «содержанием», должен помнить, что недостатки «формы» у пролетарских писателей об'ясняются недостатками содержания, т.-е. конкретного мироощущения, а не отсутствием отвлеченных логических идей.

Само собою разумеется, что это «настоящее» искусство не существует в готовом виде, но представляет собою отвлечение, реальное постольку, поскольку им можно об'яснить историю искусства, поскольку оно опирается на историю искусства. Каждое классовое искусство есть только момент в его развитии. Пролетарское искусство, как высшая ступень его развития, должна включить в себя предыдущие искусства не только по «форме», но и по содержанию.

Создание такой науки о законах образного мышления, его логики возможно лишь именно в эпоху колоссального творческого размаха пролетариата, его орлиного стремления к универсальному синтезу, осуществляющему гениальные, но отвлеченные мечтания немецкой романтики от Гете до Гегеля...

...Auf! Bade, Schuler, unverdrossen
Die ird'sche Brust im Morgenrot!..

(«Faust»).

[1]) Соч., т. VI, стр. 349.

Роль инстинктов в поведении человека [1]).

В. Боровский.

1. При изучении поведения человека нам приходится иметь дело, преимущественно, с совершенно специфическими факторами: с трудом и речью, которых мы в таком виде не находим в мире животных, и со своеобразными социальными взаимоотношениями, которые также специально присущи только человеку. Все же психологу приходится считаться с тем, что при всем своеобразии человек не может окончательно вылезти из своей «животной оболочки», что человек животный организм и что, если позволено будет вывернуть известное изречение, не все анимальное ему чуждо.

Для того, чтобы не упустить вовсе таких анимальных факторов и правильно их учесть, психолог обращается и должен обращаться—к биологии. Но здесь, на стыке этих двух отраслей знания, налицо чрезвычайно невыгодные условия. Условия, которые породили невероятную путаницу, с некоторыми образцами которой немного ниже придется повозиться. С одной стороны, как сказано, психолог хочет почерпнуть у биологов сведения о поведении человека, как животного организма,—готовые сведения, так как психолог сам до последнего времени не пытался биологически изучать человека. С другой стороны, оказывается, что и биологи, до самого последнего времени, вовсе, или почти вовсе, не изучали человека, как самостоятельный об'ект; не изучали его теми же методами, которые они так успешно применяют ко всем своим обычным об'ектам. За неимением положительных данных им приходится судить о человеке лишь по аналогии, на основании сведений, добытых при изучении других животных. Но так как они не изучают человека, как такового, то они не имеют возможности оценить всего своеобразия социальных влияний на его развитие и его поведение. Поэтому их аналогии, в громадном большинстве случаев, оказываются чрезвычайно упрощенным переносом представлений, пригодных для об'яснения поведения низших животных на человека.

Психолог же берет этот порочный по существу материал и относится к нему с тем доверием, какое внушают ему (психологу) все известные блестящие достижения современной биологии. Сплошь и рядом психолог извлекает из такого материала как раз наиболее слабые места (аналогий) и развивает их дальше в целые системы. Трагедия создающегося положения заключается в том, что он тогда считает свою систему биологически обоснованной. На самом же деле корни ее лежат в незаконных аналогиях. Если к тому же еще психолог недооценивает роли социальных факторов в поведении человека и применяет свои построения к его социальным взаимоотношениям, то получаются удивительные, совершенно извращенные картины.

[1]) Статья дает обоснованную критику существующих теорий инстинкта. Собственные построения автора по этому вопросу имеют значение лишь, как материал к диал.-мат. решению проблемы инстинктов. *Ред.*

Чтобы не быть голословным, я сейчас приведу цитату из одной мало известной у нас книжки, к которой я, думается, этой цитатой не рискую возбудить какого-либо интереса. Я выбираю эту книгу потому, что считаю ее одним из геркулесовых столпов в данном вопросе. Вот что пишут У. и К. Уит'эм [1]): «Мы имеем причины считать, что основы эволюции классовых подразделений, появляющихся у всех цивилизованных и полуцивилизованных народов, надо искать в бо́льшей эффективности, с которой, благодаря таким подразделениям, выполняются многочисленные и разнообразные функции цивилизованного государства. Процветающие нации слепым, первобытным и несовершенным способом вывели (have bred) различные особенности у различных групп населения, так же, как они это сделали в более отчетливой степени у своих домашних животных; а так как дети, в среднем, неизбежно наследуют способности и склонности своих родителей, так как сыновья часто избирают профессию отца и используют для себя все преимущества семейной среды, то накопление качеств способствует эффективности, благодаря тому, что прирожденный характер каждого человека оказывается приспособленным к тому труду, который ему предназначен. Раз возник такой процесс будь то у человека или у скотины, то имеются все шансы для выработки тех классовых разграничений, которые некоторым людям кажутся верхом нелепости, предрассудка и несправедливости, поскольку это относится к человеку, и триумфом дальновидности и человеческого разума, поскольку это касается животных. Так рабочие классы постепенно приобретают большую долю физической силы и выносливости, а также инстинктивной ловкости в ручном труде, так часто вызывающей наше восхищение. Так конторский служащий (clerk) наследует усидчивость и аккуратность, а также честность, без которой сводятся к нулю все его прочие достоинства. Так сын фабриканта рождается со способностью управлять сложной системой своего завода, предвидеть все комбинации и прочие факторы, влияющие на соответствующий товарный рынок. Так военный обладает инстинктом самопожертвования, способностью командовать людьми, а также той быстротой схватывания положения и решимости в трудную минуту, которые необходимы для успеха в «чаду войны». Так старые правящие классы Англии, и других подобных наций, воплощают инстинктивное чувство общественного долга и накопляют в себе большую массу национальной способности к управлению» (стр. 146—147). Хорошо? Биологическое обоснование общественных классов! Оказывается, что это нечто в роде каст у муравьев или термитов: рабочий органически приспособлен только к ручному труду, а «правящие классы» к управлению людьми и фабриками, да еще «часто» к восхищению ловкостью рабочих. (Не сказано, часто ли рабочие восхищаются умением фабрикантских сынов управлять ими). Буржуазия может спать спокойно: инстинктивно честным служащим и жертвующим собой военным биологией суждено ее охранять. Не думаю, что эта гадкая чепуха нуждается в опровержении. И не думаю, что ее надо об'яснять сознательным желанием авторов выслужиться перед «правящими классами старой Англии». Надо сказать, что консервативные политики, после того как стало неудобным обосновывать привилегии своего класса божьей волей, очень охотно ссылаются на «инстинктивную природу человека».

Можно было бы привести и еще примеры (если и не столь яркие) биологических оправданий социального и политического неравенства. Бернэрд в своей большой книге об инстинктах [2]), цитирует в этой связи Бэтсона и Дэвнпорта [1]), которые, по его словам, привлекают понятия инстинкта и природы человека для защиты экономических разграничений в существующей производственной системе (надо понимать—капиталистической). В такую же точно биологизацию социальных взаимоотношений впадают и такие авторы, которые говорят, например, о «русских демократических инстинктах» или о «моногамическом инстинкте белой расы», или даже о «религиозном инстинкте негров» [2]). Бо́льшую смертность некоторых слоев населения или бо́льший процент преступности или социальных болезней—все эти явления, которые марксист считает обусловленными социальными факторами: капитализмом и частной собственностью, все это такие авторы считают возможным приписывать биологическому фактору наследственности.

[1]) W. C. D. and C. D. Whetham, Heredity and Society.

[2]) L. L. Bernard, Instinct. На 550 страницах этого тома автор его с большой полнотой разобрал все, что относится к вопросу об инстинктах, и, в общем, очень основательно разобрал. Хотя не во всем с ним можно согласиться, все же волей - неволей, во многом приходится его повторять.

2. О роли инстинктов, т.-е. наследственного элемента в поведении человека, как мы уже говорили, очень мало пишут биологи, а гораздо чаще психологи и социологи. Более того, если взять всю литературу об инстинктах вообще, то биологи в числе авторов окажутся в незначительном проценте. Так, например, Уотсон подсчитал, что за три года с 1922 по 1924 год в американской литературе появилось более сотни произведений по вопросу об инстинктах, и что большинство их написано людьми, которые никогда систематически не наблюдали ни цельного жизненного цикла животного, ни самого раннего детства человека. Другими словами, пишут об инстинктах, главным образом, люди, никогда на практике с инстинктами не имевшие дела. Такое положение вещей всегда напоминает мне старый анекдот, который рассказал в своих «Лекциях о натурфилософии» немецкий профессор В. Оствальд, и который да будет мне позволено здесь воспроизвести. Трем суб'ектам: англичанину, французу и немцу, которые никогда в жизни не видели верблюда и не имели о нем никакого представления, было дано задание—описать верблюда. Что же они сделали? Англичанин купил ружье, поехал в Африку, застрелил верблюда, набил чучело, привез его в Лондон, подарил его Британскому музею и описал все, что узнал. Француз отправился в Париже в «Jardin d'acclimatation» и описал верблюда по имевшемуся там экземпляру; а если бы в Париже верблюда не оказалось, то француз вообще сомневался бы в его существовании. А немец заперся в своем кабинете и описал верблюда таким, каким он должен быть по его внутреннему убеждению (aus seinem Genut). Вот мне и кажется, что по квадратным километрам литературы об инстинктах в большом количестве шагают караваны таких «кабинетных» верблюдов.

Итак, биологи наблюдают инстинкты у низших животных и, не зная человека, приписывают ему те же инстинкты. Биологизирующие психологи, социологи и просто «писатели» хватаются за это понятие и пользуются им для безудержных спекуляций. И вот результаты. Вышеназванный Бернэрд, собравший, кажется, все, что можно было собрать, имел терпение подсчитать все инстинкты, которые фигурируют в большом количестве различных сочинений. Получились цифры внушительные и любопытные: им проработаны 495 книг, вышедших из-под пера 412 авторов, эти авторы в 14.046 случаях говорят об инстинктах, которые оказались настолько разнообразными, что их удалось свести не меньше как в 5.759 групп. Для иллюстрации я приведу только одну из таблиц Бернэрда, в которой собраны так называемые специфические инстинкты (т.-е. исключены общие, типовые, неопределенные).

[1]) W. Bateson, Biological fact and the Structure of Society; C. B. Davenport, Heredity in relation to Eugenics.

[2]) По Бернэрду, стр. 295.

Группы инстинктов	Число классов	Число авторов	Число книг	Число упомина. инстинкт.
эстетические	51	50	51	152
альтруистические	44	49	56	119
противообщественные	100	69	75	173
отвращение или отталкивание	39	21	21	74
экономические	60	69	78	281
этические	27	35	36	48
семейные	83	82	91	413
страх и бегство	86	52	55	287
пищевые	64	59	65	226
социальные и стадные	149	150	172	697
интеллектуальные	106	80	86	362
подражание	16	32	34	91
переселение и климатические	31	28	29	64
игра	44	57	61	168
отдых, воздержность, неподвижность	26	19	19	36
религиозные	30	34	36	83
мстительность	41	45	47	96
самоунижение	53	47	50	139
настойчивость (в защите своих прав), напористость	170	140	161	806
выставление себя на показ	37	33	34	107
половые	130	126	147	853
мастерство	63	81	89	266
смешанные	144	62	66	229
	1.594	323	388	5.684

Расшифруем, для примера, одну из групп, например, группу из тридцати классов религиозных инстинктов. Здесь оказываются

Классы (инстинктов)	Число классов	Число авторов	Число книг	Число ссылок на инст.
веры, в противоположность разуму	4	2	2	4
будущей жизни, бессмертия	2	2	2	2
поклонения высшей силе	1	2	2	2
религии, религиозности, преклонения	8	24	25	55
суеверия	1	2	2	4
богослужения	3	5	5	5
смешанные	11	8	8	11
Всего	30	34	36	83

Имеющиеся здесь 11 смешанных (т.-е. не вошедших в предыдущие классы) инстинктов, это следующие: инстинкт анимизма, христианства, английский инстинкт свято соблюдать воскресенье, «инстинкт человека возвышаться к свету своих идеалов, как цветок тянется к солнцу», инстинкт сверх'естественного, инстинкт чего-то более священного и т. п.—Интересно было бы спросить автора, открывшего, например, инстинкт христианства, как он об'ясняет себе его появление в столь недавнюю эпоху—в роде мутации, что ли? почему этим инстинктом не обладает большая часть человечества? имеются ли особые инстинкты у православных, например, и у методистов, у которых религиозное поведение очень отличается от православного?

каким образом этот «биологический признак» в XIX столетии, т.-е. менее чем через 2.000 лет после своего предполагаемого появления, уже стал ускоренным темпом выдыхаться?

Надо ли говорить, что все эти религиозные инстинкты и куча других не что иное как «кабинетные верблюды»? И вся задача заключается в том, чтобы установить, сколько их и как от них избавиться.

3. Прежде всего надо твердо условиться, что мы считаем инстинкты биологическим фактором, инстинктивное поведение—наследственным поведением, и исключаем из него все, что основано на навыках. При отсутствии этого разграничения понятие инстинкта так расплывается, что создается почва для появления религиозных, этических, эстетических, экономических и тому подобных «инстинктов», для смешения приобретенных автоматизмов человека с наследственными инстинктами. Это первый и основной барьер против «верблюда». Что значит «наследственный» фактор? Бернэрд глубоко прав, когда говорит, что психологи очень легкомысленно пользуются понятием наследственности, не отдавая себе отчета в тех требованиях, которые связаны с его современным пониманием. С точки зрения биологии, наследственным признается то, что передается потомству через особых носителей или передатчиков наследственных признаков—через так называемые гены, которые, по обычному представлению, заключены в хромосомах половых клеток, при этом передача происходит по особым законам наследования признаков; самым известным примером таких законов являются законы Менделя.

Если же какой-нибудь признак имеется у одного поколения и у следующего, или даже у нескольких последовательных поколений, то это отнюдь еще не доказывает наследственности этого признака. Например, животное, развивавшееся в сырой подземной пещере, может обнаружить ряд характерных признаков, так называемой, кавернозности; у потомства его, вырастающего в тех же условиях, окажутся те же симптомы, но вовсе не вследствие передачи их по наследству, а в силу продолжающегося воздействия все тех же факторов среды. Только если бы оказалось, что при переносе животного в другие условия намечаются те же признаки, и что при скрещивания они подчиняются законам Менделя, только тогда можно было бы говорить о наследственной кавернозности. Если постоянные условия действуют сотни тысяч лет, то естественный отбор, селектирующее влияние среды, может дать наследственные признаки; но в течение истории человека, хотя бы с эпохи Кро-Маньонов, едва ли он приобрел какие-либо новые черты наследственного характера. Так что естественный отбор уже во всяком случае не мог иметь достаточного промежутка времени для того, чтобы выработать гены «инстинкта английского воскресения» и им подобные.

Совершенно аналогично причинам кавернозности действуют и социальные факторы. Если у алкоголика отца сын тоже алкоголик, то это доказывает никак не наследственность алкоголизма, а доказывает только, что та социальная обстановка, которая отца толкнула к алкоголизму, все еще продолжает действовать и вызывает одинаковый эффект и у сына. Только очень наивные статистики, не умеющие сделать надлежащих выводов из менделизма и т. п., могут воображать, что, установив n случаев совпадения алкоголизма у родителей и их потомства, они доказывают наследственность алкоголизма.

Весь наследственный материал, который как-либо может в дальнейшем проявиться в поведении человека, должен быть заключен в оплодотворенной яйцеклетке, из которой этот человек разовьется. После момента зачатия ничего наследственного к развивающемуся новому организму не может добавиться. С другой стороны, с этого же момента на него действуют условия среды. Более того, они действовали уже раньше на половые элементы буду-

щих отца и матери, так, например, могли быть инфекции, отравления и прочее. Под действием среды, индивидуально в каждом случае складывающегося сочетания всех внешних условий, наследственный материал развертывает те или другие из заключенных в нем возможностей. Чего нет в оплодотворенной яйцеклетке, того никакая среда не может из нее выработать; обратно: яйцеклетка, сама по себе, не может развиться во взрослое животное без постоянного обмена со средой. По наследству может быть передан только вполне реальный материал, который, развившись в данных условиях, даст начало определенным структурам; под влиянием определенных воздействий эти структуры будут реагировать им присущими способами. Все это как будто само собой понятно. Однако мы дальше увидим, что эта простая истина очень часто игнорируется.

Наследуются органы, наследуются интегрирующие механизмы, благодаря которым организм может реагировать как одно целое и фактически реагирует так в ответ на известный круг раздражений. Функции не передаются по наследству отдельно от органов и механизмов (в широком смысле), выполняющих эти функции. Абстракции, общие тенденции, стремления и прочее тому подобное не могут передаваться по наследству, так как не может существовать генов абстрактных понятий. Отсюда Бернэрд делает вывод, что надо отбросить такие предполагаемые инстинкты, которые представляют собой отвлеченные обобщения некоторых наблюденных фактов. Дальше Бернэрд возражает против утверждения некоторых авторов, что, мол, наследуется не отвлеченное понятие, а его «нервный коррелат». Суть возражения заключается в том, что только вполне установившиеся процессы в организме обладают «нервным коррелатом». Если же мы, наблюдая поведение этого организма, абстрагируем из различных реальных его действий некое отвлеченное понятие, то «нервным коррелатом» в наблюдаемом организме будут обладать все же только его реальные действия, а не наша абстракция.

Возьмем для примера так называемый инстинкт «самосохранения». В сущности, под понятие «самосохранение» можно подвести чуть ли не каждый поступок индивида, если только он не ведет за собой смертельных последствий. Один раз человек при встрече с врагом вступит с ним в бой, защищая свою жизнь—самосохранение. Другой раз он от того же врага убежит—тоже самосохранение; спрячется—опять самосохранение. Можно питаться для самосохранения и воздерживаться от пищи для самосохранения. Одно понятие обнимает самые разнообразные и даже противоположные действия, каждое из которых, конечно, имеет свой собственный физиологический коррелат. Но общего коррелата они по разнообразности структур иметь не могут. Кроме того, поступки цивилизованного человека в момент опасности, которые мы склонны обозначать, как самосохранение, в большинстве случаев не будут иметь характера первичных реакций, а, как раз наоборот, они будут тем эффективнее, чем больше они основываются на предыдущей практике, на полученных сведениях и т. п. Никакие прирожденные реакции не могут помочь человеку перейти улицу с большим трамвайным и авто-движением, этому надо научиться, что доказывается, между прочим, печальной статистикой несчастных случаев. Конечно, никто не отрицает, что даже у самого цивилизованного человека имеется самосохранение, но первичным образом оно выражается только в каких-нибудь очень простых реакциях: он вздрагивает при громких звуках, отшатывается назад при некоторых зрительных раздражениях и т. п. Такие реакции, действительно, имеют наследственную базу и могут быть отнесены к инстинктам. Все же более сложное поведение, которое подводят под то же понятие самосохранения, во-первых, включает массу таких действий, которые могут выполняться и в совершенно другой связи, а, во-вторых, оно основано на приобретенных сочетаниях. Наиболее успешные действия, которые фактически сохраняют жизнь человека, так сильно меняются от одной исторической эпохи к другой, что говорить о наследственности или инстинктивности их не приходится (по Бернэрду, стр. 360—361).

Другими словами, то, что наследуется, то не специфично для «самосохранения» (за исключением ограниченного числа реакций, примеры которых сейчас были даны), а все крайне разнообразные поступки человека, которые можно назвать самосохранением, не наследственны. Какой же может быть общий материальный коррелат у действий с совершенно различными рецепторно-центрально-эффекторными механизмами? А передаваться потомству через половые клетки может только нечто материальное.

Бернэрд подобным же образом с большой детальностью проанализировал целый ряд предполагаемых инстинктов (или групп инстинктов), как, например: родительские, инстинкты игры, борьбы, мастерства, альтруизма, свободы, собственности (приобретения) и т. д. В результате они либо сводятся к нелепости, либо оказываются по недоразумению зачисленными в наследственное поведение, тогда как на самом деле целиком социально обусловлены (как, например, религиозные и т. п.), хотя в основе их и лежат какие-нибудь сравнительно очень простые реакции (как это мы нашли в инстинкте самосохранения), либо же, кроме таких первичных простых реакций, в инстинкте ничего и не имеется. Мы несколько позже увидим, что можно, идя другим путем, притти к тому же результату.

4. Несоблюдение основного требования о строгом разграничении наследственных и приобретенных реакций и включение последних в «инстинктивное» поведение приводит к удивительным построениям. С образцами таковых мы уже познакомились при перечислении «религиозных инстинктов». Некоторые подобные изобретения производят буквально анекдотическое впечатление. Вот несколько примеров. Автор одной книги об Англии и англичанах нашел у них «истинно английский инстинкт не желать того, чего человек сам не заработал и не может достать» (по Бернэрду, стр. 127). Голлингуорт (L. S. Hallingworth) описывает похожий и столь же утешительный для буржуа «инстинкт чувствовать удовлетворение при виде другого человека довольным и счастливым». Наверное, многие усомнятся в универсальности такого инстинкта. Бернэрд иронически относится также к «инстинкту выбирать на-глаз искры мысли из кучи мусора», считая, что это, наверное, инстинкт недавнего происхождения и несколько пестрый. Еще из коллекции Бернэрда: у Дж. Никольса имеется такая фраза: «король призвал народ следовать его руководству, что, после небольшого колебания, и было инстинктивно исполнено», и, последний пример, «старый инстинкт избегания скрещиваний между патрициями и плебеями, европейской знатью и простыми людьми, или между различными кастами в Индии. После всего, что было сказано, эти курьезные изобретения, наверное,—говоря газетным языком,—уже не нуждаются в комментариях.

Думаю, что с достаточным правом теперь можно выставить утверждение, что «инстинктивизм» в нашу эпоху является классовой теорией буржуазии, хотя при этом мы не должны забывать, что в свое время, во время Дарвина и его ближайших последователей, он был прогрессивным учением, направленным против теологической точки зрения.

В общих чертах перспектива здесь такая: до Дарвина—церковная точка зрения, т.-е. резкая граница между животными и человеком; у человека бессмертная душа и разум, а у животных—инстинкты, т.-е. особые способности, вложенные в них творцом. Дарвинизм, во-первых, видит в инстинктах животных один из моментов в их приспособлении к среде, об'ясняемый так же, как черты их строения; во-вторых, как строение, так и поведение человека он производит из соответствующих явлений у живот-

ных. На этой почве, т.-е. на законном протесте против искусственной пропасти между животными и человеком, вырастает «инстинктивизм», т.-е. приписывание человеку животных инстинктов. Инстинктивисты не дооценивали своеобразия социально обусловленного поведения человека отчасти в пылу борьбы, отчасти в силу своей классовой сущности.

Эволюционная теория отнюдь не обязывает нас признать наличность инстинктов у человека, если даже мы находим их у его животных предков. Это можно пояснить следующим примером: наши птицы произошли от нелетающих предков, но эволюция их шла по своеобразной линии, по которой у них развились органы для полета и соответствующее поведение. Именно потому, что была эволюция, они ни в том, ни в другом отношении не похожи на своих предков. Совершенно то же и с инстинктами человека. Он проделал долгую эволюцию по своеобразной линии, и в его поведении именно поэтому могут иметься или могут отсутствовать черты, которые были у того.

Попытаемся выделить роль, которую мы отводим инстинктам в поведении человека. Прежде всего надо подчеркнуть, что мы считаем абсолютно неприемлемым простой перенос результатов (или заключений по аналогии) с поведения животных на поведение человека, в виду неизмеримо большей вариативности его поведения, сложности его психо-социальной среды. У низших животных мы говорим, до известной степени, о фиксированном поведении. Но попробуйте, пожалуйста, представить себе человека взрослого, который сохранил бы первичные черты поведения, ничему не научился из опыта и не изменился под специальными влияниями. Наверное, такой человек производил бы «несколько странное» впечатление.

Бернэрд совершенно правильно говорит, что самое подробное знакомство с развитием оболочников или с искусственным партеногенезом нельзя признать достаточной подготовкой для суждения о происхождении основных черт поведения человека. Для этого требуется еще понимание как влияния социальной среды на развитие ребенка до и после его рождения, на необходимое приспосабливание его поведения к социальной среде, так и обратного воздействия, т.-е. создания и изменения среды развивающимся человеком (стр. 18).

Этим, однако, отнюдь не сказано, что отрицается какая-либо роль за инстинктами в поведении человека. Но то, что прежде обозначалось как «инстинкты», теперь мы считаем в большинстве случаев навыками. Социальная обстановка настолько осложнилась, что чисто-инстинктивное поведение приходится наблюдать в очень редких и исключительных случаях. Когда дикарю холодно, он разводит костер и греется у огня. Может быть, кутается в шкуру убитого животного. В еще более ранние эпохи он мог только жаться в кучи, как это делают обезьяны, в таком поведении нам было бы нетрудно установить чисто-инстинктивные черты. Действительно, первичными реакциями были бы такие, как: дрожание от холода, т.-е. усиленные мускульные движения, сужение кожных сосудов и уменьшение выделения пота и т. п. Некоторые граждане, когда им холодно, «согреваются» спиртными напитками, а цивилизованный обитатель современного жилища включает электрический радиатор. Биологическая база, очевидно, имеется и у последнего типа поведения. Она проявляется в том, что человек как-то реагирует на понижение температуры. Но как? Мы видели целый ряд возможных реакций в зависимости от эпохи, обстановки, культуры. Механизмы, требующиеся для выполнения этих реакций, различны. Никак не представить себе инстинкта, который обнимал бы такие разнообразные действия (помимо первичных). Но, может быть, «инстинкт» именно то, что мы сейчас назвали биологической базой? Мы сказали, что человек как-то реагирует на понижение температуры. Это не что иное, как проявление общего свойства всякого жизнеспособного организма реагировать на изменение ситуации, в частности, на ухудшение ситуации.

Если это свойство признать «инстинктом», то понятие инстинкта потеряет всякий смысл, приведется к нелепости,—одинаково можно было бы говорить тогда об инстинкте развиваться или двигаться, или об инстинкте жить. Свойство «раздражимости» организма входит в определение понятия организма, и поэтому не может быть особым инстинктом. Фактически никто как-будто и не выдвигал «инстинкта раздражимости». Основные свойства организма, в том числе раздражимость, лежат, конечно, в основе каждой реакции и не требуют особого выделения. Организм реагирует на изменение ситуации. Но, обычно, новые изменения происходят раньше, чем он компенсировал первое, или происходят благодаря его движениям. Раздражимость дает базу для непрерывной активности организма. Человек, как и всякий другой организм, живой и достаточно устойчивый, на всякие изменения ситуации не только «раздражим», но производит ряд последовательных действий до тех пор, пока нарушение не будет устранено или компенсировано, или, в обратном случае, при улучшении условий наиболее выгодно использовано. Это биология. Когда же мы от «человека вообще» (несуществующего в природе) переходим к реальному человеку, то никакая биология нам помочь уже не может, потому что поведение реального человека — это поведение представителя данного общественного класса в данную историческую эпоху на данном уровне развития производительных сил. От одного исторического момента к следующему оно меняется, и если бы современного культурного человека вдруг лишить всех его культурных навыков и предоставить исключительно только наследственным инстинктам, то он, наверное, не выжил бы (по Бернэрду, стр. 348).

Если бы организм не компенсировал нарушений, то он неминуемо погиб бы. Это относится ко всяким нарушениям, от каких бы причин они ни произошли, если только организм в биологическом смысле слова приспособлен к среде. Это, следовательно, некое общее явление, обусловленное естественным отбором: здоровый организм производит одну реакцию; если она не устраняет нарушения, то она повторяется или же ее порог повышается, и та же причина теперь вызывает иную реакцию и т. д. Итак, биологический фактор дает нам общую причину для активности организма. Но еще ничего мы не знаем о содержании актов его поведения. Можем ли мы понять его отдельные поступки на чисто-биологической основе? У низших организмов с их сравнительно однообразной средой и простыми эффекторными механизмами [1]) мы имеем шансы встретиться с такими случаями, где нарушение устраняется какими-нибудь первичными реакциями. Чем выше животное, тем реже такие случаи, и все большую роль играют реакции, основанные на новых—«условных»—сочетаниях между стимулами и реакциями, на приобретенных навыках. Причина реагирования все та же, но содержание реакций меняется. Наконец, в поведении человека первичные реакции в роде тех, которые мы перечисляли при «самосохранении», или в роде дрожи при холоде, чихании, икоте и т. п., играют ничтожную роль, а в остальном все содержание его поведения полностью обусловлено социальной средой.

Повидимому, сторонникам инстинктов труднее всего отказаться от понятия «половых инстинктов», хотя оно не менее спекулятивно, чем и все прочие. Приходится посвятить им несколько слов.

У самки-крысы мы можем в известное время наблюдать характерное половое поведение. Инстинкт?—Вырежем ей оба яичника, и все это харак-

[1]) Под механизмами я понимаю—не машину, или нечто машиноподобное, а организованный материальный субстрат физиологических процессов.

терное поведение полностью исчезнет. Куда же девался инстинкт? Или он сделал в яичнике? И это можно выяснить. Приготовим экстракт из фолликул крысиных яичников и впрыснем его в кровь нашей кастрированной крыс Оказывается, что у нее вновь появятся все типичные половые повадки. Стал быть, дело не в самом яичнике, а в каком-то химическом веществе, которое в нем вырабатывается. Нормально, железа выделяет в кровь это вещество (гормон), оно понижает порог реакций на известные раздражители, и проявляется половое поведение. Как только налицо работоспособный механизм—имеется и поведение.

Мы могли бы и не прибегать к искусственному вмешательству. Весь большинство животных в естественных условиях обнаруживает половое поведение только в определенные сезоны. Если оно вызывается гормоном железы, это очень понятно. Если оно обусловлено «инстинктами»—непонятно, почему они спят все остальное время года и просыпаются только в период спаривания?

Спросим опять, в чем надо искать инстинкт? В причине ли активности? Причиной половой активности является нарушение нормальной корреляции физиологических ритмов, вызванное созреванием половых продуктов, переполнением желез и выделением в кровь особых гормонов. Это частный случай того общебиологического фактора—причины всякой активности, о котором мы выше говорили. Какой смысл называть частную форму проявления общего принципа особым инстинктом? Разве «инстинкт», половой или какой-угодно, более понятен или доступен анализу, чем нарушение физиологической корреляции? Как раз наоборот.

Или «инстинкт» в содержании актов поведения? Но эти акты зависят от многих условий; от температуры и химизма среды, давления, сытости, предыдущей деятельности организма, наличности супруга. Рыба во время нереста нормально выделяет икру, прижимаясь к самцу. Инстинкт? А изолированная самка выделяет икру при прикосновении к стене аквариума или любому твердому предмету. Тоже инстинкт? Другой инстинкт?—Молодой голубь, выращенный в изоляции, пытается спариваться с хорошо знакомой ему рукой человека, который всегда его ласкает, и не обращает внимания на впервые посаженную к нему голубку. Где здесь инстинкт? Дальше мы увидим, что в половом поведении человека социальные факторы важнее физиологических. Итак, во что выльется активность, вызванная общим фактором (нарушением), это зависит от того, как сложатся все условия. Чем выше животное, тем больше возможностей, чем бóльший отрезок поведения или чем более сложное поведение мы рассматриваем, тем больше в нем будет индивидуальных моментов. Всякое реальное поведение есть результат индивидуально сложившегося сочетания (не наследственного, не «инстинктивного») первичных и условных (где они имеются) реакций. Поведение будет своеобразным, и своеобразие это—не наследственного характера.

Конечно, и в половом поведении имеется ряд реакций первичного характера, как выделение семени и т. п.

6. Итак, те примеры наследственного или инстинктивного поведения человека, которые мы до сих пор нашли, свелись, во-первых, к одному общему биологическому явлению, которое, на ряду с основными свойствами организма, имеется во всякой его деятельности, и, во-вторых, к немногочисленным и сравнительно несложным первичным реакциям. Но, может быть, эти примеры являются исключениями, а в других имеются иного рода наследственные элементы? Как было сказано, можно к тому же вопросу подойти другим путем.

Мы исходили из отдельных специальных инстинктов, а теперь попытаемся исходить из совокупности инстинктов, из систем или классификаций инстинктов. Бернэрд считает, что нигде не было такой путаницы и разноречия, как при попытках выработать научно обоснованный список инстинктов, существование которых можно считать доказанным. Но нас сейчас интересует не существо содержания этих списков, а одна черта, которая намечается при сравнении более старых таких списков с предложенными в последние годы. В прежние списки помещали, большей частью, от двух до двадцати довольно сложных инстинктов. Чаще всего здесь фигурировали: голод и пол, иначе инстинкты самосохранения и половые, инстинкты собственности, игры, стадные, подражания и все прочие, имеющиеся в вышеприведенной таблице. Как видно, все эти инстинкты построены с точки зрения ц е л и, к которой они приводят. В более новых списках мы увидим, во-первых, обычно много бóльшее число инстинктов и, во-вторых, другой характер их. Список Джемса, в некотором роде переходного типа, содержит около 50 инстинктов. У Торндайка их еще больше. Бернэрд выбрал из «Психологии» Вуд'уорта все упоминаемые им инстинкты, которые мы здесь приведем для примера более нового списка: 1) реакции на органические потребности: инстинкты жажды и голода, сосания, глотания, жевания, искание груди, отталкивание груди, выплевывание невкусной пищи, охота (прятаться, подкрадываться, прыгать, мучить), запасание пищи, дыхательные инстинкты (искание воздуха), удаление отбросов, реакции на тепло и холод (выделение пота, покраснение кожи, побледнение кожи, дрожь, с'еживание от тепла, с'еживание от холода), с'еживание от раны, сгибательный рефлекс, моргание, почесывание, потирание кожи, кашель, чихание, откашливание, содрагание, хромание, извивание, перемена неудобного положения, бегство, приседание на корточки, с'еживание, отскакивание в сторону, отражение удара, влезание в самую узкую щель, поиски прикрытия, прижимание к другому индивиду, плач, утомление, отдых, сон; 2) реакции на других лиц: стадный инстинкт или инстинкт собирания в группы (нехорошее самочувствие пока один, поиски общества, желание остаться в обществе, следование за другими), инстинкт спаривания (красование, самоукрашение, выставление своих качеств, восхищение представителем другого пола), родительские или материнские инстинкты (кормление потомства, обогревание потомства, защита потомства); 3) инстинкты игры: движения, носящие характер игр (толчки ногами у младенцев, дрыгание руками), движение организма (ходьба, сохранение положения головы, сидение, последовательное выбрасывание обеих ног, лазание), голосовые звуки (крик, лепет), манипуляция (у ребенка) (вертит предметы, тянет, толкает, бросает, роняет, топчет предметы), обследование или любопытство (исследование предметов посредством рук, исследование предметов ртом, прислушивание к внезапным звукам, следование глазами за движущимся светом, фиксирование глазами яркого предмета, зрительное изучение предмета последовательным осмотром его частей, принюхивание к запаху, задавание вопросов), наклонности, противодействующие инстинктам обследования и манипуляции (осторожность, довольство малым), смех, боевые инстинкты (в защите, в нападении), напористость (преодоление препятствий, сопротивление господству другого лица, стремление подчинить себе вещи, стремление господствовать над людьми, соперничество, соревнование), подчинение (отступление перед препятствием, послушание ребенка, подчинение господству других людей).

Что же здесь имеется в этом очень длинном перечне? (Может быть, проще спросить—чего тут нет?) Отметим, прежде всего, что в список включен целый ряд очень простых первичных реакций и даже рефлексов. Это самое интересное обстоятельство, особенно характерное для новых списков—они все больше переходят от неопределенного содержания широких инстинктов к конкретным, сравнительно простым, действиям. Дальше мы находим вещи, которым тут совсем не место—действия, явно основанные на навыках, как настойчивость и подчиненность, затем обобщения, как боевые инстинкты или материнские, в которые можно вкладывать совершенно раз-

личное содержание: бой дубинкой, дальнобойными орудиями или перо, кормление ребенка папуаской или в «Доме матери и ребенка». Здесь, очевидно, анализ не доведен до конца. Инстинктивным поведением при кормлении, например, оказалось бы кормление грудью при переполнении молочных желез, согласованном с появлением голода у младенца и т. п. Если анализ везде закончить, выкинуть все лишнее (приобретенное), то мы придем к списку первичных реакций человека. И вот что еще важно: характеристика инстинктивных реакций, которая прежде, как мы видели, базировалась на целях, теперь исходит из механизма, участвующего в соответствующем акте. Мы, следовательно, опять приходим к знакомому уже выводу: наследственно определенные вполне реальные механизмы, т.-е. органы, системы, при данном состоянии организма определенным образом функционирующие в ответ на изменения ситуации. Дальше также первичные реакции могут входить в более сложные сочетания, притом в самых различных комбинациях. Комбинирование производится под давлением среды. У самых низших животных сочетания могут складываться исключительно из первичных актов поведения. Но даже для наиболее низших животных среда никогда не бывает постоянной, и потому и сочетания, о которых идет речь, не постоянны, а меняются от случая к случаю, хотя и в узких пределах. Шаблон сочетания, следовательно, не передается по наследству, а складывается индивидуально, в зависимости от ситуации и от предыдущих реакций индивида. Исторический момент имеется даже в самом примитивном поведении, так как это опять одно из основных свойств организма («развиваемость»).

Если мы будем переходить от низших животных к вышестоящим, то наряду с первичными реакциями мы найдем так называемые условные реакции. И чем выше мы поднимемся, тем все большую роль в поведении будут играть эти условные реакции и сочетания их с первичными. Такие сочетания мы называем навыками. Конечно, и эти сочетания образуются под давлением среды, но участие условных реакций делает поведение много более изменчивым, чем у низших животных. Наконец, поведение человека, по крайней мере на 99%, основано на навыках, так как в первичной форме у него сохраняются, как мы говорили, только чихание, икота и т. п.

Вуд'уорт только первую большую группу описываемых им инстинктов назвал «реакциями на органические потребности». С нашей точки зрения это недоразумение, так как в основе всех без исключения действий лежат органические потребности: разве спаривание и кормление ребенка или движения организма происходят без органических потребностей? Даже следование за другим лицом, отнесенное к «стадным» реакциям на другого индивида, основано на том же, так как произошло, наверное, в связи с кормлением матерью: ребенок кормился, когда мать вблизи от него, он научился для кормления приближаться к матери (или сначала к любому движущемуся предмету схожего размера) и дальше следовать за ней, или за себе подобными, или просто за другими индивидами; «следование»,—таким образом, условная пищевая реакция. Конечно, в нее могут входить и тепловые и всякие другие моменты, что не меняет принципа ее происхождения. Органическая потребность есть то самое, что мы выше называли нарушением ситуации. Это биологическое явление имеется в основе всех реакций организма. Какой бы из сложных «инстинктов» ни проанализировали, всегда мы пришли бы к тому же явлению. Так что эти прежние «инстинкты», в сущности, представляли собой различные формы комбинаций, действий животного на основе этого явления, зависящие от случайной связи, в которой они рассматривались. С такой точки зрения представление о сложных инстинктах существовало вследствие неполного анализа, недоведенного до действительной биологической базы. Это один биологический фактор в поведении организмов, движущая причина активности. В содержании актов поведения имеется другой

биологический фактор—то, что мы называем первичными реакциями. Третий биологический фактор в поведении, на основе которого вырабатываются условные реакции, не интересует нас сейчас в связи с инстинктами.

7. Из сказанного мы сейчас можем сделать еще один вывод. Если в основе всех действий лежит устранение или компенсация изменения ситуации, то первичные реакции должны быть целесообразными. Так оно и есть. Все инстинктивные действия, как правило, об'ективно целесообразны, т.-е. приводят к полезному для организма результату. Кажущиеся исключения ничего не опровергают: крыса, как известно, попадает в капкан, а моль летит в пламя, что нельзя признать целесообразным, хотя эти действия, несомненно, первичны (второй раз крыса в капкан, может быть, и не пошла бы,—вопрос сложный). Нецелесообразность зависит от искусственности условий; то же может быть при слишком резкой перемене естественных условий, к которой животное не может быть биологически приспособленным. Инстинкт в данных условиях и целесообразен, и нецелесообразен (по Бернэрду, стр. 82). А в естественных условиях те же реакции несомненно целесообразны. Инстинктивные реакции целесообразны, да, но не целеустремленны. Целеустремленность (или «осознанные цели»)—понятие, взятое из области деятельности человека, деятельности «условной» par excellence. Если в реакциях есть целеустремленность, то они уже не первичны. Именно поэтому мы считаем предпочтительной классификацию на основе механизмов, а не на основе цели действий, последняя опасна тем, что может создать неправильное представление о целеустремленности первичных реакций. Это было бы большой ошибкой обратного характера, по сравнению с отмеченной вначале: перенос явления, свойственного высшим наиболее сложным системам, на низшие.

Большой и очень спорный вопрос о «сознательности» инстинктивных актов здесь нет возможности поднимать во всем его об'еме (его историю и т. п.). Первичные реакции выполняются бессознательно, но могут осознаваться в момент их выполнения (или в следующий). Пример—известный коленный рефлекс человека.

Для того, чтобы подойти к вопросу о сознании, бросим взгляд на общую тенденцию в эволюции поведения, для чего придется опять несколько вернуться обратно, и даже отчасти повториться. Нигде в природе мы не находим строго фиксированного поведения какого бы то ни было животного организма: везде факторы складываются индивидуально и везде участвует исторический момент. Все же, отвлекаясь от таких моментов, мы можем говорить о более или менее фиксированном поведении у низших существ. Немного выше (по лестнице животных видов) эти самые моменты уже настолько выступают на первый план, что поведение приходится определять как изменчивое: меняется кон'юнктура—меняется поведение; новая перемена—опять меняется поведение; вернется первая кон'юнктура, но изменился организм—нет гарантии, что повторится то поведение, которое было в первый раз, а может оказаться и совершенно новое. Еще немного выше—новое явление: некая фиксированность изменчивого поведения,—то, что мы называем появлением условных реакций: ситуация, раз вызвавшая биологически ценную реакцию, приобретает шансы вызвать ту же реакцию при повторении. Мы можем сказать, что изменчивость создала возможность для появления новых связей, которые, фиксируясь, пожирают изменчивость, так же как она сама в свое время пожрала первобытную фиксированность. Эта третья фаза процесса продолжается дальше в том, что устанавливающиеся новые связи от первоначальной «генерализованности» переходит к более узко ограниченному кругу раздражителей, вызывающих одну и ту же условную реакцию.

Фиксированность усиливается, условные реакции входят в сочетание с первичными, и строются навыки, о чем мы уже говорили раньше. Еще выше.

Четвертая фаза. Новый момент: вариативность (или эластичность) навыков. Число навыков стало весьма большим, имеются группы настолько (частично) схожих навыков, что один и тот же раздражитель может вызвать в зависимости от общей кон'юнктуры тот или иной из этих навыков: один раз один, другой раз—другой. Основанное на навыках поведение стало эластичным, и эта эластичность теперь все больше вытесняет предыдущую фиксированность. Как я уже излагал в другом месте [1]), это явление достигает колоссального развития у человека, благодаря неизмеримо увеличившемуся у него числу навыков (в связи с развитием его тонких эффекторов: руки, пальцев, механизмов речи [2]). Эластичность речевых и прочих навыков человека переходит в качественно новое явление, которое мы называем абстрагированием. По существу, это только высшая степень эластичности навыков. На известной ступени своего индивидуального развития человек, в числе многих других абстракций, начинает, благодаря социальному внушению, абстрагировать свое «я». Другими словами, у человека появляется то, что мы называем самосознанием человека. Это в полном смысле слова «революционный» переворот в поведении человека.

Мы имеем полное право считать, что «самосознание»—это только одна из форм сознания, что до его появления имеются другие формы сознания («смутные»). Но этих «других» форм сознания мы никак не можем себе реально представить, потому что появившееся самосознание (высшая форма) вытеснило низшие формы. Это так же невозможно, как если бы я, взойдя на гору, захотел посмотреть, как я сверху выгляжу, когда стою внизу. Если бы взрослый человек «впал в детство», т.-е. перешел обратно на низшую ступень сознания, то он не мог бы задуматься о различии между низшими и высшими формами сознания. Мы только можем предполагать существование иных форм сознания у ребенка, у животных, или, иначе говоря, гадать о том, имеется ли у них какое-нибудь сознание, и какое именно. Никакого права мы не имеем ставить на одну доску самосознание взрослого человека с иными возможными формами сознания. Как сказано, мы о сознании у животных можем только умозаключать по аналогии: имеется ли оно вообще, у каких животных и в какой форме. Такое гадание, во-первых, не может дать надежного ответа, а, во-вторых, не может помочь при разрешении какого-либо практически важного вопроса. Поэтому такие гадания о вещах, которых мы фактически никак не можем узнать, следует признать самой настоящей схоластикой [3]). Единственная форма сознания, с которой мы действительно знакомы, т.-е. самосознание человека, это—сложный социально обусловленный род поведения: навык соотносить явления к комплексу «я». Поэтому первичные или инстинктивные реакции никак не могут быть результатом самосознания, но могут, конечно, при или по выполнении в нем отражаться. Рассуждать же о том, что они, может быть, обладают особым «смутным» сознанием, я считают абсолютно бесполезным занятием. Как мы говорили раньше, если поступок основан на самосознании, на сознательно поставленной цели, то он, тем самым, «условен» и не имеет характера инстинкта. Часто допускается обратное умозаключение: «если реакция условна, то она сознательна», но это ничем об'ективно не оправдано.

---

[1]) В примечании к докладу «Головной мозг и поведение». См. «Вестник Коммунистической академии» № 23.

[2]) А также в связи с усложнением центр. нервной системы (речь идет о биологических предпосылках образования навыков). *Ред.*

[3]) Автор суживает проблему. По крайней мере у высших животных имеются реакции, сложность которых делает весьма вероятной наличие в них суб'ективной стороны. Изучение этой проблемы имеет большое значение для решения вопроса о возникновении сложных психо-физиологических «механизмов»—вопроса весьма важного для диалектически-материалистического мировоззрения. *Ред.*

8. Мы пришли к заключению, что исчерпывающий анализ сводит список инстинктов к списку первичных реакций. Каким образом устанавливается такой список? История вопроса знакомит нас с тремя такими способами. Во-первых, гадание или спекулятивное размышление за письменным столом об истинной природе человека. Этот весьма излюбленный способ за последние годы сильно дискредитирован. Сюда же относятся догматические высказывания о свойствах человека. Во-вторых, наблюдение одного собственного ребенка человеком, не наблюдавшим также детально других детей, и, следовательно, не имеющим ни практики, ни материала для сравнений. Этот способ приводит к результатам, очень искаженным суб'ективными и пристрастными толкованиями. Оба эти способа только плодят «кабинетных верблюдов». Третий способ—массовые наблюдения и эксперименты над младенцами, находящимися в контролируемых условиях, с момента их рождения в течение достаточно долгого времени. Только этот способ может дать надежные результаты. К сожалению, необходимые условия настолько трудно осуществимы, что мы пока имеем еще лишь небольшое число достаточно точных и обширных исследований. И, конечно, мы сейчас не можем утверждать, что выработан уже полный список всех первичных реакций человека; также еще не достаточны наши сведения о дальнейшей судьбе этих первичных реакций. Но совершенно ясно, что в репертуаре первичных реакций человека не имеется тех сложных инстинктов, которые значились в старых списках. Все, что прежде называли инстинктами, мы теперь относим к навыкам [1]), хотя мы пока в большинстве случаев и не можем точно указать, какая доля в них приходится на первичные, а какая на приобретенные (условные) реакции.

Для понимания первичного поведения нам надо только знать механизмы его и то, как они реагируют в данных условиях. Позвольте позаимствовать из только что указанной лекции Уотсона пример для иллюстрации. Возьмем,—говорит Уотсон,—дубинку из твердого дерева. Бросим ее вперед и вверх. Она пролетит некоторое расстояние и упадет на землю. Теперь я подниму ее, опущу в горячую воду и изогну ее под известным углом. Брошу ее опять так же, как бросал ее раньше. Она, вращаясь, пролетит короткое расстояние, отклонится вбок и упадет. Я опять беру ее, выправляю ее форму, закругляю концы, и в третий раз бросаю ее вперед и вверх. Она опять вращается, пока летит вперед, затем внезапно возвращается обратно, «и изящно и любезно ложится у моих ног». Я теперь называю ее бумерангом. Спрашивается, обладает ли бумеранг инстинктом возвращаться к метателю? Мы считаем, что нет надобности в таком представлении, что бумеранг возвращается потому, что, имея данную форму, он, будучи брошен с известной силой в определенном направлении, должен описать именно такую траекторию. Уотсон дальше обращает внимание на то, что каждый правильно сделанный бумеранг возвращается, приблизительно, к ногам метателя, но не найти двух бумерангов, которые проделывали бы совершенно одинаковый путь, даже если их с точностью одинаково метнуть. И все же, мы все их называем бумерангами. А если вызвать реакцию человека, то его строением будут обусловлены определенные движения, и ничего нет в этом более мистического, чем в полете бумеранга (стр. 79). Мы сейчас уже не нуждаемся в инстинктах, рассматриваемых как причина или движущая сила поведения, хотя, как мы отмечали, в свое время такое об'яснение поведения было здоровым протестом против участия божественного провидения в земных делах. Термин инстинкт мы, с оговорками, пока сохраняем для обозначения наследственных элементов в первичных реакциях. Но, повидимому, он осужден на отмирание. Он... выполнил свой долг—и может уйти.

---

[1]) Ср. Watson, Behaviorism, лекция 5.

Движущей силой в поведении человека не могут быть биологические факторы (как инстинкты), если отвлечься от немногочисленных первичных реакций, сохраняющихся у взрослого человека. Или, иначе говоря, те изменения ситуации, которые вызывают реакции человека, те нарушения, которые, как мы говорили, лежат в основе его активности, вызываются («условными») факторами социального порядка.

Бернэрд утверждает, что даже деятельность, связанная с произведением потомства, в несравненно большей степени зависит от социальных факторов, чем от биологических. Возраст, в котором человек достигает половой зрелости, не очень постоянен, но пределы колебаний сравнительно не велики. Гораздо больше разница в сроке фактического выполнения соответствующей деятельности, а эта разница зависит от социальной обстановки, которая в некоторых случаях способствует преждевременному проявлению половой деятельности, в других, наоборот, заставляет отсрочить ее, иногда и надолго. Такие факторы, как «брак, соблазн и удобный случай, нравы, экономические условия и т. п.», говорит Бернэрд, в нашем обществе, гораздо сильнее отражаются на моменте осуществления половой деятельности, чем физиологические условия (конечно, и здесь имеются первичные реакции простого типа). Вся эта деятельность, на самом деле, менее связана с изменениями в организме или с физиологическими процессами, чем с условиями общественной среды (стр. 285—286).

В общем картина тут получается такая: созревание половых продуктов и деятельность известных желез вносят изменения в ситуацию и тем понижают порог для компенсирующих реакций. Однако еще до этого момента у данного индивида может быть выработан целый ряд условных «задерживающих моментов», которые повышают порог для тех же реакций. Пока эти задерживающие социальные влияния оказываются более мощными, чем противоположные, соответствующее поведение не проявляется. Другими словами, при равных физиологических условиях от той или иной социальной конъюнктуры будет зависеть то или иное поведение. От предыдущих разобранных нами примеров воспроизведение рода отличается, в сущности, только тем, что механизмы его появляются не при рождении, а развиваются много позже. То же относится и к таким инстинктам (по прежней терминологии), как: материнский, инстинкт собирания коллекций, драчливости, религиозности и др. (стр. 284). Все эти виды поведения требуют для своего проявления известных социальных возможностей, и опять меньше зависят от биологических факторов, чем от социальных. Мы теперь, конечно, признаем их за навыки.

Итак, с нашей точки зрения под термин инстинкт могут быть отнесены только так называемые первичные реакции, т.-е. реакции, выполняющиеся во второй и следующие разы на те же самые раздражители, на которые они выполнялись и при первом своем появлении. В поведении человека первичными реакциями будут чихание, икота, дрожь от холода и прочее—полного списка, как сказано, мы пока не имеем. Все же остальное поведение человека представляет собой многоэтажные надстройки над простыми реакциями—сложные навыки. Понять его можно только путем анализа классовых взаимоотношений в данный конкретный момент, которыми и обусловлена выработка тех или иных навыков у данного конкретного человека.

Предисловие к статье Вальдена

А. Максимов.

Помещаемая ниже речь Вальдена, известного химика и автора многочисленных работ по истории химии, о столетии открытия Вёлером «первого» органического синтеза сказана была на 90-м собрании «общества немецких естествоиспытателей и врачей» в Гамбурге в сентябре прошлого года.

Истекшее столетие вообще было знаменательно рядом таких открытий, которые сделали эпоху в развитии естествознания: закон сохранения энергии, кинетическая теория материи, второй закон термодинамики и т. д. Вёлеровский синтез также принадлежит к числу таких открытий, «делающих эпоху». Однако в отличие от ряда других открытий об открытии Вёлера можно сказать, что оно и по сию пору не только не исчерпало себя, но, более того, только теперь приобретает актуальное значение. Поэтому столетний юбилей открытия превращается, как это мы видим из речи-статьи Вальдена, не только в подведении итогов, но и в прогноз того, что нас ожидает в области синтеза органических веществ в предстоящем столетии.

Открытие Вёлера замечательно не только тем, что оно положило один из краеугольных камней для построения здания синтетической органической химии, но и тем, что на нем вскрываются все положительные и отрицательные стороны, все противоречия, которые присущи развитию естествознания в капиталистическом обществе.

До открытия Вёлера в естествознании и прежде всего в биологии и химии было распространено мнение, что вещества, составляющие животные и растения, созданы особой жизненной силой, отличной от сил действующих в неорганическом мире [1]). Поэтому получение органических веществ химическим путем из неорганических веществ в реторте, в лаборатории считалось невозможным.

Этот взгляд был не только метафизическим в смысле метода рассмотрения явлений природы, но и реакционным с точки зрения общественной идеологии, так как он оправдывал и поддерживал религиозное мировоззрение и был по существу своему антинаучным и идеалистическим.

Можно было бы думать, что Вёлер, открыв возможность получать органические вещества из неорганических, сделает все выводы из этого открытия и ополчится против витализма, т.-е. учения о жизненной силе, против метафизики в естествознании, поймет методологическое значение своего открытия. Но ни того ни другого в действительности не произошло. Вальден прав, когда он говорит в своей речи, что и для Вёлера и для его учителя Берцелиуса вопрос о синтезе органических веществ б е з участия жизненной силы и после открытия Вёлера оставался решенным отрицательно, т.-е. они оба остались при утверждении, что жизненная сила необ-

[1]) См., напр., Danneman, Die Naturwissenschaften in ihrer Entwicklung, Bd. III, S. 401.

ходима для создания органических веществ. Действительно, еще в третьем издании своей «Органической химии», появившемся в 1844 году, Вёлер, говоря о свойствах органических веществ, писал: «Их общим свойством является их легкая разлагаемость, их большая склонность, под влиянием жизненной силы (моя разрядка. *А. М.*), тепла, сильных кислот и оснований, солей и т. п., перегруппировывать их элементы в других пропорциях. Число органических соединений поэтому может быть бесконечно большим» [1]).

Здесь мы имеем замечательный пример того, как ученый, оторванный от общественно-политической жизни, делается неспособным и для понимания того, что он сам производит в области науки. Вёлер был сугубым эмпириком и типичным мещанином от науки, он не обладал, как пишет Вальден, «боевым характером». Его научная продукция была поразительно громадна, но он никогда не подымался в области теории над уровнем тех задач, которые ставились перед ним его непосредственной эмпирической деятельностью.

Задача сделать открытие Вёлера орудием против витализма, оценить значение этого открытия для науки с более широкой точки зрения выпала на долю тех естествоиспытателей, которые были более связаны с общественно-политической борьбой, чем Вёлер, и которые по условиям того времени были до известной степени идеологами буржуазной революции. К таким естествоиспытателям в Германии принадлежали Фогт, Молешотт и, особенно, Бюхнер, а во Франции—Бертело. Именно они решительно ополчились против витализма и оценили историческое значение открытия Вёлера. Именно прежде всего им (и в меньшей степени Либиху [2]), в противоположность тому, что говорит Вальден) принадлежит заслуга открытия значения Вёлеровского синтеза.

В данное время идеологи буржуазного общества не любят вспоминать о революционном прошлом буржуазии и его материалистических провозвестниках. Поэтому естественно, что и у Вальдена мы не находим указания на то обстоятельство, что революционная роль открытий может проявиться лишь в условиях соответствующих общественных отношений. Однако к чести Вальдена нужно отнести то, что сам он выступает против витализма.

Если Вёлеру не суждено было понять революционного значения его открытия по изгнанию витализма из науки, если эта роль пала на более революционно-настроенных естествоиспытателей, то и Вёлером и последними, как и всем естествознанием буржуазного общества, осталось не оцененным методологическое значение открытия Вёлера. Недооценка того, что действительно нового внесло в науку возникновение синтетической органической химии, есть в то же время также причина того, почему витализм, несмотря на его опровержение открытиями подобно открытию Вёлера, все же остался жив и не преодолен наукой методологически.

Что методологически знаменовало собой возникновение синтетической химии?

Обсуждая аналогичный вопрос в связи с годовщиной Бертело, К. А. Тимирязев писал: «Если Лавуазье особенно настаивал на том, что химик «разделяет и подразделяет, и еще подразделяет», то потому, что в большей части случаев в области неживой природы знание анализа, т.-е. состава, было равнозначаще знанию синтеза. Мало того, в большей части основных случаев знание синтеза часто предшествовало анализу» [3]).

[1]) Wöhler, Grundriss der organischen Chemie, 1844, S. 1—2.

[2]) В первых изданиях своих «Химических писем» Либих стоял сам на точке зрения жизненной силы. См. русск. пер. писем, изд. 1855 г., стр. 175.

[3]) «Наука и демократия», стр. 200.

Это утверждение о том, что синтез предшествует анализу, справедливо лишь для таких частных случаев, как, напр., соединение углерода и кислорода и отнюдь-таки не характеризует основных черт методологии естествознания и химии, в том числе за период от Бэкона до наших дней. Лавуазье был прав, когда он говорил, что химик «разделяет, подразделяет, и еще подразделяет», так как этим выражал типичную черту преимущественного, аналитического метода, получившего свое выражение в теории индукции и дедукции.

В химии этот метод выразился в том, что химик, разлагая различные химические соединения, пришел к понятиям элемента, радикалов, валентности и т. д., т.-е. тех понятий, которые позволили строить учение о составе тел. Центр тяжести химии сосредоточился на нахождении химически чистых веществ, их анализе, определении их химической формулы и описании свойств каждого из таких веществ. Механизм перехода одних веществ в другие оставался в тени и сделался в абстрактной форме предметом особой науки—физической химии. То, что в этом отношении составляло непременное содержание учебников химии, было установлением лишь формальной связи между различными типами соединений, что давало учение о валентности, радикалах, учения стереохимии и т. д. Центр тяжести лежал не на конкретной характеристике качественных особенностей данного соединения и процессов, переводящих это соединение в другие качественно отличные вещества, а на составе вещества, т.-е. на формальном моменте.

Кроме господствующего аналитического метода, понимая последний не в узко-химическом его значении, химия обязана была этим обстоятельством также и тому, что органическая химия развивалась под влиянием методологических приемов неорганической химии, где более чем в органической химии было поводов отвлекаться от условий существования данного соединения и его переходов в другие. Действительно многие из соединений, рассматриваемых в неорганической химии, и прежде всего элементы, столь прочны, что условия их существования могли рассматриваться как нечто постоянное и данное. Именно неорганическая химия могла рассматривать свои соединения не с точки зрения их переходов одних в другие, не с точки зрения динамики химических процессов, а с точки зрения систематики химических соединений. Это положение сохранило свое значение в полной мере и до сих пор.

Органическая химия вносила в это положение новое в двух отношениях.

Во-первых, она имела дело с соединениями, которые состояли из небольшого числа элементов—углерода, водорода, кислорода и, уже реже, азота и некоторых других. Поэтому внимание химиков-органиков сосредоточивалось не просто на определении состава органических веществ, а на определении той своеобразной комбинации, в которой проявлялись те же самые элементы то в том, то в другом соединении.

Во-вторых, органическая химия по мере ее развития должна была все более обращать внимание на условия образования и существования соединений, так как органические соединения оказывались очень непрочными по сравнению с таковыми же в области неорганической химии. Малое изменение в температуре реакции, в концентрации растворов и других условий приводили к образованию других соединений, чем ожидавшиеся. Поэтому именно органическая химия подготовила переход химиков от статического, систематического рассмотрения «химически чистых» соединений к динамическому рассмотрению с точки зрения динамики образования тех или иных соединений. В наиболее сложных областях химии, подходящих вплотную к биологии, оказывалось, что форма существования типичных для этой области веществ есть форма процесса, форма единства противоположностей.

Это особенно бросается в глаза при рассмотрении живого вещества, цели стремлений химиков.

Нигде нет такого количества накопленных данных для того, чтобы рассматривать явления с точки зрения их переходов, с точки зрения диалектики процессов, как в органической химии. Однако этот момент только стихийно усвоен химиками-органиками, сознательно же они остаются при своих прежних эмпирико-индуктивных методологических взглядах.

Крупный химик и мыслитель Вальден дает чрезвычайно интересную картину развития методологии органической химии: от реакции при больших температурах и концентрациях с применением сильнодействующих веществ к реакциям, протекающим в условиях, подобных условиям существующим в живом организме: от кристаллических веществ к коллоидам и т. д. Вот методологический путь развития органической синтетической химии.

Но на ряду с этими ценными мыслями мы видим у Вальдена не только не понимание усвоения диалектической методологии и невнятный разговор о роли индуктивного метода в синтетической химии, но и прямо реакционную болтовню о платоновских идеях.

Здесь Вальден отдает должное условиям своего бытия, требующим от химика не только открытий для рационализации капиталистической промышленности, но и прямого оправдания господства буржуазии, хотя бы это господство и фигурировало перед нами в такой идеализированной форме, как платоновские идеи.

Влияние идеологии капиталистического общества сказывается на статье Вальдена и в той части ее, где он рассматривает технические успехи органического синтеза и влияние их на социальные отношения. Реакционной интеллигентской утопией является положение, что «технический синтез, создавая новые блага, поднимает потенциал жизни человечества, он влияет уравнительным образом на социальные подразделения, делая доступными прекраснейшие краски и духи, лучшие лекарства, разнообразнейшие текстильные материи, всем слоям населения». В какой форме оказываются доступными трудящимся лучшие продукты высокоразвитой промышленности, показывает как раз современная Германия, руководящая страна по части химической промышленности.

Именно социал-демократам принадлежит открытие способа сделать доступными всем слоям населения продукты высокоразвитой немецкой химической промышленности. Они в предвыборную кампанию по выборам в последний рейхстаг раздавали бесплатно куски мыла с надписью «голосуйте за список социал-демократов». Получая кусок мыла (обычно довольно фальсифицированного), рабочие одновременно получают и такие прелести современного буржуазного общества, как локауты, снижение зарплаты, уплата репараций и т. д.

Но, если отбросить эту болтовню Вальдена об социально-уравнивающем значении химических открытий, то мы в его статье снова найдем очень много интересного именно в отношении перспектив, которые открываются перед развитием производительных сил на основе открытий в области органического синтеза.

Прекрасный знаток истории химии, Вальден насытил свою статью большим конкретным материалом. Широкий же кругозор, которым он обладает, дал ему возможность поставить ряд проблем (не всегда правильно решенных) высокой принципиальной важности. Вот те основания, которые легли в основу решения редакции предложить эту статью вниманию читателей журнала.

Значение велеровского синтеза мочевины.

Столетие химического синтеза

П. Вальден.

Президиум поручил мне вкратце изложить здесь, перед столь ученым собранием, значение сделанного Велером открытия искусственного образования мочевины. Это весьма почетное, но вместе с тем и трудное, поручение. Велеровский синтез—это не только открытие, интересующее специалистов-химиков; это также великолепный классический пример, иллюстрирующий биологию открытий вообще, взаимоотношение между теорией, случаем и непроизвольным достижением. Он показывает своеобразный трудный путь нового научного познания. В своих практических выводах этот синтез обнаруживает все огромное значение суммирования мельчайших факторов, которое в конце концов неизбежно приводит к величайшим конечным результатам, к новообразованиям в мировоззрении, мировой культуре и мировом хозяйстве. Попытка, при краткости отведенного мне времени, обрисовать здесь все многообразное значение этого открытия, представляет собою рискованное предприятие, и я заранее прошу поэтому о снисходительном отношении, если что-либо важное будет мною затронуто лишь вскользь или же вовсе не будет затронуто.

I. Как произошло открытие Фридрихом Велером искусственного воспроизведения мочевины?

Это было в 1827—1828 гг. Казалось, что у природы вырваны, наконец, ее тайны, ибо натурфилософия господствовала тогда над мертвой и живой природой, над абсолютным и сокровенным; с помощью красиво звучавших слов и понятий она «об'ясняла» все. Но в Гиссене незадолго перед этим молодой преподаватель химии Юстус Либих (1803—1873 гг.) открыл скромную химическую лабораторию, в которой он хотел учить познанию природы при помощи химических опытов и наблюдений, а не посредством философских спекуляций. В качестве студента химии он на себе самом испытал роковое, сбивающее с толку, влияние натурфилософии—он назвал ее «чумой, черной смертью этого века»! Не менее знаменательно для истории химии в Германии то обстоятельство, что тот же Либих изучал экспериментальную химию в Париже (у Гей-Люссака), точно так же, как Фридриху Велеру (1800—1882 гг.) в свое время пришлось поехать в Стокгольм к великому шведскому химику Берцелиусу (1823 г.), чтобы научиться там как следует работать и мыслить в области химии. Так, в общих чертах обстояло дело сто лет тому назад с изучением химии в высших школах Германии. Эти два будущих великих немецких учителя учились в иностранных химических школах. Берцелиус был велик не только в области экспериментальной химии, он проложил также новые пути и в качестве творца понятий и составителя учебников. Это он создал

понятие «органическая химия» и «органические соединения» и именно его «Органическую химию» перевел на немецкий язык и издал (в 1827 г.) Фридрих Велер. Чему же учила эта «Органическая химия» сто лет тому назад? Вот ответ (весьма характерный):

«Органические тела разделяются на два совершенно различных класса, на растения и животных»... Сущность живого тела основывается (следовательно) не на его неорганических элементах, а на чем-то другом... Это нечто, называемое нами жизненной силой, лежит всецело вне неорганических элементов...» (цит. соч., стр. 137). «Если мы и в будущем... сможем открыть несколько таких (органических) продуктов, состоящих из чисто-неорганических материй, то все же это несовершенное подражание будет слишком незначительным фактом для того, чтобы мы могли надеяться когда-либо осмелиться искусственно воспроизвести органические вещества и... подтвердить анализ посредством синтеза» (цит. соч., стр. 147).

Не только, однако, гениальные химики, но и гениальные философы, исполненные духом Канта, защищают идею жизненной силы. Сказал ведь Шопенгауэр: «Ибо тот, кто отрицает жизненную силу, тем самым в сущности отрицает свое собственное существование, и может, следовательно, похваляться тем, что он достиг вершины нелепости»... «Но, поскольку эта бесмыслица исходит от врачей и аптекарей, она еще содержит в себе черную неблагодарность» (Parerga und Paralipomena). «...только органическому подобает предикат жизни. Однако каждый организм насквозь органичен, он органичен во всех своих частях, и последние нигде, даже в мельчайших своих частицах, не являются аггрегатами, составленными из неорганического» («Мир как воля и представление», кн. II).

Таким образом точное исследование, равно как и строгая философия, заявляют единогласно: «Жизненная сила» существует, и лишь жизненная сила в состоянии производить органические вещества—искусственное образование органических веществ поэтому невозможно! Но не котируется ли понятие «невозможно» в современном естествознании очень низко? Не должно ли оно лишь означать: «еще невозможно, но, быть может, уже завтра или послезавтра оно будет достигнуто и осуществлено?». Если проследить дальнейшее развитие этой проблемы, то можно было бы в данном случае говорить о драматическом нарастании событий. Ибо тот же самый Фридрих Велер, который в 1827 г. добросовестно передавал вышеприведенные взгляды Берцелиуса относительно жизненной силы, осмелился уже несколько месяцев спустя... «поднять свои смертные очи... и первый из смертных взорвать врата природы»! Уже 22 февраля 1828 г. он писал Берцелиусу в Стокгольм следующее:

«...Я должен вам рассказать, что я могу приготовить мочевину, не имея для этого необходимости в почках или вообще в животном, будь то человек или собака. Цианокислый аммиак (из цианокислого свинца и аммиака, или цианокислого серебра и хлористого аммония)—это и есть мочевина... Можно ли искусственное образование мочевины рассматривать в качестве примера образования органической субстанции из неорганических веществ? Поразительно, что для образования циановой кислоты (а также и аммиака) все же необходимо первоначально иметь органическую субстанцию, и натурфилософ сказал бы, что как из животного угля, так и из приготовленных из него циановых соединений органическое еще не исчезло, и поэтому ни-

него-то и может быть образовано органическое тело. Могу ли я рассчитывать вскоре получить от вас несколько строк по поводу этой истории?». Так писал Велер в своем письме Берцелиусу в 1828 г.

Это действительно замечательная «история»! То, что вчера было научной утопией—искусственное создание типичного животного соединения—это, так сказать, за ночь стало экспериментальным достижением!

И не стала ли эта курьезная «история» Велера исходным пунктом долгой истории развития органической химии вообще? Не стал ли этот синтез духовным позвоночным столбом искусственных органических синтезов в науке и технике и не положил ли он тем самым историческое начало руководящей роли немецкого гения в химической области?

В велеровском открытии мы находим еще один драматический момент: не теория, не научные изыскания с целью нахождения этого синтеза, а забавный случай привел к данному результату: неудавшийся опыт. Ведь теоретически должна была образоваться соль, которую Велер хотел получить экспериментальным путем (цианокислый аммоний $CNO.NH_4$); между тем соль не была получена, а образовался ее продукт перемещения—мочевина $CO(NH^2)_2$!

Герман Кольбе, очевидно твердо знавший библию, с большой прозорливостью охарактеризовал некогда (в 1883 г.) это историческое открытие в следующих словах: «Велер вышел искать ослика, а нашел целое королевство!».

Драматический элемент в истории открытия мочевины этим еще не исчерпан. Молодой адепт Велер поставил своему учителю Берцелиусу вопрос, включавший также и учение о «жизненной силе». Ответ Берцелиуса гласит: «Когда бессмертие начинается с мочи, то имеются все основания для того, чтобы через нее же вознестись на небо, и, действительно, господин доктор нашел правильный путь к увековечению своего имени. Аллюминий и искусственная мочевина, эти две совершенно различные вещи, столь быстро последовавшие одна за другой... будут вплетены как драгоценные камни в Ваш лавровый венок... Но довольно шуток... Г. доктор сделал очень важное и прекрасное открытие...»[1]) («Переписка между И. Берцелиусом и Ф. Велером», изд. О. Валлахом, Лейпциг 1901 г., т. I, стр. 208). Ответ носит снисходительно шутливый характер и обходит вопрос Велера при помощи нескольких слов, в которых сделанное последним открытие получает признание. И отец этого «прекрасного открытия» Фр. Велер отвечает уклончиво: «Ваше последнее любезное письмо... доставило мне много радости и заставило меня смеяться от чистого сердца, за что Вам очень благодарен» (см. стр. 210). Этим основной вопрос и синтез органических веществ без жизненнной силы, очевидно, для обеих сторон решен окончательно в отрицательном смысле!

Не должны ли мы, потомки и наследники, с удивлением задать себе вопрос: «Почему же Велер со столь легким сердцем отказался от «королевского достоинства» в найденном им «королевстве» (ср. приведенное выше выражение Кольбе)? Не был ли этот «отказ от престола» без духовной

[1]) Вальден передает это место письма Берцелиуса с сокращениями, вероятно щадя шпицбюргерские добродетели своих слушателей и читателей. Письмо в действительности содержит следующее: «...лавровый венок, и если бы количество искусственного оказалось недостаточным, то можно было бы легко одолжиться еще немного из ночного горшка. В случае же, если бы удалось еще несколько далее продвинуться в производительной способности (ведь семенные мешочки лежат далее к переди от мочевого пузыря), то что это было бы за великолепное искусство в лаборатории ремесленной школы (где в то время преподавал Велер. *А. М.*) сделать малюсенького ребеночка!—Кто знает? Это может легко случиться.—Но довольно шуток»... *А. М.*

борьбы слишком поспешным? Велер был смеющийся философ-химик и не обладал боевым характером, он полагал, что его открытие и значение последнего с философской точки зрения бессмысленно, а с химической—является ересью. Быть может, он думал при этом о судьбе другого человека, сделавшего великое открытие, Галилео Галилея, взгляды которого были об'явлены «глупыми и абсурдными с философской точки зрения и отчасти прямо еретическими»? Велер отказался от славы при жизни, предоставив времени заботиться за него, и обеспечил себе славу в потомстве.

Кто же был этот человек, имя которого золотыми буквами увековечено в истории умственного развития человечества, которому потомство воздвигало монументы и память которого мы ныне чествуем как родоначальника органических синтетиков? Это был скромный молодой (28-летний) доктор медицины, хирургии и акушерства. 23 лет отроду он отправился в качестве ученика к великому мастеру химии, И. И. Берцелиусу в Стокгольм, и с 1825 г. преподавал химию и минералогию в городской ремесленной школе в Берлине. Здесь он уже в 1827 г. впервые приготовил чистый аллюминий и здесь же открыл искусственную мочевину. С 1836 г. он до самой своей смерти (1882 г.) работал в Геттингене, пользуясь большой славой в качестве исследователя и большим уважением в качестве учителя и человека.

II. Непосредственное влияние открытия Велера на его современников и на вопросы химии его времени.

Нередко, особенно в нынешнем году, отчасти специалистами-химиками, отчасти же авторами популярных статей, высказывалась мысль, что велеровский синтез «имел своим последствием полное крушение господствовавшего до тех пор философского понимания природы» (из одной газетной статьи); или что этот синтез «одним ударом покончил со старой догмой», согласно которой для создания органических субстанций содействие жизненной силы является conditio sine qua non; или будто современники Велера особенно «радовались», когда этот синтез удался и т. д. Скажем прямо: эта оценка непосредственного влияния велеровского открытия не соответствует тому, что произошло в то время. Потомки охотно разукрашивают историю разными «историями». Мы, будучи наследниками и продолжателями достижений прошлого, не в состоянии так легко восстановить все умственные препятствия какой-либо прошедшей эпохи, и когда мы бросаем взгляд назад, наш ход развития представляется более коротким в смысле времени, чем это было в действительности. Результаты, определившиеся лишь спустя десятилетия под влиянием новых фактов, придвигаются при этом близко к начальной стадии, и мы получаем в проекции линии развития неправильную картину. Мы легко упускаем из виду, что то, что происходит в мире умственных реакций, похоже на то, что совершается в мире химических превращений. Первый период реакции (или период индукции) часто не отличается регулярностью и в течении его приходится преодолевать множество препятствий,—установка для нормального протекания реакции требует известного времени, не только когда речь идет о реакции между различными молекулами, но и между различными идеями. Когда мы, бросая взгляд назад, охотно описываем влияние велеровского синтеза на мир идей того времени, как действие искры, то мы забываем, что и искра может лишь тогда произвести взрыв, если она находит соответствующую систему веществ, находящуюся в неустойчивом напряженном состоянии. Этого духовного «взрыва» не произошло, и он не мог произойти по той причине, что химическая мысль не была еще соответствующим образом подготовлена, и вместо внезапного резкого нарушения равновесия этот взрыв вызывал лишь изолированное, быстро стихшее волнение в умственном мире того времени. Этот мир отличался малоподвижностью, несмотря на то, что опыты производились тогда уже в заслуживающем внимания количестве и свидетельствовали о смелости мысли и методов работы в химической области. Разрешите мне бросить взгляд на эту пионерскую работу, которой по большей части не уделяют достаточно внимания.

III. Органические синтезы до открытия синтеза мочевины.

Фактически и Велер имеет своих предшественников, которые в качестве прокладывателей пути для индуктивного и дедуктивного синтетического исследования заслуживают быть названными не только с точки зрения того времени, отстоящего от нас на сто лет, но и с точки зрения нынешней эпохи.

Каждый химический синтез является вместе с тем и творением искусства; процессом возникновения руководит идея художественного формирования данных сырых материалов, а также наличность нужных инструментов (аппаратов); конечный продукт в качестве молекулярного образования соответствует в своем построении теории архитектуры и представляет собою закономерное органическое целое. Подобно тому, как искусство заимствует свои прообразы у природы и подражает им более или менее успешно в зависимости от технических условий, точно также и химические синтезы в своих первичных формах опираются на природу, и в зависимости от состояния экспериментальной техники эти подражания носят более или менее совершенный или успешный характер. Химик-синтетик, это — искатель истины, а, как сказал Шиллер, «в истине обретается прекрасное».

В 1782 г. Шееле определил состав синильной кислоты (цианистый водород) и осуществил ее синтез (или синтез KCN) из хлористого аллюминия, угля и поташа посредством накаливания. Затем сам Велер в 1822 г. путем окисления цианистого калия получил цианокислый калий, т.-е. исходный материал для его позднейшего синтеза мочевины и (уже в 1824 г.) посредством превращения циана в щавелевую кислоту (в водном растворе аммония) стал своим собственным «предшественником» в области органического синтеза! Благодаря этим откровениям были искусственно воспроизведены уже два характерных растительных вещества — синильная кислота и щавелевая кислота. Затем Леопольд Гмелин в 1825 г. из окиси углерода и металлического калия получил их соединение, а также путем разложения его в воде получил кроконовую и родизоновую кислоты и таким образом сделал возможным первый синтез ароматических веществ из элементов. То обстоятельство, что лишь спустя многие десятилетия этот гексаоксибензольный калий и его производная пентаметилена (кроконовая кислота) были изучены, ничего не изменяет в историческом факте этого синтеза. Точно также сохраняют свое значение неудачно произведенные уже в 1803 г. синтетические опыты с карбидами и соляной кислотой (Пруст) или с раскаленным углем и водяным паром в железных трубках (Деберейнер, 1817 г.) или с газовыми смесями из угольной кислоты, этилена и кислорода в накаленной фарфоровой трубке (Берар, 1817 г.). Не меньшее значение имеют попытки Деберейнера (1818—1825 гг.) из газов CO_2 или CO и H_2, отчасти посредством воздействия света, отчасти же посредством щелочей синтетически получить щавелевую кислоту, или из CO_2 и CH_4, посредством давления, или из CO_2 и алкоголя каталитическим действием платины получить синтетическим путем сахар.

Тот факт, что эти попытки дали частью неопределенные результаты, частью же остались безрезультатными, ничуть не умаляют их исторического

борьбы слишком поспешным? Велер был смеющийся философ-химик и не обладал боевым характером, он полагал, что его открытие и значение последнего с философской точки зрения бессмысленно, а с химической—является ересью. Быть может, он думал при этом о судьбе другого человека, сделавшего великое открытие, Галилео Галилея, взгляды которого были об'явлены «глупыми и абсурдными с философской точки зрения и отчасти прямо еретическими»? Велер отказался от славы при жизни, предоставив времени заботиться за него, и обеспечил себе славу в потомстве.

Кто же был этот человек, имя которого золотыми буквами увековечено в истории умственного развития человечества, которому потомство воздвигало монументы и память которого мы ныне чествуем как родоначальника органических синтетиков? Это был скромный молодой (28-летний) доктор медицины, хирургии и акушерства. 23 лет отроду он отправился в качестве ученика к великому мастеру химии, И. И. Берцелиусу в Стокгольм, и с 1825 г. преподавал химию и минералогию в городской ремесленной школе в Берлине. Здесь он уже в 1827 г. впервые приготовил чистый аллюминий и здесь же открыл искусственную мочевину. С 1836 г. он до самой своей смерти (1882 г.) работал в Геттингене, пользуясь большой славой в качестве исследователя и большим уважением в качестве учителя и человека.

II. Непосредственное влияние открытия Велера на его современников и на вопросы химии его времени.

Нередко, особенно в нынешнем году, отчасти специалистами-химиками, отчасти же авторами популярных статей, высказывалась мысль, что велеровский синтез «имел своим последствием полное крушение господствовавшего до тех пор философского понимания природы» (из одной газетной статьи); или что этот синтез «одним ударом покончил со старой догмой», согласно которой для создания органических субстанций содействие жизненной силы является conditio sine qua non; или будто современники Велера особенно «радовались», когда этот синтез удался и т. д. Скажем прямо: эта оценка непосредственного влияния велеровского открытия не соответствует тому, что произошло в то время. Потомки охотно разукрашивают историю разными «историями». Мы, будучи наследниками и продолжателями достижений прошлого, не в состоянии так легко восстановить все умственные препятствия какой-либо прошедшей эпохи, и когда мы бросаем взгляд назад, наш ход развития представляется более коротким в смысле времени, чем это было в действительности. Результаты, определившиеся лишь спустя десятилетия под влиянием новых фактов, придвигаются при этом близко к начальной стадии, и мы получаем в проекции линии развития неправильную картину. Мы легко упускаем из виду, что то, что происходит в мире умственных реакций, похоже на то, что совершается в мире химических превращений. Первый период реакции (или период индукции) часто не отличается регулярностью и в течении его приходится преодолевать множество препятствий,—установка для нормального протекания реакции требует известного времени, не только когда речь идет о реакции между различными молекулами, но и между различными идеями. Когда мы, бросая взгляд назад, охотно описываем влияние велеровского синтеза на мир идей того времени, как действие искры, то мы забываем, что и искра может лишь тогда произвести взрыв, если она находит соответствующую систему веществ, находящуюся в неустойчивом напряженном состоянии. Этого духовного «взрыва» не произошло, и он не мог произойти по той причине, что химическая мысль не была еще соответствующим образом подготовлена, и вместо внезапного резкого нарушения равновесия этот взрыв вызывал лишь изолированное, быстро стихшее волнение в умственном мире того времени. Этот мир отличался малоподвижностью, несмотря на то, что опыты производились тогда уже в заслуживающем внимания количестве и свидетельствовали о смелости мысли и методов работы в химической области. Разрешите мне бросить взгляд на эту пионерскую работу, которой по большей части не уделяют достаточно внимания.

III. Органические синтезы до открытия синтеза мочевины.

Фактически и Велер имеет своих предшественников, которые в качестве прокладывателей пути для индуктивного и дедуктивного синтетического исследования заслуживают быть названными не только с точки зрения того времени, отстоящего от нас на сто лет, но и с точки зрения нынешней эпохи.

Каждый химический синтез является вместе с тем и творением искусства; процессом возникновения руководит идея художественного формирования данных сырых материалов, а также наличность нужных инструментов (аппаратов); конечный продукт в качестве молекулярного образования соответствует в своем построении теории архитектуры и представляет собою закономерное органическое целое. Подобно тому, как искусство заимствует свои прообразы у природы и подражает им более или менее успешно в зависимости от технических условий, точно также и химические синтезы в своих первичных формах опираются на природу, и в зависимости от состояния экспериментальной техники эти подражания носят более или менее совершенный или успешный характер. Химик-синтетик, это — искатель истины, а, как сказал Шиллер, «в истине обретается прекрасное».

В 1782 г. Шееле определил состав синильной кислоты (цианистый водород) и осуществил ее синтез (или синтез KCN) из хлористого аллюминия, угля и поташа посредством накаливания. Затем сам Велер в 1822 г. путем окисления цианистого калия получил цианокислый калий, т.-е. исходный материал для его позднейшего синтеза мочевины и (уже в 1824 г.) посредством превращения циана в щавелевую кислоту (в водном растворе аммония) стал своим собственным «предшественником» в области органического синтеза! Благодаря этим откровениям были искусственно воспроизведены уже два характерных растительных вещества — синильная кислота и щавелевая кислота. Затем Леопольд Гмелин в 1825 г. из окиси углерода и металлического калия получил их соединение, а также путем разложения его в воде получил кроконовую и родиконовую кислоты и таким образом сделал возможным первый синтез ароматических веществ из элементов. То обстоятельство, что лишь спустя многие десятилетия этот гексаоксибензольный калий и его производная пентаметилена (кроконовая кислота) были изучены, ничего не изменяет в историческом факте этого синтеза. Точно также сохраняют свое значение неудачно произведенные уже в 1803 г. синтетические опыты с карбидами и соляной кислотой (Пруст) или с раскаленным углем и водяным паром в железных трубках (Деберейнер, 1817 г.) или с газовыми смесями из угольной кислоты, этилена и кислорода в накаленной фарфоровой трубке (Берар, 1817 г.). Не меньшее значение имеют попытки Деберейнера (1818—1825 гг.) из газов CO_2 или CO и H_2, отчасти посредством воздействия света, отчасти же посредством щелочей синтетически получить щавелевую кислоту, или из CO_2 и CH_4, посредством давления, или из CO_2 и алкоголя каталитическим действием платины получить синтетическим путем сахар.

Тот факт, что эти попытки дали частью неопределенные результаты, частью же остались безрезультатными, ничуть не умаляют их исторического

значения. Они наглядно об'ясняют принцип «сохранения идей». Ибо следует отметить, что уже тогда, в начале девятнадцатого столетия, основные взгляды о возможности образования синтезов органических веществ без жизненной силы, и именно непосредственно из неорганических веществ, сложились хотя бы в неясной форме в головах отдельных химиков. И поучительно, что уже тогда они стремились к разрешению этого вопроса экспериментальным путем с помощью типов и условий реакции, овладеть которыми удалось лишь в наши дни усовершенствованной химической техникой. Это в известной мере первичные формы синтеза, исходящие из постоянных духовных прообразов. Ведь уже великий Платон сказал, что идея—это то, что является истинным, постоянным, беспричинным, что санкционирует бытие реальностей, направляет ход вещей.

Уголь, карбиды, водяной пар, газовые смеси, высокие температуры и давления, катализаторы и т. д.,—все это уже сто лет тому назад было предметом и средством синтетических опытов. Непроизвольно мы вспоминаем слова, сказанные в 1890 г. на «бензольном празднике», нашим учителем Кекуле: «Никто никогда не придумал ничего абсолютно нового, конечно и в химии. Мы все стоим на плечах наших предшественников; удивительно ли после этого, что мы обладаем более далекими перспективами, чем они?». Согласно этому для синтетической химии наших дней не подходит мысль, которую проповедуют современные философы: «С точки зрения современного мышления идеи девятнадцатого столетия отжили свой век» (К. Иоэль).

IV. Дальнейшее развитие химического синтеза с 1828 до 1856 г., открытие Перкином первой анилиновой краски, систематические синтезы Бертело.

Синтез Велера от 1828 г. можно разложить на две составные части: первая — это доказательный результат опыта, т.-е. искусственное появление мочевины вне животного тела, вторая—идея или осторожно высказанный вывод, что органические вещества вообще могут быть воспроизведены без жизненной силы.

Мы уже раньше сказали, что непосредственное влияние, оказанное велеровским синтезом на теорию познания и на метод исследования в области химии было совершенно ничтожным. Одним попытка отрицания «жизненной силы» в качестве метода мышления показалась как бы «авантюрой разума», другие же отмечали отсутствие фактов, необходимых для доказательства правильности новой идеи.

Нужно было прежде всего проявить много терпения и выполнить большую работу для того, чтобы, с одной стороны, устранить существовавшие как умственные, так и экспериментальные перегородки между неорганическими и органическими веществами и, с другой стороны, увеличить степень свободы мысли и исследования в области химии. В этом деле можно было лишь постепенно итти вперед, во-первых, синтезируя вообще на опыте органические вещества, и, во-вторых, синтезируя эти вещества или (органические) естественные продукты из чисто-неорганического материала.

Для того, чтобы решить эту задачу, необходимы были изобретательные сотрудники и способные ученики. И нам кажется, что 1828 г. памятен не только благодаря синтезу Велера, но памятен также для дальнейшего развития химического синтеза. Тогда (в сентябре 1828 г.) в Берлине происходили заседания с'езда естествоиспытателей. На этом с'езде присутствовал также и Берцелиус, прочитавший доклад. Зимой того же года установились дружеские отношения между Велером и Либихом, которые продолжались до смерти Либиха (1873 г.) и одинаково интересны в одинаковой

степени как с психологической, так и с научной точки зрения. Велер, представитель классического типа ученого (в оствальдовском смысле), человек постоянный и рассудительный, точный в своей работе,—и рядом с ним романтик Либих, натура страстная, боевая и неутомимая! И из этих противоположностей возник синтез идеального типа исследователя-химика, в котором об'единились в одно целое великие интеллектуальные возможности, богатая научная фантазия и экспериментальный опыт, неустанное стремление к творчеству и благородная любовь к истине! Из этого синтеза или об'единения духовных антиподов «Велер—Либих» для химии возникают не только основные рабочие программы и классические исследования, но также и многочисленные продолжатели,—ученики и молодые исследователи. Однако представляется важным еще и следующий момент: эти ученики и сотрудники подчинились обаянию личности своих учителей: они вышли из школы Либиха и Велера в качестве убежденных передовых борцов за научные убеждения и идеи своих учителей.

Всем известно классическое исследование Велера и Либиха «О радикале бензойной кислоты» (1832 г.), а также замечательная работа «Исследование о природе мочевой кислоты» (1838 г.). При этом впервые было получено из мочевой кислоты большое количество новых органических соединений [1]). Авторы, обобщая полученные ими результаты и отодвигая в сторону первоначальные требования органического синтеза, говорят, заглядывая далеко вперед: «Философия химии из этой работы сделает тот вывод, что воспроизведение всех органических веществ, поскольку они больше не принадлежат организации, в наших лабораториях не только правдоподобно, но должно рассматриваться как нечто, не подлежащее сомнению. Сахар, салицин, морфин будут производиться искусственным путем».

Здесь мы имеем общее заявление обоих учителей, которое своею определенностью должно действовать гипнотизирующим образом: «не подлежит сомнению», что в химических лабораториях можно будет воспроизводить «все органические вещества»! Не естественно ли, что такая уверенность во взглядах учителей перенеслась также и на их учеников и что она наложила явную печать на научные стремления и работы последних? Так оно и было в действительности.

Из химической школы Велера вышли, например, такие химики, как: Герман Кольбе и Р. Фиттих, а из школы Либиха вышли выдающиеся синтетики: Ад. Штрекер, А. В. Гоффман (и его лондонский ученик Перкин), Август Кекуле (и его ученики Ладенбург, Ад. Бэйер, К. Гребе и т. д.), Ад. Вурц, Якоб Фольгард, Зинин, Вильямсон и др.

Либих постоянно распространяет это убеждение также и среди самых широких народных масс. В своих «Химических письмах» он пишет (1 письмо, 1844 г.): «Имеется достаточное количество опытов для того, чтобы считать вполне обоснованной надежду, что нам удастся воспроизвести хинин и морфий, соединения, из которых состоит яичный белок или мускульное вещество со всеми их свойствами». «Химические письма» Либиха встретили необыкновенно живой отзвук во всем культурном мире (появились переводы на языках: английском, голландском, датском, испанском, итальянском, польском, русском, французском и шведском). И в четвертом немецком, вновь обработанном, издании, в 1859 году (23 письмо), Либих пишет опять: «И таким образом ему (химику) удастся воспроизвести хинин, кофеин, красящие

[1]) В этом исследовании Велер впервые применил получивший впоследствии важное значение синтетический прием, а именно нагревание органического продукта реакции с растворителем при высокой температуре под давлением в запаянных стеклянных трубках.

вещества растений и все соединения, не имеющие никаких жизненных свойств, но обладающие лишь химическими свойствами».

Если мы еще раз бросим взгляд на юношеский период органического синтеза, то, быть может, мы сможем в виде резюме сказать следующее: Велер открыл впервые органические синтезы (т.-е. синтезы щавелевой кислоты и мочевины), но Либих был носителем идеи, думаю, развития органического синтеза вообще. От Либиха исходило далеко распространившееся духовное влияние, так как он в своих писаниях неуклонно возвещал идею возможности осуществления экспериментальным путем также и самых сложных природных веществ и революционизировал умственный мир своих современников. Он оказал непосредственное влияние в качестве творца химической школы, он подготовил новое поколение исследователей, которые очень сильно способствовали экспериментальному развитию синтеза.

Этот взгляд получил в значительной мере подтверждение благодаря одному синтезу, произведенному Кольбе.

В 1845 г. Герман Кольбе («Либиховские Анналы», 54, 47, 18[1845 г.]) произвел свой знаменитый синтез уксусной кислоты, при чем он исходил из чисто-неорганических веществ.

Уже в 1848 г. Л. Гмелин в своем классическом «Руководстве по химии» (4-й том, стр. 37, 1848 г.) писал: «Во всяком случае искусству удалось из неорганических веществ произвести лишь низкие органические соединения, т.-е. такие, которые содержат только немного атомов углерода. Но в получаемых из чугуна и при приготовлении калия отбросах можно предполагать наличность большого количества атомов углерода». А в 1853 г. Г. Кольбе в своем «Учебнике органической химии», изложивши вопрос о велеровском синтезе мочевины, заявляет: «Благодаря этому важному открытию, за которым вскоре последовали еще некоторые другие подобные открытия, естественная перегородка, отделявшая до того времени органические соединения от неорганических, упала... и подразделение химических соединений на органические и неорганические—в их прежнем значении—потеряло поэтому свое естественное основание» (1 том, стр. 4, 1853 г.).

Таково было положение к концу первой четверти столетия после открытия Велером (1828—1853 гг.). Мы видим, что философия химии, тем временем, целиком эволюционировала в пользу признания взгляда Велера, и мы с полным правом согласимся с тем, что эта умственная эволюция была вызвана не столько обилием фактов (т.-е. неоспоримых синтезов органических веществ из неорганических), сколько новой формулировкой понятия «органической химии» вообще. «Органическая химия» в качестве «химии сложных радикалов» (Либих) зарегистрировала многие и многообразные синтезы таких соединений сложных радикалов; она формально присоединила этот вид «органических соединений» к неорганическим и, таким образом, подчинила оба класса тел одинаковым процессам мышления. И вследствие этого Г. Кольбе в 1860 г. в своем трактате «О естественной связи органических и неорганических кислот» выразил следующую мысль в почти пророчески звучащих словах: «Химические органические тела все без исключения являются отпрысками неорганических соединений и произошли из теперешних частью непосредственно, с помощью удивительно простых процессов замещения» («Либиховские Анналы», 113, 293 [1860 г.]).

Мощную поддержку эти взгляды получили в экспериментальных работах М. Бертело, который, систематически подвигаясь вперед, классическим образом отчасти соединял посредством электричества самые элементы (ацетилен из C и H_2 в 1862 г.), отчасти из простых неорганических веществ (метан из $CS_2 + SH_2$, с помощью накаленного Cu 1856 г., метан через CH_2Cl в метиловый алкоголь, 1857 г.), отчасти посредством обращения реакций разложения, посредством воссоединения продуктов распада (напр., $CO + H_2O$ муравьиную кислоту; $C_2H_2 + H_2O$ спирт, 1855 г., жирную кислоту + глицерин в жиры, 1854 г.), посредством полимеризации при высокой температуре (напр., $3C_2H_2 \longrightarrow C_6H_6$ бензольный синтез, 1866 г.)—воспроизвел многочисленные синтетические органические соединения и при этом установил новые принципы. Хорошо продуманы и смело проведены были эти синтезы! Бертело гордо писал в своей книге «Chimie organique, fondée sur la synthèse» (1860 г.) («Органическая химия, основанная на синтезе»): «La chimie crie son objet. Cette faculté créatrice, semblable à celui de l'art lui même la disfingue ëssentiellement des sciences naturelles ef historique» (Химия создает свой об'ект. Эта творческая способность, подобная творческой способности самого искусства, существенно отличает ее от естественных и исторических наук). И далее: «Цель нашего исследования состоит в изгнании жизни из об'яснений, касающихся органической химии». И жизнь, действительно, была изгнана из органической химии. В органический синтез проникли методы работы, по существу совершенно чуждые тем условиям, при которых организмы или клетки осуществляют свои синтетические реакции.

«Жизненная сила»—это «табу» в синтезе органических веществ—утратила свое могущество, и общины химиков-органиков бодро и успешно приступили к работе, поставив себе на службу физические и химические силы.

V. Органический синтез с 1856 г. до настоящего времени (Его техническое и научное значение).

«Необходимо быть молодым, чтобы совершать великие дела», сказал Гете. И, действительно, новая органическо-синтетическая наука, культивируемая в особенности молодыми творческими умами, возникает и вырастает как чудесное дерево, превзойдя классические достижения, о которых мы уже говорили, и принося плоды, каких нельзя было предвидеть заранее [1]). Ведь именно молодой (18-летний) Вильям Г. Перкин, сотрудник А. В. Гофмана, в 1856 г. без долгих размышлений и сомнений осмелился приступить к синтезу хинина, который был предсказан учителем Либихом, и—открыл первое анилиновое красящее вещество (тирский пурпур)! Не приходится здесь подробно останавливаться на том факте, что́ это второе историческое случайное открытие органического синтеза стало исходным пунктом грандиозной промышленности анилиновых красок (до войны на одной только фабрике красок Гекстера было синтезировано свыше 11.000 типов красящих веществ). Не приходится также останавливаться на том, что среди этих синтезов естественных красящих веществ—марены (ализарина, открытого Гребе и Либерманом, в 1868 г.), индиго (Бэйер, в 1880 г. и сл.) и столь же классическими являются исследования Р. Вильштетера о составе хлорофила и гемоглобина (Вильштетер и Штоль, Исследования о хлорофиле, Берлин 1913 г.),

[1]) Тот факт, что большинство проложивших новые пути органических синтезов и химических теорий исходят от химиков, находившихся тогда в молодом возрасте, от 25 до 30 лет, характерен для биологии склонного к химии гения или, наоборот, характерен для существа органической химии вообще. Мы назовем лишь несколько имен из классического периода органической химии: Велер (24 лет), Г. Кольбе и Е. Фишер (26 лет), Бертело, Гребе и Либерман (от 26 до 27 лет), Ад. Штрекер (28 лет), Кекуле (29 лет), Альфред Вернер (23 лет), И. Г. вант Гофф (даже 22 лет и Вильям Г. Перкин (18 лет!).

а также синтезы парафина, происходящих от гемина, произведенные Гансом Фишером (ср. «Берл. Немецк. Хим. Общ.», 60, 261) (1927 г.).

Следует также напомнить, что на ряду с одним широким энергичным течением в области химии, которое привело к синтезам красящих веществ, вскоре открылось еще и второе течение: это были лекарственные вещества, для которых проложил путь синтез салициловой кислоты, открытой Г. Кольбе и Лаутерманом в 1860 г. («Хим. Анналы», 113, 125, 115, 157 [1890 г.]); «Ежегодн. практ. химии» (II) 10, 89 (1874 г.) и практически осуществленный фон-Гейденом (с 1874 г.). Здесь же приходится излагать великие достижения химии в области синтеза, в этом творческом направлении (ср., напр., лишь новейший труд: Е. Вазер, «Синтез органических лекарственных веществ» (Штутгарт 1928 г.). Достаточно указать на то, что до войны количество искусственных лекарственных веществ достигало в круглой цифре 5.000. Начиная с эфира Валериуса Кордуса (1540 г.), хлороформа и хлорала Либиха (1831 г.), салициловой кислоты Кольбе (1860 г.), проходя через веронал Конрада (1882 г.), антипирин Кнорра (1883 г.) до сальварсана Эрлиха (1910 г.), германина (1924 г.) и плазмохина (1927 г.) эльберфельдских исследователей наших дней—перед нами блестящая цепь, доказывающая человеческую прозорливость и благородное соревнование в совместной работе химиков и медиков на благо страждущего человека!

То обстоятельство, что на ряду с этими двумя большими группами веществ—искусственными красящими веществами и лекарствами—были синтезированы еще и многие другие типы веществ—общеизвестно. Напоминать ли о том, как, продолжая опыты Бутлерова (1861 г.), Килиани и др., Эмиль Фишер мастерски произвел синтез сахарной группы (с 1884 г. до смерти), как затем он показал в новом свете соединения яичного белка посредством синтеза полипептидов (1899—1906 гг.), как он смело взялся за осуществление синтеза дубильных веществ или депсидов (1908—1919 гг.). Нужно ли напоминать о синтезах и технических достижениях в группе ароматических веществ, начиная с кумарина (Перкин, 1868 г.), ванилина (Тиман и Гаарман, 1875 г.) до фиалкового аромата ионона (Тиман, 1893 г.) или о синтезах алкалоидов, напр., кониина (Ландебург, 1886 г.), кофеина и теобромина (Эм. Фишер, 1897 г.), кокаина (Вильштетер, 1901 г. и сл.), никотина (А. Пикте, 1904 г.), или о синтезе терпена и камфары (напр., Валлах, Компа и др.), или каучука (Гаррис, Фр. Гофман, Кутель и т. д.)? Что касается дубильных веществ, смол и «искусственных шелков», то они общеизвестны. Одни фабрики красок I. G. вырабатывают ежедневно 11.000—12.000 кгр. таких искусственных шелков [1]).

Если мы еще раз бросим взгляд на достигнутое в течение этого первого столетия, то мы, химики, не опасаясь возражений, можем утверждать, что мы не только сохранили наследство Велера, но и неустанно умножали его посредством экспериментов и идей. Двумя широкими потоками синтез протекает через современный культурный мир. Первый поток собирал и вел за собою результаты чисто-научного исследования, второй же дал технически-хозяйственные применения.

Тот факт, что технически-хозяйственное применение научных химических синтезов имело особое обратное влияние на самое

[1]) Еще один факт бросается в глаза при статистическом сравнении ученых, открывших главные синтезы, по их национальной принадлежности. Оказывается, что очень значительное, быть может преобладающее, число этих синтетиков были или суть германские химики. Этот специфический «духовный потенциал» наводит на мысль, что пора дополнить известное крылатое слово о «народе поэтов и мыслителей» выражением «народ открывателей и изобретателей».

химию, слишком известно, чтобы подробно излагать его здесь. Общеизвестно, какой взрыв смеха вызвал Либих в школе, когда он на вопрос, чем он хочет быть, ответил: химиком, так как мысль, что можно специально изучать химию, сто лет тому назад казалась фантазией. Но вскоре стало иначе—это коренное изменение вызвала органическая химия, которой стали уделять все больше внимания в высших школах. Уважение к химии, публичное признание химии наукой, а химиков экспериментальными исследователями становились все прочнее с каждым новым синтезом. Таким образом, образовалось сословие химиков! Связь химических синтезов с техникой и хозяйством также сильно содействовала созданию хороших условий работы. Новые лаборатории возникли на крупных химических предприятиях. Изобретательство сделалось профессией, появились школы изобретателей, где стали учиться и практически упражняться в сознательно планомерном изобретательстве. Появились вожди, вызывавшие организационные перевороты, влияние которых пока еще не возможно измерить.

Разрешите нам бросить еще один беглый взгляд на научный охват синтеза. Сто лет тому назад Леопольд Гмелин в своем «Руководстве по химии» (II часть, Органические соединения, Франкфурт-на-М. 1822 г.) мог привести всего около 80 более или менее изученных органических соединений. Тогда научные работники, как видно, не слишком энергично занимались своим делом. Ведь тот же Л. Гмелин мог в 1827 г. обратиться к химикам-организаторам с просьбой приостановить свои завоевания в области органической химии, так как иначе-де он никогда не сможет довести до конца свое «Руководство». А как сравнительно невелико было количество этих «завоеваний», видно, напр., из того, что писал (8 марта 1829 г.) Фр. Велер своему учителю Берцелиусу о немецких ученых: «В Германии никто, кажется, не работает»...

Сорок лет спустя Фридрих Мор [1]) уже смеется над широким охватом органической химии (1868 г.): «... подобно тому как в Китае считают человека великим ученым, если он может написать 800 слов, так и мы должны считать великим химиком того, кто знает 800 формул и хранит в своей голове наибольшее количество случаев разложений и их продуктов» («Механич. теория хим. сродства», 1868 г., 346). Но уже к 1903 году это число достигло 100.000 и талантливейший организатор Зд. Скрауп вынужден был признать, что богачи-химики похожи на миллиардеров, начинающих утрачивать всякий интерес к приобретению дальнейших миллионов! Однако последние 25 лет показали совсем другое. В настоящее время мы исчисляем число синтетических веществ в четверть миллиона. Но «миллионы» эти имеют у нас скверный привкус. С химиками в данном случае происходит почти то же самое, что Гете в шутку сказал о философии Фихте: «С ним происходит то же, что с творцом и сохранителем всех вещей, который, как говорят нам богословы, также не может справиться со своими творениями». Творческая деятельность химиков сформировала и подчинила себе пластическое безжизненное вещество; остроумные теории придали химическим молекулам жизнь. Вспомним о теории радикалов (Берцелиус и др.), о теории замещений, о теории типов (Дюма), о теории валентности (Франкланд), о четырехвалентности атома углерода (Кекуле, Кольбе, Купер, 1858 г.), о бензольном кольце (Кекуле, 1865 г.), о стереохимии атомов C и N (вант-Гофф и Ле-Бет, 1874 г., Вислиценус,

[1]) Следует напомнить, что Фр. Мор (1806—1879 гг.) еще до Роберта Майера установил «принцип сохранения энергии» (1837 г.). Разработка и введение в науку метода количественного анализа составляет непреходящую заслугу Мора.

Бэйер, Ганч и Вернер, 1889 г.). Огромное научное и хозяйственное значение получил созданный Вильгельмом Оствальдом метод катализа, который был далее развит такими исследователями, как Г. Бредих, В. Ипатьев, Сабатье, Митташ и др. К классическим галоидам аллюминия Фриделя—Крафта—Густавсона прибавился знаменитый эфирный бромид магнезия Гриньяра. Благодаря современной аппаратной технике появилось высокое давление и температуры, в свою очередь содействовавшие ускорению реакций. Искусственный органический синтез оказался менее естественным в своих творческих силах, нежели живая природа: в то время как последняя в состоянии работать лишь в определенных, относительно суженных условиях реакции, органический синтез может свою творческую способность варьировать в самых широких границах, пользуясь, подобно свободному художнику, чуждыми природе методами, реактивами и типами веществ. И таким образом химики, эти «господа от тигеля и реторты» (Шопенгауэр) или титаны, орудующие бунзеновской горелкой и пробиркой, создали, путем разрушения дани-стей природы, новый, выходящий за пределы живой природы, мир органических веществ [1])!

Это тщательно проверенное и просеянное богатство искусственных веществ наполняет теперь дюжины томов руководства Бейльштейна по органической химии, а также руководство Гмелина-Крауте по неорганической химии. Текущий прирост этого богатства регистрируют еженедельно выпуски «Химической центральной газеты». Начинающие и настоящие химические исследователи ежедневно и ежечасно прибегают к этим монументальным трудам, представляющим собою воплощенную, никогда не дающую осечки память всего химического мира. Мы, химики, не отзываемся на напоминание, исходящее от современных медиков: «Переступите через руководства, эти надгробные камни прошедших времен, через «Центральные Газеты», эти навозные ямы человеческого духа, и устремляйтесь вперед навстречу новым задачам»—так было сказано еще недавно (Зигрист, 1927 г.).

VI. Начинающаяся реориентировка современного химического синтеза.

(Полные синтезы из элементов).

То, что достигнуто до сих пор, является лишь предварительной ступенью к тому, что еще можно и должно достигнуть. Должен ли химический синтез в самодовольном сознании своих завоеваний как бы «почить на лаврах»? Должен ли он итти вперед по тому пути, по которому он шествовал до сих пор? Или же нужно искать и расчищать новые пути? Подобные вопросы могут показаться несвоевременными в настоящий момент, когда перед нами высится гордое здание нынешней синтетической химии и благодаря исследованиям усердных работников то-и-дело возводятся новые этажи. И все-таки я склоняюсь к тому, что вышеприведенные вопросы уже

[1]) Этот мир со своими буквами и числами многим может показаться слишком сухим и трезвым. Но вот в самые последние дни к нам пришло через Америку сообщение, что в стране Данте и Торкватo Тассо видный химик опубликовал химический учебник в стихах. В этом учебнике лирически воспевается сера с ее свойствами, в рапсодиях изображаются результаты действия серной кислоты, и когда поэтически описывается влияние нескольких капель фтористоводородной кислоты на кожу, то это звучит подобно дантову «Аду». Корреспондент подчеркивает еще, что книга охотно покупается студентами-химиками, которые готовятся по ней к экзаменам (ср. «Industrial Chem.», 6, № 15, 10 авг. 1928 г.). Можно нарисовать себе картину будущего, когда с кафедры, на экзаменах, со страниц научных журналов и т. д. будут раздаваться стихи о химических реакциях!

теперь настоятельно требуют ответа. Не подлежит сомнению, что оправдавшие себя синтетические методы исследования должны и далее практиковаться и развиваться, когда, напр., речь идет об исследовании новых или еще в недостаточной степени выясненных природных веществ, или же о чисто-научных вопросах в области состава тел и т. п. Но помимо этого имеются проблемы другого охвата и характера, которые мы должны обозначить как проблемы нашего времени и которые в результате последовательного процесса развития наших познаний и культуры естественно вторгаются в экспериментальное поле синтеза. Одна группа этих проблем связана с вопросом о запасе веществ на земле, другая—с вопросом о явлениях жизни.

Если внимательно прислушаться к биению пульса современного технического синтеза, то без труда можно заметить частью сознательный, частью бессознательный отход от тех исходных или сырых веществ, которыми химики пользовались до сих пор. До сих пор предпочтительной поставщицей материалов для органических сырых веществ или полупродуктов была живая природа. Химический синтез выполнял тогда облагораживающую работу, искусственно ведя дальше в известном направлении синтез живой клетки и производя ценный конечный продукт. Последние десятилетия показывают в этом отношении реориентировку, так как значительно возросло количество тех органических крупных синтезов, при которых находят применение исключительно неорганические сырые вещества. Напомним лишь о возникающем из извести и угля карбиде кальция CaC_2 и о синтезированных из него с помощью катализаторов посредством неорганических веществ, как, напр., вода, водород, воздух и т. д. типичных органических полезных веществах: ацеталдегиде, алкоголе, уксусной кислоте, ацетоне и т. д. Или возьмем окись углерода CO, которую без труда можно превратить в древесный спирт, муравьиную кислоту, щавелевую кислоту и т. д. Или же обратим внимание на уголь и воду, которые в форме водяного газа при помощи водорода синтезируются в поразительное множество органических соединений. Или же вспомним о великой технической проблеме наших дней, связанной с именами Бергиуса и Франца Фишера, о жидком угле [1]) или о его превращении посредством добавления водорода в органические жидкие углеводороды. Фабрики красок I. G. (Леверкузен) надеются уже в текущем году добиться таким путем производства 100.000 тонн искусственного бензина.

Обратим лишь в беглой форме внимание на то, о каких грандиозных проблемах здесь идет речь, какое влияние это новое направление органического синтеза оказывает на пищевую промышленность, на сохранение лесов, на регулирование климата, на добычу энергии и т. д. Следует особенно подчеркнуть, что в истории неорганического синтеза (напр., аммиака и азотистых удобрений) золотыми буквами отмечены имена Габера, Боша, Митташа, Каро и Франка; также (синтетическая азотная кислота) имена Бирклянда, Эйде, Шенгерра и Вильгельма Оствальда.

Единственная и основная реонтировка современного синтеза состоит в следующем: отказ от сырых веществ живой природы

[1]) Выражение «ожижение угля», этот современный боевой лозунг, не отличается ни точностью, ни логичностью. Мы говорим ожижение парафина, ожижение железа, под чем подразумевается превращение в жидкость посредством нагревания, в то время как при получении «жидкого угля» имеет место химическое превращение (посредством присоединения водорода), при чем происходит новообразование жидких углеводородов. Неподходящим является также обозначение «витамина», так как к этому классу тел относятся также вещества, не содержащие азота или амина.

и искусственная работа по построению органических веществ из угля, воды и воздуха с помощью катализаторов. Воздух, углекислота, водяной пар в качестве сырых веществ становятся исходными веществами органического синтеза. Своеобразно звучат при этом, совпадая с новейшими стремлениями, слова старого Парацельза: «Итак, другие элементарные тела нам более понятны; и среди четырех элементов воздух является основным, так как он был первым, он придает другим элементам жизнь и скрыто содержится в остальных трех».

Обратимся теперь к другому вопросу, приводящему нас от сырого вещества к целям и методам органического синтеза. Соответствует ли путь, избранный научным синтезом после Велера, первоначальному, и какие цели ставил ему Велер? Цель органического синтеза была формулирована: искусственное воспроизведение естественных соединений животного и растительного царства из неорганических веществ. Опросим об этом некоторых учителей. Когда Фридрих Велер (1828 г.) послал свое письмо Берцелиусу и опубликовал свой синтез, то не сказал ли он тогда, что этот синтез является «примером искусственного создания органического и именно так наз. животного вещества из неорганических веществ»? Или, когда Ад. Штекер (1854 г.) изготовил содержащийся в желчи, почках и т. д. таурин $H_2N—CH_2—CH_2—SO_2H$ синтетически из аммиака, этилена и серной кислоты, то разве он не сопроводил свое сообщение об этом следующими словами: «Искусственное образование находящихся в природе веществ можно считать той целью, к которой стремится органическая химия»? И разве главная цель и главная ценность синтезов Бертло не состояла как раз в искусственном изготовлении алкоголя, муравьиной кислоты и т. д. (как типичных естественных продуктов) из простейших неорганических веществ.

Когда Гребе и Либерман (1868 г.) открыли свой синтез ализарина, седой маститый учитель Либих сказал следующее: «Работа над ализарином, выполненная Гребе и Либерманом, произвела на меня подобное же глубокое впечатление. Все исследования, касающиеся соединений, которые встречаются в природе, представляют для меня особый интерес» (ср. Ber. Dtsch. Chem. Ges. 61, 31 1927 г.).

Но на ряду с другими двумя требованиями—искусственным образованием органических естественных веществ и именно из неорганических материалов—появляется еще и третье условие—это метод или путь синтеза, так как полное воспроизведение естественных синтезов и устранение гипотетической «жизненной силы» неизбежно предполагает подражание аналогичным условиям образования вещества. Фр. Мор (1868 г.) особенно настоятельно указывает на то, что в синтезе на ряду с «что» и «из чего» имеет значение «как»: «Речь идет не о том, чтобы изготовить крахмал, сахар, хинин из органических или неорганических веществ, а о том, чтобы найти путь, на котором природа образует эти вещества из углекислоты, воды и аммиака. Но этого пути мы наверное не найдем, если будем работать с калием, гидратом калия, серной кислотой, раскаленной медью при температурах в 250°» (Фр. Мор, Mechan. Theorie d. chem. Affinität, 1868 г., 335 сл.). Приблизительно так же высказывается (1908 г.) и Эмиль Фишер, подчеркнувший, что у синтетиков проявляется склонность «добиваться так наз. слабых реакций и при таких условиях, которые можно сравнить с существующими в организме отношениями» (Organische Synthese und Biologie, Berlin 1908, 27).

То же самое требование необходимости умственной и экспериментальной реориентировки в области синтеза высказал недавно столь же крупный учитель синтетического исследования Рихард Вильштеттер: «В то самое время, когда техническая химия достигает своих результатов посредством применения по бо́льшей части сильно действующих методов, посредством огромных давлений в сотни атмосфер и очень высоких температур, органическая и физиологическая химия все больше прибегает к утонченным и гибким методам. Сложные проблемы физиологии требуют для образования химических реакций самых деликатных средств, соответствующих условиям живого организма» (Willstätter, Problemes and Methods in Enzyme, Research, Ithaca, N.-Y. 1927, S. 9). Своеобразным совпадением хода мыслей является то обстоятельство, что естествоиспытатель Гете в свое время в отношении попыток об'яснения образования земли призывал и требовал: лишь в том случае обращаться к мысли о насильственных переворотах, «когда уже невозможно обойтись одними спокойными действиям, которые все же наиболее соответствуют природе».

Глубокомысленные слова: «Спокойные действия наиболее соответствуют природе». Синтетик и химик подобны альпинистам, которые хотели достигнуть высокой горной вершины по новым непроходимым тропинкам, но по пути под влиянием заманчивых видов, боковых тропинок, ярких цветов и т. д. остановились и отошли от обрывистого пути, и лишь немногие, особенно ловкие чемпионы-альпинисты продолжали итти по прежней дороге.

Итти по пути живой природы для того, чтобы изготовлять органические синтезы из воздуха, углекислоты и воды—такова вторая, еще гораздо более значительная реориентировка синтетического исследования и работы в науке и технике. Итти по пути живой природы в области синтеза органических веществ значит также разрешить оставшуюся открытой со времени классического исследования Пастера об асимметрии естественных (оптически активных) веществ проблему непосредственного синтеза этих веществ (т.-е. «абсолютного асимметрического синтеза»). Далее это значит разрешить при помощи синтеза загадку самих жизненных процессов! И если это, наконец, удастся, то не будут ли тогда жизненные процессы подчинены разумно руководимой воле человека? Не является ли это последней и высшей целью синтетического исследования вообще (как творчески направленного преобразованного вещества)? Но еще нечто другое вторгается в круг наших мыслей. Если мы хотим экспериментальным путем постигнуть и направлять процессы живой природы, то не должно ли то, что представляет собой кажущийся наиболее простым строительный материал, не должны ли сами элементы и атомы быть подвергнуты реакциям разложения и соединения? Синтез самих элементов из последних единиц (согласно нынешним воззрениям), протонов и электронов, а также превращение элементов один в другой неизбежно вытекают из современных исследований атома. Не называли ли это когда-то «превращением металлов»? Не учила ли когда-то «герметическая философия» тому, как изготовлять этот «философский камень» и каковы его свойства? При этом, однако, задачей исследования было не одно лишь искусственное изготовление золота,—«философский камень» должен был овладеть также и жизненными процессами, произвольно регулировать течение жизни и развитие растений, сделать возможным возникновение живого из мертвого, из пепла, охранять человека от болезней, даже от проявлений старости и от самой смерти! («Средства омоложения» того доброго старого времени с помощью «жизненного элексира» и «философского камня» были менее

болезненными, чем некоторые подобные нынешние средства, но результаты их как будто были равноценны: пациентам обещали тысячи лет омоложенной жизни, но «вследствие непредвиденных осложнений» пациенты умирали в обычном человеческом возрасте).

Задумчиво мы взираем на эти оставшиеся далеко позади века с их идеями и идеалами, ибо мы узнаем, что линии развития этих идей представляют собою периодический процесс—неизбежный закон волн направляет эти линии жизни великих проблем.

VII. Ближайшие цели органического синтеза.

Наши рассуждения привели нас к новым и кажущимся почти дерзкими целям и задачам синтеза. Мы должны искать новых путей к новым берегам! Давно применяемые физико-химические методы должны быть заменены биохимическими, и синтез должен быть приспособлен к условиям, соответствующим природе. Однако при этом необходимо принять во внимание одно особое обстоятельство.

Химический синтез последовательно прошел путь своего развития сообразно целям, методам и средствам работы прошедшего периода. Он стоит теперь на распутьи. Свои главные победы он одержал в мире определенных классов тел и в области кристаллизующихся или кристаллических веществ. Теперь неизбежно перед химическим исследованием и синтезом выступает на первый план новое состояние вещества—другая область веществ, область, на которую еще полвека тому назад прозорливо указал Кекуле (Wissenschftl. Ziele und Leistungen der Chemif Bonn 1878 г.). Это область аморфных, коллоидных веществ, которые в своих синтезах особенно предпочитает живая клетка, превращая их в коллоидную среду [1]). Кекуле сказал: «Гипотеза о химической валентности приводит далее к тому предположению, что значительное количество отдельных молекул может об'единиться при посредстве атомов более высокой валентности в сетчатые, или, если можно так выразиться, в губкообразные массы, чтобы, таким образом, произвести те сопротивляющиеся диффузии молекулярные массы, которые, по предложению Грехема, называются коллоидальными. Эта гипотеза самым естественным образом приводит к уже высказанному нашим гениальным коллегой Пфлюгером взгляду, что такое скопление молекул может итти еще дальше и таким образом создать элементы формирования живых организмов. Это массовые молекулы, относительно которых, быть может, допустимо и дальнейшее предположение, что они путем постоянного перемещения атомов более высокой валентности показывают непрерывную смену входящих в их состав отдельных молекул, так что целое—само собою разумеется, при раздражении электричеством — находится в состоянии своего рода жизни» (Цит. соч., 1878 г., 22).

В промежуточном периоде химики много и многообразно работали в духе этих научных предчувствий Кекуле. Тогда еще девственное поле коллоидов тем временем превратилось в особую коллоидную химию, молодую науку, посылающую свои лучи во все области мира веществ, как мертвых, так и живых. Все более обращаются к старым, частью забытым, частью же считавшимися опровергнутым представлениям, как, например, к мицеллярной теории Негели (1858 г.), которая хочет об'яснить строение клеточных структур принятием мицелл (или коллоидных частиц кристаллического свойства)—эти коллоидные вещества с мицеллярно - решатчатой структурой постепенно становятся элементами формирования живых организмов. Всюду говорят о плазмоколлоидах, биоколлоидах и т. д., все определеннее живая клетка вместе с ее частями изображается как «более или менее сложная система гидросолов и гидрогелов» (Н. К. Кольцов, 1928 г.), выставляется положение: «живая субстанция является ареной для адсорпционных и коллоидных катализов (Вольфганг Оствальд, 1927 г.). Таким образом, через коллоидную химию мы приходим к биологии и биохимии и встречаемся с особой группой коллоидов, которые одновременно действуют в живых клетках в качестве превосходных катализаторов (ускорителей химических процессов). Это группа столь распространенных в живой природе энзим или ферментов. «Энзимами мы называем таких ускорителей химических реакций, которые проводятся живыми существами. В жизненных процессах они действуют вместе точно регулированным образом, так что мы можем понимать жизнь в качестве системы совместно действующих энзиматических реакций. Этим определением энзимы в самом общем виде внесены в класс катализаторов (R. Willstätter, Problems and Methods in Enzyme, Research, Ithaca, N.-Y. 1927, 9). К этим словам, написанным в самое последнее время, прибавим еще то, что уже сказал Вант-Гофф на 72-й конференции естествоиспытателей и врачей в Аахене (1900 г.): «Химик со своими синтезами «дойдет до клетки, которая в качестве организованной субстанции относится к области биолога». И в свое время биолог Эренберг сказал следующее: «Исследование жизни—это исследование энзим»; это положение выражает взгляды большинства химически настроенных биологов (Theoret. Biologie, 1923, 45).

Направляет ли нас в сторону этих проблем лишь имманентная человеческая жажда познания? Или же нас толкает в сторону овладения миром заключенная в нас потенциальная возможность стать сверхчеловеком? Ведь еще недавно Г. Ф. Габер сказал: «Величайшую задачу химии мы признаем лишь в том, чтобы вскрыть материальные формы и законы их взаимодействия, лежащие в основе жизненных процессов... Но расширение ограниченного богатства природы при помощи создания посредством энзим новых форм означает превращение плохо усваиваемых продуктов почвы в питательные вещества и подчинение жизненных процессов нашей воле (Fünf Vorträge, Berlin, 1924, S. 50 und 55).

Скажем кратко и в более общей форме: ближайшей целью является определение химической индивидуальности и состава энзим, сведение энзим к немногим первичным формам, изготовление их производных, а также создание синтетическим путем новых форм энзим (или искусственных энзимоидов). Лишь тогда органическая химия в праве будет носить свое имя и приблизится к своей великой цели: воспроизводить имеющиеся в живой природе химические вещества простейшим и соответствующим природе путем. Либих уже в 1840 г. иначе определил эту цель: «Органическая химия имеет своей задачей исследование химических условий жизни и полного развития всех организмов» (J. Liebig, Die organische Chemie in ihrer anwendung auf Agrikultur und Physiologie, 1840, 3).

Когда эта задача была бы выполнена, перед химическим синтезом стал бы путь развития, хотя и своеобразный, но вместе с тем необходимый как

[1]) Томас Грехем, основоположник коллоидной химии, сказал в 1861 г. о коллоидах: «Another and eminently characteristic quality of colloids is their instability. Their existence is a continued metastasis... The colloidal is, in fact, a dynamical state of matter; the crystalloidal being the statical condition... It may be looked upon as the probable primary source of the force appearing in the phenomena of vitality» (Другим и весьма характерным свойством коллоидов является их изменчивость. Их существование представляет собой постоянное преобразование. В самом деле... Коллоидность есть динамическое состояние материи, а кристаллоидность—статическое ее состояние. На кристаллоидность можно смотреть, как на вероятный первичный источник силы, проявляющейся в явлениях жизни).

с точки зрения логики, так и с точки зрения природы. Еще старик Гете сказал: «Науки в общем удаляются от жизни и возвращаются к ней обратно лишь обходным путем!».

Сто лет тому назад органическая (синтетическая) химия сделала свои первые пробные шаги; она при этом естественно пользовалась имевшимися налицо «костылями» или вспомогательными средствами, т.-е. обычно употреблявшимися и оправдавшими себя в неорганической химии рабочими методами и теоретическими представлениями. При этом она была вовлечена в умственную борьбу вокруг «атомной теории», вокруг эквивалентных и молекулярных формул; она переняла от неорганической химии методы изоляции и отождествления; одним словом, она все более и более срасталась с экспериментальными методами и способами мышления неорганической химии, имеющей дело с стабильными и простыми отдельными веществами. Она все более оставляет свое первоначальное поле действия, органическую природу! Теперь она неизбежно возвращается к исходному пункту. Она стоит перед экспериментальной задачей—сделать эти аморфные, коллоидные, непостоянные органические вещества доступными для исследования и синтеза с тем, чтобы разгадать совершающиеся в живой клетке химические процессы. И точно так же, как это было при возникновении классической органической химии, снова появляются старые основные вопросы: что такое «химический индивид» и как его узнать? В какой мере здесь вообще применимы оправдавшие себя ранее законы химической валентности и, определенных пропорций, молекулярной теории и т. д.? Быть может, в коллоидной клеточной жидкости имеются системы веществ, находящихся в состоянии свето-чувственного, легко нарушаемого равновесия, в виде, напр., свободных радикалов или же с поддающимися изменению валентностями и пропорциями и не подвергаются ли они вырождению и изменению при операции изолирования при применении растворителей, определенной температуры и т. д.?

Таким образом, органическая химия ставит новые важные вопросы классической физической химии и оказывает влияние на ее дальнейше развитие. В обратном направлении на органическую химию влияют новооткрытые методы мышления и исследования спектрохимии, электроники, атомной физики и рентгенологии—не только природа отдельных атомов, но также и их размеры и сферы электронов все глубже вторгаются в область исследования химического состава тел.

Одновременно изменяется также и самая постановка вопроса—не физиологические, а механические или физические свойства выдвигаются в качестве практически полезных на первый план в исследовательской работе: упругость, твердость, электро- и теплопроводность.

Между тем, что было когда-то и что существует теперь, можно провести еще и другие параллели. Сто лет тому назад великий экспериментатор и творец химических понятий Берцелиус защищал «жизненную силу», так как ни одна типичная органическая субстанция не могла быть изготовлена посредством органического синтеза в реторте. Эта умственная установка покоилась на твердой почве фактов, пока случай не сыграл на-руку такому ученому, как Фридрих Велер, и не дал ему возможности искусственно изготовить типичное органическое вещество (мочевину). К этому присоединились новые, другого рода, явления, заставившие Берцелиуса (не отказавшегося, впрочем, от жизненной силы) ввести новую, как бы более высокую, силу—каталитическую силу, поскольку эта последняя является вполне общей, т.-е. действующей как в мертвой, так и в живой природе (1835 г.). «Эта сила осуществляется в более общей, но и в более таинственной форме, в процессах органической химии, в особенности внутри живых тел»,—заявил Берцелиус (1842 г.), и за субстрат этой силы он принимал

«органическую ткань, из которой состоят органы живого тела» (1835 г.). Современное мышление понимает под «органической тканью» предпочтительно особый вид химического вещества, коллоидные энзимы, наделяя последние каталитическою способностью. Принципиально всякое химическое тело может быть изолировано также и помощью химических и физических средств, и каждое изолированное вещество может быть изготовлено искусственно. И разве—с умственной и экспериментальной точки зрения—то, что происходит в настоящее время, не похоже на то, что происходило сто лет тому назад? Некогда говорили: искусственное изготовление «органической» субстанции невозможно—сегодня скажут: синтез энзимы невозможен! Некогда выводили невозможность синтеза из существования «жизненной силы», теперь же понятие «жизни» отпугивает нас от синтеза энзимы. Некогда случай—в виде неожиданного хода реакции—указал простейший путь синтеза мочевины путем интрамолекулярных перемещений—быть может, случайный, несложный путь даст нам первый синтез естественной энзимы или искусственного «энзимоида»? Ведь уже в 1907 году мастер синтеза Эмиль Фишер сказал, что он не считает слишком смелым продприятием попытку «искусственного изготовления ферментов из естественных или синтетических протеинов» (Sitzungsber. d. kgl. preuss. Akad. d. Wissensch. 1907, IV, 51). Как бы то ни было, великая проблема этого синтеза, которая должна привести нас к вратам «жизни», поставлена и будет далее существовать. Биохимики и химические исследователи будут все увереннее повторять оптимистические слова Платона: «И все же вещи познаваемы!». Речь идет не о том, удастся ли разрешение этой проблемы, вопрос стоит так: когда и каким путем оно удастся? Пессимистическое «Ignorabimus» никогда не поведет нас вперед к познанию природы и господству над ней. И если некогда было сказано, что Фридрих Велер нашел посредством своего синтеза королевство, то будущий синтез энзимы будут прославлять, как открытие нового огромного континента науки.

VIII. Будущие изменения культуры и технического синтеза.

«Поэтому вещи не должны считаться вечными,—говорил оптимистически уже Парацельз.—Ибо они изменяются и возвращаются... при этом (необходимо) помнить, что мы все, чем дальше, тем становимся острее, и что, чем дальше, тем больше учит нас господь, и чем ближе к страшному суду, тем больше ученых, остроты, мудрости, разума, возникает».

Старые философы, не бывшие естествоиспытателями, обращая свои взоры назад, увидели «золотой век», придумав сказку о некоем народе, который в седом прошлом был лучше и жил счастливее и стоял ближе к богам, чем люди последующих поколений. В наше время пророками являются естествоиспытатели, предсказывающие существование более счастливого человечества за завесами будущих времен и веков, когда свет наук «приведет человечество к лучшим моральным и материальным обстоятельствам, чем существующие теперь» (Вернер Сименс, 1886 г.).

Приблизительно четыре десятилетия отделяют нас от берлинского с'езда естествоиспытателей (1886 г.). Тогда Фердинанд Кон (в своем докладе «Вопросы жизни») пророчествовал, что некогда органической химии удастся из воздуха и воды изготовить крахмал, сахар и белок, и этим открыть золотой век, в котором не будет забот о пище и борьбы за существование. На том же с'езде выступал Вернер Сименс (со своим докладом «Век естественных наук»), развивавший такой же ряд мыслей, предсказывая, что химия в союзе с электротехникой осуществит творческий синтез средств питания. Три года спустя на этой проблеме остановился и Виктор Мейер (на гейдельбергском с'езде естествоиспытателей в 1889

году), но с тем мудрым ограничением, что он разрешение вопроса о средствах питания увидел в химическом превращении древесного волокна или целлюлозы в крахмальную муку. Со своей стороны великий синтетик Бертело (приблизительно четверть столетия тому назад) предвидел наступление нового века в 2000 году. То, что другие предвидели и пророчествовали, удалось затем осуществить химическому синтезу: техническое осуществление искусственных природных веществ стало свершившимся фактом; не будет,— пророчествует Бертело,—ни сельского хозяйства, ни пастухов, ни земледельцев, и наступит всемирное царство химической энергии и человеческого счастья! Мы хотели бы задать робкий вопрос, действительно ли человеческий желудок так охотно примирится с этими «рассчитанными на калории» «питательными пилюлями»? В наши дни в этой области возникла новая проблема, успешно разрабатываемая Бергиусом, а именно превращение целлюлозы в легко усваиваемые человеческим организмом и растворимые углеводы посредством гидролиза или, другими словами, превращение целлюлозы в древесный сахар.

Человеческий интеллект стремится стать господином времени и пространства, он не только хочет восхищаться «духом прошлых времен», но стремится также перенестись в обстановку будущих времен. По мере расширения знания растет его уверенность относительно будущего. Сложен ученый становится провидцем, пророком, одаренным закономерным предвидением и могущим управлять будущим процессом явлений. Некогда великий мыслитель и естествоиспытатель Гельмгольц сказал:

«Тот, кому знаком закон явлений, достигает, таким образом, не только знания, но приобретает также и способность при подходящих условиях вмешиваться в естественный процесс и заставлять его работать далее согласно своей воле и для своей пользы. Он приобретает понимание будущего процесса этих самых явлений. Он в действительности приобретает способность, которую во времена суеверия искали у пророков и магов» (Гельмгольц).

Каковы же будут результаты влияния химического синтеза к моменту двухсотлетнего юбилея велеровского открытия? Осмелимся сделать попытку формулировки ответа на этот вопрос. За несомненные установленные факты, которые принесет с собою будущее столетие, мы будем считать следующие:

1. Колоссальный прирост населения земли, которая тогда будет насчитывать 5 миллиардов жителей.

2. Повышение заботы о питании, жилище и работе для этих миллиардов людей.

3. Дальнейшее истощение старых минеральных (тяжелых металлы) богатств.

4. Дальнейшее развитие химического синтеза с помощью энзим и катализаторов, а также повышение энергетических ресурсов.

5. Пополнение металлическо-минеральных сырых материалов органическими и газообразными.

Эти факты появились в порядке неизбежности. Стремление культурного человечества к самосохранению повелительно привело его к единству. Падение добычи ископаемых на поверхности земли не разделило народы, а, наоборот, привело к соглашению между ними, при чем справедливо учтены способности и потребности наций. Были образованы международные охранительные мероприятия в отношении ископаемых богатств, международные и континентальные организации для производства. Парламент международных ученых регулирует великие проблемы научных работ. Возможно большая экономия энергии человеческого духа, как и энергии и материальных запасов природы, сделалась высшим принципом в упорядоченном ходе вещей в культурном мире. «Энергетический императив» Вильгельма Оствальда, как известно, гласит: «Не расточай никакой энергии, превращай ее в капитал!».

Тем временем технический синтез был поставлен перед новыми условиями работы и новыми задачами. «Машина» все в большей степени заменяла человеческий труд, и использование энергии было доведено до необычайной степени. Человеческая энергия становилась все дороже, и она искала новых форм применения, так как она стала излишней для прежних форм технической продукции. На ряду с сильнейшей централизацией производства через посредство концернов и т. д. стала возможной децентрализация вплоть до мельчайших производственных ячеек благодаря новым усовершенствованным средствам сообщения, проводникам энергии на далекие расстояния и т. д. На ряду с механически изготовленными синтезами повсюду в производстве изготавливаются также и биохимические, образуемые по образцу живого организма синтезы. С помощью естественных и искусственных энзим и фатокатализаторов изготовляются синтезы органических полезных веществ при низких температурах и при определенной световой энергии. Бывший фабричный рабочий и техник, так же, как городской житель вообще, прикрепился к земле и выполняет на лоне природы, в качестве специалиста по культивированию растений, культурную работу. Ибо сельское хозяйство не стало излишним, а, наоборот, приобретает все более важное значение, совершенствуется и превращается все больше в занятие всех людей. Для науки стало возможным путем искусственного воздушного питания, путем каталитического улучшения минеральных удобрений существенно изменять явления роста растений, управлять ими: растения вынуждаются производить в больших количествах и в более короткий срок те полезные вещества, на которые существует особенно сильный спрос.

Живой природе предписан новый темп и новый способ производства. Из мертвой природы древние элементы «вода, воздух, земля и огонь» стали основными элементами хозяйства. Если некогда великий Платон говорил, что весь мир создан из воды, воздуха, земли и огня богами, то теперь химики-техники будут изготовлять из воздуха, углекислоты, водяного пара и земли свои синтезы мира органических веществ!

В течение долгих периодов времени химия была в своей работе привязана к земле: главные источники ее материалов и ее энергии (огня) лежали в недрах земли. Эти находящиеся в земле и под землей запасы приближаются к истощению, и потребности наступающих времен направляют все в большей степени взоры в сторону метеорических и космических источников материалов и энергии: к воздушному морю, к ветрам, к атмосферному электричеству, к солнечным лучам! Самая земля остается, однако, ограниченным полем борьбы миллиардов человечества за существование. Пусть великая симфония мирового развития зазвучит еще гармоничнее в результате того, что химический синтез станет орудием мира и благосостояния человечества!

IX. Заключение.

Мы пытались проследить судьбы возвышенных руководящих идей химического синтеза как в прошлые времена последнего столетия, так и в отдалении будущих времен. Артур Шопенгауэр некогда сказал, что он для развития одной мысли своего главного сочинения («Мир как воля и представление»), несмотря на все старания, не мог обойтись меньше, чем целой книгой. Нечто подобное мы могли бы сказать и об основной мысли веле-

ровского синтеза, для описания значения и влияния которого нужны многие тома, излагающие как органическую химию, так и современную историю культуры. Химический синтез стал новой областью истории человеческого духа. «Философия химии» или теоретические основы современной химии находятся в причинной связи с развитием химического синтеза. Понятие химического синтеза природных веществ представляет собою старую проблему философии вообще. В качестве аксиомы она направляла попытки старых алхимиков, стремившихся к искусственному изготовлению драгоценных металлов. Ятрохимики исходили a priori из предположения о возможности синтеза даже живых природных веществ из мертвых материалов, стремясь к открытию паналингенезиса и теории самопроизвольного зарождения. Лишь когда вместо синтеза химических элементов речь зашла об изготовлении сложных тел и лишь когда вместо живых веществ начали синтезировать органические тела, устранив жизненную силу, только тогда в состав научного познания вошло новое экспериментальное положение: химические вещества как неорганического, так и органического характера могут быть искусственно изготовлены.

Поразительная последовательность проходит через развитие идеи и опыта в химическом синтезе. История этого развития богата романтическими моментами, но она богата также серьезными теориями и идеями. Как часто ставили вопрос: какая польза от того или другого открытия или изобретения? Действительно ли то или другое стоит вообще произведенных умственных или материальных затрат? Кто мог бы сто лет тому назад оценить пользу и ценность велеровского открытия мочевины или алюминия? Какую практическую ценность имели маленькие количества кристаллов первой искусственной мочевины или маленькое количество пудры металлического алюминия?

Мы очень бегло обрисовали великие области работы, в особенности современного технического синтеза. Если признать, что поднятие материальной культуры идет параллельно расширяемой мелиорации или приспособлению (или «гуманизации») всего мира тел с целью их вовлечения в круг предметов, обеспечивающих существование человека, при чем этим путем значительно повышается экономический коэффициент каждого индивида, то в таком случае бесчисленные экономические синтезы означают часто незамечаемые культурные достижения, которые в своей совокупности должны содействовать построению и обогащению современной культуры. В этом случае велеровский синтез сто лет тому назад явился имеющим историческое значение посланием к культурному человечеству, а современный синтез является, со своей стороны, серьезным обращением к нашему времени. Ибо наше время это больное время, наше время отчасти утратило веру в точное, экспериментальное исследование природы. Необходимо преодолеть этот «кризис доверия» и снова обрести веру в современную культуру и ее прогресс.

Если мы бросим взгляд на цели и достижения научного и технического синтеза, то мы увидим, что они возвышающим образом влияют на наш дух и являются доказательством великой власти людей над материей. Не вытекает ли из технических достижений синтеза возвышенная мораль? Технический синтез, создавая новые блага, поднимает потенциал жизни человечества, он влияет уравнительным образом на социальные подразделения, делая доступными прекраснейшие краски и духи, лучшие лекарства, разнообразнейшие текстильные материи, всем слоям населения. И в то время как мир становится более приятным местопребыванием, люди становятся энергичнее и жизнеспособнее, благодаря гармонической совместной работе врача

и химика. Химический синтез слил науку с практической жизнью. Цель всей экспериментальной науки состоит в том, чтобы все более уменьшать размеры «таинственного» в природе и делать людей все более знающими и мудрыми. Каждый великий открыватель является благодетелем и мудрецом, и каждый мудрец нашего времени более могущественен, чем все семеро мудрецов в старое время. Когда сто лет тому назад Велер открытием своего синтеза бросил лозунг: «освобождение от жизненной силы!», то он этим самым в качестве мудреца указал путь к разрыву цепи, сковывавшей человеческий ум и насильно ставившей границы химическому опыту. И по мере того, как химический синтез (органическая химия) все смелее продолжал итти по указанному ему его освободителем пути, он становился все более знающим и признал, наконец, что более глубокое значение великого открытия Велера состоит в том, что оно в дальнейшем своем развитии должно породить еще более великое открытие. Ибо того, что до сих пор познано и завоевано, достаточно, чтобы понять, что мы должны и можем еще гораздо больше знать! Величайшим и соблазнительнейшим об'ектом экспериментальной науки является в настоящее время сама живая природа. Исследовать ее химичность, отвоевать от царства жизненных процессов новые области также и для химического синтеза—вот одна из целей химико-синтетического исследования на второе столетие его существования. Новый лозунг должен гласить: «Назад к живой природе!». Достижение и преодоление великой цели—дело верное. Древний поэт сказал: «Многое сильное живет, но ничто не сильнее человека» (Софокл). Достижения будут становиться все более великими, если между естественными науками и медициной или между химиками всех направлений и физиологами, биологами, физиками установится в будущем еще более тесное сотрудничество в работе! И не является ли открывающий с'езд со своей научной программой импозантным символом такой общей работы, не является ли он символом веры в облагораживающую силу исследования и доказательством того, что уровень точного знания, в особенности в Германии, стоит высоко.

Преисполненные надеждой, мы смотрим поэтому вперед на великие задачи наступающих времен и новых поколений! Но, обращаясь к прошлому, мы с чувством благодарности и восхищения чествуем память великого человека, Фридриха Велера, который своим открытием подарил предшествующим поколениям свободу химической мысли, и мы прославляем многих великих учителей и вождей, сделавших химический синтез культурной и мировой силой. И мы выражаем нашу уверенность словами поэта:

Поколения приходят и исчезают, но остаются
Великие имена и великие творения,
Могущественно толкающие нас к новым великим свершениям:
В этом — лучшая слава и величайшая сила.

(Риккерт).

Внутреннее строение звезд [1]).

З. Цейтлин.

1. Проблема внутреннего строения звезд.

Трактат Эддингтона «Der innere Aufbau der Sterne» представляет значительный философский и методологический интерес. Позитивист Конт когда-то заявил, что мы никогда не узнаем внутренней природы небесных тел. Открытие спектрального анализа опровергло утверждение Конта. Проблема внутренней природы звезд оказалась, однако, гораздо сложнее, чем еще недавно думали. Спектральный анализ дает нам превосходные сведения о поверхностных процессах, можно ли, однако, отождествлять природу звездных поверхностей с природой звездных недр—вот вопрос, который ныне стоит под большим сомнением.

Ученые приходят ныне ко все большему убеждению, что не только физико-химическая структура поверхностей небесных тел не тождественна с их внутренней структурой, но что сама физико-химия поверхностных процессов отлична от физико-химии процессов внутри звезд. Выявляются неожиданные для нашей земной «поверхностной» физико-химии результаты, настоящие физико-химические «парадоксы». Этот процесс теоретической дифференциации является, разумеется, ничем иным, как процессом диалектического отрицания на все расширяющейся базе приложения физико-химических методов к проблемам космологии. Космология за последние десятилетия сильно выросла и далеко вышла за пределы прежних, по преимуществу механических в узком смысле слова, методов трактовки космологических проблем, о которых можно получить хорошее понятие из известных «Лекций о космогонических гипотезах» А. Пуанкаре. Сравнение лекций Пуанкаре с трактатами, например, Джинса и Эддингтона наглядно показывает, как далеко шагнула космология за последние двадцать лет в смысле более основательного учета физико-химических факторов эволюции небесных тел.

Методологическая особенность космологии, как науки, в том, что она, во-первых, не в состоянии производить экспериментов, и вынуждена пользоваться готовым, находимым в природе материалом, а, во-вторых, в том, что она имеет дело с материальными системами, о которых нельзя утверждать, что они тождественны с обычными об'ектами земных «поверхностных» механики и физико-химии. Проверка космологических теорий поэтому очень сложна и связана с рядом принципиальных методологического характера вопросов.

[1]) A. S. Eddington, Der innere Aufbau der Sterne, Berlin 1928. Английский оригинал изд. 1926 г. Немецкий перевод дополнен автором. Содержание: I гл.—Обзор проблемы. II гл.—Термодинамика излучения. III гл.—Теория квант. IV гл.—Политропные газовые шары. V гл.—Лучистое равновесие. VI гл.—Решение уравнений. VII гл.—Соотношение между массами и яркостями. VIII гл.—Переменные звезды. IX гл.—Коэффициент непрозрачности. X гл.—Ионизация, диффузия, вращение. XI гл.—Источники звездной энергии. XII гл.—Внешние части звезды. XIII гл.—Рассеянная материя в пространстве. Физические и астрономические константы. Стр. 514. 47 рисунков и таблиц.

Предмет исследования Эддингтона—внутреннее строение звезд. Под «внутренним строением» Эддингтон отнюдь не разумеет химического строения. Эддингтон, не обсуждая, как то следовало бы, вопроса, принимает, что звезды состоят из известных нам атомов менделеевской таблицы, при чем наличие высокой температуры обусловливает разрушение обычных химических связей.

Джинс в сочинении «Астрономия и космогония» сделал попытку определить химическую природу звездных атомов. Получив «неразумно» высокие величины атомных весов, Джинс в конце концов сам отказался от найденных им результатов, ограничившись весьма тощим выводом о том, что атомный вес звездного материала больше атомного веса урана [1]). Эддингтон, базируясь на ионизационной гипотезе, о которой речь будет ниже, ставит своей первоочередной задачей установление связи между наблюдаемой яркостью звезды и ее параметрами—массой, размерами, эффективной [2]) и внутренней температурой, средним атомным весом (степенью ионизации), внутренним давлением и плотностью, коэффициентами светового давления и непрозрачности звездного материала.

Чтобы приступить к решению поставленной задачи, необходимо сделать известные гипотезы. С методологической точки зрения гипотеза является теоретическим актом отделения в об'екте исследования существенного от несущественного и установлением связи между внутренним и внешним, между сущностью и явлением. Каждый конкретный процесс природы представляет синтез многообразных специфических процессов. Но в этом синтезе господствует один или несколько каких-либо специфических процессов, образующих сущность данной области явлений.

Разумеется, всякая гипотеза зиждется в конечном счете на опыте, но связь между гипотезой и опытом не является непосредственной, так что часто трудно проследить опытное основание гипотез.

Эддингтон ясно дает себе отчет в значении гипотезы в научном исследовании. Одно время большой популярностью пользовалось эмпириокритическое требование изгнания гипотез. Метод чистого описания является, однако, методом формальной обработки полученных результатов. Отсюда мнимая логическая стройность, соблазняющая катехизаторов науки, ученых и философских эстетов. Но там, где идет подлинная черная работа науки, метод чистого описания бесплоден, как дева, посвященная богу. В сложные неисследованные области нельзя проникнуть без метода гипотез. Эддингтон выражает этот факт при помощи параллели между «математиком» и «физиком» (§ 74, стр. 128): «Я полагаю, что главная задача физика при обсуждении теоретической проблемы получить «точку зрения» (Einsicht), т.-е. решить, какие из многочисленных факторов необходимо, главным образом, принять во внимание при рассмотрении того или иного эффекта и каким образом взаимодействие этих факторов порождает этот эффект? Для ма-

[1]) Высокие атомные веса были получены Джинсом при предположении идеально-газового состояния. Джинс ставит под сомнение полученный результат еще на основании утверждения, что идеально-газовое состояние не дает равновесия и что звездный материал должен быть жидким или полужидким. Этот аргумент является основным против теории Эддингтона.

[2]) Эффективной температурой звезды называется температура черного тела, излучающего то же самое количество энергии, что и данная звезда. Эффективная температура звезды незначительно отличается от температуры на поверхности звезды. Спектральный тип звезды определяется ее эффективной температурой или, точнее, характерное излучение звезды, зависящее от физических условий, в недрах звезды поддерживает определенную температуру на поверхности.

тематика же «точка зрения» является лишь орудием, следы которого он старается тщательно уничтожить на своих фабрикатах-доказательствах. Таким образом, если для математика точка зрения является лишь орудием, а доказательства готовым продуктом, то для физика доказательство есть лишь орудие, а точка зрения—готовый продукт» (Стр. 129).

Найти физическую точку зрения нельзя, однако, без построения гипотез. Гипотеза, отметая несущественное, придает физическому доказательству специфический характер. То, что с математической точки зрения не является строгим доказательством, с физической точки зрения, отделяющей существенное от случайного, может явиться вполне строгим. Эддингтон прав, указывая, что если физики из-за недостатка математической строгости делали иногда ошибки, то такие случаи очень редки сравнительно с тем, когда математики из-за недостатка физической точки зрения впадали в заблуждения.

Методологические положения Эддингтона не являются случайными, а находятся в связи с наиболее популярным ныне среди буржуазных мыслителей мировоззрением, именно, теологическим материализмом. Эддингтон, будучи адептом эйнштейнианской космологии, признает, в согласии с теологией, конечность вселенной в пространстве и времени. В реферируемом сочинении теологическая философия автора совершенно ясно выступает в параграфах, посвященных энтропии (§ 24 и сл.). Эддингтон утверждает, например, «что энергия при естественном протекании явлений обнаруживает тенденцию ниспадать на низшую ступень, с которой она с помощью какого бы то ни было естественного процесса не в состоянии снова подняться».

В XI главе «Об источниках звездной энергии» Эддингтон обосновывает теорию «уничтожения материи» и ее перехода в непреодолимый естественными средствами хаос лучистого тепла. Как мы видим, Роджер Котс, когда-то занимавший знаменитую кафедру плюмеевского профессора (Plumian Professor) астрономии, ныне нашел себе в лице Эддингтона достойного преемника. Реакционность общих взглядов Эддингтона не может, однако, помешать оценить как следует научно-философское прогрессивное значение его трактата. Теологический материализм внутренне противоречив. На деле противоречие разрешается у ученых в пользу материализма, а не богословия вопреки их намерениям и словесным декларациям. Можно сколько угодно разглагольствовать о тепловой смерти мира и об уничтожении материи—серьезного научного значения эти разглагольствования не имеют, так как ни один серьезный ученый не берет всерьез тепловой кончины вселенной и исчезновения материи. Хороший сбыт имеет эта словесность лишь на рынке, где оптом и в розницу продается религиозный опиум для народных масс.

2. Звезды как идеальные газы.

Основная гипотеза Эддингтона та, что звездные атомы сильно ионизированы. Если в атоме атомного веса A ионизированы все N наружных электронов, то получается как бы смесь одноатомных газов, определяемая N электронами и одним ионом, т.-е. $N+1$ действующими единицами, совокупный вес которых равен A. Таким образом средний атомный вес нашего газа будет $\frac{A}{N+1}$. Эта величина меняется в зависимости от значения A и N в пределах от 0,5 (для водорода: A=1 и N=1) до 2,56 (для урана: A=238, N=92). Эддингтон приходит к выводу, что средний атомный вес звездной материи будет около 2,2.

История происхождения ионизационной гипотезы очень любопытна. Впервые в 1870 г. американский ученый Homer Lane опубликовал работу

«О теоретической температуре солнца при гипотезе газовой массы, поддерживающей свой об'ем насчет внутреннего тепла и следующей газовым законам, известным из земных опытов». Lane пришел к парадоксальному выводу, что температура сокращающейся звезды должна расти до тех пор, пока плотность материала звезды такова, что он следует законам идеальных газов. Так как при сокращении звезды потенциальная энергия тяжести превращается в излучаемое тепло, то вывод Lane'a сводится к тому, что потеря тепла вызывает автоматическое нагревание звезды. В эпоху Lane'a еще не было, однако, экспериментальных доказательств существования звезд с соответствующими газам плотностями.

Средняя плотность солнца 1,4, и в эпоху Lane'a полагали, что эта плотность является типической. Ныне существование многочисленных звезд с газовыми плотностями является общепризнанным.

Из теории Lane'a вытекает, между прочим, то следствие, что звезда в процессе своей эволюции дважды проходит через одну и ту же температуру, один раз по восходящей линии эволюции, когда они следуют законам идеальных газов, другой раз—по нисходящей, когда законы идеальных газов теряют силу. Точку зрения Lane'a защищал Lockyer, но без успеха, так как подавляющее большинство астрофизиков считало, что горячие звезды представляют первоначальную, а холодные—позднейшую стадию развития звезд. Решительный перелом в этом воззрении наступил в 1913 г., когда появилась «Теория гигантов и карликов» Hertzsprung'a и Russel'я. Эти ученые возродили взгляды Lane'a—Lockyer'a. Герцшпрунг и Рэссель подобно Лэну и Локайеру, рассматривали гигантские звезды малой плотности и большой яркости как первоначальную стадию, а карликовые звезды большой плотности и малой яркости как позднейшую стадию развития звезд [1]). Как мы уже указали, из такой точки зрения вытекает двузначность абсолютной яркости, как функции массы: каждая масса два раза принимает одну и ту же эффективную температуру по восходящей и нисходящей линии; так как на нисходящей линии развития звезды сокращаются и их поверхность уменьшается, то отсюда следует различие абсолютных яркостей при одной и той же массе и эффективной температуре [2]). Эддингтон предпринял в 1923 году основательное изучение этого вопроса и в 1924 г. получил теоретический закон зависимости между яркостью и массой при одной и той же эффективной температуре для случая идеальных газов.

Соответствующая кривая сравнения с экспериментальными данными обнаружила ошеломляющий результат. Оказалось, прежде всего, что кривая не показывает вообще никаких следов двузначности или прерывности; во-вторых, кривая, имевшая в виду звезды-гиганты, подчиняющиеся законам идеальных газов, показала наилучшее совпадение с экспериментальными данными как раз для карликовых звезд с плотностями, которые с обычной точки зрения далеко лежат от газовых плотностей. Так, например, карликовые звезды Солнце и Крюгер 60 (двойная звезда) со средними плотностями 1, 4 и 9 (для более яркой, составляющей Крюгера), с плотностями в центрах 76 и 493 (плотность наиболее плотного земного ве-

[1]) Во избежание недоразумений заметим здесь, что большая яркость еще не означает большой температуры внутри звезды и, наоборот, малая яркость не указывает еще на малую внутреннюю температуру. Яркость звезды зависит в первую очередь от массы и эффективной температуры. Согласно исследованию Эддингтона, при одной и той же эффективной температуре звезды центральная температура и плотность тем меньше, чем больше масса, так что в каждом спектральном типе звезды наибольшей массы являются самыми холодными и разреженными. Центральная температура звезд зависит также от степени ионизации, т.-е. от среднего атомного веса и от величины светового давления.

[2]) Яркость звезды пропорциональна величине поверхности и эффективной температуре звезды.

щества осмия—22,5) оказались хорошо подчиняющимися законам идеальных газов.

Полученный парадоксальный результат первоначально настолько смутил самого Эддингтона, что он усомнился было в безошибочности своей теории. Тщательное исследование показало, однако, что теория как будто правильна, и что, стало быть, неправильным было ожидание базировавшейся на аналогизировании поведения звездной материи с поведением земных веществ.

Отсюда и возникла ионизационная гипотеза, об'ясняющая возможность идеальных газов громадной плотности [1]).

Об'яснение это весьма просто. Несжимаемость наших жидких и твердых тел обусловлена наличием в атомах наружных электронных орбит, совокупность которых, по меткому выражению Эддингтона, образует нечто в роде кринолинов, надетых на весьма тощие атомные ядра. В самом деле, согласно теории атома, линейные размеры неионизированных атомов порядка 10^{-8}, в то время как размеры атомных ядер порядка 10^{-13}, т.-е. в 100.000 раз меньше, так что полная ионизация наружных электронов делает возможным сильнейшее приближение атомов друг к другу, т.-е. сжимаемость веществ при ионизации достигает степени газовой. В специальном исследовании (§ 191) Эддингтон устраняет то возражение, что ионизация может обусловить значительные силы электростатического отталкивания и тем самым свести на нет всю ионизационную гипотезу.

Так как ионизация звездного материала и вообще равновесие звездных атомов имеют стационарный характер, т.-е. электроны непрерывно выскакивают из атомов и снова захватываются ими, непрерывно перепрыгивают с одних орбит на другие,—то в звездном материале на ряду с обычным газовым давлением существует обусловленное движением электронов световое давление, соответствующее температуре звезд. Эддингтон полагает, что световое давление играет определяющую роль для величины звездных масс. Путем специального вычисления (§ 84) Эддингтон показывает, что при предположении сильной ионизации (средний атомный вес 2,2) световое давление достигает почти 50% полного давления при массе, равной 8 солнечным массам; при меньшей ионизации, например, при среднем атомном весе 3,5, это соотношение для светового давления достигается уже при 4 солнечных массах, средний же молекулярный вес, например 30, дает при одной солнечной массе для светового давления величину, равную 0,86 полного давления.

Таким образом, согласно Эддингтону, световое давление препятствует слишком большой концентрации тяжелых масс. Звездная статистика показывает, действительно, что очень многие звезды по величине своих масс соответствуют норме, указываемой Эддингтоном, именно: обладают массами от половины до пяти солнечных.

Другой вывод теории Эддингтона — это громадные величины температур и давлений в недрах звезд. Вот характерная табличка центральных температур:

Капелла	9,08	миллионов градусов
δ Цефеи	6,16	„ „
ν Пупис.	42,4	„ „
Солнце	39,5	„ „
Крюгер 60	32,2	„ „

Соответствующие давления (пропорциональные T^4) достигают десятков миллионов атмосфер, например, в центре Капеллы давление равно 22 миллионам атмосфер.

[1]) До Эддингтона ионизационная гипотеза выдвигалась в общей форме Newall'ем, Lindemann'ом и Jeans'ом.

Другим парадоксом, обратным парадоксу плотных идеальных газов, является парадокс, теоретически обнаруженный Chapman'ом и Jeans'ом — большой вязкости чрезвычайно разреженных звезд. Например, Капелла со средней плотностью в 0,002 и центральной плотностью в 0,05 имеет кинематический коэффициент вязкости (световой) равной 600, в то время как кинематический коэффициент вязкости воды всего 0,02. Chapman показал, что для сильно разреженных звезд-гигантов при предположении, что они состоят, например, из водорода, кинематический коэффициент вязкости в 2.500 раз больше, нежели у воды [1]).

Возможность чрезвычайных физических условий в недрах звезд подтверждается так наз. белыми карликами (§ 117). Одним из таких карликов является, например, спутник Сириуса.

Масса его хорошо определена и равна 0,75 — 0,95 массы Солнца. Определение радиуса, произведенное испытанным в астрономии методом, показало величину в 18.800 km, т.-е. около $^1/_{40}$ солнечного, так что средняя плотность спутника Сириуса равна 61.000 gr/cm³. Одним из хороших доказательств действительности этой величины плотности является эффект Эйнштейна, так наз. красное смещение спектральных линий, пропорциональное отношению $\frac{M}{R}$. Теория дает значение смещения, соответствующее эффекту Допплера при скорости в 20 km/s. Измерения Адамса на обсерватории Mount-Wilson показали среднюю величину в 19 km/s.

Плотность белых карликов такова, что они, по мнению Эддингтона, выходят за рамки его теории звезд, как идеальных газов.

Если бы спутник Сириуса был так ионизирован, что он подчинялся законам идеальных газов, то температура в центре достигала бы миллиарда градусов, а плотность—3 миллионов gr. pro. cm³. Так как обычная (не внутриатомная) энергия самой звезды отрицательна (§§ 103 и 104), то для расширения звезды до нормального об'ема земных веществ и, стало быть, охлаждения требуется дополнительная энергия для преодоления сопротивления силы тяжести. Получается парадоксальный результат: звезде необходима энергия, чтобы иметь возможность охладиться. Если соответствующей энергии нет, то звезда может длительно терять тепло, не имея достаточной энергии, чтобы охладиться.

Эддингтон об'ясняет парадоксальную природу белых карликов при помощи теории Fowler'a, базирующей на «Новой статистике» Эйнштейна-Бозэ. Подобно тому, как атом водорода может находиться в «нормальном» состоянии и электрон, двигаясь по первой «нормальной» орбите с большой скоростью, не вызывает излучения, точно так же существует «нормальное» состояние звездного материала, когда ядра и электроны обладают громадными скоростями, но излучение отсутствует. Повышение температуры обычно вызывает усиление излучения, но есть такие высокие температуры, при достижении которых излучение начинает уменьшаться, и, наконец, при наличии некоторой максимальной температуры, излучение падает до нуля.

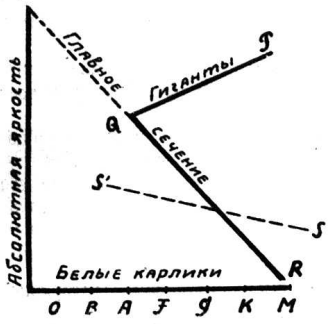
Получается тот парадоксальный результат, «что конечная судьба белого карлика заключается в том, чтобы одновременно быть наиболее горячим и наиболее холодным телом в мире»,—наиболее горячим с точки зрения обычного определения температуры как меры энергии частиц и наиболее холодным с точки зрения способности излучения.

Порядок величины внутренней температуры белых карликов таков, что он может вызвать радиоактивный распад вещества.

[1]) Общая формула Champan'a для кинематического коэффициента будет $D/2N$, где D—коэффициент диффузии, N—атомный номер. Champan находит для звезд-гигантов D равным 100.

Эддингтон высказывает предположение, что звездная эволюция, возможно, идет от сложного к простому и что белые карлики стоят в начале эволюционного процесса. Общая картина этого процесса иллюстрируется на основании данных звездной статистики следующей схемой Сирса (§ 121).

На абсциссе нанесена последовательность спектральных типов, соответствующих различным эффективным температурам, например, точка O соответствует 26.200°, точка M—2.550°; на ординате—абсолютная (болометрическая) яркость, выраженная в порядках (или классах) величин звезд. «Главное сечение» соответствует обычным карликовым звездам, обладающим замечательной особенностью—приблизительно одной и той же центральной температурой, равной по вычислению Эддингтона около 40 миллионов градусов.



Движение по главному сечению сопряжено с изменением массы; если масса неизменна, то движение может происходить лишь по линиям, аналогичным SS. Если началом эволюционного процесса считать звезды-гиганты, то схема дает следующую картину эволюции звезды: звезда двигается сначала по линии PQ, при чем эффективная температура увеличивается, а абсолютная яркость уменьшается. Движение вниз по линии QR сопровождается уменьшением массы, падением эффективной температуры и уменьшением яркости; оставляя линию QR, звезда превращается в белого карлика большой эффективной температуры, но малой яркости.

Разумеется, порядок эволюции может быть обратным—от белых карликов к звездам-гигантам, или еще более сложным.

3. Коэффициент непрозрачности звезд и источники звездной энергии.

Фундаментальное значение для всей теории Эддингтона имеют два вопроса, именно: вопрос о коэффициенте непрозрачности звездного материала и вопрос об источниках энергии звезд.

В недрах звезд происходит непрерывное излучение и непрерывное поглощение эфирных волн. Испускаемая ежесекундно звездой наружу лучистая энергия является лишь незначительной частью энергии, ежесекундно порождаемой в недрах звезды, так что в звезде существует приблизительное равновесие между эмиссией и абсорбцией, иначе говоря равновесное (черное) излучение. Отсюда ясно значение вопроса о коэффициенте непрозрачности или, что по существу то же самое, о коэффициенте поглощения звездного вещества. Поглощение лучистой энергии атомами представляет собою очень сложный процесс. С точки зрения боровской теории атома (которой придерживается Эддингтон) существует два основных типа поглощения. Во-первых, поглощаемая энергия может быть такова, что при процессе поглощения электроны выбрасываются из атомов (фотоэлектрический эффект). Получается, стало быть, ионизация атома. Во-вторых, поглощаемая энергия может быть достаточной лишь для перевода электрона с орбиты меньшего уровня энергии на орбиту большего уровня.

Очевидно, что ионизацию атома можно рассматривать, как переход на гиперболическую орбиту. Существуют и другого рода процессы поглощения, например, рассеяние лучей электронами и ионами, но, по мнению Эддингтона, эти процессы не играют большой роли в поглощательном механизме звезд.

Согласно основной ионизационной гипотезе звездные атомы сильно ионизированы, т.-е. почти лишены электронных оболочек, и, стало быть, поглощательных механизмов. Как же происходит процесс поглощения? Эддингтон предполагает, что ионизация носит стационарный характер, т.-е. электроны непрерывно захватываются атомами, образуют поглощательные механизмы, а затем при поглощении вышвыриваются обратно; заметим здесь, что поглощательные механизмы образуют и те электроны, которые, хотя и не захватываются атомами (в круговые или эллиптические орбиты), но, двигаясь по гиперболическим (или параболическим) орбитам, очень близко подходят (в перицентрах) к атомам. Так как действующих электронов очень много (на каждый ион в среднем приходится 20 действующих электронов), да сверх того частота лучей в звездных недрах соответствует мягким рентгеновским лучам (т.-е. относительно высоким номерам орбит), то согласно известному принципу соответствия Бора поглощение носит «классический» характер и может быть вычислено согласно законам классической электродинамики. Эддингтон дает такое вычисление в девятой главе. Так как в звездах мы имеем равновесное излучение, то Эддингтон вместо того, чтобы вычислять поглощение, вычисляет эквивалентное ему излучение на основе законов классической электродинамики. Результат получается тот же самый, что и в квантовой эмиссионной теории Крамерса. Результат этот, именно величина коэффициента непрозрачности, резко расходится, однако, с тем, что получается на основании астрономических данных. Так, для Капеллы теория Крамерса дает величину коэффициента непрозрачности 4,95, между тем как астрономическая величина оказывается равной 53, т.-е. в десять раз большей.

Эддингтон подробно исследует (§§ 165 и сл.) вопрос об источниках непрозрачности, чтобы выяснить возможность устранения полученного резкого расхождения. Вывод получается отрицательный. Подчеркнем здесь, что Эддингтон недостаточно основательно обсуждает возможность влияния химического состава на коэффициент непрозрачности (§ 168). Как мы уже отметили выше, Эддингтон, не анализируя, как это следовало бы, вопрос о порядке величин атомных весов в звездах, принимает, что атомный вес звездных веществ лежит в пределах менделеевской таблицы элементов. Между тем Джинс, например, приходит к выводу, что этот атомный вес лежит за пределами менделеевской таблицы.

Нельзя не признать серьезного основания за взглядом Джинса, что десятикратно увеличенный коэффициент непрозрачности звездного материала возможно обусловлен атомным весом, лежащим выше урана. Укажем, между прочим, на любопытное обстоятельство, то именно, что примешивание к звездному материалу известного количества водорода может устранить вышеуказанное противоречие. Водород сам по себе прозрачен для звездного излучения, но смесь водорода с железом, например, оказывается гораздо непрозрачнее каждого из элементов в отдельности!

Эддингтон не считает, однако, возможным допустить в звездах наличие требуемых количеств водорода. Другое возможное решение вопроса развивается Эддингтоном в «Теории захвата атомным ядром» (§ 170). Если допустить, что электроны захватываются очень близко к ядру и учесть изменения массы, то получается величина коэффициента непрозрачности, удовлетворяющая астрономическим данным. Допущение очень близкого столкновения электронов с ядрами противоречит, однако, порядку частот звездных лучей. Эти частоты требуют ни слишком резкого, ни слишком медленного торможения электронов, т.-е. указывает на атомную «мишень» кольцеобразной формы, каковая в действительности и фигурирует в теории Крамерса.

Эддингтон высказывает предположение, что звездная эволюция, возможно, идет от сложного к простому и что белые карлики стоят в начале эволюционного процесса. Общая картина этого процесса иллюстрируется на основании данных звездной статистики следующей схемой Сирса (§ 121).

На абсциссе нанесена последовательность спектральных типов, соответствующих различным эффективным температурам, например, точка O соответствует 26.200°, точка M—2.550°; на ординате—абсолютная (болометрическая) яркость, выраженная в порядках (или классах) величин звезд. «Главное сечение» соответствует обычным карликовым звездам, обладающим замечательной особенностью—приблизительно одной и той же центральной температурой, равной по вычислению Эддингтона около 40 миллионов градусов.

Спектральный тип.

Движение по главному сечению сопряжено с изменением массы; если масса неизменна, то движение может происходить лишь по линиям, аналогичным SS. Если началом эволюционного процесса считать звезды-гиганты, то схема дает следующую картину эволюции звезды: звезда двигается сначала по линии PQ, при чем эффективная температура увеличивается, а абсолютная яркость уменьшается. Движение вниз по линии QR сопровождается уменьшением массы, падением эффективной температуры и уменьшением яркости; оставляя линию QR, звезда превращается в белого карлика большой эффективной температуры, но малой яркости.

Разумеется, порядок эволюции может быть обратным—от белых карликов к звездам-гигантам, или еще более сложным.

3. Коэффициент непрозрачности звезд и источники звездной энергии.

Фундаментальное значение для всей теории Эддингтона имеют два вопроса, именно: вопрос о коэффициенте непрозрачности звездного материала и вопрос об источниках энергии звезд.

В недрах звезд происходит непрерывное излучение и непрерывное поглощение эфирных волн. Испускаемая ежесекундно звездой наружу лучистая энергия является лишь незначительной частью энергии, ежесекундно порождаемой в недрах звезды, так что в звезде существует приблизительное равновесие между эмиссией и абсорбцией, иначе говоря равновесное (черное) излучение. Отсюда ясно значение вопроса о коэффициенте непрозрачности или, что по существу то же самое, о коэффициенте поглощения звездного вещества. Поглощение лучистой энергии атомами представляет собою очень сложный процесс. С точки зрения боровской теории атома (которой придерживается Эддингтон) существует два основных типа поглощения. Во-первых, поглощаемая энергия может быть такова, что при процессе поглощения электроны выбрасываются из атомов (фотоэлектрический эффект). Получается, стало быть, ионизация атома. Во-вторых, поглощаемая энергия может быть достаточной лишь для перевода электрона с орбиты меньшего уровня энергии на орбиту большего уровня.

Очевидно, что ионизацию атома можно рассматривать, как переход на гиперболическую орбиту. Существуют и другого рода процессы поглощения, например, рассеяние лучей электронами и ионами, но, по мнению Эддингтона, эти процессы не играют большой роли в поглощательном механизме звезд.

Согласно основной ионизационной гипотезе звездные атомы сильно ионизированы, т.-е. почти лишены электронных оболочек, и, стало быть, поглощательных механизмов. Как же происходит процесс поглощения? Эддингтон предполагает, что ионизация носит стационарный характер, т.-е. электроны непрерывно захватываются атомами, образуют поглощательные механизмы, а затем при поглощении вышвыриваются обратно; заметим здесь, что поглощательные механизмы образуют и те электроны, которые, хотя и не захватываются атомами (в круговые или эллиптические орбиты), но, двигаясь по гиперболическим (или параболическим) орбитам, очень близко подходят (в перицентрах) к атомам. Так как действующих электронов очень много (на каждый ион в среднем приходится 20 действующих электронов), да сверх того частота лучей в звездных недрах соответствует мягким рентгеновским лучам (т.-е. относительно высоким номерам орбит), то согласно известному принципу соответствия Бора поглощение носит «классический» характер и может быть вычислено согласно законам классической электродинамики. Эддингтон дает такое вычисление в девятой главе. Так как в звездах мы имеем равновесное излучение, то Эддингтон вместо того, чтобы вычислять поглощение, вычисляет эквивалентное ему излучение на основе законов классической электродинамики. Результат получается тот же самый, что и в квантовой эмиссионной теории Крамерса. Результат этот, именно величина коэффициента непрозрачности, резко расходится, однако, с тем, что получается на основании астрономических данных. Так, для Капеллы теория Крамерса дает величину коэффициента непрозрачности 4,95, между тем как астрономическая величина оказывается равной 53, т.-е. в десять раз большей.

Эддингтон подробно исследует (§§ 165 и сл.) вопрос об источниках непрозрачности, чтобы выяснить возможность устранения полученного резкого расхождения. Вывод получается отрицательный. Подчеркнем здесь, что Эддингтон недостаточно основательно обсуждает возможность влияния химического состава на коэффициент непрозрачности (§ 168). Как мы уже отметили выше, Эддингтон, не анализируя, как это следовало бы, вопрос о порядке величин атомных весов в звездах, принимает, что атомный вес звездных веществ лежит в пределах менделеевской таблицы элементов. Между тем Джинс, например, приходит к выводу, что этот атомный вес лежит за пределами менделеевской таблицы.

Нельзя не признать серьезного основания за взглядом Джинса, что десятикратно увеличенный коэффициент непрозрачности звездного материала возможно обусловлен атомным весом, лежащим выше урана. Укажем, между прочим, на любопытное обстоятельство, то именно, что примешивание к звездному материалу известного количества водорода может устранить вышеуказанное противоречие. Водород сам по себе прозрачен для звездного излучения, но смесь водорода с железом, например, оказывается гораздо непрозрачнее каждого из элементов в отдельности!

Эддингтон не считает, однако, возможным допустить в звездах наличие требуемых количеств водорода. Другое возможное решение вопроса развивается Эддингтоном в «Теории захвата атомным ядром» (§ 170). Если допустить, что электроны захватываются очень близко к ядру и учесть изменения массы, то получается величина коэффициента непрозрачности, удовлетворяющая астрономическим данным. Допущение очень близкого столкновения электронов с ядрами противоречит, однако, порядку частот звездных лучей. Эти частоты требуют ни слишком резкого, ни слишком медленного торможения электронов, т.-е. указывает на атомную «мишень» кольцеобразной формы, каковая в действительности и фигурирует в теории Крамерса.

Эддингтон приходит к выводу, что вопрос о коэффициенте непрозрачности является «мрачным облаком» на горизонте его теории. Другим «мрачным облаком» является вопрос об источниках звездной энергии.

При уплотнении, например, Солнца от бесконечного разреженного состояния до нынешнего, количество освобожденной потенциальной энергии тяготения будет $5{,}66.10^{48}$ эрг. Из этого количества $2{,}97.10^{48}$ эрг находится в недрах Солнца в форме энергии материальных частиц и энергии эфирных волн.

Некоторая часть остатка в $2{,}69.10^{48}$ эрг приходится на долю энергии ионизации и возбуждения атомов (перевод электронов на ненормальные орбиты). Если пренебречь последней энергией и считать израсходованным количество энергии в $2{,}69.10^{48}$ эрг, то при годичном излучении Солнца в $1{,}9.10^{33}$ эрг возраст Солнца определяется в 23 миллиона лет. Если считать возраст Солнца от того момента, когда оно достигло эффективной температуры в 3.000° и когда образовалась, вероятно, солнечная система, то из контракционной гипотезы получается возраст в 20 миллионов лет максимум. Между тем изучение, например, радиоактивных минералов в земной коре указывает на возраст в 1.300 миллионов лет минимум.

Точно так же контракционная гипотеза дает громадную скорость развития для звезд-гигантов. Звезда с массой в 11,5 солнечных должна употребить всего 72.000 лет, чтобы от эффективной температуры в 3.000° (Спектральный тип M) перейти к температуре в 10.500° (Спектральный тип A). Эддингтон показывает, что переменные звезды типа Цефеид дают непосредственное доказательство невозможности столь быстрой эволюции. Эддингтон приходит таким образом к выводу о несостоятельности контракционной гипотезы Кельвина—Гельмгольца для определения возраста небесных тел.

Такой же несостоятельной является, по мнению Эддингтона, и метеоритная гипотеза, ибо эта или подобная ей гипотеза может лишь обеспечить температуру звездной поверхности, но она не может касаться самих звездных недр.

Чтобы выйти за шкалу времени Кельвина-Томсона, необходимо поддержать распределение температур и давлений внутри звезды, а этого достичь нельзя, подводя тепло к холодной поверхности. Собранная поверхностью звезды энергия образует лишь добавочную радиацию к основному излучению, определяемому внутренними источниками энергии звезды.

Эддингтон приходит таким образом к необходимости выдвинуть гипотезу освобождения внутриатомной энергии.

Такая точка зрения является диалектической. Эволюция звезды в диалектическом смысле понятия не может определяться лишь внешними факторами, а должна подчиняться внутреннему закону самой звезды, в частности закону освобождения внутренней энергии. Несостоятельность контракционной гипотезы приводит, стало быть, к гипотезе освобождения суб'атомной энергии. Такое освобождение может происходить тремя способами:

1. При распаде сложных элементов на более простые (радиоактивность).
2. При образовании из простых элементов более сложных.
3. В процессе соединения или, как выражается Эддингтон, при «взаимном уничтожении» протонов и электронов.

Первый процесс, как показывают вычисления, не дает достаточной шкалы времени, если даже предположить, что звезды нацело состоят из урана. Необходима гипотеза атомов более значительных атомных весов, для какой-нибудь Эддингтон пока не видит особенных оснований.

Что касается второго процесса, то при образовании из водорода более сложных атомов в среднем на каждый атом водорода освобождается энергия, соответствующая 0,0087 массы водородного атома (при образовании гелия 0,0077), так что в процессе освобождения суб'атомной энергии участвует не более как 1% звездной массы.

Для Солнца (при предположении, что оно целиком состоит из водорода) это дает продолжительность жизни в $1{,}5.10^{11}$ лет.

Чтобы получить величину в 10^{10} лет, необходимо первоначальное содержание водорода в 7%. По мнению Эддингтона, преимущество второго процесса сравнительно с двумя другими в том, что последние являются пока лишь «спекулятивными гипотезами», в то время как превращение, например, водорода в гелий это факт, ибо гелий существует и, следовательно, так или иначе должен был образоваться.

Несмотря на свой «спекулятивный» характер, третья гипотеза освобождения суб'атомной энергии является, однако, привлекательной в научном и философском отношении. Она приводит именно к концепции эволюции звезд совершенно иного рода, нежели первые две гипотезы. Мы отметили выше, что первые два процесса освобождения суб'атомной энергии сохраняют почти неизменными массы звезд. Гипотеза же «взаимоуничтожения» протонов и электронов приводит к представлению о значительном изменении массы в течение звездной жизни, так что эволюция идет от тяжелых к легким небесным телам.

Кроме того, при этой гипотезе шкала времени значительно раздвигается (до 10^{13} лет)—звезды оказываются «небесными свечами», которые горят и сгорают начисто в течение сотен биллионов лет. Например, Солнце при массе $1{,}9.10^{33}$ гр. обладает энергией массы в $1{,}7.10^{54}$ эрг, что при теперешней интенсивности излучения хватит еще на 15 биллионов (15.10^{12} лет).

Эддингтон называет процесс освобождения энергии звездных масс процессом «уничтожения материи». Звезды непрерывно излучают энергию, а так как всякая энергия обладает массой, то излучение энергии является излучением массы.

Отождествив понятие звездного вещества с понятием материи, Эддингтон квалифицирует превращение звездных масс в массу излучаемой энергии как уничтожение материи. Здесь перед нами общеизвестный богословско-идеалистический трюк, разоблаченный Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме». «Материей» произвольно называют определенную форму материи, например, тяжелое вещество звезд; когда же эта форма материи, например, в процессе излучения превращается в другую форму—начинают кричать об «исчезновении», «уничтожении» «материи». Но даже с точки зрения определения материи, как того, что занимает место в пространстве, обладает массой, тяжестью и способностью действовать на органы чувств, излученная в пространство масса звезды должна быть признана материальной массой. В самом деле, ныне доказано, что свет обладает массой и тяжестью, так что он удовлетворяет обычным признакам материи и, стало быть, является формой движущейся материи.

Эддингтон, Джинс и другие, поддерживающие учение об уничтожении материи, не довольствуются, однако, даже обычным определением материи; они требуют, чтобы материей называли то, что организовано в атомы посредством протонов и электронов; если протоны и электроны исчезают и вместо них появляются световые массы, то это называется уничтожением материи. Очевидно, что здесь перед нами не уничтожение материи, а лишь уничтожение произвольного определения материи. Смысл всей этой философии в том, чтобы поддержать учение о тепловой смерти вселенной. Эддингтон совершенно откровенно признает это. Чрезвычайно любопытна форма этого признания. Для того, чтобы иметь возможность научно использовать процесс превращения энергии массы, необходимо допустить не только прямой процесс (превращение массы протона и электрона в световую массу),

но и процесс обратный (превращение световой массы в атомную). Отметив это обстоятельство (§ 222), Эддингтон бросает следующее замечание: «Я полагаю, однако, что физики, серьезно принявшие во внимание новообразование материи из света, сделали это, главным образом, с той целью, чтобы избежать следствия второго закона термодинамики—постепенного умирания вселенной; представляется, однако, едва логичным применять второй закон к процессу, который специально введен для того, чтобы обойти этот закон».

Вопреки богословской логике, Эддингтон все же производит «едва-» и «мало-логичный» расчет превращения суб'атомной энергии (§ 222). Кроме того, он вынужден также обсудить имеющийся в природе процесс приращения звездных масс (§ 273).

Общая гипотеза освобождения суб'атомной энергии сталкивается с серьезными астрономическими и физическими затруднениями.

Иллюстрацией астрономических затруднений могут служить следующие данные:

1. В Капелле освобождаются *58 эрг* на грамм в секунду,, в Солнце лишь *1,9 эрг*.

2. Плотность Солнца *в 620 раз* больше плотности Капеллы, а температура в соответствующих точках *в 4,3 раза выше*.

Точно так же составляющие Капеллы образовались одновременно, при чем по закону зависимости яркости от массы более массивная компонента излучала все время больше энергии на грамм, так что запас суб'атомной энергии на грамм должен быть меньше, нежели в легкой составляющей. Между тем, массивная компонента ныне при низшей температуре и меньшей плотности освобождает на грамм больше энергии, нежели легкая составляющая.

Основным физическим затруднением является то, что с точки зрения атомной физики внутризвездные температуры пренебрежительно малы. В типичных карликовых звездах главного сечения температура в центре достигает 40 миллионов градусов; если перечислить эту температуру на среднюю скорость ионов и электронов, получится величина, стоящая гораздо ниже того, что мы получаем в наших лабораторных экспериментах. Так, во всем Солнце имеется всего лишь один электрон или ион, тепловая энергия которых достигает 5.10^{-7} эрг, в то время как энергия быстрых α и β- частиц достигает 30.10^{-7} и 130.10^{-7} эрг.

Таким образом, если для процесса освобождения внутриатомной энергии необходимы большие скорости ионов и электронов, то таковых скоростей мы в звездах не находим, если не предположить каких-либо дополнительных факторов, например, местных сильных электрических полей.

Эддингтон предполагает, что температура в 40 миллионов градусов является чем-то в роде критической температуры «кипения», при которой каким-то образом, при особых условиях, происходит интенсивное освобождение суб'атомной энергии.

Общий вывод Эддингтона тот, что вопрос о процессе освобождения суб'атомной энергии пока является мрачным облаком на горизонте теории.

Эддингтон выражает надежду, что трудности будут преодолены и что мы, наконец, познаем столь простую вещь, как звезда. При земных температурах свойства веществ делаются необычайно запутанными, звездные температуры, устраняя сложные химические связи, дают возможность изучать материю в ее наиболее простой и обнаженной форме.

* * *

Подводя итоги, мы должны сказать, что работа Эддингтона дает богатейший материал для подтверждения диалектического понимания природы. Можно даже отрицать самую теорию Эддингтона (как это делает Джинс), но нельзя не признать, что в ней выявлен ряд замечательных диалектических соотношений («парадоксов»), открывающих новые горизонты научному исследованию. Мрачные облака, о которых говорит Эддингтон, предвещают бурю, но с диалектической точки зрения слишком ясные научные горизонты—признак засухи и научного бесплодия, научные же бури благодетельны и обещают хорошую научную жатву. Не следует поэтому слишком огорчаться по поводу противоречий и затруднений теорий. Они являются лишь подтверждением диалектического понимания процесса познания, как движения через противоречия и путем противоречий. По остроумному замечанию Томсона, ученым никогда не грозит опасность попасть в безработные.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

И. А. ТРАХТЕНБЕРГ. Современный кредит и его организация. Часть 1. Теория кредита. Изд. Комм. Академии. М. 1929 г.

Если «Бумажные деньги» проф. И. А. Трахтенберга,—несмотря на то, что ряд положений этой книги остаются спорными,—были первой, законченной марксистской работой по теории денег, то рецензируемый труд является также первым опытом построения исчерпывающей марксистской теории кредита. Если учесть, сколь важны проблемы денег и валютной политики, и в особенности кредита и кредитной политики, для правильной ориентации в происходящих в недрах современного финансового капитализма экономических процессах, а также для решения совершенно конкретных и неотложных проблем экономической политики СССР, то значение исследовательских работ проф. Трахтенберга для марксистской экономической науки не потребует доказательств. Автор совершенно прав, полагая, что «кредит становится узлом, которым и вокруг которого сплетаются многочисленные и самые многообразные вопросы не только теории, но и практики, не только политической экономии, но и экономической политики» (стр. 5).

Актуальность проблем кредитной теории и политики вполне естественно привлекает внимание наших экономических кругов к этой новой работе проф. Трахтенберга. Выходом в свет этой книги, повидимому, придется датировать начало широкой дискуссии по проблемам теории кредита, о чем свидетельствует недавнее весьма оживленное обсуждение «самореферата» проф. Трахтенберга об этой книге в Коммунистической Академии.

Мы считаем, что метод и принципы анализа проблем кредита, которые положены во главу угла этой книги, в общем несомненно правильные и выдержанно-марксистские. Что же касается самого содержания работы, то таковое, по самой природе исследуемого материала, может и должно быть подвергнуто всестороннему критическому анализу, что, конечно, ни в коей мере не затрагивает общей положительной оценки всего труда в целом. Такой анализ, конечно, не может быть дан в рамках рецензии, и поэтому мы по необходимости ограничимся краткими замечаниями лишь по одному, самому общему вопросу, а именно, по поводу определения кредита и методологии построения теории кредита.

Основная установка проф. Трахтенберга как в теории денег, так и в теории кредита—это анализ социальных отношений, овеществляемых в тех или иных категориях, и особых типов социальных связей скрытых за отдельными экономическими формами. Этот подход совершенно правильный, ибо именно этим Маркс отличается от буржуазных экономистов, и только этот метод дает возможность освободиться от фетишизма экономических категорий. Однако, напр., марксова теория денег отнюдь не ограничивается учением о денежном фетишизме. Маркс анализирует как социальную форму вещей, так и материальное содержание каждой формы или единство формы и специфического ее содержания. Если же брать только социальную форму вещи и говорить только о производственных отношениях, ею выражаемых, то исчезает сама категория. В этом не трудно убедиться, если сравнить, напр.,

определение денег проф. Трахтенберга с определением денег у Маркса. В качестве резюме 1 главы своего труда «Бумажные деньги» проф. Трахтенберг дает следующее определение деньгам: «Деньги являются внешним (вещным) выражением социальных отношений, возникающих на почве меновых сделок. В этом определении подчеркивается социальный характер денег, чем, следовательно, определяется общественная их роль; с другой стороны, подчеркивается, что деньги являются лишь внешним выражением социальных отношений, чем определяется относительность значения денег» («Бумажные деньги», III изд., стр. 33). Все то, что здесь подчеркивается, совершенно бесспорно, но достаточно ли это для определения денег, можно ли сказать, что именно для категории денег специфично то, что они являются «внешним выражением социальных отношений, возникающих на почве меновых сделок?». Проф. Трахтенберг должен будет с нами согласиться, что этот момент отнюдь не специфичен именно для денег. Очевидно, что отнюдь с не меньшим основанием мы можем определить стоимость, как «внешнее (вещное) выражение социальных отношений, возникающих на почве меновых сделок», ибо стоимость действительно таковым «выражением» является.

Какая же разница между товаром и деньгами? Очевидно, никакой, ибо они определены абсолютно одинаково. Между тем Маркс подчеркивал, что как раз «трудность состоит не в том, чтобы понять, что деньги товар, но в том, чтобы понять, как и почему товар становится деньгами» и, следовательно, чем именно деньги отличаются от товаров.

Маркс определяет деньги, как «тот специфический товарный вид, с натуральной формой которого общественно срастается его эквивалентная форма» (разрядка наша. *З. А.*), следовательно, деньги являются товаром в его специфически-общественной форме, а именно эквивалентной форме. Если же отбросить натуральную форму товара, без которой не может возникнуть и данная общественная форма, то мы как раз попадем в лоно номиналистической теории, для которой «материя» или «вещество» денег не играет никакой роли; ведь как раз для Бендиксена суть денег только в их общественной форме, а материальное содержание денег противоречит, с его точки зрения, их общественной функции.

Правильный момент, взятый изолированно от других моментов, в неразрывной связи с которым он находится, неизбежно должен привести к односторонему определению денег, каковым мы считаем определение денег проф. Трахтенберга в данной формулировке.

Мы сделали этот экскурс к «Бумажным деньгам» только потому, что в «теории кредита» мы имеем дело лишь с дальнейшим развитием того же способа определения проф. Трахтенбергом основных экономических категорий. В самом деле, как определяется кредит? «Рассматривая же кредит,—говорит автор,—как социальную категорию, следует его определить, как общественное отношение, вырастающее и развивающееся на основе сделок ссуды» (стр. 20). Не подлежит, конечно, сомнению, что с кредитом связаны общественные отношения, и что эти последние возникают на основе сделок ссуды. Но что общего это имеет с определением кредита, в котором должна быть отмечена специфичность этой категории. Может быть, специфичным для этой категории как раз является то, что здесь возникают особые общественные отношения, именно на основе «сделок ссуды»? Но ведь кредит и есть сделка ссуды, и наоборот (по крайней мере в тексте книги различия между этими категориями не проведено), следовательно, определить кредит, как общественное отношение, развивающееся на основе сделок ссуды, это значит сказать, что кредит есть общественное отношение, развивающееся на основе... кредита или, короче сказать, что кредит есть общественное отношение кредита. Конечно, для всякого марксиста совершенно бесспорно, что и за деньгами и за кредитом или за формой вещей и их движением скрыты общественные отношения, но ведь это как раз то, что является общим

для всех категорий, а не отличающим их друг от друга! Впрочем, это отразилось только на самом определении кредита: в дальнейшем же, развертывая анализ форм и функций кредита, проф. Трахтенберг вскрывает истинное содержание этой категории и показывает ее специфические черты, поэтому на основе этого анализа следовало бы пересмотреть самое определение кредита...

Но в главе о «сущности кредита» по существу не дается единого определения кредита, при чем отсутствие монизма сознательно подчеркивается проф. И. А. Трахтенбергом. «Кредит,—говорит проф. Трахтенберг,—должен изучаться, как непрерывно, диалектически развивающийся феномен. В рамках товарного хозяйства социальные отношения постоянно трансформируются. Поэтому теория кредита должна быть дана применительно к определенной стадии развития товарного хозяйства» (стр. 29; разрядка наша). «Кредит в начальной стадии развития товарного хозяйства и конечной его стадии обозначает не одно и то же, выражает различные типы социальной связи» (стр. 21).

Этот взгляд имеет сторонников в марксистской литературе. Укажем, например, на Ф. И. Михалевского («Этюды по теории кредита»). Но вряд ли эта точка зрения действительно соответствует марксовому методу вообще, и в частности его учению о кредите. Марксова система строго монистическая, и в ней каждая категория имеет единое определение. Маркса ничуть не пугает то, что логическое развитие категорий может не совпадать с их историческим развитием. В теории Маркса учение о кредите, как системе, следовательно, о кредитной системе, занимает вполне определенное место, а именно в «верхнем этаже» категорий, в III томе. Категории денег и капитала логически предшествуют категории кредита, ибо кредит—это «имманентная форма капиталистического способа производства» и поэтому в марксовой экономической системе нет и не может быть никакой иной теории кредита, кроме теории капиталистического кредита.

В простом товарном хозяйстве кредит возможен, но не необходим. Проводя аналогию с развитием форм стоимости, можно сказать, что на этой ступени анализа мы имеем дело лишь с простой или случайной формой кредита, но отнюдь не с ее всеобщей, и именно в силу этой всеобщности необходимой для данной экономической системы, формой. Но развитие форм кредита не требует расчленения единой теории кредита и формулировки ряда его определений. В этом случае нам также пришлось бы дать несколько теорий и определений капитала: одну для эпохи торгового капитализма, другую—для эпохи промышленного капитализма и третью—для эпохи финансового капитализма. На основе единой общей теории капитала и прибавочной стоимости мы можем понять и формы капитала, как предшествующие эпохе промышленного капитализма, так и модификацию форм капитала в эпоху финансового капитализма. Точно также на основе единой общей теории кредита мы можем понять как докапиталистические неразвитые его формы, так и те, которые особые черты кредита в эпоху финансового капитала. Есть вообще только единая политическая экономия, а именно общая теория капитализма, законы которой, несмотря на все возможные модификации, господствуют и в условиях современного финансового капитализма. Между тем проф. Трахтенберг утверждает, что «современная теория кредита должна быть не только, а вернее не столько, теорией кредита капиталистического хозяйства, сколько теорией кредита финансового капитализма» (стр. 22. Разрядка наша. З. Д.).

С этим вряд ли можно согласиться: сущность кредита, его определение, все его основные законы и функции и, наконец, социальные отношения, им выражаемые, полностью сохраняются и для эпохи финансового капитализма. Можно ли и нужно ли поэтому конструировать особую теорию кредита для эпохи финансового капитализма? То, что этого не требуется, доказывает как раз все содержание работы

проф. Трахтенберга, в котором не установлено ни одного особого закона кредита специально для эпохи финансового капитализма. Итак, само содержание анализа говорит против этого взгляда, в защиту которого проф. Трахтенберг выдвигает лишь следующие аргументы: «Характерной для финансового капитализма чертой, важной для рассматриваемой нами проблемы, является господство выделившегося в самостоятельную экономическую категорию ссудного капитала, т.-е. капитала, приносящего проценты. Ссудный капитал существовал и до эпохи финансового капитализма, больше того, его прообраз в виде ростовщического капитала существовал задолго до капитализма, но как раз в условиях финансового капитализма он приобретает особое значение. Во-первых, в условиях финансового капитализма самостоятельность ссудного капитала, находящего свое определение в противопоставлении другим формам капитала,—промышленному и торговому,—достигает своей законченности и завершенности и, во-вторых, эта категория становится господствующей в том смысле, что она подчиняет себе, закономерностям своего движения другие формы капитала» (стр. 25).

Вряд ли правильно, что в эпоху промышленного капитализма ссудный капитал не находил «законченности и завершенности в своем противопоставлении другим формам капитала». Напротив того, в эпоху промышленного капитализма мы как раз имеем ссудный капитал, в лице, напр., банкового капитала, как самостоятельную, «законченную» и «завершенную форму», и, наоборот, в эпоху финансового капитализма ссудный капитал лишается своей самостоятельности и, сливаясь с промышленным капиталом (вспомним определение финансового капитала, как «сращивание банкового капитала с промышленным), уже не противопоставляется другим формам капитала, что доказано Гильфердингом, Бухариным, Лениным. Таким образом этот аргумент как раз доказывает обратное тому, что хотел доказать автор.

Еще хуже обстоит дело со вторым аргументом: сказать, что ссудный капитал «подчиняет себе, закономерностям своего движения, другие формы капитала»—это значит стать на точку зрения гановско-шумпетеровской концепции, ибо альфой и омегой этой последней как раз является положение о том, что кредит или ссудный капитал определяет движение капитала производительного и вообще обусловливает всю хозяйственную динамику. Ясно, что этот принцип противоположен марксовым принципам, и мы не сомневаемся, что проф. Трахтенберг отнюдь не разделяет этого взгляда, который противоречит всему его дальнейшему анализу и его исходным методологическим принципам. Пожалуй, будет правильнее рассматривать эту формулировку не как сознательно выставленное положение, но как случайно брошенную фразу.

Если бы действительно дело обстояло так, что в эпоху промышленного капитализма движение ссудного капитала определялось бы движением капитала производительного, а в эпоху финансового капитализма, наоборот, ссудный капитал «подчиняет себе, закономерностям своего движения», производительный капитал, тогда бы мы согласились с проф. Трахтенбергом: необходимо было бы построить по крайней мере две теории кредита и к тому же совершенно самостоятельные, поскольку для эпохи промышленного капитализма существуют одни законы кредита, а для эпохи финансового капитализма — другие, и при этом совершенно противоположные законы. И ведь именно особенностями новейшего капиталистического развития Ган как раз и пытается аргументировать необходимость новой теории кредита, которая есть не что иное, как учение о prius'е ссудного капитала над капиталом производительным, учение, конечно, ложное в самом в своем основании, и совершенно справедливо отвергаемое проф. Трахтенбергом.

Но раз отпадает этот аргумент о подчинении производительного капитала закономерностям ссудного капитала, а также предшествующий ему аргумент о

«самостоятельности» и противопоставлении ссудного капитала производительному капиталу (проф. Трахтенберг не точно выражается, говоря о «промышленном капитале», как форме капитала, ибо по Марксу денежный, товарный и производительный капитал суть формы промышленного капитала. Промышленный же капитал не может быть формой промышленного капитала. Последний есть единство трех форм капитала — производительного, товарного и денежного), то вместе с тем отпадает необходимость построения особой теории кредита для эпохи финансового капитализма. Необходимо лишь на основе единой общей теории кредита, как «имманентной формы капиталистического способа производства» дать анализ модификаций кредита в эпоху финансового капитализма, и эти модификации, мы не сомневаемся, будут, с присущим проф. Трахтенбергу глубиной и ясностью анализа, развернуты в предполагаемых II и III томах «Современного кредита и его организации». Продолжая дискуссию по основным моментам общей теории кредита, развернутым в 1 томе, мы ксисты-экономисты будут ждать дальнейших шагов проф. Трахтенберга на столь же благодарном и важном, сколь трудном и ответственном поприще исследования явлений кредита в современном капитализме.

З. Атаи.

DR. MILLY HIRSCH. Grenznutzentheorie und Geldwerttheorie (unter besonder Berücksichtigung der „österreichischen" Schule). Untersuchungen zur theoretischen Nationalökonomie. Herausgegeben von Prof. Dr. Karl Diehl. Jena 1926. Verlag von G. Fischer. S.

Работа Гирша является значительным вкладом в литературу по теории денег. Это первое общее исследование по австрийской теории денег. С другой стороны, рецензируемая нами работа интересна, как прекрасный образец буржуазной критики теории предельной полезности. Она обнаруживает тенденцию буржуазной науки к тому, чтобы оживить австрийскую школу, рационализировать ее и поставить на службу практическим интересам деловой буржуазии.

Австрийская школа в области теории денег не является единым направлением. Концепция этой школы в вопросах теории денег трещит по всем направлениям, и каждый автор нашивает на мундир теории предельной полезности те платки, которые наиболее соответствуют силе его изворотливости и фантазии. Мы можем и должны говорить об австрийской теории денег, ибо определенный ряд авторов, как бы они ни различались по деталям своих построений, опирается на одни и те же принципы. С точки же зрения тех классификаций денежных теорий, которые господствуют в современной буржуазной науке, специальное исследование по австрийской теории денег составляет довольно необычное явление. Диль, под редакцией которого вышли книга Блока «Die Marxsche Geldtheorie» и работа Гирша, выступает как новатор.

Гирш ученик Диля, и его книга дает все то, что может дать Дилевская концепция в области критики австрийской теории денег.

Сам автор в ряде решающих глав своей книги поддается обаянию излагаемой им концепции и становится на скользкий путь отшлифовки, пополнения, исправления деталей этой концепции. Гирш ухитряется одновременно, как примкнуть к критике метода австрийской школы, данной Бухариным, так и заняться раскрашиванием фронтонов на здании австрийской теории.

Работа Гирша в основном распадается на три раздела: 1) теория предельной полезности и суб'ективная стоимость денег, 2) теория предельной полезности об'ективная стоимость денег и 3) теория предельной полезности и субстанциональная стоимость денег.

Гирш об'являет, что он вместе с Дилем является представителем об'ективистической теории стоимости и денег и в этом смысле противопоставляет себя суб'ективистической концепции австрийской школы. (Заметим в скобках, что, по мнению Диля и его учеников, теория денег Маркса представляет смешение об'ективистических и суб'ективистических принципов и в этом смысле представляет шаг

назад по сравнению с классиками. См. Block «Die Marxsche Geldtheorie», Jena 1926). Об'ективизм и суб'ективизм понимаются Дилем и К° весьма «оригинально». «Существуют два принципа стоимости, которые были развиты в отношении высоты стоимости благ. Один связан со стороной предложения, другой — со стороной спроса» (Hirsch, S. 4). «Первую группу теорий стоимости можно обозначить, как об'ективистическую теорию стоимости, потому что стоимость товара должна быть определена через об'ективную величину, именно посредством технических применений, для которых товар необходим производству. Вторую группу можно обозначить, как суб'ективистические теории стоимости, потому что по ним образование цены обусловлено через суб'ективные оценки потребителей» (Диль, Theoretische Nationalökonomie, B. 3, S. 24, Jena 1927). Исходя из такого понимания стоимости, Гирш наивно заключает: «Поэтому перенесение об'ективистической теории стоимости на проблему стоимости денег является простым, поскольку субстанциальная стоимость благородного металла представляется в этой связи очевидной стоимостью денег» (S. 5). Автору и невдомек, что об'яснение стоимости товара спросом на него и издержками производства представляет редукцию одних цен к другим ценам, вращение в замкнутом кругу.

Характеристика метода австрийской школы, данная Гиршем, недостаточна. Автор отчетливо выдвигает индивидуализм и неисторический подход австрийской школы. Но потребительская точка зрения австрийской школы не встречает никакой критики со стороны Гирша. Автор даже и не попытался противопоставить методу австрийцев научно-историческую точку зрения на предмет теоретической экономии, необходимость анализа определенной общественно-исторической формации хозяйства. Автор протестует против индивидуалистического метода теории предельной полезности, но это не мешает ему в ряде мест его работы оперировать тем же методом и теми же понятиями, которых придерживаются представители австрийской школы.

С точки зрения австрийской школы деньги, как общеупотребимое орудие обмена, суть меновое благо; они представляют ключ ко всем потребностям. В этой посреднической функции лежит их сущность. В качестве денег это благо всегда в состоянии косвенным образом удовлетворить существующие потребности. Средства потребления и производства, напротив, выполняют функцию менового блага лишь случайно,—по мере развития рынка они все менее меноспособны; в этом заключается их важнейшее отличие от денег. В то время как определение денег состоит не в исчезновении с рынка, а в том, чтобы вечно выполнять их функцию средства циркуляции, сущность средств потребления и производства состоит в том, чтобы быть потребляемыми. Деньги — стоимость производная от стоимости предметов. Эти же взгляды разделяют и Гирш. Подобного рода поверхностные и вульгарные определения кажутся ему правильными. Отличие его точки зрения состоит лишь в том, что, по его мнению, эти определения недостаточны, т. к. не об'ясняют об'ективной покупательной силы денег.

Гирш принимает понятие суб'ективной стоимости денег и в дальнейшем пытается примирить его с действительностью. Особенный интерес со стороны Гирша вызывает суб'ективная стоимость денег с ее количественной стороны.

По Бем-Баверку предельная полезность есть результанта уже ранее известных величин «потребности и запаса», при чем обе они устанавливаются в рамках единичного хозяйства. Величина суб'ективной меновой стоимости блага измеряется по предельной полезности благ, выменяваемых за него. Приводя возражение Лефлина о невозможности количественного измерения «предельной полезности», автор считает его неосновательным. «Напротив,—говорит он,—теоретик предельной полезности возразил бы, что чистое измерение полезности совсем даже не требуется. Речь идет не об измерении, а о скалировании. Отдельный индивидуум не должен точно устанавливать полезность, удовлетворяющую одну потребность, но лишь судить об отношении между потребностями. Мнение, что одно благо важнее, чем

другое, достаточно для построения скалы потребностей. Здесь мы должны отметить лишь те трудности, которые приносит с собой конструкция скалы потребностей потому, что не существует никакого абсолютного мерила интенсивности потребностей» (S. 18). Определяя величину суб'ективной стоимости денег по предельной полезности денег, мы делаем это лишь при условии, «что цифры оценок, если последовательно придерживаться их относительного и индивидуального характера, сами представляют некоторое взвешенное стилизирование экономической действительности» (Bortkewicz). Отсюда делается вывод: «величина суб'ективной стоимости денег определяется по предельной полезности единиц благ, которые извлекаются в обмене за последнюю денежную единицу совокупного денежного запаса» (Hirsch, S. 19).

Тщательно формулируя эти постулаты австрийской школы, Гирш с исчерпывающей наглядностью показывает действительную основу суб'ективных оценок. Определение величины суб'ективной стоимости денег, говорит он, лишь тогда возможно, когда известны меновые отношения, т.-е. рыночные цены. В этом моменте Гирш правильно усматривает главный пункт вопроса об определении величины суб'ективной стоимости денег (20). «Денежный запас, скала потребностей и покупательная сила денег являются, следовательно, фактами, которые определяют величину суб'ективной стоимости денег». Это признали Визер, Филиппович, Бортквич, Цукеркандль, Цвидынек, Мизес, Гельферих, Вейц, Габерлер и Вильбрандт. Все они выдвигают вперед три указанные элемента в определении суб'ективной стоимости денег. Оценка и определение величины количества денежных единиц оказывается не чем иным, как оценкой в ценах. В связи с этим вопросом Гирш анализирует тот метод исчисления суб'ективной стоимости денег, который выдвигает Визер (метод умножения) и метод сложения Бем-Баверка. Тут становится ясным чисто-схоластический и произвольный характер указанных методов исчисления стоимости денег. Гирш этого не замечает и в главе о тенденциях движения суб'ективной стоимости денег пытается дополнить и развить существующие положения австрийской школы.

После того, как были установлены основные элементы, образующие суб'ективную стоимость денег, автор переходит к анализу сущности этой суб'ективной стоимости. Рассматривая понятие индивидуального денежного запаса, как основы суб'ективной стоимости денег, Гирш вносит в определения австрийских теоретиков поправку. При определении суб'ективной стоимости денег, заявляет он, недостаточно понятие «регулярных денежных поступлений». Формулировка индивидуального денежного запаса, как дохода (Визер), «недостаточна и обща, и поэтому точнее наша формулировка: денежный запас, которым фактически располагает внутри хозяйственного периода индивидуум для потребительских целей» (30).

Для того, чтобы обосновать это положение, автор предпринимает анализ денежного дохода различных классов общества. Для класса «работополучателей» (выраженьице-то какое!) доходы идентичны с расходами. На средних ступенях доходов—служащие, крестьянин, мелкие производители всякого рода—денежные расходы суть определенная часть дохода, постоянно приближающаяся к нему. В высших ступенях дохода—класс «работодателей» (!)—напротив, денежные расходы как часть дохода составляют совершенно неопределенную долю (32). Чистое определение величины этого количества денег охватывает лишь фактически произведенные денежные расходы (33). Тем самым опровергается понятие стоимости, основанное на категории индивидуальной денежной потребности. Суб'ективная стоимость денег оказывается фикцией. Но Гирш этого не замечает. Уточнить понятие суб'ективной стоимости денег путем анализа классовых различий в доходах отдельных лиц, это значит уничтожать самое понятие этой суб'ективной стоимости.

Идя вслед за Мизесом и Цвидынеком, автор подчеркивает зависимость суб'ективной стоимости денег от рыночных цен. По мнению Гирша, впрочем, следующего здесь тоже за австрийцами, всеобщее состояние цен ограничивается при

определении суб'ективной стоимости денег персональным состоянием цен. Это значит, что отдельным хозяйственным индивидуумом из многочисленных цен принимаются во внимание лишь цены тех потребительных благ, которые важны для домашнего хозяйства и могут быть куплены на рынке (40).

Развивая понятие персонального состояния цен, Гирш пытается соединить вместе два противоположных принципа: суб'ективную стоимость и об'ективный мир рыночных отношений. Отстаивая то, что состояние цен есть об'ективно данная, исторически обусловленная величина, автор следует лишь за мыслью, которую высказывали Мизес и Цвидынек.

После анализа отдельных элементов: определяющих величину суб'ективной стоимости денег, Гирш дает следующее определение этой стоимости: «Суб'ективная стоимость денег зависит при данном персональном состоянии цен от фигурации скалы потребностей и от количества денег, которыми отдельный индивидуум располагает внутри хозяйственного периода для потребительских целей. Он определяет его величину по предельной полезности последнего фактического расхода (в известных пределах: последней единицы дохода)» (42). Из того факта, что «суб'ективная стоимость денег имеет в качестве предпосылки об'ективную стоимость денег, вытекает ее «пассивный характер», она оказывается производным понятием (44). «Но, несмотря на своеобразную пассивность, суб'ективная стоимость денег остается суб'ективной стоимостью» (44). Полемизируя с Вагеманом, автор отстаивает категорию суб'ективной стоимости денег и рассматривает ее, как особый случай суб'ективной стоимости менового блага.

Вместо того, чтобы установить, что экономическая теория не может иметь дело с суб'ективными хозяйственными явлениями, Гирш занимается накручиванием новых дефиниций суб'ективной стоимости денег. Так он устанавливает «абсолютную» и «относительную» пассивность суб'ективной стоимости денег в зависимости от характера меновых отношений. Вместо того, чтобы совершенно отвергнуть категорию суб'ективной стоимости денег, он пытается показать ее социальную обусловленность. С этой целью он предпринимает специальную главу о «социальном характере суб'ективной стоимости денег». Идя вслед за Бирком и Цвидынеком, автор усматривает этот социальный характер суб'ективной стоимости денег в принадлежности всякого индивидуума к определенной социальной группе (по величине дохода) и в обусловленности суб'ективной оценки данным уровнем цен.

В большой главе о «тенденциях движения суб'ективной стоимости денег», автор развивает количественную сторону понятия суб'ективной стоимости денег и устанавливает взаимосвязь между величиной суб'ективной стоимости денег, с одной стороны, и движением уровня цен, доходов и потребностей, с другой. Однако все это исследование ведется в рамках понятий австрийской школы и тем методом, который практикуется теоретиками этой школы. Вместо того, чтобы притти к решительному отрицанию категории суб'ективной стоимости денег, автор ограничивается только тем, что показывает зависимость ее величины от изменения скалы потребностей, суммы доходов и рыночных цен. Путем сопоставления перечисленных факторов Гирш строит схемы, показывающие направление, в котором должно происходить изменение суб'ективной стоимости денег.

Автор хочет исправить концепцию австрийской школы, вместо того, чтобы показать банкротство суб'ективно-психологического метода в теории денег. Истинная задача нашего «критика»—это услужить австрийской школе, развить те об'ективистические нотки, которые можно найти в работах Визера, Мизеса, Цвидынека и др. Гирш надеется примирить австрийцев с об'ективистами типа Диля и стремится показать, что если австрийцы могут сделать шаг от строго-суб'ективного метода, то, в свою очередь, и у Диля можно найти реверансы в сторону суб'ективно-психологического направления. Все основания для единого фронта налицо. По мнению Гирша, сама суб'ективная оценка денег является важнейшим фактором образования цен. «Это признается широко за пределами узкого круга теоретиков

предельной полезности» (73). Диль прямо говорит: «Очень большую и часто недостаточно замечаемую роль при образовании цен играет субъективная оценка денег со стороны продавца и покупателя» (Theorie, B. III, 156). Понятие, величину, сущность и тенденции изменения субъективной стоимости денег мы можем,—говорит автор,—обосновать на субъективной стоимости благ. Но необходимо субъективную стоимость денег вывезти из границ индивидуалистического метода для того, чтобы полнее об'яснить эту стоимость, необходимо вывести данные из совокупности социально-хозяйственных связей.

Во втором разделе своей работы Гирш трактует о применимости принципа стоимости товара в качестве принципа стоимости денег. Идя вслед за Визером и Гельферихом, автор усматривает сущность денег в их функции орудия обмена (3).

Такое понимание сущности денег безусловно неверно. Маркс блестяще доказал, что сущность денег заключается во всеобщем эквиваленте. В функции всеобщего эквивалента резюмируются особенности денежной формы стоимости, генезис и общественная роль денег. Вовсе не функция орудия обмена делает деньги товаром особого рода. Орудие обращения товаров, знак стоимости вообще не является деньгами в собственном смысле слова. Деньги—это прежде всего самостоятельная, абсолютная форма меновой стоимости. Их сущность дана не в функции орудия обмена, а в их роли всеобщего эквивалента и мерила стоимости товаров. Сводить понятие денег к функции орудия обращения это значит отрезать себе путь к пониманию генезиса денег, их функции мерила стоимости, сокровища, платежного средства, мировых денег и, наконец, к пониманию стоимости денег. Для функционалиста и количественника, которые находят сущность денег в их функции орудия обмена, стоимость денег устанавливается в самом процессе обращения. На самом же деле деньги и товары обладают определенной стоимостью прежде чем они вступают в меновой процесс.

Для автора не существует понятия об'ективной стоимости. Мы, говорит автор, в связи с Дилем отрицаем понятие «об'ективной стоимости» и «об'ективной меновой стоимости», ибо «мы в понятии меновой стоимости постоянно имеем дело с отношением между суб'ектом и об'ектом» (Диль). В подтверждение этого автор указывает на неудачные построения Визера. О существовании теории стоимости Маркса автор скромно умалчивает. «Насколько вполне допустимо обойти об'ективную или народно-хозяйственную меновую стоимость, показывает нам опыт Визера, который пытается говорить о народно-хозяйственной меновой стоимости и, несмотря на это, хочет признать суб'ективный характер понятия стоимости» (94). В Визеровском разделении народно-хозяйственно-об'ективной и народно-хозяйственно-суб'ективной меновой стоимости выражено желание говорить о народно-хозяйственной меновой стоимости денег в смысле «покупательной силы денег» и вопреки этому о «суб'ективном» характере стоимости (94).

Визер заслуженно подвергается резкой критике, ибо действительно не существует никакой «средне-общественной» предельной полезности. Но разве нет другой теории стоимости, которая бы последовательно развивала чисто-об'ективное понятие стоимости товаров и денег?

Гирш усиленно выдвигает вперед понятие покупательной силы денег. «Таким образом, несмотря на отрицание понятия об'ективной, в особенности народно-хозяйственной меновой стоимости денег, мы полностью признаем проблему стоимости денег, которая связана с этими понятиями. Здесь речь идет не о проблеме стоимости в смысле суб'ективной теории, а о проблеме покупательной силы» (98). Под «ценой денег» Гирш понимает «меновые отношения денег какому-либо товару, или ко всем товарам, точнее к совокупности товаров». Цена денег должна быть выражена во всех товарах, и эта связь всех товаров составляет главное препятствие для теории стоимости денег. Если мы под «ценой денег» подразумеваем их покупательную силу, то это означает то, что я могу получить в обмен

за денежную единицу. Для теоретика предельной полезности здесь возникают особого рода затруднения, потому что он должен свести все товары к «абстрактной единице полезности». На деле существует лишь одно практическое средство—которое теоретически совершенно недостаточно—метод индексных чисел, чтобы получить представление о покупательной силе денег» (99). «Уровень цен, как тоталитет цен, указывает на функцию денег в качестве орудия обращения» (100). Здесь Гирш следует за Шумпетером, который говорит: «Все учение о деньгах заключается в этих индексных цифрах и их изменениях».

Глава IX посвящена рассмотрению попыток разрешить тот замкнутый круг, который образуется при об'яснении цены и стоимости австрийской школы. Автор справедливо устанавливает, что логическое преодоление этого порочного круга невозможно и что, следовательно, теория предельной полезности не может об'яснить сущность об'ективной стоимости денег (131).

Указание на замкнутый круг связано, прежде всего, с именем Гельфериха. На это же указал еще в 1898 году Виксель. Затем идут различные критики и антикритики, которые занимались этим вопросом: Гофман, Борткевич, Бухарин, Шумпетер, Мильдшу и др. Гирш прежде всего присоединяется к Бухарину. «Бухарин находит последний корень замкнутого круга в недостаточном (!) методе теории предельной полезности, который осужден уже и в нашей формулировке о том, что теория потребительной стоимости не может об'яснить меновые отношения, которые построены на суб'ективных оценках меновой стоимости, ибо игнорируется познание социальных, народно-хозяйственных рыночных факторов меновой стоимости (цен)» (118).

Автор рассматривает попытку Вейца, Бема, Цвидынека и Мизеса разрешить порочный круг. Последние два толкуют об образовании цены и стоимости денег в смысле ее исторического возникновения. Но это логически-генетическое об'яснение, как отмечают Гильфердинг и Гирш, проблему в собственном смысле не разрешает, а только отодвигает.

Если следовать за Мизесом, то мы должны притти от современных цен к исходному пункту меновых отношений, к первой суб'ективной оценке, которой не предшествовали никакие цены. Мы приходим к суб'ективной оценке стоимости изолированного Робинзона. Мизес, который хотел об'яснить стоимость денег, трактует о том, что «древнейшая стоимость денег приводит обратно к товарной стоимости денежного материала». Без редукции стоимости денег к стоимости потребительного блага Мизес обойтись не может. «Прочное установление того факта, что поиски основ определения об'ективной стоимости денег всегда приводят к пункту, в котором стоимость денег определяется исключительно через свои потребительские функции, а не через свои услуги в качестве орудия обмена, открывает путь к развитию лишенной пробелов теории стоимости денег, построенной на суб'ективном учении о стоимости и на теории предельной полезности» (Мизес). Однако трудность состоит не в том, чтобы вскрыть общее между стоимостью денег и стоимостью товаров, свести деньги к товару. Надо понять, как и почему стоимость товара принимает денежную форму. Задавшись целью об'яснить стоимость денег, Мизес просто сводит их к потребительным стоимостям. Замкнутый круг как будто разорван. Но он снова смыкается, как только мы возвращаемся к различию между деньгами и прочей товарной чернью.

Рассматривая эту попытку Мизеса выйти из circulus vitiosus, Гирш делает абсурдный вывод: «Теория предельной полезности может (?) об'яснять лишь стоимость товаров, а не об'ективную стоимость денег». Верно, что «сущность цен и, следовательно, цены денег, покупательной силы денег нельзя об'яснить на основе теории предельной полезности». Верно, что «логическое преодоление замкнутого круга невозможно». Но откуда явствует, что теория предельной полезности может об'яснить стоимость товаров, это остается секретом автора. Дело заключается именно в том, что ложная концепция стоимости вообще за-

крывает путь к об'яснению стоимости денег. Теория предельной полезности не способна раскрыть законы, определяющие стоимость денег, поскольку она представляет суб'ективно-психологический, абстрактно-рационалистический принцип познания общественной экономики.

Сам автор в ряде мест своей работы говорит, что суб'ективная теория стоимости не может об'яснить общехозяйственные связи. «Этим путем,—говорит он,— мы не могли бы достичь причинных связей народно-хозяйственных феноменов «покупательной силы денег» (139). Но он не является принципиальным противником суб'ективно-психологического метода. Главу X о значении суб'ективной стоимости денег для изменения об'ективной стоимости денег автор заключает словами: «Здесь необходимо соединить равно оба способа исследования» (138). Таково отношение диль-гиршевского об'ективизма к суб'ективной теории австрийской школы.

Рассматривая отношение теории предельной полезности к количественной теории денег, автор стремится показать, что борьба австрийцев с механистическим вариантом количественной теории является важной заслугой суб'ективной теории денег. Последняя «заботилась о придании качественного характера количественным величинам» и «сняла механистический характер количественной теории». Наиболее решительно выступал в этом направлении Мизес. Это «суб'ективное уточнение пропорциональной количественной теории, по мнению Гирша, вполне допустимо и имеет положительное значение» (148). Это в корне неверно. Если автор полагает, что суб'ективно-психологическая школа может придать количественной теории денег большую плодотворность, вдохнуть в нее «душу живу», снять ее механистическую сущность и вооружить каузальным методом исследования, то он грубоко заблуждается. Суб'ективно-психологическая версия количественной теории денег лишь еще более запутывает и вульгаризирует проблему стоимости денег. Нелепость количественной теории становится еще более разительной, когда пытаются мертвую душу арифметическо-функциональной концепции количественной теории оживить суб'ективно-психологическим качеством австрийской школы. Деньги выражают об'ективные, от индивидуальной воли людей независящие, производственные отношения. Поэтому проблема стоимости денег, их покупательной силы может разрешаться только с помощью об'ективно-научного, материалистического и социологического метода Маркса.

То же, до крайности не критическое, отношение проявляет наш автор к теории Шумпетера, Визера и Филиппповича. Последние связывают проблему денег с теорией дохода. Это крыло австрийской теории денег пытается привнести об'ективистические моменты в суб'ективную теорию денег, связать индивидуальный хозяйственный принцип с об'ективным миром экономических отношений. Теория денег, рассматриваемых в связи с доходами, обнаруживает стремление крупнейших теоретиков предельной полезности расширить узкие горизонты суб'ективного метода, связать последний с исследованием общественно-экономических отношений. Однако благие порывы Визера и Шумпетера только усугубляют бессилие и разложение австрийской школы. Попытку совместить теорию предельной полезности с об'яснением всей совокупности экономических связей, попытку связать суб'ективную теорию денег с теорией общественного дохода нельзя считать неудавшейся. Противопоставляя денежный доход реальному, австрийская школа пытается обосновать изменение стоимости денег в связи с субъективными оценками потребителя.

Гирш считает, что соединение австрийской теории денег с принципами других направлений имеет безусловно положительное значение. «Теория предельной полезности,—говорит он,—как товарная теория, недостаточна для разрешения специфической проблемы денег, и поэтому она, как теория потребительной стоимости, не может полностью охватить специфическую форму стоимости денег, меновую стоимость. Мы считаем ее имеющей значение в качестве пути об-

нения (через психику отдельных индивидов) изменения об'ективной стоимости денег лишь в связи с теоремой денег—будь это количественная теория или теория денег в связи с теорией доходов» (158). Почему подобного рода модификация суб'ективной теории денег приходится по душе автору рецензируемой работы, покрыто мраком неизвестности. Ведь

«птицеводства часть да часть архитектуры
Рождает не детей, а разве каламбуры»... (П р у т к о в).

Очень интересна та часть работы Гирша, где он выясняет отношение австрийской школы к номинализму и металлизму. Автор показывает коренные расхождения между представителями австрийской школы в понимании источника стоимости денег. Теория предельной полезности представлена как в среде, так наз. «металлистов», так и в среде «номиналистов». Сам критик присоединяется к ортодоксальным представителям австрийской школы Шумпетеру, Визеру, Вейцу и Мизесу. По его мнению, субстанциальная стоимость денег дуалистична. В субстанциальной стоимости денег золото дано, как деньги и как вещь. Автор присоединяется к Визеру и Шумпетеру, которые полагают, что оба способа применения золота—как денег и как потребительной стоимости—в равной мере определяют стоимость товара и стоимость денег (165).

Так, например, Визер указывает: «Действие услуг, которые производят монеты, как орудие обмена, и действие, которое производит золото, через свое промышленное применение сливаются в общем явлении стоимости» (Theorie, S. 92). То же Шумпетер: «Оба применения вместе формируют скалу стоимости денег и... их цена была бы иной, если бы одно исчезло. В этом случае представлено денежное благо» (Entwicklung, 63).

Гирш высказывается против «односторонности» металлистов, не носящих мундир австрийской школы. То же осуждение вызывают со стороны автора и номиналисты. Сюда отнесены Цвидынек, Бирк и... Бухарин. Номиналисты «способность быть источником стоимости приписывают лишь денежному употреблению денег... так думает Бухарин» (166). Здесь приходится поражаться то ли неосведомленности, то ли невежеству, благодаря которым автор «Политической экономии рантье» приобщается к лику номиналистов. Может быть, и марксистскую теорию денег автор считает номинализмом?

С точки зрения австрийской школы, стоимость денег определяется совокупностью всех видов применения денежного материала. Всякий новый вид применения повышает предельную полезность, всякое уничтожение прежде существовавшего способа применения вызывает тенденцию к падению предельной полезности. Отсюда автор заключает: «Важнейший вывод для субстанциальной стоимости: она лишь условно обладает пассивным характером, лишь поскольку ее оценка для применения в обмене предполагает цену; оценка же по потребительной стоимости, наоборот, возможна без дальнейшего» (166). Так критика превращается в приятие.

По мнению автора, попытка австрийской школы об'яснить функциональную стоимость денег ведет к затруднениям замкнутого круга. Наоборот, субстанциальная стоимость денег может быть, по его мнению, об'яснена без каких-либо трудностей, ибо здесь не приходится предполагать данную стоимость денег (170). Гирш, тем самым, полностью переходит на позиции австрийской школы в вопросе о суб'ективной стоимости денег. Как раз там, где вопрос о стоимости денег ставится ребром, автор признает, что австрийская школа не имеет затруднений в вопросе о суб'ективной стоимости денег. Больше того. Автор спешит заверить, что и Диль привлекает суб'ективные оценки стоимости золота для об'яснения стоимости денег. «Стоимость денег может быть об'яснена из суб'ективных оценок отдельными индивидуумами золота, как предмета потребления и монетного золота. Эти суб'ективные оценки мы, например, находим (конечно, в связи с другими

об'ективными элементами) в теории денег Диля» (170). Действительно, Диль совершенно в духе суб'ективной теории заявляет: «Стоимость денег также зависит от оценки хозяйствующего суб'екта, и для этих оценок при металлических деньгах являются руководящими именно запас и издержки производства благородного металла, спрос на благородные металлы для промышленного применения и валютных целей» (l. c., S. 270). Отсюда совершенно ясно, что так называемая «об'ективистическая» теория Диля вовсе не является антиподом суб'ективистической концепции австрийской школы. Различие между первой и второй состоит просто в том, что первая основана на известных, монистических принципах, а вторая представляет беспринципную эклектическую похлебку, соединение «суб'ективизма» и «об ективизма».

Автор считает, что австрийская теория может разрешить проблему стоимости денег, поскольку она приближается к теории потребительной стоимости золота. «Благодаря двойственности применения золота как денег и как вещи существует значительное приближение теории предельной полезности к теории потребительной стоимости. Поскольку рядом с меновой стоимостью в этом случае выступает и потребительная стоимость, постольку возможна применимость теории предельной полезности к проблеме стоимости денег; субстанциальная стоимость, как таковая, может быть справедливой в ее общих пределах, и поэтому об'яснение стоимости теорией предельной полезности зависит от того, какое значение вообще придано субстанциальной стоимости» (173). Сведение стоимости денег к их потребительной стоимости—таков смысл этой вульгарной концепции. Применение денежного материала для промышленных целей—вот критерий для определения стоимости денег.

Для марксиста же проблема денег в целом, в частности проблема стоимости денег, составляет вопрос о познании определенного типа общественных отношений людей. Стоимость денег и потребительная стоимость денежного материала имеют отношение к области совершенно различных дисциплин. Первая выражает количество общественного труда, затрачиваемого на производство золота, общественные отношения людей, основанные на процессе производства золота и чеканки золотой монеты. Наоборот, потребительная стоимость денежного материала составляет предмет товароведения и ряда наук естественно-технического характера: металлургии, физики, химии. Субстанциальная стоимость денег, т.-е. стоимость денег, являющихся самостоятельным воплощением всеобщего человеческого труда,—золота и серебра,—никогда не может быть определена через оценку этого рода металлов их потребителями.

С точки зрения Гирша получается, что в случае высокого рыночного спроса на благородный металл стоимость денег повышается и, наоборот, в случае перепроизводства благородных металлов стоимость денежной единицы падает. И это не удивительно, ибо под стоимостью денег Гирш понимает либо суб'ективную оценку блага со стороны индивидуального потребителя, либо покупательную силу денег. Покупательная сила денег выражает данный уровень цен и, следовательно, определяется текущими кон'юнктурными колебаниями. Для марксиста же стоимость товаров и денег не подвержена влиянию повседневного движения цен и представляет величину, тесно связанную с определенным уровнем развития общественной производительной силы труда. Как раз особенностью «субстанциальной» стоимости денег является ее независимость от рыночной кон'юнктуры и «спроса на благородные металлы для промышленного применения и валютных целей». Стоимость золота и серебра, как и всякого другого товара, определяется не суб'ективной оценкой хозяйственных индивидов, не издержками производства благородного металла и не спросом на благородный металл. Количество общественно-необходимого труда, затрачиваемого на производство этих металлов и на превращение в монету, является единственным критерием стоимости полноценных металлических денег.

Все составные элементы учения австрийской школы Гирш делит на «негативные» и «позитивные» и устанавливает преобладание негативного. Теория австрийской школы представляется ему лишь в качестве недостаточной, неполной и односторонней концепции. По мнению автора, необходимо дополнить суб'ективно-психологический подход предельной полезности социально-исторической точкой зрения Диля. Абстрактно-рационалистический метод австрийской школы не позволяет теории предельной полезности понять сущность денег, и «поэтому она не может вести к полной (vollständigen) теории стоимости денег» (176).

Автор прав, когда он требует социально-исторического подхода к проблеме денег. Автор прав, осуждая потребительскую точку зрения австрийской школы. Но это—«бунт на коленях». Абстрактно-рационалистическому, потребительскому и суб'ективистическому методу австрийской школы Гирш противопоставляет концепцию Диля. Почему Диль является образцом, по которому можно судить о заблуждениях австрийской школы? Почему именно теория Диля рекомендуется автором как наиболее об'ективная и совершенная концепция денег?

Мы уже видели, что Гирш, будучи вооружен об'ективистической концепцией Диля, на протяжении своей работы сдавал австрийской школе одну позицию за другой. Мы видели, что автор проявляет свой гнев в отношении «односторонности» суб'ективной теории лишь для того, чтобы предложить к ее услугам те «об'ективистические» принципы, которые представляют завуалированное выражение самого вульгарнейшего суб'ективизма,—принципы Диля.

Историзм Диля представляет безнадежную путаницу об'ективно-экономических явлений с моментами правового регулирования. Экономическая структура общества с точки зрения Диля конструируется посредством определенных правовых норм. Исходя из этой социально-правовой точки зрения, Диль строит науку о современном хозяйственном строе. Деньги для него—творение правопорядка. Но стоимость денег он об'ясняет ценой на металл, служащий денежным материалом. Плоская и вульгарная теория, которая не об'ясняет сущности явлений, на место причин ставит следствия и стоимость сводит к ценам! Критика, исходящая из уст представителя этой школы, не может дать бо́льшего, чем дал автор рецензируемой работы. Это—жалкие потуги исправить «недостаточный» метод теории предельной полезности. Автор не понял того, что не лечить, а х о р о н и т ь надо эту безжизненную и реакционную теорию.

Подведем итоги:

1. Австрийская теория денег базируется на абстрактно-рационалистическом, суб'ективном и потребительском подходе к явлениям хозяйства и поэтому должна быть безусловно и безоговорочно отвергнута.

2. Австрийская теория денег базируется на теории стоимости, которая не имеет никакого отношения к науке, изучающей общественно-экономические отношения капиталистического общества. Теория суб'ективной стоимости денег и попытки некоторых австрийцев перекинуть мост от этой суб'ективной стоимости к понятию покупательной силы денег и общественным связям отдельных хозяйственных индивидов абсолютно не приемлемы.

3. Попытка рационализировать австрийскую теорию, социологизировать ее означает непонимание существа теории предельной полезности. Такие эксперименты не могут дать ничего, кроме самой беспринципной и жалкой эклектики.

В. Базанов.

ТРУДЫ СЕКЦИИ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ. II выпуск. Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. Институт Археологии и искусствознания. Москва. 1928 г.

Искусствоведение в последнее время привлекает к себе довольно значительное внимание. Борьба за марксистскую ортодоксию на этом идеологическом фронте не прекращается, и на фоне многосложной перипетии между «формальным» искусствоведческим методом, с одной стороны, и социологическим—с другой (то есть, конечно, ряд промежуточных звеньев), растет и крепнет марксистский метод познания художественного процесса, чтобы преодолеть все еще сильную буржуазно-идеалистическую искусствоведческую традицию. Выпуск социологической секцией научно-исследовательского института археологии и искусствознания своих трудов документирует нам как несомненное продвижение вперед марксистского метода, а также равно и те реальные недочеты и трудности, какие сопутствуют этому развитию.

Здесь прежде всего следует отметить интереснейшие и почти безупречные в методологическом отношении статьи, написанные молодыми аспирантами-археологами. Насколько плодотворно оказалось «введение социально-экономического фактора, как главного искомого и одновременно как критерия при изучении культур неолитического типа», показывает наглядно четко написанная статья Брюсов (первая в сборнике), энергично преодолевающая фетишизм «старой археологии», за вещеведением неспособной разглядеть живых общественных отношений. Брюсов остро ставит вопрос о значении «влияний», с помощью которых сплошь и рядом об'ясняется прогресс «отсталых культур». «Пора отказаться от миража односторонних культурных заимствований и фантастической односторонней торговли. Необходимо осторожно обращаться с термином отсталой культуры» (22 стр.). Брюсов приходит к выводу о необходимости дифференцировать собирательное понятие «неолит», на основе определения общественной природы предмета исследования, и вместо хаоса годов и вещей, позволим сказать от себя, вывести живого доисторического человека. На большой принципиальной высоте (в смысле метода, установки и приемов исследования) держатся и авторы двух следующих статей. «Социологический очерк о поселении» Киселева—богатый по материалу и живо написанный—можно рассматривать, как яркую иллюстрацию к Энгельсовскому «Происхождению семьи, частной собственности и государства». Статью эту прочтет с интересом и неспециалист-археолог. Статья А. Смирнова—«Социальный экономический строй восточных финнов IX—XIII веков нашей эры»—проливает свет на историю одной народности Союза. Пользуемся случаем высказать пожелание нашим советским археологам почаще бросать взор сюда—на историю нацменьшинств.

Менее удачными в целом являются статьи в разделе искусствознания. Сама методологическая установка их еще не носит ортодоксального марксистского характера, а приближается к типу социологических построений, явно еще непреодолен эмпиризм научного исследования и слишком значительно выступают «приемы» формального метода, невольно вызывая представление не о марксисте-искусствоведе, а о «форсоце».

Наиболее положительной по своим результатам является статья Н. Н. Брунова, устанавливающая общественную закономерность развития и отпадения ходов в древне-русском зодчестве, возникших как результат бытовых, исторически закрепленных привилегий русской феодальной аристократии, и в «храме болевшей требовавшей себе преимущественного положения, для чего во внутреннем пространстве церкви выделялось особое место для знати—хоры.

Нельзя этого сказать о статье Федорова-Давыдова—«Заметки о барочной архитектуре Рима», поставивших себе задачей раскрытие социально-экономического происхождения данной архитектуры (99 стр.) и в то же время как раз именно эту сторону оставляющих в тени. Текст заметок менее всего направлен на определение социальной природы барочного стиля. Так, самого общественного носителя

стиля барокко—феодальную знать—Федоров-Давыдов характеризует «отрывом от социально-экономических корней». По меньшей мере странно евпечатление оставляет его определение этой знати как «абстрактной в том смысле, что она не связана реальными связями средневековья и ренессанса, когда социальная значимость человека была обусловлена его социальной функцией. Она бытует в какой-то наджизненной атмосфере» (100 стр.). Совершенно непонятным остается утверждение, что «папы не были связаны никаким (!!) реальным хозяйством», и что, «в то время как в обычном товарном хозяйстве основную часть занимает капитал переменный, здесь основным должен был стать капитал постоянный, в виде грандиозных церковных сооружений» (?!!).

Не всякий, прочитав, что «Рим, это—город политической и социальной, а потому и идеологической абстракции» (?!! *А. О.*), ибо его расцвет не был обусловлен его собственной экономикой» (101 стр.),—воодушевится подобной «остроумной» фразой и поступит по старой формуле: credo quia absurdum. Мы позволим себе спросить, что все это значит, и что из всего этого следует. Но и помимо шаткости утверждений общего порядка, сомнительными являются и те частные указания, которые делает автор заметок. Совершенно очевидно, что роль материала в процессе формирования барочного стиля не такова, как ее рисует Федоров-Давыдов. Навряд ли само употребление штукатурки,—как утверждает автор,—«приучает к тому, что на уже выстроенное здание нужно наложить сверху украшение» (114 стр.), тем более что «полнейшее пренебрежение барокко к свойствам обрабатываемого материала», о котором говорит автор пятью страницами ниже (119 стр.), как будто намекает, что диалектика строительной техники не зависит от художественных принципов. И, следовательно, факт скульпторизации фасадов барокко благополучно об'ясняется и без специальных императивов со стороны штукатурки и помогает нам обойтись без насильственной и произвольной фетишизации материала. Точно также явно ошибочно об'яснять пользование барокко дорогим и ценным материалом (бронзой, золотом) тем, что «эстетика торгового капитализма исходит от стоимости материала» (114 стр.). Наоборот, именно сеньориальная, паразитарная психология породила этот внеутилитарный, сугубо потребительский и антирыночный подход к ценности. Бронза, содранная с Пантеона для Сени св. Петра, говорит о том, что как князья церкви, так и князья мира господствуют над стоимостью не путем счета и рынка, а путем власти, взятой мечом или добытой тиарой—безразлично. Их эстетика не столько «маммонистична», сколько потребительски паразитарна. Сводя ее к рынку, **против которого** она направлена, Федоров-Давыдов лишает ее классовой специфичности. Наконец, сугубо важно отметить классовую дезориентированность так наз. формального анализа барочного стиля, выполненного Федоровым-Давыдовым совсем в духе «форсоцов», т.-е. в разрыве от анализа классового идеологического содержания художественных формаций, что автор, сверх всего, считает принципиально допустимым со своей точки зрения (99 стр.).

Основной ошибкой статьи Коваленской «Французский классицизм» является разрыв формального анализа и социологического. Характерен допущенный ею прием исследования. Сначала она постулирует определенное содержание отдельных стилистических моментов, безотносительно к конкретному историческому содержанию стиля, а потом на основе данного ею априорного определения подыскивает ему его социальное основание. Таким образом она имеет дело лишь с мистифицирующей стороной художественной формы, а не с ее реальным историческим смыслом. Ошибочность такого приема бросается в глаза уже в самом начале ее работы. Вот пример: «Архитектоника, ясность композиции, выделение главного действия, расчлененность форм, барельефная трактовка пространства и т. д..., все это элементы рационализма. Четкость контура и расчлененность форм указывают на преобладание волевых моментов» (127 стр.) и т. д. Здесь психологическая характеристика художественного факта произведена на основе стилистических данных, содер-

жание определено на основе формы. В результате сужение идеологической характеристики стиля до рамок искусственно созданной схемы.

Ведь такие «рационализм» и «волевые моменты» можно найти всюду, где есть «архитектоника, ясность композиции, барельефная трактовка», т.-е. закрывая глаза на конкретное содержание художественных формаций. Отсюда же и сам социологический анализ носит случайный характер. В основе его не выведение и не связь содержания художественной формы, с одной стороны, и классовой практики—с другой, а совпадение. Так, мы читаем, что основные черты психики буржуа: «рационализм, волевые и организующие моменты» (140 стр.). Но так как и у аристократии «было не мало энергии, воли и героизма» (143 стр.), и у буржуазно-бюрократической верхушки «рационализм и организационные дарования, как нельзя более, подходили к ее новому делу» (141 стр.), то чью же психологию выражал классицизм»? «По нашему убеждению,—отвечает Коваленская,—он выражал психологию всех этих трех групп, что было возможно при тесном их общении в высшем Парижском обществе» (143 стр). Совершенно ясно, что каждое из этих «определений» и все вместе—отвлеченная фразеология о классицизме, а не конкретные марксистские определения. Механистичность и искусственность такого рассуждения вместе с тем чужда классового анализа. Вместо борьбы классов в статье Коваленской мы наблюдаем какую-то счастливую идиллию, мирное сотрудничество в храме искусства. Вершинным пунктом этого идиллического подхода является «итог» статьи, где Коваленская находит, что основные элементы классицизма XVII века,—рационализм, догматизм, волевые моменты,—были основаны на психике буржуазии..., склонность к абстракции же имела свои предпосылки, как в буржуазии, так и в большей мере в аристократии. Некоторые особенности внесли и художники, как члены академического корпуса» (146 стр.). По непонятным для нас причинам лиловая сутана духовенства и скромный костюм среднего парижского буржуа оказались вне этого сословного маскарада, который выдается нам в качестве социальных основ французского классицизма. Мы хорошо знаем, что в чем другом, а в недостатке догматизма и твердой воли нельзя упрекнуть французское католичество. Его преосвятейшество коад'ютор Гонди во времена Фронды, как известно, сумел обнаружить не меньше «энергии, воли и героизма», чем Кольбер или Фуке. Но не в его преосвятейшестве спасение для хромающей на обе ноги социологии. Мы находим, что давно уже пора отказаться от потребительской социологии—социологии, об'ясняющей художественные факты с помощью их потребителей, являющихся об'ектом воздействия данной художественной надстройки. Совершенно ясно, что, только исходя из анализа идеологической природы художественной практики, как специфической формы классовой борьбы, можно понять, чьим орудием является данное искусство, против какой идеологии оно направлено и какое миропонимание оно провозглашает. Коваленская же «полагает задачу своего исследования» в том, чтобы «выяснить социальный состав художников и «потребителей» искусства, т.-е. заказчиков, покупателей и т. д., и своей главной задачей считает выяснение психологии той или другой группы, поскольку, по нашему мнению, она имеет решающее значение в формации стиля» (134 стр). Таким образом, художник плюс потребитель выступают как conditio sine qua non стиля, между тем как ни тот, ни другой не являются решающим условием. Как об'екты общественного влияния определенного класса, они отнюдь не становятся от этого действующими лицами той великолепной интерклассовой интермедии, зрелище которой, хотя бы и на парнасе французского классицизма, в научной социологической работе мы не находим возможным одобрить.

С большой определенностью социологический момент выступает в двух следующих работах, являющихся последними в сборнике: Д. Арановича «Эстетические воззрения Дени Дидро» и Н. Яворской «Художник и зритель во Франции в середине XVIII века». Однако автор первой статьи оперирует с достаточно обработанным и освещенным в нашей литературе материалом и лишь подтверждает уже высказанную точку зрения на Дидро И. Луппола. Автор же второй работы, идя целиной, что делает его работу несомненно ценной, излишне вязнет, однако, в эмпирии изучаемого им материала.

Таким образом мы можем видеть, как растет и в каких конкретных формах проявляет себя наше молодое искусствознание. Совершенно очевидно, что отмеченные нами недостатки работ авторов сборника в целом есть результат практических трудностей марксистского исследования и могут быть преодолены лишь в борьбе с ними. Однако путаница и эклектичность, наблюдаемые у некоторых авторов и явно ведущие прочь от марксизма, остаются на их совести и об'ективно не могут быть оправдываемы. Большей четкости, остроты и гибкости классового анализа искусства,—вот что следует пожелать здесь им в первую очередь. Наш вывод: рецензируемые труды в целом есть показатель роста нашего искусствознания от социологического к марксистскому научному исследованию и, вместе с тем, показатель тех ошибочных и в корне ложных приемов исследования, изжить которые—и как можно скорее—задача марксиста-искусствоведа.

А. Острецов.

„LA REVUE MARXISTE“ № 11. Fevrier 1929. Paris. (МАРКСИСТСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ).

КПФ страдала с первых же дней от недостатка хорошо подготовленных кадров. Но в особенности слабо обстояло дело по части изучения марксистской теории.

Правда, за 9 лет, которые прошли со времени присоединения французской партии к III Интернационалу, не мало сделано и для подготовки кадров и для теоретического изучения марксизма. Организовывались марксистские курсы и партшколы. Переводились наиболее необходимые для руководства труды русских марксистов. На ряду с ЦО «Юманите», который уделял некоторое место вопросам теории и истории, выходили журналы, посвященные более детальной и углубленной проработке важнейших проблем, выдвигаемых идеологической борьбой и партийной практикой.

К сожалению, «La Revue Communiste», которое выходило некоторое время под редакцией тов. Ш. Раппопорта и которое имело своей целью разработку теоретических вопросов коммунизма, просуществовало недолго. Но потребность в подобном издании чувствовалась все время. В настоящий момент этот пробел заполнен. С 1 февраля выходит новое обозрение—«La Revue Marxiste» .

В комитет редакции, кроме т. Раппопорта, хорошо известного своими философскими и теоретическими трудами, входят Виктор Мелора, Альберт Мениль, Пьер Мораняс.

В предисловии к 1-му номеру редакция так определяет задачи издания:

«Больше, чем когда либо, кажется, марксизм так не знают и ненавидят, как во Франции. Официальная наука прячет от него голову, как страус: для нее марксизм не существует... Иные предполагают, что марксизм умер или что его нужно пересмотреть... «La Revue Marxiste» попытается познакомить Францию с теорией и методом марксизма. Оно будет изучать происхождение и историю марксизма. По мере своих сил оно будет двигать вперед разработку его и давать анализ событий при свете революционного метода, созданного Марксом, Энгельсом и их продолжателями, в особенности Лениным.

«La Revue Marxiste» будет беспощадно бороться, соблюдая строгую об'ективность, с ретроградным движением ревизионизма...

«La Revue Marxiste» хочет стать органом всех трудящихся, которые пожелают изучить марксизм и ленинизм, равно как интеллигентов, которые желают стать на пролетарскую почву материалистической концепции и решились не усыплять себя более мистицизмом и идеализмом».

Согласно с формулированной задачей, редакция дает в первом номере:

1. Заметки о коммунизме и частной собственности, отрывок из рукописей Карла Маркса, который впервые был опубликован тов. Рязановым в 1927 г.

жание определено на основе формы. В результате сужение идеологической характеристики стиля до рамок искусственно созданной схемы.

Ведь *такие* «рационализм» и «волевые моменты» можно найти всюду, где есть «архитектоника, ясность композиции, барельефная трактовка», т.-е. закрыв глаза на конкретное содержание художественных формаций. Отсюда же и сам социологический анализ носит *случайный* характер. В основе его не выведение и не связь содержания художественной формы, с одной стороны, и классовой практики—с другой, а *совпадение*. Так, мы читаем, что основные черты психологии буржуа: «рационализм, волевые и организующие моменты» (140 стр.). Но так как и у аристократии «было не мало энергии, воли и героизма» (143 стр.), и у буржуазно-бюрократической верхушки «рационализм и организационные дарования, как нельзя более, подходили к ее новому делу» (141 стр.), то чью же психологию выражал классицизм? «По нашему убеждению,—отвечает Коваленская,—он выражал психологию всех этих трех групп, что было возможно при тесном их общении в высшем Парижском обществе» (143 стр.). Совершенно ясно, что каждое из этих «определений» и все вместе—отвлеченная фразеология о классицизме, а не конкретные марксистские определения. Механистичность и искусственность такого рассуждения вместе с тем чужда классового анализа. Вместо борьбы классов в статье Коваленской мы наблюдаем какую-то счастливую идиллию, мирное сотрудничество в храме искусства. Вершинным пунктом этого *идиллического* подхода является «итог» статьи, где Коваленская находит, что основные элементы классицизма XVII века,—рационализм, догматизм, волевые моменты,—были основаны на психологии буржуазии..., склонность к абстракции же имела свои предпосылки, как в буржуазии, *так* и в большей мере в аристократии. Некоторые особенности внесли и художники, как члены академического корпуса» (146 стр.). По непонятным для нас причинам лиловая сутана духовенства и скромный костюм среднего парижского буржуа оказались вне этого сословного маскарада, который выдается нам в качестве социальных основ французского классицизма. Мы хорошо знаем, что в чем другом, а в недостатке догматизма и твердой воли нельзя упрекнуть французское католичество. Его преосвятейшество коад'ютор Гонди во времена Фронды, как известно, сумел обнаружить не меньше «энергии, воли и героизма», чем Кольбер или Фуке. Но не в его преосвятейшестве спасение для хромающей на обе ноги социологии. Мы находим, что давно уже пора отказаться от потребительской социологии—социологии, об'ясняющей художественные факты с помощью их потребителей, являющихся об'ектом воздействия данной художественной надстройки. Совершенно ясно, что, только исходя из анализа идеологической природы художественной практики, как специфической формы классовой борьбы, можно понять, *чьим* оружием является данное искусство, *против какой* идеологии оно направлено и какое мировоззрение оно провозглашает. Коваленская же «полагает задачу своего исследования» в том, чтобы «выяснить социальный состав художников и потребителей искусства, т.-е. заказчиков, покупателей и т. д., и своей главной задачей считает выяснение психологии той или другой группы, поскольку, по нашему мнению, она имеет решающее значение в формации стиля» (134 стр.). Таким образом, художник плюс потребитель выступают как conditio sine qua non стиля, между тем ни тот, ни другой не являются решающим условием. Как об'екты общественного влияния определенного класса, они отнюдь не становятся от этого действующими лицами той великолепной интерклассовой интермедии, зрелище которой, хотя и на парнасе французского классицизма, в научной социологической работе мы не находим возможным одобрить.

С большой определенностью социологический момент выступает в двух следующих работах, являющихся последними в сборнике: Д. Арановича «Эстетические воззрения Дени Дидро» и Н. Яворской «Художник и зритель во Франции в середине XVIII века». Однако автор первой статьи оперирует с достаточно обработанным и освещенным в нашей литературе материалом и лишь подтверждает уже высказанную точку зрения на Дидро И. Луппола. Автор же второй работы, как

линой, что делает его работу несомненно ценной, излишне вязнет, однако, в эмпирии изучаемого им материала.

Таким образом мы можем видеть, как растет и в каких конкретных формах проявляет себя наше молодое искусствознание. Совершенно очевидно, что отмеченные нами недостатки работ авторов сборника в целом есть результат практических трудностей марксистского исследования и могут быть преодолены лишь в борьбе с ними. Однако путаница и эклектичность, наблюдаемые у некоторых авторов и явно ведущие прочь от марксизма, остаются на их совести и об'ективно не могут быть оправдываемы. Большей четкости, остроты и гибкости классового анализа искусства,—вот что следует пожелать здесь им в первую очередь. Наш вывод: рецензируемые труды в целом есть показатель роста нашего искусствознания от социологического к марксистскому научному исследованию и, вместе с тем, показатель тех ошибочных и в корне ложных приемов исследования, изжить которые—и как можно скорее—задача марксиста-искусствоведа.

А. Острецов.

„LA REVUE MARXISTE" № 11. Février 1929. Paris. (МАРКСИСТСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ).

КПФ страдала с первых же дней от недостатка хорошо подготовленных кадров. Но в особенности слабо обстояло дело по части изучения марксистской теории.

Правда, за 9 лет, которые прошли со времени присоединения французской партии к III Интернационалу, не мало сделано и для подготовки кадров и для теоретического изучения марксизма. Организовывались марксистские курсы и партшколы. Переводились наиболее необходимые для руководства труды русских марксистов. На ряду с ЦО «Юманите», который уделял некоторое место вопросам теории и истории, выходили журналы, посвященные более детальной и углубленной проработке важнейших проблем, выдвигаемых идеологической борьбой и партийной практикой.

К сожалению, «La Revue Communiste», которое выходило некоторое время под редакцией тов. Ш. Раппопорта и которое имело своей целью разработку теоретических вопросов коммунизма, просуществовало недолго. Но потребность в подобном издании чувствовалась все время. В настоящий момент этот пробел заполнен. С 1 февраля выходит новое обозрение—«La Revue Marxiste» .

В комитет редакции, кроме т. Раппопорта, хорошо известного своими философскими и теоретическими трудами, входят Виктор Мелора, Альберт Мениль, Пьер Мораняс.

В предисловии к 1-му номеру редакция так определяет задачи издания:

«Больше, чем когда либо, кажется, марксизм так не знают и ненавидят, как во Франции. Официальная наука прячет от него голову, как страус: для нее марксизм не существует... Иные предполагают, что марксизм умер или что его нужно пересмотреть... «La Revue Marxiste» попытается познакомить Францию с теорией и методом марксизма. Оно будет изучать происхождение и историю марксизма. По мере своих сил оно будет двигать вперед разработку его и давать анализ событий при свете революционного метода, созданного Марксом, Энгельсом и их продолжателями, в особенности Лениным.

«La Revue Marxiste» будет беспощадно бороться, соблюдая строгую об'ективность, с ретроградным движением ревизионизма...

«La Revue Marxiste» хочет стать органом всех трудящихся, которые пожелают изучить марксизм и ленинизм, равно как интеллигентов, которые желают стать на пролетарскую почву материалистической концепции и решились не усыплять себя более мистицизмом и идеализмом».

Согласно с формулированной задачей, редакция дает в первом номере:

1. Заметки о коммунизме и частной собственности, отрывок из рукописей Карла Маркса, который впервые был опубликован тов. Рязановым в 1927 г.

2. Статью о Спинозе, принадлежащую перу тов. Деборина (в переводе Spinosa Precurseur).

3. Статью тов. Рапопорта о «Марксистском методе», в которой тов. Рапопорт излагает, между прочим, характеристику, данную методу Маркса в «Вестнике Европы» за 1872 г. Кауфманом, которую сам Маркс признал правильной.

4. Перевод с русского новых документов о роли Ленина в Октябрьской революции—к 5-летию со дня смерти Ленина.

5. Затем идет отдел хроники: а) вывоз французского капитала; б) рационализация; в) борьба за материализм (по поводу перевода книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»); г) австро-марксизм и религия (о книге Отто Бауэра «Социализм, религия и церковь»).

6. Затем следует отдел библиографический.

И, наконец, обзор советской печати.

Таким образом, новый журнал представляется очень богатым и разнообразным по своему содержанию.

Пожелаем ему успеха в достижении намеченных целей.

С внешней стороны издание ничуть не хуже других французских толстых журналов.

М. Леонович.

Ответственный редактор **А. М. Деборин.**

Редакционная коллегия: **А. А. Максимов, М. Н. Покровский, Я. Э. Стэн, А. К. Тимирязев.**

Главлит № А—26638. Москва. Тираж 4.800 экз.

Типография газеты „Правда“, Тверская, 48.

„ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА“

ежемесячный философский и общественно-экономический журнал

Журнал выходит под редакцией: А. М. Деборина, А. А. Максимова, М. Н. Покровского, Я. Э. Стэна, А. К. Тимирязева.

Отв. редактор А. М. Деборин.

В журнале принимают участие:

И. Агол, И. Альтер, А. Айхенвальд, Арк. А—н, В. Асмус, В. Астров, З. Атлас, Гр. Баммель, А. Бартенев, Я. Берзтыс, А. Болотников, В. Борзенко, Б. Борилин, В. Боровский, Н. Бухарин, И. Бутаев, В. Ваганян, И. Вайнштейн, П. Виноградская, А. Вишневский, А. Воден, А. Вознесенский, Р. Выдра, Б. Выропаев, Б. Гессен, С. Гоникман, Б. Горев, И. Дашковский, А. Деборин, Гр. Деборин, Ш. Двойлацкий, Г. Димитриев, Ф. Дучинский, Мих. Дынник, В. Егоршин, Б. Завадовский, Г. Зайдель, Я. Захер, Н. Звенигородцев, Л. Зивельчинская, П. Ионов, Ф. Капелюш, Ник. Карев, В. Кирпотин, Б. Ково-Поляцкий, В. Колоколкин, К. Корнилов, А. Кон, Ст. Кривцов, И. Кураев, М. Левин, Н. Ленцнер, Н. Лукин-Антонов, И. Луппол, А. Максимов, Дм. Марецкий, акад. Н. Марр, А. Мендельсон, К. Милонов, В. Милютин, Я. Миронкин, Ф. Михалевский, А. Михайлов, А. Молок, С. Моносов, Л. Надеждин, В. Невский, И. Орлов, Е. Пашуканис, В. Позняков, В. Полянский, Покровский, И. Разумовский, А. Реуэль, Я. Розанов, И. Рубинштейн, Н. Рубинштейн, И. Рубин, Д. Рязанов, И. Сапир, П. Сапожников, Вл. Сарабьянов, Н. Саргин, А. Серебровский, А. Слепков, Вас. Слепков, Л. Спокойный, Ю. Стеклов, А. Столяров, П. Стучка, Я. Стэн, А. Тальгеймер, Ф. Тележников, А. Тимирязев, С. Томсинский, Г. Тымянский, А. Удальцов, И. Фурщик, Ю. Франкфурт, Ц. Фридлянд, В. Фриче, З. Цейтлин, Г. Шмидт и др.

Адрес редакции: Москва, Тверская, 48. Тел. 4-84-21.

Прием по делам редакции от 12 до 2 час.

Не принятые рукописи не возвращаются.